ДАГЕСТАНСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РАН

ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА ИМЕНИ Г. ЦАДАСЫ

И.Х. АБДУЛЛАЕВ

ЛАКСКИЙ ЯЗЫК

В ИСТОРИКО-СРАВНИТЕЛЬНОМ ОСВЕЩЕНИИ

(Морфология)

Махачкала – 2007

Оглавление

	стр.
Предисловие…….	
Введение…….	
Глава I. Имя существительное…….	
Категория грамматических классов……...	
Именные классы……	
Классные показатели……	
Система склонения……..	
Падежи и падежные аффиксы…….	
Склонение имен существительных…….	
А. Основные падежи…….	
Б. Местные падежи……...	
Категория числа……...	
Аффиксы множественности имен существительных.	
Морфологическая структура основ имен существительных. Словообразование имен существительных…	
Глава II. Имя прилагательное……..	
Атрибутивные существительные…….....	
Образование прилагательных……	
Морфологическая структура неоформленных («кратких») прилагательных……..	
К генезису атрибутивных суффиксов…….	
О склонении прилагательных……..	
Субстантивация прилагательных……	
Глава III. Имя числительное……	
Количественное числительное……	
Структура основ корневых числительных…….	

Система счета……	
Неоформленные и оформленные основы количественных числительных…….....	
Кратные числительные…….	
Порядковые числительные……..	
О склонении числительных…….	
Глава IV. Местоимение…….	
Личные местоимения……	
Возвратное местоимение……	
Указательные местоимения…….....	
Вопросительные местоимения…….....	
Обобщительные местоимения…….	
Собирательные местоимения……...	
Обобщающе-выделительные местоимения……	
Неопределенные и отрицательные местоимения……..	
Глава V. Глагол……...	
Структурно-морфологические особенности первообразных глаголов. Инфинитив……...	
Сложные глаголы……..	
Отглагольные имена…….	
Причастие……..	
Деепричастие…….	
Спряжение глагола……...	
Глава VI. Наречие……...	
Качественные наречия……..	
Количественные……	
Наречия места……	
Наречия времени……...	

Наречия причины и цели……. Словообразовательно-морфологическая структура наречий……	
Глава VII. Служебные и «бесформенные» слова…….. Послелоги…….. Союзы……. Частица……... Междометия…….. Мимео-изобразительные слова……	
Заключение……...	
Список использованной литературы……..	
Сокращения и условные обозначения…… **Приложение: Словарь морфем и морфемных элементов…….**	

Предисловие

Современное состояние изученности лакского языка и его отдельных уровней, а также общее состояние развития лингвистического дагестановедения, в особенности сравнительно-исторических исследований по дагестанским языкам и отдельным их группам предопределяет необходимость разработки истории отдельных языков, путей их исторического развития. Разработка вопросов истории одного из дагестанских языков, в частности лакского, который является относительно изолированным и не имеет ближайшее родственных языков, составляющих вместе с ним отдельную подгруппу (а мнение о наличии даргинско-лакской подгруппы дагестанских языков не разделяется многими языковедами), является актуальной не только для все стороннего исследования самого лакского языка и его истории, но и одним из необходимых условий, создающим материальную базу для разработки сравнительно-исторической грамматики дагестанских (и нахско-дагестанских) языков. К тому же, история отдельного, относительно изолированного типа и в диалектном отношении слабо дифференцированного языка представляет интерес и в общелингвистическом и историко-типологическом отношениях.

Разумеется, что тема исследования, в первую очередь, обусловлена необходимостью создания целостной исторической морфологии лакского языка, в которой отдельные морфологические категории и лексико-грамматические разряды получили бы полное и системное освещение в их историческом развитии. В этой связи главной целью предлежащей монографии является исследование структуры и истории морфологической структуры, определение основных путей и закономерностей развития словоизменительных и словообразовательных форм лакского языка, а также обобщение различных изысканий и наблюдений по вопросам исторической морфологии лакского языка. Соответственно с этим в работе освещаются следующие во-

просы: характеристика основных морфологических категорий (класса, числа, падежа, лица) и их формативов и выявление путей их исторического развития; изучение структуры основ различных лексико-грамматических разрядов и принципов строения корневых и аффиксальных (основообразующих и словообразующих) морфем; определение путей формирования и развития отдельных лексико-грамматических разрядов и обслуживающих их морфемных элементов; выявление всего морфемного инвентаря лакского языка и его генезис (морфоэтимологика); определение места лакского языка в системе дагестанских языков. Кроме того, составлен словарь морфем и морфемных элементов включающий в себя более 500 (пятисот) «словарных единиц» с иллюстративным материалом, дефинициями и краткими историко-этимологическими справками.

На основе выявления основных тенденций в развитии лакского языка, их причиной обусловленности, механизма и динамики, в ретроспективном плане дается история грамматических категорий, отструктуры основ, осново- и словообразования, словоизменения отдельных лексико-грамматических разрядов, а также аффиксальных элементов, составляющих морфемный инвентарь языка, т.е.. история грамматических категорий, частей речи и аффиксальных элементов (морфоэтимологика) лакского языка. При исследовании этих вопросов используется описательный, а также исторический и сравнительный методы. Результаты синхронического анализа языкового материала подвергаются диахронической интерпретации, при этом максимально широко используются методы внутренней и внешней реконструкции. Внутренняя реконструкция опирается на данные лакских диалектов, ономастики и старописьменных памятников, а при внешней (сравнительной) реконструкции широко привлекаются материалы родственных языков, в первую очередь даргинского и аварского. Хотя основным в исследовании истории лакского языка выступает историко-сравнительный метод, в работе привлекаются и типологические аналогии (лингвистическая типология), которые

делают вполне вероятными предлагаемые процессы в истории лакского языка.

Для выявляемых в истории лакского языка изменений определяется их последовательность, т.е. релятивная (относительная) хронология.

Исследование базируется на анализе материалов литературного лакского языка, на основе которого лежит кумухский диалект, и данных диалектов, подчеркнутых как из специальной литературы, так и наших полевых записей. Использованы и данные старописьменных лакских памятников XVI-XVIII вв.

В конце приводится список использованной литературы.

Введение

В настоящее время в лингвистическом кавказоведении интерес к историко-сравнительным исследованиям по дагестанским языкам заметно возрос. Появился целый ряд обобщающих работ, в которых исследуются вопросы истории дагестанских языков в целом или их отдельных подгрупп (41; 42; 95; 97; 238; 83; 28; 29). В этом же ряду следует отметить и такие обобщающего характера работы по лексикологии дагестанских языков как «Сравнительная лексика дагестанских языков» (229) и «Сравнительно-сопоставительный словарь дагестанских языков» С.М. Хайдакова (270). Этот возросший интерес объясняется как развитием исследований по дагестанским языкам, так и развитием современной теоретической компаративистики и компаративистических исследований по другим языкам (ср. в этой связи фундаментальное исследование по индоевропейским языкам Т.В. Гамкрелидзе и В.В. Иванова «Индоевропейский язык и индоевропейцы», вышедшее в 1984 г. в Тбилиси)

Историко-сравнительные исследования по дагестанским языкам представляют собою этап, связанный с обобщением проделанной в области их изучения работы и были подготовлены всем предшествующим ходом развития дагестанской лингвистики. При этом нельзя не отметить и такое обстоятельство, как исключительная многочисленность дагестанских языков, показывающих различный характер родственных отношений (ближайшее и отдаленное родство, процессы взаимовлияний и т.д.), что дает огромный материал для приложения методики историко-сравнительных изысканий. В этой связи сравнительно-историческое изучение дагестанских языков остается важнейшей и актуальнейшей проблемой лингвистического дагестановедения и кавказоведения. Эти исследования должны вестись как в плане изучения истории отдельных подгрупп и всей группы дагестанских языков, так и в плане изучения *истории отдельных языков*. Но в отношении исследований

отдельных дагестанских языков в историко-сравнительном плане заметно явное отставание. Правда, мы имеем работы Ш.И. Микаилова по аварскому языку (196; 198), но они носят в первую очередь диалектологический характер и преследуют другие цели и задачи. Имеется также ряд работ М-С. Мусаева (212; 213; 214).

При исследовании истории отдельных дагестанских языков большой интерес вызывают языки относительно изолированного типа, каким является и лакский язык. Отсутствие ближайшее родственных языков, составляющих вместе с ним отдельную подгруппу, и слабая диалектная дифференцированность делают изучение истории этого языка не только интересным, но и трудным.

Говоря об изолированном характере лакского языка нельзя не отметить и особенности первоначальной территории его распространения. В настоящее время лакский язык – один из литературных дагестанских языков, на котором говорит около 120 тыс. человек, в территориальном отношении не представляет той общности, которую он имел до недавнего прошлого, когда почти все лакское население проживало компактной массой в Центральном Дагестане, образуя сплошной «территориальный лакский массив», или историческую Лакию, включающую в себя территорию нынешних Лакского и Кулинского районов и частично соседних Акушинского, Чародинского, Рутульского районов, в которых расположен ряд лакских аулов. Здесь наиболее протяженными являются границы лакского языка с даргинскими (на востоке и севере) и аварским (на западе). Сейчас большая часть лакского населения проживает в городах, а на плоскости (около г. Хасавюрт) на переселенных лакских селах образован Новолакский район.

В специальной литературе отмечалось, что исторически первоначальной территорией распространения лакского языка является та часть бассейна р. Казикумухского Койсу, которая расположена к югу от Цудахарского ущелья. Известный кавказовед Л.И. Лавров отмечал: «первоначальную террито-

рию лакцев можно условно сравнить с блюдцем, имеющим приподнятые края. С одной стороны она облегчала консолидацию обитавших на ней мелких племен в единую лакскую народность, а с другой – долгое время препятствовала сношениям с соседями» (156, 181). Это обстоятельство, а также относительная немногочисленность населения, наличие уже с древнейших времен своего централизованного государственного образования (царство Гумии, Казикумухское шамхальство, Казикумухское ханство), что способствовало и появлению еще с средних веках общего для всего народа единого этнонима (лак), в значительной степени обусловили бедность и слабую дифференцированность лакского языка в диалектном отношении и относительно изолированный характер лакского языка в целом среди родственных дагестанских языков. В лакском языке нет резко отличающихся друг от друга наречий и диалектов, какие наблюдаются в других дагестанских языках (аварский, даргинский, лезгинский…). По отношению к выделяемым в лакском языке диалектам вполне подходящим мог бы быть и термин «говор», так как отличия между ними нередко такие, какие между говорами одного и того же диалекта аварского или даргинского языков. Термином «диалект» в данном случае мы пользуемся в силу сложившейся в лаковедении традиции. Большая близость лакских диалектов меж собою, в свое время отмечал и П.К. Услар, затрудняет и классификацию и установление лакских диалектов и говоров. Обычно в лакском языке выделяют пять диалектов: кумухский (легший в основу литературного языка), вицхинский, вихлинский, балхарский, аштикулинский. С.И. Хайдаков выделяет девять диалектов и большое число говоров. В качестве самостоятельных выделены аракульский и шаднинский диалекты, которые представляют собою говоры (речь) отдельных аулов, развивавшихся долгое время в условиях изоляции и отрыва от основного лакского языкового ареала. Однако после работы П.К. Услара вплоть до 30-х годов нашего столетия специальных исследований по лакскому языку не было, хотя у ряда исследователей встречаются отдельные и интересные наблюдения

над теми или иными явлениями этого языка (Г. Шухардт, Н.Я. Марр, Н.С. Трубецкой). Здесь, правда, следует отметить оформление в виде очерков самые общие сведения о лакском языке, его фонетике, морфологии и лексике, имеющиеся в сводных работах Р. Эркерта (323) и А. Дирра (322). Но эти материалы повторяют в целом сведения, почерпнутые из монографии П.К. Услара.

Всестороннее исследование лакского языка началось в 30-х годах нашего столетия, особенно интенсивным стало оно с конца 40-х – начала 50-х годов. Лакский язык, отдельные вопросы его фонетического, морфологического, лексического строя стали объектом специальных исследований как отечественных, так и зарубежных лингвистов-кавказоведов. К настоящему времени в деле изучения лакского языка достигнут значительный прогресс и накоплен большой и систематизированный материал, что создает необходимость предпосылки и основу для дальнейших, обобщающих изысканий.

В общих чертах строй лакского языка описан в монографических работах П.К. Услара (256), К. Боуды (320), Л.И. Жиркова (128), С.М. Хайдакова (262, 268), Г.Б. Муркелинского (209).

Основные фонетические и морфологические особенности, отдельные грамматические категории, диалекты лакского языка стали объектом специальных исследований, в том числе диссертационных – кандидатских и докторских. Различным вопросам лакского языка посвящены кандидатские диссертации Г.Б. Муркелинского (204), С.М. Хайдакова (259), Б.К. Гигинейшвили (77), И.Х. Абдуллаева (68), А.Ш Акиева (24), Н.С. Джиждалаева (112), Г.Т. Бурчуладзе (44), Ф.А. Гайдаровой (65), Л.С. Гвинджилиа (75), М.И. Каландарова (136), М.М. Шахшаевой (312); докторские диссертации: Г.Б. Муркелинского (206), С.М. Хайдакова (269), Н.С. Джиждалаева (115), Г.Т. Бурчуладзе (47), А.Ш Акиева (27). К настоящему времени библиография по лакскому языку насчитывает около 15 монографических исследований и несколько сот научных и научно-популярных статей. В этих работах нашли

свое отражение основные особенности фонетики, морфологии, лексики и диалектов лакского языка.

Фонетическая система лакского языка в целом описана неплохо. Во-первых, довольно богатая информация имеется в соответствующих разделах в общих работах по лакскому языку, при этом в работах Г.Б. Муркелинского и С.М. Хайдакова много внимания уделено фонетическим процессам и диалектным звукосоответствиям. Исторической фонетике лакского языка посвящены и соответствующие разделы в обобщающих работах по сравнительно-исторической фонетике дагестанских языков Н.С. Трубецкого, Е.А. Бокарева, Б.К. Гигинейшвили. Кроме того, имеется целый ряд специальных работ, посвященных синхронному и диахронному анализу фонетики лакского языка (Ш.Г. Гаприндашвили, Б.К. Гигинейшвили и А.Ш Акиев). Ш.Г. Гаприндашвили установил основные звукосоответствия между лакским и даргинским языками, дал экспериментальное описание системы вокализма лакского языка (69; 72). В работе Б.К. Гигинейшвили консонантизм лакского языка рассмотрен в историческом освещении, восстановлена исходная система согласных и выявлены изменения, происшедшие в ней (78). Работы А.Ш Акиева посвящены сравнительной фонетике лакского и даргинского языков, звукосоответствиям между ними и реконструкции фонетической системы прадаргинско-лакского уровня. Рассматривается история каждой фонемы в этих языках в процессе эволюционных изменений в этой системе (25; 26).

Объектом исследования стали и вопросы морфологии лакского языка: они освещены как в общих монографических работах, так и в специальных исследованиях, посвященных таким грамматическим категориям, как категория класса, числа, падежа, лица.

Категория грамматических классов – важнейшая грамматическая категория, которая пронизывает всю систему языка и которою обусловлены важнейшие структурные особенности грамматического строя, описана в работах

В.Т. Топуриа (241), Г.Б. Муркелинского (205), С.М. Хайдакова (265), И.Х. Абдуллаева (8), Н.С. Джидалаева (112). Для этих работ характерен не только синхронный подход и описание системы классов, но и диахронический анализ ряда сторон этой категории – генезис II класса (В.Т. Топуриа), появление фонетических вариантов классных показателей, окаменение классных показателей и т.п. Исследование данной категории и ее истории является одним из предварительных условий изучения лакского языка в историческом аспекте, так как многие важнейшие стороны парадигматического и синтагматического порядка обусловлены ею и без ее анализа остаются непонятными, в особенности в историческом развитии. Поэтому в нашей монографии (13) вопросы исторической морфологии лакского языка освещены в связи с этой категорией и ее историей.

Система склонения лакского языка стала объектом целого ряда специальных исследований. Ей посвящена основополагающая статья В.Т. Топуриа (240) и кандидатские диссертации Г.Т. Бурчуладзе (44; 56) и Ф.А. Гайдаровой (65). В этих работах установлен состав падежей и прослежены пути образования ряда послеложных образований и некоторых именных форм, тяготеющих к падежным. Объектом особого внимания исследователей стал вопрос об эргативном падеже в лакском языке, в котором, как известно, нет специального эргатива, а его функции выполняет родительный падеж. Вопросов истории эргатива в лакском языке касались А.С. Чикобава (291), И.И. Церцвадзе (280), Г.В. Топуриа (247), Б.К. Гигинейшвили (82).

Категория числа, в первую очередь множественного числа в именных существительных была предметом исследования в работах Г.Б. Муркелинского (203), Ш.Г. Гаприндашвили (68), А.Ш Акиева (24), Л.С. Гвинджилиа (57). В этих работах выявлены многочисленные формативы множественности и процессы, послужившие причиной возникновения их большого числа. Ш.Г. Гаприндашвили доказывает генетическую соотнесенность аффиксов

множественноси в лакском и даргинском языках. Эти же положения были развиты А.Ш Акиевым и Л.С. Гвинджилиа.

Особенности категории лица в лакском языке описаны в исследованиях С.М. Хайдакова (259) и Н.С. Джидалаева (111). Интересные наблюдения и мысли о категории лица и происхождении личных аффиксов встречаются у Г. Шухардта (313), И.С. Трубецкого (250), Ж. Дюмезиля (см.: 128), Л.И. Жиркова (130). Категория лица в лакском языке монографически описана Г.Т. Бурчуладзе (47). В этой работе всесторонне и в историческом аспекте исследована система личного спряжения, ее становление, а также вся система глагольного словоизменения и формообразования.

Диалекты лакского языка также были объектом специальных исследований, а некоторым из них посвящены и монографические работы. Достаточно сказать, что первое монографическое исследование о лакском языке (книга П.К. Услара «Лакский язык») – это подробное описание вицхинского диалекта по данным речи с. Куркли. Особенности кумухского диалекта описаны в различных работах, посвященных современному лакскому письменному языку (монографии Л.И. Жиркова, Г.Б. Муркелинского, С.М. Хайдакова). Кроме того, имеется ряд диалектологических работ Г.Б. Муркелинского (204; 208), С.М. Хайдакова (260; 327), А.А. Магометова (172), И.И. Каландарова (136). Сводная работа о диалектах лакского языка принадлежит С.М. Хайдакову. В этих работах описаны фонетические, морфологические и лексические особенности лакских диалектов, показаны изменения фонетического и морфологического порядка, источники и причины их, что позволяет выявить исходное состояние ряда грамматических явлений и восстановить протолакское состояние некоторых сторон языка.

Лексике лакского языка посвящен целый ряд специальных, в том числе и монографических работ. В первую очередь следует отметить монографию С.М. Хайдакова «Очерки по лексике лакского языка (262), в которой рассмотрен большой круг вопросов, связанных с синхронным и диахронным

изучением лексического состава – выявлением исконной и заимствованной лексики, структурных особенностей лакских слов, словообразованием и т.п. Вопросам словообразования различных частей речи посвящена большая статья Г.Б. Муркелинского (207), в которой описаны основные способы словообразования и наиболее продуктивные деривационные элементы. В исследовании Н.С. Джидалаева (115) освещены различные аспекты контактов лакского языка с тюркскими, выявлены слова тюркского происхождения в лакском языке. Исследование М.М. Шахшаевой (312) посвящено русским лексическим элементам в лакском языке, особенностям их адаптации и функционирования. Анализом охвачена и ономастическая лексика (С.М. Хайдаков, И.Х. Абдуллаев).

Кроме отмеченных выше в самом сжатом виде главнейших исследований, и в первую очередь монографических и диссертационных, по лакскому языку, имеется также большое количество статей и тезисов докладов, в которых освещаются различные вопросы фонетики, морфологии, синтаксиса, диалектов, лексики, ономастики лакского языка. Следует также отметить, что лакский материал широко привлекается и исследуется в ряде обобщающих работ по дагестанским языка (Н.С. Трубецкой, Е.А. Бокарев, С.М. Хайдаков, Б.К. Гигинейшвили и др.).

Сказанное выше об исследованиях по лакскому языку показывает, что к настоящему времени он в грамматическом и лексическом отношениях изучен неплохо. И это дает возможность для дальнейшего углубленного исследования лакского языка и его истории, в частности и исторической морфологии. Обобщение всего того, что сделано в плане изучения лакского языка в историческом плане является назревшей задачей лингвистического лако- и дагестановедения. Это обусловлено и тем обстоятельством, что вопросы истории языка в той или иной степени поднимались во многих работах по лакскому языку. Важным подспорьем для изучения истории лакского языка являются и исследования по родственным языкам, в особенности работы ком-

паративистского характера по отдельным группам дагестанских языков (Т.Е. Гудава по андийским и цезским языкам, Б.Б. Талибова по лезгинским, М.Е. Алексеева по лезгинским и аваро-андийским, а также Ю.Д. Дешериева по нахским языкам). Имеющиеся по лакскому и по другим дагестанским языкам исследования дают возможность выявить эволюционные процессы, происходившие в системе морфологии лакского языка и рассмотреть его грамматический строй в историко-сравнительном плане.

Предлежащая работа нами мыслится как разъяснение структуры современного лакского языка, как исторически сложившейся системы, в которой должны быть выявлены строгие закономерности, обусловленные историческими процессами развития языка, как диахроническая интерпретация, или причинно-следственное описание фактов и явлений языка в их историческом развитии. При этом имеется в виду показать, что строй современного лакского языка представляет собой не просто совокупность определенных закономерностей и исключений, а исторически обусловленная система. И задачей научного познания в данном случае является выявление и описание главнейших тенденций развития языка, эволюционных изменений и их основных закономерностей в морфологической системе языка. На основе выявления основных тенденций в развитии лакского языка в ретроспективном плане дается история грамматических категорий, осново- и словообразования (и структуры основ), словоизменения отдельных лексико-грамматических разрядов, а также аффиксальных элементов, составляющих морфемный инвентарь языка, т.е. история грамматических категорий, частей речи и аффиксальных элементов. При исследовании тех или иных форм (аффиксов) выявляются их генетические связи, собственно лакское происхождение или унаследованность от общедагестанского праязыкового уровня. Отмечая факты морфологического изоморфизма, выясняется возможность их обусловленности не только генетическим родством, но и процессами конвергенции. Работа ставит также целью и выяснение характера генетических свя-

зей лакского языка с другими дагестанскими языками и его место среди дагестанских языков.

В качестве опорного при исследовании нами выбран литературный лакский язык (resp. кумухский диалект). Данные других диалектов привлекаются систематически для освещения истории соответствующих языковых явлений

В работе последовательно проводится принцип синхронно-диахронного подхода к языковым явлениям. Это объясняется тем, что язык в своем синхронном проявлении представляет собою результат процессов исторического развития и, как отмечает Дж. Гринберг, все синхронные структуры появились в результате диахронических процессов и между диахроническими процессами и синхроническими закономерностями должна существовать связь (см.: 179, 93). А.С. Чикобава подчеркивал, что «диахрония присутствует в синхронии» (303, 7). Тезис о неразрывности диахронического исследования с синхроническим в современной лингвистике поддерживается многими авторами. И.И. Мещанинов писал, что «по существу обе грамматики (синхроническая и диахроническая – И.А.) можно было бы назвать историческими» (193, 19). В категорической форме это положение высказано Э. Косериу: «Диахрония не может игнорировать синхронию; … дело в том, что диахрония зависит от синхронии как таковой, а в том, что игнорировать синхронию при диахроническом исследовании – это значит игнорировать язык, непрерывно развивающийся во времени, т.е. оказаться вне исследуемого объекта». Далее: «… описательная лингвистика – это лишь часть (причем первая часть) лингвистики исторической» (152, 341-342).

Синхронический анализ и использование его результатов в историческом изучении языка – один из важнейших компонентов диахронического исследования. Анализ фактов современного состояния языка, в особенности синхронных процессов дает возможность обратиться и к тем процессам (из-

менениям) и общим тенденциям развития, которые имели место в прошлом (см.: 231, 120; 147, 5).

Синхронно-диахронный подход и исследование истории лакского языка, который является относительно малоизученным, позволяет выявить и системный характер синхронной структуры, и те процессы диахронного порядка, в результате которых сложилась эта система. Такой подход, при котором дается сжатая, но достаточно полная синхронная характеристика, был предложен при исследовании нахских языков (102, 371). Однако имеется еще и ряд обстоятельств, которые обусловливают необходимость при исследовании истории лакского языка привлечь и данные синхронического исследования. В грамматическом строе лакского языка, как, впрочем, и других дагестанских языков, много еще неизученного, целый ряд фактов и явлений языка не описан и не отмечен, не нашла отражения в специальной литературе (230, 311). Здесь и сегодня очень актуально звучат сказанные еще 70 лет тому назад слова акад. Н.Я. Марра о том, что в кавказской (и дагестанской) лингвистике надо приложить усилия «для умножения… фактов, которых так много, чрезвычайно много в природе и так мало, чересчур мало в научных работах» (188, 334). В этой связи в ряде разделов с максимальной полнотой охвачен и проанализирован конкретный материал, в частности все выявленные слова с окаменелыми классными показателями, корневые глаголы и краткие прилагательные всех типов, все корневые числительные и местоимения, исторически производные имена существительные с непродуктивными и омертвелыми суффиксами. Сделана также попытка представить с максимальной полнотой и морфемный инвентарь современного лакского языка в виде «Словаря морфем» (в качестве приложения).

Вполне естественно, что в процессе разработки истории лакского языка, как и других языков, будут использованы методы внутренней и внешней реконструкции. Хотя «внутренняя и внешняя реконструкция являются взаимодополнительными методами (231, 13), в нашей работе упор делается на

использование метода внутренней реконструкции (в сочетании с внешней). Это объясняется не только тем, что внутренняя реконструкция обычно используется при освещении эпохи раздельного существования каждого языка, эпохи его обособленного развития после распада праязыка, но и обособленным положением лакского языка среди дагестанских языков, которое в определенной мере ограничивает применение метода внутренней реконструкции. Лакский язык среди дагестанских языков занимает относительно изолированное положение и не имеет ближайшее родственных языков, составляющих с ним вместе отдельную подгруппу (как, скажем, андийскую, цезскую подгруппы), а составляющие, по мнению некоторых исследователей, отдельную подгруппу даргинский и лакский языки не так близки между собою, как входящие в название подгрупп языки, и слабо дифференцирован в диалектном отношении, в отличие от аварского или, в особенности даргинского языка. При изучении истории андийских и цезских языков можно вывести праандийское и працезское состоянии. Но для лакского языка подобная процедура исключается ввиду его обособленного положения (статуса моногрупп) и отсутствия близкородственных «лакских языков», как андийские, цезские и т.п. языки или же «даргинские языки», как иногда называют диалекты даргинского языка из-за больших различий между собою и отдаленности друг от друга (250, 326; 38, 4). Значимость наличия ближайших родственных языков при диахроническом исследовании индуктивным методом отмечал Ф. Соссюр: «Чем многоязычней члены сравнения, тем точнее оказывается эта индукция, которая – при наличии обильных данных – может привести к подлинным реконструкциям» (227, 249). Положение же лакского языка среди дагестанских (и восточно-кавказских) напоминает собою положение армянского и албанского языков среди индоевропейских – эти два языка также занимают обособленное положение и не образуют группы близкородственных языков, выступают в виде моногрупп.

Все это обусловливает необходимость максимально полного использования внутренней реконструкции, наряду с предшествующим ей синхронному описанию для изучения истории лакского языка. При этом широко следует привлечь данные лакских диалектов, хотя ценность этих данных не одинакова для освещения отдельных вопросов истории языка. Наиболее ценный материал диалекты дают для исторической фонетики; в морфологическом же отношении они не проявляют меж собою резких отличий, что в определенной мере суживает их возможности при изучении вопросов исторической морфологии. Однако при этом именно данные диалектов представляют надежный материал для изучения и выявления процессов, имевших место на предшествующих этапах развития лакского языка.

Большую помощь при использовании метода внутренней реконструкции оказывают и данные ономастики – топонимии (в особенности ойконимии – названий населенных пунктов), этнонимии и антропонимии. Грамматические особенности таких названий позволяют глубже исследовать морфемный инвентарь локативных падежей, категории числа (собирательности/множественности) и словообразования. В дагестановедении до сего времени не обратили должного внимания на использование ономастики при освещении вопросов истории дагестанских языков, хотя она дает конкретный и надежный материал для изучения ряда вопросов исторической грамматики.

Вполне естественно, что работа будет строиться на привлечении и сравнении материалов родственных языков с соответствующими фактами лакского языка, т.е. будет использована и внешняя реконструкция. В первую очередь привлекаются данные ближайших родственных даргинского, а также аварского языков, в меньшей мере привлечены данные андийских, цезских, лезгинских, нахских языков. В некоторых случаях привлеченный материал использован для сопоставительных целей, чтобы показать природу какого-нибудь явления в лакском языке и однотипность его с соответствую-

щими в других дагестанских языках, чтобы отметить факты однонаправленности ряда языковых изменений в этих языках.

Необходимость сравнительного изучения и использования внешней реконструкции диктуется тем, что лакский язык не имеет больших письменных традиций и других исторических свидетельств, по которым можно было бы проследить основные этапы и пути его развития, в особенности относящиеся к промежутку между протолакским и прадагестанским состоянием. Многие же явления и факты грамматического строя лакского языка находят свое объяснение лишь на основе анализа (и сравнения) соответствующих фактов и явлений в других дагестанских языках. К примеру, особенности склонения в лакском языке и выделение двух типов склонения - атрибутивного и именного – находит свое объяснение при учете соответствующих фактов аварского и андийских языков.

Хотя основным методом изучения истории языка выступает сравнительно-исторический метод (с внутренней и внешней реконструкцией), он получает большую поддержку от типологических аналогий. Выводы и реконструкции, опирающиеся на внутреннюю и внешнюю реконструкцию, получают свою вероятность и доказательность при данных и типологии языков (314, 102-104; 66, 145-147). Некоторые процессы, выявляемые в истории лакского языка, находят типологические аналогии в различных языках, и это делает вполне вероятным предполагаемое объяснение.

При исследовании истории лакского и других дагестанских языков особого внимания не требует и вопрос о привлечении письменных памятников. Известно, что древние письменные памятники играют большую роль при исследовании истории языков, имеющих многовековые письменные традиции. Такие памятники служат одним из важнейших компонентов историко-сравнительного изучения языков. Совершенно иное положение имеем при изучении истории бесписьменных и младописьменных языков, к которым относятся и лакский и другие дагестанские языки. Письменность у лак-

цев, как и у других дагестанских народов, появилась относительно поздно – старейшие памятники восходят лишь к XVI-XVII вв., а сама она имела ограниченную сферу применения.

Однако при изучении некоторых вопросов истории лакского языка могут быть использованы и различного рода письменные памятники: эпиграфические, арабоязычные письменные источники дагестанского происхождения, письменные памятники XVI-XVII вв. на лакском языке. А.С. Чикобава неоднократно указывал на необходимость выявлять и делать достоянием специалистов документации по младописьменным и бесписьменным иберийско-кавказским языкам, содержащиеся в различных письменных памятниках (304, 225).

Основная масса относящихся к XI-XIX вв. дагестанских эпиграфических памятников является арабоязычной. В них содержится, хотя и очень скудный, материал по исконной ономастике (в основном по антропонимии), а изредка отдельные слова или фразы на местных языках. Более широко такой же материал, в особенности по ономастике (личные имена, ойконимы, названия пашен, сенокосов, пастбищ и др.), а также по лексике, связанной с названиями предметов обихода и т.п. у дагестанцев, содержится в арабоязычных документах Дагестана. Помимо таких материалов, на полях и между строк целого ряда арабоязычных рукописных книг, которыми пользовались в Дагестане, встречаются глоссы – выполненные арабскими буквами записи в виде отдельных слов и выражений на некоторых местных, в том числе и на лакском языке. Глоссы, старейшие из которых относятся к XV в., содержат объяснения, толкования, примечания, комментарии к некоторым арабским словам и выражениям.

Особый же интерес для изучения истории дагестанских языков представляют старописьменные памятники самих дагестанских языков – известные в ограниченном количестве сочинения и документы на ряде местных языков: аварском, даргинском, лакском… Выявленными к настоящему вре-

мени письменными памятниками лакского языка являются: подстрочный перевод (вероятно, XVI в.) на лакский язык известной в мусульманском мире поэмы арабского поэта XIII в. аль-Бусири «Касыда о плаще» (221, 129-131), историческая хроника «Дербент-намэ» (переведена, видимо, в начале XVIII в.) (7; 318), справочник по медицине «Желание хана» (первая половина XVIII в.), ряд писем, в частности письмо Магомеда из Убра, отправленное из Хачмаза в 1734 г. Из этих памятников особый интерес для истории лакского языка представляет обнаруженная в с. Гапшима Акушинского района покойным М.С. Саидовым рукопись упомянутой поэмы «Касыда о плаще» с интерлинеарным переводом всех арабских слов на лакский язык. Видимо, рукопись использовалась в качестве учебной книги при обучении арабскому языку. По мнению дагестанских арабистов М.С. Саидова и М. Нурмагомедова палеографические особенности позволяют отнести рукопись к первой половине XVII в., а учет языковых особенностей лакских слов рукописи, которые сильно отличаются от языковых особенностей письменных памятников XVIII в. позволяет отнести появление перевода к более раннему времени – к середине XVI в.

Хотя возможности использования письменных памятников для изучения истории лакского языка невелики, однако их привлечение, наряду с данными диалектов, родственных языков, ономастики, позволяет ставить и успешно решать некоторые вопросы исторической грамматики лакского языка. Они дают важный и надежный материал при исследовании фонетических изменений, развития звукового строя и хронологии звуковых изменений. К примеру, привлечение даже весьма скудных данных письменных памятников при изучении истории лакского языка позволило определить ряд существенных изменений в его фонетико-грамматическом строе (16, 154):

1) выясняется хронология палатализации передневелярных (**г > ж, к > ч, кк > чч, к1 > ч1, хь > ш, хьхь > ш**) – этот процесс в истории лакского языка завершился к концу XVII в.;

2) выясняется генезис ряда морфем: **-шиву < -хьбу, -шин < -хьин, -щал < -хьхьал**; показатель инессива **–в(у) < -б(у)** восходит к одному из классных показателей, использованному в качестве обобщенного показателя местного падежа;

3) устанавливается тенденция к унификации основ, имен существительных, склоняющихся с аблаутом;

4) устанавливается процесс утери конечных классных показателей в ряде словоформ и тенденция к «нейтрализации» «классных» основ (*цу-в, цу-б, цу-р* «сам», но ср. соврем. *цу* «сам»);

5) выявляются исходные варианты ряда слов (ср. *идавас* «пророк», но ср. соврем. *идавс* и др.);

6) выявляется ряд слов, утерянных в современном языке, среди них и интересные в историко-культурном отношении термины (ср. *турун* «вельможа», восходящее к хазар. *тудун*, ср. и др. – русск. *трунъ*).

Нередко данные старописьменных памятников верифицируют и выводы, полученные в результате применения внутренней и внешней реконструкции. К примеру, в свое время по данным диалектов и родственных языков нами было высказано предположение о существовании в прошлом в исходе основы возвратного местоимения 3 л. цу «сам» классных показателей. Найденная после этого рукопись «Касыда о плаще» подтвердила такую реконструкцию: *цу-б* (III кл.), *цу-р* (II, IV кл.).

Применение метода внутренней реконструкции (с привлечением внешней) позволяет восстановить протолакское и предшествующее ему пралакское (т.е. начальный этап развития лакского языка) состояние. Однако соотнесение последнего с прадагестанским, в силу отсутствия ближайшей родственной подгруппы «лакских языков» и статус типа моногруппы, встречается с большими затруднениями. Здесь приходится соотносить лакский этимон с прадагестанским уровнем, реконструируемым на основе данных межгрупповых соответствий, хотя между указанными уровнями имеется боль-

шой интервал (промежуточное состояние). Предшествующие протолакскому (т.е. исходному для лакских диалектов) уровню этапы реконструируются в основном в виде обратной (ретроспективной) реконструкции. «Всякое изучение истории языка обращено в прошлое, и главная задача историка языка объяснить происхождение языковых явлений post factum» (225, 63 . Ретроспективный путь в диахронических исследованиях это, по словам Ф. Соссюра, «взгляд направленный вспять, против течения времени» (227, 248), позволяющий реконструировать промежуточные звенья в истории того или иного языка. При реконструкции прослеживается процесс развития языка и языковых явлений от современного состояния к предшествующим, «в обратном по отношению к ходу исторического процесса направлении, от современного или какого-нибудь последующего состояния до исходного или же какого-нибудь предыдущего состояния существования и функционирования языкового факта» (102, 157).

Изучая языковые изменения, важно выявить их причинную обусловленность, их механизм и динамику, историю развития. Для истории лакского языка важнейшим является исследование промежуточных звеньев между общедагестанским праязыком и протолакским состоянием. Здесь особое значение приобретает внешняя реконструкция и типология с привлечением фактов как родственных, так и неродственных языков, позволяющие наметить и выявить основные тенденции и закономерности в эволюции морфологической системы лакского языка. В развитии же родственных языков, как известно, наблюдаются типологические общности в инновативных явлениях, которые потенциально были заложены еще в праязыковом состоянии.

Ретроспективная реконструкция обычно изучает процессы дифференциации, однако в истории языков, в особенности дагестанских, число которых на небольшой территории доходит до тридцати, имели место и процессы конвергенции (интеграции). Но такие процессы в дагестанском историко-

сравнительном языкознании не нашли своего освещения, как, впрочем, и при изучении многих языков, относящихся к разным семьям (296, VI).

Лакский язык на протяжении своей истории находится в ближайшем соседстве с другими дагестанскими языками, в первую очередь с даргинским и аварским языками. Естественно, он развивался в условиях языковых контактов с соседними языками. Отмечаемые в лакском и этих языках факты морфологического изоморфизма могут быть обусловлены не только генетическим родством, но и процессами конвергенции. Именно этим и следует объяснить схождения балхарского диалекта лакского языка с даргинским языком в системе отместоименных наречий места (имеется лишь одна серия с афф. **–кку**) и сирхинского диалекта даргинского языка с лакским языком (в отместоименных наречиях места имеются такие же серии, как и в именах). Структура суфф. **–ари** в лакском языке объясняется при учете данных аварского языка в системе глагола и даргинского языка в системе прилагательных. Прямым влиянием соседних языков объясняется наличие в системе лакского словообразования суфф. **–ан** (из дарг. яз.) и **–лав** (из авар. яз.). Такие явления в соседствующих языках и их диалектах нуждаются в ареологическом изучении.

При ареологическом подходе к фактам лакского языка нельзя не обратить внимание на географический фактор. Относительно изолированный характер языка, черты, сближающие его, с одной стороны, с аваро-андийскими, а с другой – с даргинским и лезгинскими, географическое расположение в Центральном Дагестане, позволяет определить место лакского языка среди дагестанских как центрально-промежуточное между северо-западными (аварскими, андийскими, цезскими) и юго-восточными (даргинским и лезгинскими) языками. Перефразируя слова Э. Прокоша, можно сказать, что языковые отношения между лакским и другими дагестанскими языками «являются естественным следствием их географического расположения и распространения» (217, 9). Лакский язык, занимая центрально-промежуточное

положение, представляет собою как бы «лингвистический мост» между аваро-андийскими и даргинским и лезгинскими языками, выявляя при этом в своей структуре черты, присущие и тем, и другим. Т.Е. Гудава отмечал, что андийские языки «довольно плавно переходят один в другой» (95, 2). Видимо, в более общем виде это положение может быть распространено и на дагестанские языки в целом: черты одних языков переходят в черты других. В этой связи отметим высказанное и ранее рядом исследователей мнение о «центральнодагестанской подгруппе» языков, а также мнения о месте лакского языка среди дагестанских. К. Боуда писал, что в группе восточнокавказских языков выделяется особая подгруппа, состоящая из лакского языка и диалектов даргинского языка (см.: 73, 9). Г.А. Климов и Б.Б. Талибов, выделяя такую подгруппу, отмечали в арчинском языке «черты переходящего типа между лезгинским строем и строем более северных языков» (150, 35).

О возможности выделения такой подгруппы, включающей и арчинский язык, писал и Б.К. Гигинейшвили (79, 4). Обращает на себя внимание и мнение О.И. Кахадзе, который определяет положение арчинского как промежуточное между лезгинскими и лакско-даргинскими или между лакско-даргинско-лезгинскими и аваро-андо-цезскими (138, 527).

О месте лакского языка среди дагестановедов, как выше отмечалось, нет единого мнения. Ряд исследователей – Н.С. Трубецкой (249, 234), Е.А. Бокарев (38, 4) и др. – считают его отдельной группой (моногруппой), другие выделяют даргинско-лакскую подгруппу: А.С. Чикобава (294, 222), Ш.Г. Гаприндашвили (69), А.Ш. Акиев (27, 7). Отмечая близость лакского к даргинскому языку, приходится отмечать и те черты, которые сближают его с аваро-андийскими (ср. развитая система превербов в даргинском и полное их отсутствие в лакском и аварском языках). В связи с этим заслуживает высказанное недавно И.М. Дьяконовым и С.А. Старостиным мнение о месте лакского языка среди дагестанских. По их мнению, лакский язык либо пред-

ставляет собою отдельную группу, либо же подгруппу в одной группе, состоящей из аваро-андийской, цезской и лакской подгрупп (121, 165). Схождения же между лакским и даргинским языками они объясняют их близким географическим соседством (т.е. процессами конвергенции). В этом предположении знаменательным следует считать то, что и они не отрицают черты «промежуточного» характера лакского языка между аваро-андийскими и даргинским, а еще шире лезгинско-даргинскими, которые выделены в отдельную группу.

Для определения места лакского языка среди дагестанских и изучения его глубинной истории следует выявить эксклюзивные изоглоссы с другими дагестанскими языками, необходима генетическая интерпретация языковых фактов и выяснение их ареальной дистрибуции в группе родственных языков. Определяя сепаратные изоглоссы лакского языка с другими дагестанскими, нельзя не отметить их количественное преобладание в даргинском языке. И этот момент, видимо, связан и с тем, что языковая граница является наиболее протяженной именно с даргинским языком. В фонетике таких изоглосс более всего в цудахарском и кубачинском диалектах (широкое распространение геминат и палатализации передневелярных). В морфологическом строе также можно отметить целый ряд общих в материальном и функциональном отношениях сепаратных изоглосс, характерных лишь для этих языков, ср.:

1) лак. **=б-ай – дарг. =б-ях1** (афф. «классного» направит. п.);

2) лак. **=б-ай – дарг. =б-ях1** (афф. мн.ч. в местоимениях: *ца-в-ай – па-б-ях1* «одни»: «некоторые»);

3) лак. ***=amy // > =a*** – дарг**. =ад** (афф. исходн. п.);

4) лак. **=хъул** – дарг. **=хъали** (афф. репрезентативн. мн. ч. от личн. им.);

5) лак. **=ā̆лу** – дарг. **=ла** (афф. имен места, образуемых от форм локат. п.);

6) лак. **=ā́лу** – дарг. **=ал** (афф. выделит.-ограничит. форм от личных и возвратных местоимений);

7) лак. **=л=** - дарг. **=л=** (афф. несов. в. глагола);

8) лак. **=ā́ри** – дарг. **=ар** (афф. прилагат. с качеств знач., образуемых от форм мн.ч. им. сущ.) и др.

Схождения наблюдаются в морфемных элементах, обслуживающих (классно-) = личное спряжение, характерное для этих и табасаранского языков. Качественные наречия в обоих языках, в отличие от ряда дагестанских, в частности аварского оформлены специальными морфемами, являющимися по происхождению деепричастными аффиксами (лак**. =ну**, дарг. **=ли**).

С аварским и андо-цезскими лакский язык сближает такие черты как отсутствие превербов, отражение при склонении атрибутивных имен деления по грамматическим классам (то отличают их от даргинского) и др.

В целом же можно отметить, что морфологический строй лакского языка занимает промежуточное положение между аваро-андо-цезскими и даргинским и лезгинским языками. Наибольшую близость он проявляет, в особенности в системе глагола, в части морфемного инвентаря к даргинскому языку. С другой стороны, в системе склонения (в историческом плане) он близок к аварскому и андийским языкам. В хронологическом отношении черты, сближающие лакский язык с аваро-андийскими, являются более древними и архаичными, а черты, сближающие с даргинским (система глагола, классно-личное спряжение, частично морфемный инвентарь) относительно новыми, возникшими в процессе изменений в исходной системе, исторически общей для всех или большинства дагестанских языков.

Большое внимание в работе уделяется словообразовательной и словоизменительной морфемике, в особенности морфоэтимологике – генезису аффиксальных (морфемных) элементов.

Обращает на себя внимание немногочисленность выявляемых морфологических элементов, проявляющих генетическую соотнесенность с соот-

ветствующими элементами в других дагестанских языках и возводимых к единым архетипам на прадагестанском уровне. К таким аффиксам относятся лишь классные показатели, ряд падежных аффиксов, показателей вида и некоторые другие. Это свидетельствует о том, что многие морфемные элементы возникли в эпоху самостоятельного развития лакского и других дагестанских языков, являются относительно инновативными.

Общее представление о морфемике лакского языка дает приложенный к работе «Словарь морфем», в котором приведено в виде «словарных статей» более 500 аффиксальных элементов с их краткой функциональной характеристикой и указанием историко-генетических связей. Этот материал необходим не только для изучения лакской морфемики и морфоэтимологии, но и для сравнительно-сопоставительных исследований по морфемике дагестанских языков в целом.

В историко-сравнительных исследованиях важное место отводится выяснению хронологии языковых изменений. В этом отношении лучшими возможностями располагают языки с мгновенной письменной традицией. В исследованиях по истории младописьменных и бесписьменных языков обычно удается установить релятивную хронологию (304, 324) тех или иных изменений и явлений. В самом общем виде при этом выявляется два уровня: «настоящее – прошлое» (29, 12). Однако к «прошлому» относится целый ряд изменений, приведших к современному состоянию. При этом удается выяснить последовательность изменений, что одни изменения произошли раньше других, т.е. относительную хронологию, хотя невозможно указать на конкретное время, когда они произошли.

Необходимо отметить, что установление хронологии и последовательности эволюционных процессов в развитии дагестанских языков – один из мало изученных (почти не изученных) аспектов дагестанской компаративистики и, стало быть, одна из ее актуальных задач.

Предметом анализа в нашей работе являются наиболее общие грамматические категории – части речи (лексико-грамматические разряды) и морфологические категории лакского языка в историко-сравнительном освещении.

По семантико-грамматическим признакам в лакском языке могут быть выделены следующие части речи: имя существительное, имя прилагательное, числительные, местоимения, глагол, наречие, служебные слова (послелоги, союзы, частицы), междометия и мимео-изобразительные слова. Все лексико-грамматические разряды по морфологическим принципам могут быть объединены в три группы: имя, глагол и служебные слова.

Для морфологической системы лакского языка характерно богатство именных и глагольных форм. Все эти формы и образуют основные морфологические категории лакского языка. По своему морфологическому типу лакский язык агглютинативный, хотя изредка наблюдаются и явления флективного типа (ср. аблаут при склонении имен существительных).

Основными морфологическими категориями лакского языка являются: категория грамматического класса (для имен и глаголов), падежа (для имен), числа (для имен и глаголов), времени, наклонения и лица (для глаголов). Данные категории выражаются при помощи специальных аффиксов - префиксов, суффиксов и аффиксов. Категория класса выражается при помощи префиксов и инфиксов, а другие категории – при помощи суффиксов. Аффиксы, выражающие категорию класса, одновременно выражают и категорию числа.

Анализируемый материал в предлежащем исследовании подан в соответствии с традиционным расположением его по лексико-грамматическим разрядам (частям речи). Общая же характеристика основных морфологических категорий дается (для удобства расположения и компактности) в разделах, посвященных частям речи: о классах, склонении и числе – в разделе «Имя существительное», о лице – в разделе «Глагол».

Г л а в а I

ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ

I. Категория грамматических классов

Важнейшей грамматической категорией лакского языка, как и других дагестанских (за исключением лезгинского, агульского и удинского) и нахских языков является категория грамматических классов. Она представляет собою универсальную грамматическую категорию («суперкатегорию»), которая находит широкое отображение в различных частях речи.

Однако в отдельных частях речи названная категория проявляется поразному и этот неодинаковый характер ее отражения в различных лексико-грамматических разрядах и морфологических категориях позволяет выделить семасиологические, морфологические и синтаксические особенности, характерные для этой категории.

В именах существительных категория классов выступает в виде именных классов (в основе такого деления исторически лежит бинарная оппозиция личность – не-личность), т.е. как семасиологическая (лексико-грамматическая) категория, объединяющая определенную группу существительных, различающихся по определенному показателю («согласователю»), выступающим в согласуемых с ним словах.

В самих именах существительных классная принадлежность выражена не эксплицитно, а имплицитно (139, 23). Они противопоставляются другим частям речи (т.н. «классным» прилагательным, глаголом, числительным, наречиям) отсутствием изменяемых классных показателей.

Если в именах существительных категория класса выступает как лексико-грамматическая категория, то в остальных, соотнесенных с именами существительными частях речи, она выступает как грамматическая (морфологическая) категория, проявляющаяся в различных формах согласования, зависящих от класса существительных, с которыми эти части речи согласу-

ются. Согласуемые с именами существительными части речи по классам не распределяются; они имеют формы всех классов, т.е. каждое слово изменяется по грамматическим классам и категории классов в них выступает как словоизменительная категория, которая выражена эксплицитно.

Категория класса – важнейшая грамматическая категория и других иберийско-кавказских языков, исторически и тех их них, в которых она в настоящее время не различается. В прошлом лезгинский, агульский, удинский и адыгские языки имели категорию класса, как она имеется в настоящее время в других дагестанских, нахских и абхазском языках (см.: 311, 219-226; 219; 108; 341-367; 61; 217-225; 235, 168-177; 168; 161-191; 192; 282-297). Во всех иберийско-кавказских языках вопрос «кто?» относится к людям, вопрос «что?» - ко всем остальным. В основе таких семасиологических особенностей лежит принцип противопоставления: личность – не=личность (вещь). Такая бинарная оппозиция основывается на «принципе оценки» (Anfwertung): «людям» противопоставлено все как «предметы, вещи» (326, 128).

В горских иберийско-кавказских языках, в том числе и в лакском категории «личности» и «вещи» подверглись дифференциации: категория личности – на категории «мужчины» и «женщины»; категории «вещи» - на категории живых и неживых существ.

Хотя в иберийско-кавказских языках количество грамматических классов различно, что связано с тем, что в ряде языков они сохраняют более древнее состояние, а в других подверглись изменениям (увеличение и уменьшение их количества), но выделение именных групп производится по определенным и общим семантическим принципам:

I класс – названия лиц мужского пола;

II класс – названия лиц женского пола;

III класс – все остальные названия (в языках с трехклассной системой);

IV класс – названия абстрактных понятий, предметов и вещей, не вошедшие в III класс.

Деление по этим четырем классам основывается на семантических и морфологических особенностях, учитывая при этом соотнесенность (совокупность) классных показателей единственного и множественного чисел.

Именные классы

С учетом семантических и морфологических особенностей все имена существительные в лакском языке распределены по четырем группам – именным классам. Это мнение разделяется большинством исследователей лакского языка (П.К. Услар, В.Т. Топуриа, Г.Б. Муркелинский, С.М. Хайдаков и др.), хотя высказаны и мнения, впрочем не нашедшие поддержки у других исследователей, о том, что в лакском языке пять классов (126, 21) или же три класса (112, 4-5).

Из указанных четырех именных классов первые два включают в себя имена личности (категории личности):

1) «класс мужчин» (I кл., показатель **в**);

2) «класс женщин» (II кл., показатель **д/р**).

Остальные два класса охватывают имена вещей, неличности:

3) «класс живых неразумных существ» (с несколькими исключениями) и части предметов и вещей» (III кл., показатель **б**);

4) «класс отвлеченных имен существительных и части предметов и вещей» (IV кл., показатель **д/р**).

Во множественном числе имена I, II, III классов принимают показатель **б**, имена IV класса – **д/р**.

Названия, которые обозначают представителей обоих полов (*ятин* «сирота», *х1акин* «врач», *хъинирву* «троюродный брат» и «троюродная сестра» и др.) распределяются по именным классам в каждом случае соответст-

венно их конкретному значению с точки зрения пола, а в обобщенном значении (в т.н. «словарной форме») относятся к I кл.

Распределение имен между III и IV классами представляет сложную картину. Исходя только из семантики слов при современном состоянии развития языка, трудно выявить принципы, лежащие в основе распределения имен по этим класам, так как во многих случаях однородные понятия отнесены к разным классам, например, часть названий частей тела, одежды, инструментов и обиходной утвари относится к III, а часть – к IV кл. и т.п. Можно, однако, отметить, что в одном случае семасиологический принцип отнесения имен к III классу выявляется очень рельефно – это отнесение почти всех (за исключением нескольких) названий одушевленных неразумных существ к III кл. К этому же классу оказались отнесенными в большинстве лакских диалектов и несколько названий лиц женского пола: *душ* «дочь; девочка, девушка»; *ссу* «сестра»; *ссурахъу лосу* «двоюродная сестра». Название *оьрч1* «дитя, детеныш, ребенок» также отнесено к III кл., но в значении «мальчик» это же слово относится к I кл. В некоторых говорах *оьрч1* «детеныш» относится к IV кл., т.е. понятие «детеныш, дитя» в лакском языке относится к одному из классов вещей. Ср. такое же явление и в аварском языке, в котором *лъимер* «дитя» относится к III кл. («классу вещей»), а также отнесение русс. дитя, немец. kind «дитя» - к среднему роду (306, 84).

Отнесение названия *оьрч1* «дитя, детеныш, ребенок» к III кл. явление, несомненно, древнее и архаичное, а отнесение слов *душ* «дочь; девочка, девушка» и *ссу* «сестра» (видимо, по аналогии с *душ*) вторичное. Первоначально *душ* относилось ко II кл. («женскому роду»), как это относится и сейчас в балхар. диалекте. О былой отнесенности этого слова ко II кл. свидетельствует и начальный **д-** в основе, признаваемый окаменелым классным показателем.

При отнесении имен и IV кл. в одном случае также выдержан единый принцип – это отнесение названий отвлеченных понятий (всех имен с суф.

-шиву) и почти всех производных имен (не-лиц) и данной группе. Однако сюда же отнесены и ряд отвлеченных имен и часть названий предметов, вещей и т.п., не вошедшая в III кл.

В остальных случаях распределение имен по III и IV кл. (и по отдельным семантическим группам в этих классах) можно показать в виде следующих тематических групп (256, 10-12; 205, 149-150):

1. Названия частей тела человека и животных. К III кл. отнесены: *бак1* «голова», *ччан* «нога», *маз* «язык», *май* «нос», *йа* «глаз», *ч1ири* «борода», *к1исса* «палец», *бурчу* «шкура» и др.; к IV кл. отнесены: *дак1* «сердце», *вич1и* «ухо», *ква* «рука», *ссурссу* «шея», *лякьа* «живот», *ник* «колено», *ч1ав* «щека» и др.

2. Названия одежды, инструментов и бытовой утвари. К III кл. отнесены: *варси* «бурка», *гьухъа* «рубашка», *кьяпа* «шапка», *рах1у* «шуба», *дарваг* «мешок», *к1унк1ур* «кастрюля», *ц1уши* «веник», *мух1* «сера» и др. К IV кл. отнесены: *чухъа* «черкеска», *ккуртту* «бешмет», *х1ажан* «брюки», *ч1ила* «нож», *к1или* «седло», *рик1* «топор», *кьют1илу* «молоток» и др.

3. Названия растений и плодов. К III кл. относятся: *мурхь* «дерево», *ч1ап1и* «лист», *меч1* «крапива», *чимус* «лук», *лач1а* «пшеница», *гъивч* «яблоко», *ахъвазан* «абрикос» и др. К IV кл.: *т1ут1* «цветок», *уртту* «трава», *къур* «морковь», *хъюрт* «груша», *гьивхь* «орех», *хъюру* «горох» и др.

4. Названия, связанные с пищей и пищевыми продуктами: III кл. – *ччат* «хлеб», *ини* «толокно», *ххунк1* «хинкал», *бурки* «пирог», *ц1у* «соль», *чутту* «пирог», *гьавккури* «галушки», *качар* «сахар» и др.; IV кл. – *нагь* «масло», *нис* «сыр», *ниц1* «мед», *иник1ма* «мука», *гурга* «круглый хлеб», *лагаву* «сливочное масло» и др.

5. Имена, выражающие названия естественно видимых явлений и объектов природы: III кл. – *баргъ* «солнце», *барз* «луна», *зунтту* «гора», *вац1а* «лес», *мурлу* «пропасть», *мик1* «лед», *ххуллу* «дорога», *бак1у* «холм», *марххa-*

ла «снег» и др.; IV кл. – *ссав* «небо», *лухччи* «земля», *ар* «долина», *дуниял* «вселенная», *рат1* «ущелье», *щар* «селение», *гьав* «могила» и др.

К IV кл. в большинстве своем отнесены названия металлов, жидкостей и временных понятий: *арцу* «серебро», *мах* «железо», *ссят* «час», *шин* «год», *гье*(*ит*) «лето», *щин* «года», *гъарал* «дождь», *нак1* «молоко», *х1ая* «спиртной напиток», *гьукъ* «пот» и др.

В некоторых случаях отнесение одного и того же слова к разным классам использовано для передачи различных значений: *чани* «свет» (III кл.) – *чани* «рассвет» (IV кл.), *ч1ап1и* «лист дерева» (III кл.) - *ч1ап1и* «листок» (IV кл.), *т1ут1и* «виноград» (III кл.) – *т1ут1и* «цветок» (IV кл.), *барт* «верх мешка, посуды» (III кл.) – *барт* «сметана» (IV кл.), *ччан* «нога человека» (III кл.) – *ччан* «нога животного» (IV к л.), *бак1* «голова (ум, рассудок)» (III кл.) – *бак1* «голова (часть тела)» (IV кл.), *оьрч1* «дитя» (III кл.) – *оьрч1* «мальчик» (I кл.), *зā* «что-то, вещь (в абстрактном смысле)» (III кл.) – *за* «вещь, предмет, еда» (IV кл.).

Нельзя не обратить внимания и на то, что в названиях однородных понятий, входящих в одну и ту же семантическую группу (семантическое поле), при их распределении по III и IV кл. проведен принцип противопоставления (265, 51), т.е. антонимичные названия противопоставлены и по отнесению их к тому или иному именному классу, ср.: *гьухъа* «рубаха» - *х1ажак* «брюки» (IV гл.), *кьяпа* «шапка» (III кл.) – *лачак* «головной платок» (IV кл.), *марххала* «снег» (III кл.) – *гъарал* «дождь» (IV кл.), *ттупанг* «ружье» (III кл.) – *ххаржан* «кинжал» (IV кл.), *мик1* «лед» (III кл.) – *щин* «вода», *гьивч* «яблоко» (III кл.) – *хъюрт* «груша» (IV кл.), *сунн* «солнечный склон» (III гл.) – *гьан* «теневой склон» (IV кл.) и др.

Обращает на себя внимание и тот факт, что в языках с четырехклассными системами названия предметов и вещей часто оказываются распределенными одинаково. Ср. имена III и IV Кл. лакского языка с соответствующими именами арчинского и андийского языков.

Имена в лакском и арчинском языках относятся к III кл.: *гьава* «воздух», *авлахъ – авлахъ* «степь», *азвар – азбар* «двор», *алжан – алщун* «рай», *янсав – ансав* «порох», *багьа – багьа* «цена», *бак1у – баьк1и* «холм», *ххуллу – декь* «дорога», *йа – лур* «глаз», *пиц1 – пиц1* «смола», *чунт1лу – щет1ира* «бородавка», *кьуму – кььомо* «жолоб».

Имена в обоих языках отнесены к IV кл.: *дик1 – акьь* «мясо», *гьухъ – амк1* «пот», *гьивхь – аьрхъут* «орех», *аьрава – аьраби* «арба», *кват1и* «перчатка», *янна – к1об* «одежда», *мух1лу – къоьт1ол* «пояс», *рук1 – окьь* «ярмо», *ц1у – оц1* «огонь», *ккарччи – сот* «зуб», *хъус – хос* «имущество», *ч1ун – ч1ем* «время».

Такое же распределение имен по классам вещей показывают и данные андийского языка (279, 98).

Такие схождения в различных языках свидетельствуют о том, что в данном случае имеются какие-то общие закономерности, которые проявляются при делении имен по классам вещей и которые пока еще не поддаются точному определению.

По диалектам лакского языка при распределении имен по классам существенных различий не наблюдается, а сами эти отличия отмечены в литературе (Г.Б. Муркелинский, С.М. Хайдаков, А.А. Магометов).

Именные классы с учетом их показателей в обоих числах в лакском языке по данным диалектов могут быть показаны в виде следующей таблицы:

Имен. кл.	Число	Кумух., вицх., аштикул., вихл. диал.	Аракул. диал.	Балхар. диал.
I	ед. мн.	ø, в б, в	ø, в д, р	ø, б б,б
II	ед. мн.	д, р б, в	б, в б, в	д, р д, р

III	ед. мн.	б, в б, в	б, в б, в	б, б б, б
IV	ед. мн.	д, р д, р	д, р д, р	д, р д, р

Четырехклассная система, характерная для современного состояния лакского языка, возникла в результате целого ряда изменений в исходной системе. В литературе уже отмечалось, что система, состоящая из четырех классов, получена из трехклассовой, восходящей, в свою очередь, к двухклассной. Изначально в иберийско-кавказских языках, как предполагается, имелась двухклассная система: I класс – «категория личности»; II класс – «категория вещи (не-личности)», однако в процессе развития и изменений количество классов увеличилось от двух до четырех (32, 9).

Изменения в количестве классов происходили, вероятно, в такой последовательности: А) две категории (I – человека, II – вещи); Б) три категории (I человек – две группы вещей: III и IV кл.); В) четыре категории: человек – две группы (I – мужчина, II – женщина); вещи – две группы (III и IV кл.); Г) три категории (человек – две категории, предметы – одна группа) (328, 131).

Лакскому языку также изначально была, по-видимому, присуща двухклассная система (I личности, II вещи; *цу* «кто?» относится к человеку, *ца* «что?» - ко всем остальным, ср. и косв. осн.: *щи-л – сса-л*).

При двухклассной системе произошла дифференциация в классе вещей – выделился III кл. – класс неразумных живых существ, насебкомых, птиц. Однако *ххилцу* «паук», *барзукка, някlу* «стрекоза», *кьюрщала* «ящерица», *чlелму* (в арак. диал.) «птица», а в ряде диалектов и *оьрчl* «дитя, детеныш» относится к IV кл. (204, 99). Эти имена показывают архаичное состояние отнесения названий живых неразумных существ к исконному классу вещей (IV кл.).

Дифференциация происходит и в классе человека, в котором выделяется класс лиц женского пола (241, 181). В качестве показателя женского (второго) класса в лакском языке, как и в ряде иберийско-кавказских языках, использован показатель класса вещей **д/р.**

Исходная для лакского языка система классов выглядит в следующем виде:

I класс человека
- класс мужчин (**в-б**) I кл.
- класс женщин (**д-б**) II кл.

II класс вещи
- класс живых неразумных существ (**б-б**) III кл.
- класс названий предметов и абстрактных понятий (**д-д**) IV кл.

Классные показатели

В качестве классных показателей в лакском языке выступают:

в, й, ø (нуль) – для I кл. ед.ч.;

д, р, н, л, рд – для II кл. ед.ч.;

б, в, м, пп (< бб) - для III кл. ед.ч.;

д, р, н, л, рд – для IV кл. ед.ч.;

б, в, м, пп – для мн.ч. II, III кл.;

д, р, н, л, рд – для мн.ч. IV кл.

Приведенные выше классные показатели выступают в анлауте или инлауте. В анлауте выступают: ø (нуль) – для I кл.; **д(р)** – для II и IV кл. В инлауте выступают: **в, м** – для I и III кл.; **й** – для I кл.; **пп (< бб)** – для III кл.; **р, н, л, рд** – для II, IV кл.

Иногда классные показатели **б** и **д** также могут встретиться в инлауте. Это бывает, обычно, когда классному глаголу предшествуют отрицания **къа**

и **ма:** *къа-б-анна, къа-д-анна* «не сделаю»; *ма-б-ара, ма-д-ара* «не делай!». Такие же инфиксальные классные показатели имеются и в сложных (уже сросшихся) словах, в которых второй компонент восходит к классной основе: *щя-б-ик1ан, щя-д-ик1ан* «сесть», *кьа-б-итан, кьа-д-итан* «оставить».

Нулевая форма для I кл. выявляется лишь при наличии форм других классов (ср. *уххан* «войти» не имеет классного показателя, но ср.: *б-уххан, д-уххан*). Основа исторически имела форму с начальным **в-:** **в-уххан (> уххан)*.

Появление нулевой формы – это результат изменения **в > ø**. В словах же типа *т1ит1ин* о нулевой форме нельзя говорить, здесь вообще нет маркированных форм.

Что же касается классных показателей, выступающих в конце слова (в ауслауте), то они встречаются лишь в балкарском диалекте. Однако исторически такие показатели были присущи и другим диалектам лакского языка (С.М. Хайдаков, И.Х. Абдуллаев).

Ауслаутные классные показатели в силу тенденции упрощения системы классов, нейтрализации (или окаменения) классных показателей в лакском языке оказались утерянными. Кстати, аналогичный процесс прослеживается и в современном аварском языке – в разговорной речи ауслаутные классные показатели в северном диалекте не произносятся и эти формы являются уже «неклассными» (М.С. Саидов). Процесс утери остался не завершенным до конца в балхарском диалекте – там около 45 слов образуют инессив с помощью классных показателей, а в остальных же случаях выступает обобщенный локативный формант **–б(у) < -б**.

В специальной литературе отмечено, что классный показатель носит слоговой характер: согласный (основной показатель) + гласный (второстепенный показатель) (116, 6; 34, 32; 35, 53-55; 87, 163-168; 112; 11). Следует отметить, что в лакском языке о слоговом характере можно говорить, как правило, только по отношению к показателям, выступающим в начале слова, ср.: *ба-ц1ан* «стоять», но *ц1а-в-ц1ин* «расцарапать».

Все классные показатели в лакском языке могут быть разделены на первичные и вторичные (241, 181; 205, 151). К первичным относятся **в, б, д/р**; ко вторичным, полученным в результате фонетических изменений в первичных – **м, пп (< б + б); н, л, рд, в (< б), й, ø** (нулевой аффикс).

Ниже приводятся характерные для лакского языка фонетические процессы в классных показателях и возникшие при этом варианты классных показателей:

в > ø: *уч1ан* < *в-уч1ан* «придти», ср.: *д-уч1ан;*

б > в: *у-в-к1унни* < *у-б-к1унни* «пришел»;

в > й: *к1и-й-а* < *к1и-в-а* (I кл.) «два», ср. вицх.: *к1и-в-а;*

в > ø: *ац1-а* < *ац1-в-а* (I кл.) «десять», ср. балх. *ац1-в-а;*

б > в: *ххю-в-а* < *ххю-б-а* (III кл.) «пять», ср. вицх. *ххю-б-а;*

б > м: *щан-м-а* < *шан-б-а* (III кл.) «три», ср. вицх.: *шан-б-а;*

д > я: *шан-н-а* < *шан-д-а* (IV кл.) «три», ср. вицх.: *шан-д-а;*

д > л: *арул-л-а* < *арул-д-а* (IV кл.) «семь», ср. вицх. *арул-д-а;*

д > р: *ц1у-р-ихьу* < *ц1у-д-ихьу* «кухня» (*ц1у* «огонь» + *дишин* < *дихьин* “положить», *ц1у дишин* «развести огонь»);

р > д: *циня-р-да* < *циняр-ра* «все»;

б + (б) + пп: *цу-ппа* < *цу-б-ба* (III кл.) «сама»;

б > в > ø: *ттул-а* < *// ттул-в-а* < *ттул-б-а* (III кл.) «мой»;

д > л > ø: *ттул-а* < *ттул-л-а* (IV кл.) «мои».

Из указанных выше процессов некоторые носят общелакский характер, а многие являются локальными. Последние являются действующими и в первую очередь характерны для кумухского диалекта.

Общелакским является процесс **в > ø** в анлауте (для имен I кл.). Этот процесс произошел давно, в письменных памятниках («Дербент-намэ») встретился лишь один пример с начальным классным показателем **в-**: (*нигьа*) *в-усан* «испугаться», ср. в соврем. (*нигьа*) *усан*.

Общелакским являются процессы **д > р, д > н, д > л, б > в** (последний за исключением балхар. диалекта). В этих процессах исходные классные показатели перешли в другие, а затем окаменели. Переход интервокального **–б-** в **–в-** наиболее характерен для кумух. диалекта, а инлаутного **в** в **й** – для унчукатл. говора.

Из действующих процессов в классных показателях изменения **д > л, д > н, б > в, б > м, б > в > ø, д > л > ø, д > р –** характерны для кумух. диалекта. Возможно, в процессах **б > в > ø** и **д > л > ø** имеет место и обобщение одной из форм.

Общая тенденция изменений в классных показателях, их окаменение или исчезновение вообще, свидетельствуют о переходе «классных» форм в неклассные, о нейтрализации форм, различавшихся по грамматическим классам. В основе общей тенденции изменения классных показателей и последующей их нейтрализации лежат фонетические процессы и стремление к унификации форм и основ.

Система склонения

Для лакского языка, как и для остальных дагестанских языков, характерна сложная, многопадежная система (240; 56; 65). С помощью различных словоизменительных аффиксов лакские имена образуют около 50 производных форм, которые в литературе квалифицируются как падежные.

Выделяются две группы падежей: основные и местные (послесловные). Такое деление было предложено еще П.К. Усларом (256, 49), который в первую группу включал 12 падежей, а остальные относил к местным, образованным с помощью «прилогов» (т.е. послелогов). Такое же деление сохранено и у А. Дирра, но к основным он отнес лишь 9 падежных форм (322, 239).

В системе падежей лакского языка В.Т. Топуриа также выделяет две группы: основные, выражающие «абстрактные отношения»; местные (по происхождению послеложные), выражающие «пространственные отношения». В группу основных падежей входят три падежа: именительный, роди-

тельный, дательный, а все остальные падебжи признаются послеложными образованиями (240, 331). А.С. Чикобава также указывает на необходимость разграничения основных и послеложных падежей. Послеложные образования, по началу являвшиеся словосочетаниями, впоследствии срослись в органические единицы, близкие к падежным единицам (301, 260). Существующая система местных падежей возникла на основе аналитических форм (имя существительное + послелог-наречие) и превращения их в синтетические (269, 18).

Помимо основных и локативных, иногда выделяют и промежуточные, к которым отнесены шесть форм, тяготеющих к локативным по образованию, субъектно-объектным – по значению (209, 85).

В отличие от других дагестанских и вообще иберийско-кавказских языков, среди основных падежей лакского языка отсутствует эргативный падеж. Его функция в лакском языке выполняет родительный падеж, в связи с чем иногда его называют родительно-эргативным.

Формы локативных падежей распределяются по семи (с учетом серии на **–хь**) сериям, показывающим различный характер локализации предмета в пространстве по отношению к какому-либо другому предмету. В литературе эти формы названы локативами или различными эссивами – инессив, суперэссив, адессив и др. Каждая из этих семи серий, в зависимости от направления и характера движения (где? куда? по направлению…, через…, откуда?) имеет по пять послеложных форм, включая и форму «покоя». С учетом же образований на **–ату** «от, из» и **–хч1ин** «через, вновь» число их доходит до семи.

Функционируют и такие послеложные формы, которые не входят в названные семь серий послеложных образований. Они являются послеложными формами вне пространства и выражают понятия совместности, ради, из-за и др. (56, 80).

Для лакского склонения характерно то, что во всех склоняемых словах обоих чисел падежные показатели одинаковы, т.е. имеем одно склонение. Различаются две основы склоняе6мого имени: основа именительного (прямого) падежа и основа косвенных падежей. Говоря иначе, представлен известный и в других дагестанских языках принцип «двух основ». Для общей основы косвенных падежей исходной является основа род. падежа, хотя часть имен склоняется по принципу «одной основы» и сохраняет при склонении прямую основу.

По особенностям образования косвенной основы и отражения в ней при посредстве образующих ее морфем категории классов в лакском языке выделяется два типа склонения: тип склонения указательного местоимения (или атрибутивное склонение); именное или субстантивное склонение.

По атрибутивному типу склоняются указательные местоимения, прилагательные, причастия, порядковые и количественные числительные, т.е. «атрибутивные имена». По этому же типу склоняются некоторые существительные – имена лиц (с рядом исключений), собирательные имена, этнические названия. Все имена этого склонения изменяются по принципу «двух основ» и образование «второй основы» связано с классом имени. В ед. числе используются морфемы: **-на-** (для I кл.), **-ни-** (для II-IV кл.); во множ. числе: **-нна-** (для имен лиц), **-ннну-¸-нни-** (для остальных имен). Последние характерны для атрибутивных, а также ряда собирательных имен.

По субстантивному типу склоняются личные, вопросительные, возвратные местоимения, большинство имен существительных. Часть имен этого типа склоняется по принципу «одной основы», а часть по принципу «двух основ». В субстантивном склонении категория классов в косвенных основах, как правило, не находит своего выражения.

Усложнение системы лакского склонения, в частности принципов образования косвенной основы вызвано смешением в процессе развития языка

указанных выше двух типов склонения, а также другими факторами, в первую очередь фонетического и диалектного порядка.

Падежи и падежные форманты

Именительный падеж выступает в виде чистой основы и не имеет специального падежного форманта.

Родительный падеж образуется при помощи форманта **–л-**. Этот аффикс является одним из древнейших в морфологической структуре лакского языка и имеет соответствующие параллели в ряде родственных языков, ср. авар. **–л**, дарг. **–ла.**

Дательный падеж образуется при помощи форманта **–н**. Этот же формант служит аффиксом например падежа и инфинитива, причем такое совпадение характерно и для других дагестанских языков. Установлено, что инфинитив по происхождению отглагольное имя с флексией дат. падежа (128, 114; 306, 301). Сам же дат. падеж по происхождению является например, падежом, утратившим локативное значение и ставшим как бы внесерийным общенаправительным или акбстрактно-дательным падежом (37, 63; 92, 56).

Система местных падежей состоит из следующих семи серий и образующих их сериальных показателей, являющихся одновременно и формативами эссивов (падежей покоя):

1) суперэссив: **-й** «над, наверху» (*ч1ира-й* «на стене»);

2) инессив: **-в(у)**, в балх., вицх. диал. **–бу** «в, внутри» (*ч1ира-в(у)* «в стене»);

3) субэссив: **-лу** «под» (*ч1ира-лу* «под стеной»);

4) постэссив: **-х** «за» (*ч1ира-х* «за стеной»);

5) адессив I: **-ч1а** «у, около» (*ч1ира-ч1а* «около стены»);

6) контэссив II: **-ц1** «у, соприкасаясь с … рядом» (*ч1ира-ц1* «у станы»);

7) постэссив III: **-хъ** «при» (*ч1ира-хь* «у стены»).

Среди приведенных сериальных показателей имеются как унаследованные от прадагестанского языка – основы, так и возникшие в самом лакском языке (специально см.: 56, 116-120).

Некоторые из сериальных показателей имеют, хотя значения не всегда совпадают, закономерно соответствующие формативы в других дагестанских языках (40, 43-50), что свидетельствует о древности локативных форм в этих языках и о том, что лакский язык унаследовал эти формативы от эпохи общедагестанского языкового уровня, в частности афф. **–х, -лу, -хь**, возводимые соответственно в ***-хъ, *-кь1** и ***-лълъ**.

Высказано мнение (132, 49; 240, 334; 209, 126), что локативные форманты в лакском языке восходят к наречиям-послелогам (**-й** < *йалу* «над», **-в(у)** < *вив* «внутри», **-лу** < *лув* «под»). Однако такое объяснение для некоторых аффиксов встречает ряд возражений (82, 35), так как такие наречия-послелоги сами также содержат локативные аффиксы.

Инессив в кумух. диалекте имеет аффикс **–в** (с вариантом **–ву**), а в диалектах ему соответствует аффикс **–бу**, который является исходным. Однако в балхар. диалекте в одной группе имен в качестве локативных показателей выступают и классные показатели **–б** (для I, III кл.) и **–р** (для II, IV кл.). Более архаичное положение сохранил балхарский диалект, в котором имеем как обобщенный неклассный показатель **–бу** (в других диалектах - **-бу, -ву, -в)**, так и классные локативные аффиксы **–б** и **-р**. Классный инессив встречается и в ряде дагестанских языков, в частности, в аварском и даргинском.

Дальнейшее развитие языка привело к тому, что классные показатели в инессиве, в результате обобщения одного из них, а именно **–б (> -в(у)** в качестве общего локативного показателя были утеряны, но сохранились в одной группе имен в балхарском диалекте.

Аналогичные процессы прослеживаются и в других дагестанских языках. В андийских языках встречается локативный аффикс, восходящий к одному из классных показателей – обычно к показателю класса вещей. В ах-

вахском языке показатель V серии **–р** увязывается с показателем класса вещей во множественном числе (161, 60), а встречающийся в ряде имен существительных в каратинском языке афф. **–б** также связан с классным показателем (162, 76), Следы такого классного локатива обнаруживаются и в других дагестанских языках, а сам локатив реконструируется и для эпохи общедагестанского языкового единства, но в процессе развития языков один из классных показателей (обычно показатель класса вещей), совмещающий в себе функции аффикса локатива, обобщается в качестве общего сериального показателя, а в некоторых языках и исчез вовсе, оставив след в виде предшествующего гласного (40, 49).

Показатель инессива в лакском языке **–в(у) < -бу** исторически восходит к показателю класса вещей **–б** , совмещавшего, наряду с другими классными показателями и функции локатива, но впоследствии стал обобщенным (неклассным) и уже специальным формативом инессива.

Аффикс суперэссива **–й** может быть соотнесен, имел в виду известное даргинско-лакское звукосоответствие **х1 - й**, с локативным аффиксом в даргинском языке **–х1и** (**-и** – показатель аллатива, а собственно сериальным показателем выступает **–х1-**). В свете этого звукосоответствия исходным для показателя суперэссива в лакском языке может быть признан **–х1 (> гь > й)**, возводимый к даргинско-лакскому уровню и который в даргинском сохранился в виде **–х1-**, а в лакском перешел в **–й.**

Показатель субэссива **–лу** имеет соотносимые с ним в генетическом отношении показатели в других дагестанских языках и с учетом регулярных звукосоответствий между ними (авар. **–кь**, анд. **–къ**, цез. **–л1**, дарг. **–ъ**, агул. **–кк**, арч. **–кь**, лезг. **–кк**) возводится к общему источнику на прадагестанском хронологическом уровне **–кь1** (40, 49). Поэтому афф. **–лу** в лакском языке возводится к эпохе общедагестанского языкового единства и унаследован в виде **л(у)** в связи с переходом латерального **-кь1** в лакском языке в **–л.**

Аффикс постэссива **–х** материально совпадает с аффиксом транслатива **–х** (*ч1ира-х* «за стеной», *ч1ира-й-х* «через стену»). Однако выявляются и факты их различения, когда в качестве форматива постэссива выступает –**хъ**, ср.: *гьара-хъ* «на мельнице», *Чат1лу-хъ* «в Катрухе». Этот **–хъ** и является первоначальным показателем постэссива, перешедшим впоследствии в **–х** (для перехода **хъ > х** ср. авар. *х1алт1ухъан* > лак. *х1алт1ухъан // > х1алт1ухан* «мастер-отходник»). Аффиксу –**х** в других дагестанских языках соответствуют авар. **–хъ**, анд. **–х**, дарг. **–г1(и)**, арч. **–хъ**, лезг. **–хъ**, табас. **–хъ**, а исходным для них является **–хъ**, т.е. аффикс постэссива в лакском языке возводится на прадагестанском уровне и **–хъ**, который в лакском видоизменился в **–х** (40, 49; 82, 36; 56, 100).

Аффикс адэссива **–ч1а** может быть возведен к **–к1а** – такая форма отмечена в «Дербент-намэ»: *ттту-к1а-н* «ко мне». Если правомерно предположение о связи этого аффикса с послелогом *ч1арав* «около» (В.Т. Топуриа, Г.Б. Муркелинский), то он может быть возведен к слову *к1а-(н-у)* «место»**,** ср. и авар. *ба-к1* «место». В данном случае имеется в виду то, что по происхождению ряд послелогов связан с именами существительными, а послелог «рядом, около» в различных языках (адыгейском, хауса) восходят к слову со значением «место», т.е. *^{х}к1а-(ра-в) >ч1а-(ра-в)*. Элемент **–ра-** - афф. косв. осн., ср. в балхар. диал. *ч1аб-ттту (ч1а-р-ттту)* «рядом». В связи со сказанным, представляется, что этот локативный аффикс исконно лакский, восходящий к послелогу. Правда, можно было афф. **–ч1а** (<**к1а**) соотнести с даргинским **–г1и** (< **-ги**), имея в виду даргинско-лакское звукосоответствие **г (> г1) – к1 (> ч1)** (69, 306; 78, 55). Но выше отмечалось, что с дарг. **-г1и** соотносится формант постэссива **–х.**

Аффикс аэессива **–ц1** имеет ограниченную сферу применения и не имеет соотносимых элементов в других дагестанских языках, а также увязываемого с ним послелога в самом лакском языке. Г.Б. Муркелинский считает

афф. **–ц1** обособившимся (и ставшим общелакским) фонетическим вариантом афф. **–ч1а**, перешедшего в диалектах «свистящего» типа в **–ц1а** (209, 127). Но эти аффиксы передают разные значения, а в диалектах «свистящего» типа сосуществует **–ц1а (<-ч1а)** и **–ц1**, и различаются в значениях. Поэтому говорить о его распространении из диалектов «свистящего» типа не приходится.

Аффикс адессива III **–хь (< хьхь)** имеет материальное и отчасти функциональное соответствие в аварском языке, в котором в качестве одного из сериальных показателей выступает **–л1л1** (а в южных диалектах **–лълъ**). Известно, что для лак. **–хьхь** (при звукосоответствии лак. –**хьхь** – авар. **–лълъ**) исходным является **–лълъ**. Латериальные согласные в лакском языке исчезли, а **–лълъ > щ**. Форма локатива с афф. **–хь** представлена в ойконимии: *Хъусра-хь* «в Хосрехе», но *хъусрахьхь-и* > *хъусращи* «хосрехцы». Афф. **–хь (< -хьхь**) возводится к эпохе общедагестанского языкового единства – к ^{x}**-лълъ.**

Среди местных падежей, помимо форм, выражающих локализацию, состояние покоя, имеются и падежи, показывающие различный характер движения (куда? откуда? в какую сторону?). Последние, как правило, образуются от падежей покоя путем присоединения к ним соответствующих формантов. К этим падежам относятся два направительных (аллатив I и аллатив II), исходный (аблатив) и два сквозных (транславтив I и транслатив II).

Формант аллатива **–н** является общим и для инфинитива и для дательного падежа. Кроме того, **-н** представлен и в деепричастных формах прошедшего времени. Аналогичное совпадение функции одного и того же форманта в указанных формах отмечено и в других дагестанских языках. Хотя здесь имеется функциональное тождество одного и того же форматива, материально они не обнаруживают генетических связей. Можно отметить, что развитие значений одной и той же морфемы в разных языках шло самостоятельно. Исторически формативы дательного, направительного падежей и

инфинитива могут быть возведены к **–н**, представленному в деепричастных формах прошедшего времени/

Аллатив II образуется от аллатива I при посредстве изменяемых по классам окончаний **–ай (< ˣвай)** – для I Кл., **-най (< -дай) –** для II, IV к.), **-май (< -бай)** – для III Кл., ср.: *ч1ирач1ан-ай (ч1ирач1ан, ч1ирач!ан-май)* «по направлению к стене, в сторону стены».

Этот направительный падеж имеется во всех лакских диалектах. В кумухском диалекте исходные варианты морфем **–дай** и **–бай** перешли в **–най** и **–май**, а в диалектах (балхар., вицхин. …) сохранились без изменения. Исходный вариант морфем I Кл. **–вай** не сохранился ни в одном диалекте и везде выступает в виде **–ай.**

Аналогичный этому лакскому классному аллативу направительный падеж имеется и в даргинском языке, в котором он также образуется от направительного общего при посредстве классных= морфем **–вях1, -бях1, -рях1, -дях1**, кубачинском диалекте соотвественно **–в ā, -бā, -йā, -дā**. Эти даргинские аффиксы и функционально и материально соотносятся с приведенными выше лакскими морфемами. Вероятно, они в обоих языках общего происхождения и могут быть возведены в эпохе даргинско-лакского языкового единства. В других же дагестанских языках такие классные аллативы отсутствуют. В этих аффиксах обращает на себя внимание совпадение конечных звуков **–х1** (в дарг.) и **–й** (в лак.) с сериальным показателем местных падежей. Поэтому, можно предположить, что эти морфемы по своему составу сложные: **-вя- + -х1 (-ва + -й)** и т.д.

Аблатив образуется от основы ассива при помощи форматива **–а** (или его факультативного варианта –ату), ср.: *ч1ира-й-а // ч1ира-й-ату* «со стены» (240, 234). Исходной является форма **–ату**, которая использовалась в прошлом и в тех случаях, где сейчас имеем лишь форму на **–а,** ср. в письменных памятниках *вихьхьату* (в соврем. *вища* < *вихьхьа*) «от тебя». Здесь имеет место упрощение форманта **–ату** и использование его в усеченной форме (а в

серии на **–ч1а** употребляется только полная форма). Данному форманту в даргинском языке соответствует суфф. **-ад**. Не исключено, что они генетически соотносимы и содержат общий элемент **–ад**, перешедший в лакском языке в результате оглушения **–д** (не характерного для конца слова) в **–ат** (**> -ат-у**).

Транслатив I образуется от основы эссива при посредстве форматива **–х**, ср. *ч1ира-й-х* «через стену». Было отмечено совпадение сериального показателя постэссива **–х** и показателя транслатива **–х**. Вохможно, что показатель транслатива возник из показателя постэссива в результате частичной реинтерпретации, ср. совпадение обеих форм в целом ряде слов: *ккурч1а-х* I. «за годеканом»; 2. «через годекан». К тому же, показатель транслатива в лакском языке не имеет ни функциональных, ни материальных соответствий в других дагестанских языках.

Транслатив II является факультативной формой транслатива I, ср. *къатлувух* «через комнату», *къатлуву-х-ч1ин* «с направлением, направляясь сквозь, через комнату». Транслатив II уточняет значение транслатива I и образуется от основы последнего при посредстве форматива **–ч1ан** или его фонетических вариантов **–ч1ил, -чин, -чил**. В некоторых случаях значения обоих транслативов дифференцированы, ср.: *мунайх* «по нему», но *мунайх-ч1ин* «при его посредстве, с его помощью, через него» (в этом случае форма *мунайх* не может быть использована).

Суффикс **–ч1ин** имеет и фонетические варианты: **-ч1ил (< -ч1ин), -чин (< -ч1ин)** и **–чил (< -ч1ил)**. Появление форм **–чин (-чил)** обязано упрощению артикуляции абруптивного **–ч1**, а его замена в данном случае через **–ч** не вызывает смысловых изменений. Для всех диалектов лакского языка исходной является форма **–ч1ин**, которая, кстати, в ряде диалектов только и употребляется. Формант **-ч1ин** – исконно лакский и не обнаруживает каких-либо связей в других дагестанских языках. Возможно, аффикс сложный: **-ч1-**

(?) и **–ин** (аффикс с адвербальным значением). Этот суффикс использован в ряде наречных образований локативного и временного значения, а в единичных случаях и в других функциях, ср.: *лув-ч1ин* «нижний этаж, кладовая»; *хъунмур-ч1ин* «большею частью».

Совместный падеж (комитатив) образуется при помощи афф. **–шал (< -хьхьал):** *ч1ира-шал* < *^{x}ч1ира-хьхьал* «вместе со стеной». Исходный вариант **–хьхьал** зафиксирован в «Касыде о плаще»: *оьрч1а-хьхьал* (в соврем. *оьрч1в-щал*) «с ребенком». Формант по своему составу сложен и состоит из **–ща < -хьхьа < хьхь-а** – показателя исходн. падежа серии на **–хь (< -хьхь)** и форманта род. падежа **–л**, используемого в лакском языке и в значении адвербиального аффикса (209, 126; 56, 119). Правомерность такого объяснения становится очевидной при сравнении соответствующих форм табасаранского и даргинского языков. В табасаранском языке совместные падежи образуются на основе всех серий при посредстве суфф. **–ди** (форманта эргатива) (274, 15), однако, более распространена форма, образуемая от серии на **–хъ** («за, позади») (173, 135). В даргинском языке в качестве форматива совм. падежа выступает суфф. **–чил**, состоящий из показателя аллатива **–чи** («наверх») и **–л** (возможно связанного с формантами эргатива или генетива), выполнявшего функции адвербиального значения. Но совм. падеж в некоторых диалектах даргинского языка может быть образован от напр. падежа и другой серии, а именно серии на **–цци** (не являющегося диалектным вариантом **–чи**) (71, 321).

Форма, выражающая понятие «за (кого-либо)», т.н. заступительный падеж образуется при посредстве афф. **–хлу**, ср.: *оьтту-хлу оь* «кровь за кровь». Данный аффикс состоит из показателя постэссива **–х** и суфф. **–лу**. В письменных памятниках вместо **–хлу** выступает **–хлуцу**, т.е. **–хлу** + наречный формант **–ну**, но в современном языке – усеченная форма **–хлу.** В редких случаях вместо **–хлу** отмечается **-хтулу** (ср. устар. **–хлуну**): *мунихлуну //*

мунихтуну «за это, взамен этого», но *дак1нихтуну* «от всего сердца, сердечно» (в данном случае нет *дак1нихлуну*).

Форма, выражающая понятие «благодаря», т.н. орудный падеж образуется при помощи афф. **–йну**, ср. *мунайну* «благодаря ему». Аффикс состоит из показателя суперэссива **–й** и адвербиального суфф. **–ну**.

Таким образом, нек5оторые аффиксы, используемые в лакском языке при словоизменении имен, оказываются по происхождению сложными и образованы из сочетания двух самостоятельных аффиксов, а впоследствии же такие сложные элементы стали неразложимыми в синхронном плане.

Склонение имен существительных

А. Основные падежи

Склонение имен существительных происходит, за некоторыми исключениями, по принципу «двух основ». В качестве «второй» (или «грамматической») выступает основа родительного падежа – она является исходной для всех косвенных падежей.

По особенностям образования косвенной (второй) основы все имена существительные лакского языка делятся на три группы:

1. Имена, склоняющиеся по принципу одной основы, т.е. косвенная основа не отличается от прямой: *ч1ира* «стена» - *ч1ира-л* (род. п.).

2. Имена, образующие косвенную основу посредством аблаутного чередованбия корневого гласного: *барц1* «вода» - *бурц-и-л* (род. п.).

3. Имена, склоняющиеся по «принципу двух основ»: *арс* «сын» - *арс-на-л* (род. п.), т.е. косвенная основа образована при помощи специальных элементов – аффиксов косвенной основы (т.н. «вставок», «наращений»). Сюда относится и склонение имен существительных, использующих в косвенной основе соединительный гласный (или вокалический показатель косвенной основы): *меч1* «крапива» - *меч1-а-л* (род.п.).

Указанные выше три способа образования косвенных основ не связаны с распределением имен по классам. Можно лишь отметить, что аблаутное чередование не встречается в именах лиц, а остальные способы встречаются при склонении имен всех классов.

Большинство имен существительных склоняется по «принципу двух основ» - косвенные основы содержат перед падежными показателями элементы, отсутствующие в прямой основе и характеризуемые в литературе «распространителями основ» (суффикс-распространение основы) (56, 115-116). Их функции – образование косвенной основы. По мнению Л.И. Жиркова, «можно только считать эти вставки формантами основы косвенных падежей (подчеркнуто нами – И.А.), но и то пока еще весьма загадочными», т.е. являются морфологическими средствами для различения основ прямых и косвенных падежей (128, 29; 248, 13).

В качестве таких элементов выступают как отдельные гласные, так и слоги, состоящие из сочетания согласного с гласными: **-а-**: *ниц* «был» - *ниц-а-л*; **-и-**: *идавс* «пророк» - *идавс-и-л*; **-у-**: *ччат1* «хлеб» - *ччат1-у-л*; **-на-**: *арс* «сын» - *арс-на-л*; **-ни-**: *душ* «девушка» - *душ-ни-л*; **-ну-**: *алжан* «рай» - *алжан-ну-л*; **--ли-**: *кьац1* «рот» - *кьац1-ли-л*; **-лу-**: *хъа* «ячмень» - *хъа-лу-л*; **-ра-**: *бак1* «голова» - *бак1-ра-л*; **-ру-**: *к1иришиву* «жара» - *к1иришив-ру-л*; **-ри-**: *дуккаву* «учеба» - *дуккав-ри-л*; **-ира-**: *мик1* «лед» - *мик1-ира-л*; -дара-: *бияла* «воля» - *биял-дара-л*; **-ттара-**: *кьуру* «рот» - *кьур-ттара-л*; **-ттира-**: *ша* «шаг» - *ша-ттира-л*; **-ттура-**: *жира* «бедро» - *жир-ттура-л*; **-дану-**: *качар* «сахар» - *качар-дану-л*; **-далу-**: *калан* «капуста» - *калан-далу-л*; **-рттара-**: *хъи* «рог» - *хъи-рттара-л*; **-ду-**: *к1унк1ур* «кастрюля» - *к1унк1ур-ду-л*; **-тту-**: *ажара* «петух» - *ажар-ттту-л*; **-тти-**: *ч1авахьул-тти-л*; **-лтти-**: *аьрава* «арба» - *аьрава-лтти-л*; **-итни-**: *к1и (к1инт)* «зима» - *к1и-итни-л (к1инт-ни-л)*; **-ллу-**: *бала* «беда» - *бала-ллу-л*; **-рду-**: *ппа* «шило» - *ппурду-л*; **-й-**: *ссу* «сестра» - *ссу-й-л* (вицх. диал., в лит. яз. *ссил* – *^{x}ссуйл*); **-да-**: (> **-на-**): *ччан* «нога» - *ччан-да-л* (вицх. диал., в лит. яз. *ччан-на-л* < *ччан-да-л*); **-ду-**: (> **-ну-**): *алжан* «рай» -

алжан-ду-л (вицх. диал., в лит. яз. *алжан-ну-л* < *алжан-ду-л*); **-ди- (> -ли-)**: *ччал* «спор» - *ччал-ди-л* (вицх. диал., в лит. яз. *ччал-ли-л* < *ччал-ди-л*); **-ва-**: *у* «голозерный ячмень» - *у-ва-л*; **-ули-**: *бярч* «теленок» - *бюрч-ули-л*; **-уллу-**: *хъунт1а* «яма» - *хъунт1-уллу-л*; **-ури-**: *къаз* «гусь» - *къуз-ура-л* (*къуз-ули-л*); **-унна-**: *халкь* «народ» - *халкь-унна-л*; **-унни-**: *качар* «сахар» - *качар-унни-л*; **-нна-**: *ххулдулсса* «путник» - *ххулл-сса-нна-л*; **-нну-**: *ахъулсса* «плод» - *ахъул-сса-нну-л*; **-инна-**: *кулпат* «семья» - *кулпат-инна-л* (диал.).

Нередки случаи, когда одно и то же слово может использовать различные «вставки»: *тухум* «род» - *тухум-ра-л, тухум-ира-л, тухун-далу-л, тухун-дара-л* и др.

Некоторые из приведенных «вставок» встречаются редко или лишь по одному разу: **-ва-** (*у-ва-л*), **-лти-** (*аьрава-лтти-л*), **-рттара-** (*хъи-рттара-л*) и др. В таких элементах имеет место наращение сонорных (*аьрава-л-ттил*) или восстановление элемента основы (**у-в-а-л*, ср. чеч. *йав*, инг. *ов* «пшено», «крупа», осет. *йяв* «просо»).

Среди «вставочных» элементов отмечены и двусложные (**-дара-, -дану-, -далу-, -ттара-, -ира-** и др.). На первый взгляд, эти элементы кажутся двумя разными «вставками», наращенными один к другому, а впоследствии обособившимися в виде единого элемента. Но, с другой стороны, у них встречаются определенные фонетические особенности: все они следуют за сонорными основы, присоединение к которым **–ла-, -ра-, -ну-** (начинающихся с сонорных же) могло вызвать не характерные для лакского языка фонетические изменения в звуковом составе имени. Для преодоления такого скопления сонорных появился вставочный **–д-** (ср. и в слове *жин* «бес» - *жин-дри* «бесы», *зиду* «источник» - *зин-д-ли-л*). Поэтому появление первых слогов в указанных элементах **–д-** (с последующим гласным) обусловлено фонетическими условиями. В двухсложном афф. **–ира-** (*нис* «сыр» - *нис-ира-л*) выделяется обычный афф. косв. осн. **–ра-** и предшествующий ему **–н-**, который в одном случае выступает как разъединительный (ср. *жинс* «облик» - *жинс-*

и-ра-л < *жинс-ра-л*), а в другом как элемент основы, ср. *нис* «сыр» - *нис-и-ра-л* < *[x]ниси-ра-л* (54, 286).

«Вставочные» элементы встречаются и в косвенных основах множественного числа. При учете этих элементов во множественном числе ряд исследователей (П.К. Услар, А.Ш. Акиев) брали в качестве исходной прямую основу единственного числа. Но такой подход не может быть признан удачным, так как очень часто «вставочный» элемент присоединен к основе с показателем (или его вариантом) множественного числа, ср.: *зузала* «рабочий», *зузул-т* «рабочие» - *зузул-т-ра-л* (род. п. мн. ч.); *лагъ-арт* «рабы» - *лагъ-арт-унна-л* (род. п. мн. ч.).

По особенностям образования косвенной основы множественного числа имена разделены по двум группам: сохраняющие основу именительного падежа множественного числа (*заллухъру* «хозяева» - *заллухъру-ина-л*) и не сохраняющие эту основу (*ниц-ру* «быки», род. п. мн.ч. *ниц-а-л*).

Косвенные основы множественного числа могут быть с элементом распространения и без такого элемента (*кьяп-ри* «шапки» – *кьяпр-а-л*). Имея в виду, что прямая основа множественного числа – в чистом или в видоизмененном виде сохраняется и в косвенной основе, в качестве собственно элементов распространения основы во множественном выделяются: -ра-: зузал-т «рабочие» - зузалт-ра-л; -нни-: я-ру «глаза» - яру-нни-л; -ди-: дак1-ру «сердца» - дак1ур-ди-л; -йа-: жугьут1и «евреи» - жугьут1и-йа-л; -нна-: залу-хъру «хозяева» - заллухъру-нна-л; -вара-: душ-ру «девушки» - душур-вара-л // душ-вара-л; -да-: мурхь-ру «деревья» - мурхьир-да-л; -улла-: Ттуплис «тбилисцы»; «Тбилиси» - Ттуплис-улла-л; -тта-: нигь-ру «колеса» - нигир-тта-л и др.

Нетрудно заметить, что «вставочные» элементы и во множественном числе использует те же звуки, что и аналогичные элементы в единственном числе. Вероятно, исходным для них следует считать –р-. Что же касается сложного элемента-распространителя основы –улла- (-унна-, -ина-), то он

встречается обычно в собирательных именах, этнонимах. В этом элементе первый слог –ул- выделяется как суффикс собирательности (ср. араб. Шам > лак. Шам-ул «сирийцы»; «Сирия»). Суфф. –ул- (-л) встречается в составе основ некоторых этнотопонимических названий лакского языка: Хьурук1-ул «хурукринцы»; Хурукра». Вихь-ул «вихлинцы; Вихли» и др. Элемент –ла- является собственно суффиксом-распространителем и алломорфом суфф. –ра-.

У довольно значительной группы имен (около пятидесяти, в большинстве своем – исконные) аффикс множественного числа в косвенной основе исчезает бесследно, а в качестве «вставочного» элемента выступает гласный, ср.: ус «обувь» - усс-у-л, мн.ч. ус-ру – усс-а-л; жип «карман» - жип-ли-л, жип-ру – жип-а-л; зунтту «гора» - зунтту-л, зунтту-рду – зунтту-рда-л // зунт-а-л и др. Косвенные основы множественного числа без «вставок» выглдят как архаичные (ср. зунтта-л, хотя имеем и зунтту-рда-л). В современном языке в таких именах прослеживается тенденция образовывать косвенные основы при посредстве «вставок» и унифицировать парадигму.

Большое количество аффиксов косвенной основы, в первую очередь единственного числа обусловлено фонетическими условиями и изменениями в первичных, исходных формах этих элементов. Учет фонетических процессов, характерных для лакского языка, позволяет возвести большинство элементов к небольшому числу: -лу- (-ну-, -тту-) < -ду-; -ли- (-ни-, -тти-) < -ди-; -на- (-тта-, -да-) < да. Алломорфами исходных –да- (-ди-, -ду-) являются –ра- (-ри-, -ру-). Поэтому исходным может быть признан слог –дГ – -рГ-, гласный которого был обусловлен гласным корня. Эти алломорфы были двумя реализационными вариантами одной морфологической (и фономорфологической) величины.

Однако в лакском языке имеются «вставки» -на- и –ни- и не возводимые к –дГ- (-рГ-), ср. в вицх. диал. мюталин-на-л «муталима» (род. п.) и ччан-да-л «ноги» (род. п.), но ср. в кумух. диал. ччан-на-л < ччан-да-л. По-

этому учет морфологических и фонетических особенностей позволяет признать исходный для указанных «вставок» (или большинства из них) –на-, -ни- (ср. такие же аффиксы в атрибутивном склонении и алломорфы –дГ- // -рГ-, которые подверглись многочисленным изменениям.

Что же касается первоначальной функции указанных элементов (не имея в виду те некоторые случаи, когда они могут совпадать и с элементами основ), то вполне вероятным представляется предположение А.С. Чикобава о том, что эти «вставки» - аффиксы эргативного падежа, который был утерян в лакском языке, а его функции стал выполнять родительный падеж, образованный от основы эргативного падежа (291, 110; 247, 163-167). Отметим здесь же, что Б.К. Гигинейшвили соотносит «вставку» -тту- (-тта-) с показателем эргативного падежа в аварском языке –д-, т.е. приравнивает его аффиксы эргативного падежа (81, 182). Эти аффиксы образовали эргативный падеж (resp. косвенную основу) сообразно с отнесенностью имен к тому или иному классу (ср. –на- и –ни- в атрибут. склонении). Аналогичное положение наблюдается и в андийском языке, в котором «вставки» в косвенных основах –шщу- и –лълъи- выступают в зависимости от класса имени. Этим элементам в аварском языке функционально соответствуют –с и –лъ, являющиеся аффиксами эргативного падежа (279, 337-338). Это обстоятельство позволяет придти к выводу о том, что исторически система склонения в лакском языке, в частности особенности образования косвенных основ проявляют большую близость к системе склонения аварского и андийского языков. Исторически в лакском языке выявляются те же способы образования косвенных основ («второй» основы), что и в аварском языке: соединительные гласные; афф. –на-, -ни- и –рГ- (-дГ-), (соответствующие аффиксам эргатива аварского языка); аблаут. Эта близость говорит в пользу признания аффиксов косвенной основы формантами былого эргативного падежа.

По особенности использования исходных форм аффиксов косвенной основы (эрг. падежа) –на-, -ни-, с одной стороны, и –дГ- / -рГ-, с другой лакский язык различал два типа склонения:

1. Атрибутивное (тип склонения указательного местоимения) – с формантами –на- (I кл.), -ни- (II-IV кл.). По этому типу склонялись не только «атрибутивные имена», но и (на одном из этапов развития языка) часть существительных – нарицательные имена, обозначающие личность (с рядом исключений), этнические названия, все заимствуемые нарицательные имена лиц лиц мужского пола, в том числе и с «заимствованными» суффиксами –чи, -нар, -лу, -ан и др. В этом типе имена I кл. (афф. косв. осн. –на-) противопоставлены именам II-IV кл. (афф. косв. осн. –ни-):: арс «сын» - арс-на-л, но душ «дочь» - душ-ни-л; хъу «поле» - хъу-ни-л. В данном случае мы имеем такое же положение, которое наблюдаем в аварском языке:: имена I кл. принимают афф. –(а)с, а все остальные (по «живому» склонению) – афф. –(а)лъ, вытесняющий афф. –д.

Несколько имен (архаизмы), относящиеся ко II кл. также принимают афф. -на-: бика «госпожа» - бика-на-л, къараваш «рабыня»; «служанка» - къараваш-на-л, къурумсагъ «негодница, сводница» - къурумсагъ-на-л. Такое «внедрение» этих имен женского класса в склонение «мужских» имен представляет собою исключение; оно обусловлено, видимо, тем, что такие названия могли употребляться как прозвища (resp. соб. имена) и склоняться иначе, чем другие имена этого же класса. Ср. в этой связи и склонение слова бика «госпожа» и в аварском языке по живому склонению – бика-йаль, но одновременно и бика-ца (126, 24).

2. Субстантивное склонение – с формантом косвенной основы –дГ-/-рГ- или с аблаутом. По этому типу склонялись имена классов вещей.

В целом при склонении имен существительных и образовании косвенных основ проявляется противопоставление имен I Кл. (афф. косв. осн. –на-) именем всех остальных классов (афф. косв. осн. –ни- и –дГ-/-рГ-). Ср. анало-

гичное же противопоставление, помимо аварского (афф. –с - -аль), в андийских, арчинском языках.

Выявляемые исходные варианты аффиксов косвенных основ (-на-, -ни-, -дГ-/-рГ-) – исторически квалифицируются как аффиксы былого эрг. падежа. Аффиксы же эргатива в иберийско-кавказских языках нередко имеют местоименное происхождение, в частности аффикс эргатива в грузинском языка –ма восходит к местоимению манн «он» (302, 39). Связь аффиксов эргатива с местоименными основами отмечается в аварском (290, 35; 145, 353), даргинском (кубач. диал.) (175, 139), арчинском (137, 252), чеченском (282, 135) языках. Местоименным является и склонение имен с аффиксами косвенных основ –шшу- и –лълъ- в андийском языке (145, 356). В этой связи вполне вероятной представляется и связь аффиксов косвенных основ (былого эргатива) –на-, -ни- в лакском языке с указательным местоимением. В указательных местоимениях элементы –на- (I кл.) и –ни- (II-IV кл.) регулярно и системно образуют косвенную основу (ср. та «тот» - та-на-л (та-ни-л), но этот элемент –н- исторически принадлежность основы (^{x}тан > та «тот») (57, 103), а с последующим гласным эта первичная основа выступала в качестве «второй» (resp. эргатива): ^{x}тан-а/та –ни-. Впоследствии, когда конечный –н- в основном выпал (^{x}тан > тā с компенсаторной долготой) –на- и –ни- остались в косвенной основе (в качестве аффикса второй основы – эргатива). Аффиксом эргатива стала не вся основа указательного местоимения, а его конечная (общая для всех указательных местоимений) часть –н- + а, -н- + и (57, 103).

Усложнение системы лакского склонения, появление большого числа «вставок», нейтрализация классного характера принципов образования косвенной основы у имен существительных объясняется смешением в процессе развития языка названных типов склонения, фонетическими процессами и диалектными особенностями. Видимо, перенос особенностей атрибутивного (определенного, местоименного) склонения на имена существительные, обозначающие лиц (афф. –на-, -ни-), относительно новое явление. Первоначаль-

но имена лиц склонялись без «вставок», с помощью соединительных гласных – вокалического показателя косвенной основы, а лишь впоследствии стали склоняться – в процессе «внедрения» атрибутивного склонения в имена существительные – с помощью –на- и –ни-, характерных лишь для атрибутивных имен, а имена же не-лиц склонялись с помощью афф. –дГ-/рГ- и аблаута. Аналогичный процесс «внедрения» атрибутивного склонения в имена существительные прослеживается и в истории аварского языка (93, 273). Но процесс переноса особенностей атрибутивного склонения, что имеет яркий аналог в т.н. «живом» склонении аварского языка, остался в лакском языке не доведенным до конца, как т.н. «незавершенный замысел языка» (в отличие от аварского языка, где данный тип склоняется, почти вытеснил и вытесняет «архаическое» склонение).

Другим средством образования косвенной основы, помимо «вставок», служит и чередование корневых гласных, которое носит морфологический характер и имеет функциональную нагрузку, т.е. аблаут (128, 31; 53, 129).

Аблаут носит общелакский характер, хотя встречается и не в одинаковой мере во всех диалектах, и наблюдается у более чем пятидесяти имен существительных в виде: а у (аь оь): марч «ветер» – мурчал; у а: ххулу «сено» - ххалал; и у: сими «шелк» - сунттул; и а: ши «просо» - шал (вицх. диал.). Распространено чередование а у, а остальные встречаются в единичных случаях.

Имена существительные, в которых происходит аблаутное чередование, относятся к классам вещей (III и IV кл.), являются непроизводными и, за несколькими исключениями, исконными. Для них характерны следующие фоносиллабические типы: СГСпС: баргъ «солнце» - бургъил; марч «ветер – мручал и др.; СГС/СГСн: лах «пыль» - луххал; мяр «гвоздь» - мюрал и др.; СГСнГ: ххулу «сено» - ххалал; СГСнГС: хъарас «соха» - хъурссул; СГ: щва «линия» - щуттал. Преобладают основы типов СГСнС и СГС.

Аблаут в истории лакского склонения архаичное явление, которое нашло отражение и в старописьменных памятниках. Само это явление находит параллели и в других дагестанских языках, в частности в аварском, в котором наиболее яркой особенностью т.н. «архаического» явления является то, что большинство имен при этом изменяется с внутренней флексией, т.е. с аблаутным чередованием.

Общий ход развития лакского языка и его склонения свидетельствует о разрушении системы аблаутных чередований: в языке шел (и идет) процесс скоращения слов, склонявшихся в прошлом с аблаутом. Среди них произошли (и происходит) различные изменения: одновременное использование аблаута и «вставок» (бярч «теленок» - бюрчу-ли-л), унификации основ (хъанак1 «шиповник» - хъанак1ул, но ср. хъунк1ул т1ут1и «роза», букв. «цветок шиповника»), превращение косвенной основы в прямую (к1ув «сажа» < к1ва), обособление прямой и косвенной основ (ссав «небо» - ссавнил, но ср. ссурулу «под небом», ссурул ккуртта «радуга», букв. «небесная дуга»). В современном языке подобные слова нередко склоняются без аблаута (хъарасра-л вм. хъурссул, хулу-ра-л вм. ххалал), что свидетельствует о тенденции к исчезновению аблаута в системе склонения. Наиболее рельефно эта тенденция проявляется в разговорной речи (в особенности младшего поколения), в некоторых – периферийных – диалектах и говорах- лакского языка, в частности в шаднинском диалекте (ццаццул от ццац «шаповник», хъарасрал от хъарас «соха» и др.). Следует вообще заметить, что процесс изживания аблаута прослеживается в различных языках – в родственных и в неродственных.

Местные падежи

Локативные падежи имен существительных образуются от косвенной («второй») основы (не имея в виду имен, склоняющихся по принципу «одной основы») путем присоединения к ней сериальных показателей, а падежи, показывающие «движение», образуются наращением соответствующих форма-

тивов к основе эссивов, т.е. к сериальным показателям, ср. мурхь «дерево»: мурхь-ира-й «на дереве» - мурхь-ира-й-и «на дерево», мурхь-ира-й-а «с дерева», мурхь-ира-й-х «через дерево».

Выделяется небольшая группа имен существительных, которые образуют инессив, в отличие от других эссивов, не от «второй основы», а от прямой посредством форматива –в, а в балхар. диалекте при помощи классных показателей –б (I и III кл.) и –р (II и IV кл.) с предшествующим соединительным гласным. При обычном словоизменении эти слова образуют «вторую» основу, как правило, при посредстве афф. –ни-, который остается при образовании других эссивов: къур «пашня» - къур-ни-л, но къур-у-в «на пашне» (ср. къур-ни-ч1а «у пашни»). В балхар. диалекте имеем: къур-у-б (I и III кл.), къур-у-р (II и IV кл.) «на пашне».

Формы балхарских классных локативов представляют собою полный аналог аварским и даргинским классным локативам – инессивам, ср. авар. рокъ-о-в (рокъ-о-й, рокъ-о-б) «дома»; дарг. адамли-чи-в (адамли-чи-р, адамли-чи-б) «в человеке» (306, 150: 71, 296). Балхарский диалект в этом случае стоит ближе к аварскому и даргинскому языкам, нежели к остальным диалектам лакского языка. Формы балхарских классных локативов сохранили древнее состояние, которое было присуще в прошлом и остальным диалектам лакского языка.

Мнение о существовании классных локативов в прошлом и в остальных диалектах лакского языка в специальной литературе уже было высказано (266, 350; 13, 197). При посредстве классных показателей образовался, как и в аварском языке, внутренне-местный падеж (инессив). Дальнейшее развитие языка привело к тому, что один из этих классных показателей –в, потеряв функцию классного показателя, стал употребляться в обобщенном значении – в качестве показателя инессива.

Для изучения истории локативных форм лакского языка немаловажный интерес представляют и специфические формы местных падежей (или

«имена-наречия») со значением «в, внутри» (инессивы), образованные непосредственно от прямой основы при посредстве классных показателей (в аварском и даргинском языках и в балхарском диалекте лакского языка) и форманта –в в лакском языке.

В аварском языке подобные имена, причисляемые исследователями то к именам, то к наречиям, образовали свои формы по «архаическому» склонению (195, 317; 198, 54). Сами эти формы стали (или становятся) наречиями места. К ним относятся слова типа бади-б «в глазу»; бокь-б «в сарае»; гьоц1ц1и-б «на гумне»; кодо-б «на руках» или «в руках»; къват1и-б «на улице» (вне дома); жури-б «в поле, на пашне»; зодо-б «на небе»; рокъо-б «дома» и др.

Классные локативы непосредственно на основу, засвидетельствованы и в диалектах даргинского языка: бурхъ-и-в «в комнате»; инкь-и-в «в пещере»; щун-и-в «за водою»; дубр-и-в «в горах»; хъу-в «на пашне» (71, 306-307). По мнению Ш.Г. Гаприндашвили, специфические формы местных падежей, образованные без участия форм эргатива, являются по происхождению более древними, нежели формы, образованные от основ эргатива. Специфические формы местных падежей встречаются в словах основного словарного фонда, т.е. в наиболее употребительных словах.

В лакском языке специфическими формами местных падежей, которые могут быть сопоставлены с указанными выше аварскими даргинскими, являются формы внутренне-местнбого падежа, образованные не от «второй» основы, а от прямой посредством форманта –в, а в балхар. диалекте при помощи классных показателей –б (I и III кл.) и –р (II и IV кл.): ппал-а-в «в хлеву», бяр-а-в «в озере»; ахъ-у-в «в саду»: ар-и-в «на равнине»; кьан-й-в «на поляне»; мурц1у-в «в углу»; хъу-в «в поле»; зум-у-в «во рту»; щя-в «на полу»; хьу-в «за пазухой»; рах1-у-в «в ложбине» и ряд др.

В балхарском диалекте в указанных формах, за редким исключением, в качестве локативных формантов выступают классные показатели -б (для I и

III кл.) и –р (для II и IV кл.) (показатель I класса **в** в результате фонетических изменений перешел в **б** и совпал материально с показателем III кл. **б**): ппал-а-б «к хлеву»; бяр-а-б (бяр-а-р) «в озере»; къур-у-б (къур-у-р) «на пашне»; кьат1-у-б (кьат-у-р) «во дворе»; «вне дома»; (хъу-р) « поле»; мукь-а-б (мукь-а-р) «на спине»; кьан-и-б (кьан-и-р) «на поляне» и др.

В вицхинском диалекте указанные выше формы образованы при посредстве –в, а не форманта –бу, образующего в данном диалекте инессив.

Специфические формы местных падежей, которые по времени своего возникновения являются очень древними, говорят о наличии в прошлом в лакском языке (как в аварском и даргинском языках) классного локатива-инессива, который образовался непосредственно от прямой основы при посредстве к5лассных показателей. Использование же «второй» (косвенной) основы для образования локативов, в первую очередь для инессива, явление вторичное и возникло оно в результате аналогии – выравнивания основы.

Видимо, своеобразным влиянием этого древнейшего локатива следует считать и факт образования в даргинском языке, в отличие от других языков, падежей «покоя» всех серий при посредстве классных показателей. Само локативное значение в основном осмыслялось в первую очередь через этот классный инессив и тенденции унификации и образования системности привела в даргинском языке к образованию специальной формы для эссивов при посредстве сериального показателя + изменяемые классные показатели.

К специфическим формам местных падежей, отмеченным выше, в аварском языке можно отнести и аульные названия, образованные при посредстве классных показателей – формантов V серии местных падежей (инессивы). Известно, что почти все аварские ойконимы – суть формы местных падежей, причем встречаются эти названия в формах всех сери й местных падежей (256, 17; 306, 164). Многие названия представлены в форме классного инессива (в качестве словарной формы используются названия с

показателем III класса **–б**: Гъуни-б «Гуниб»; Г1нт1и-б «Унтиб»; Къах1и-б «Кахиб» и др.

Аульные названия, которые образованы при посредстве формантов местных падежей, характерны и для других дагестанских языков - табасаранского, агульского, андийских, дидойских и других языков. Такие же модели выявляются в лезгинском (63, 113) и лакском языках (10, 18; 11, 156). Названия лакских аулов в их словарной форме выражают собирательность и это понятие выражено при помощи соответствующего форманта. Хъусращи означает «Хосрех» и «хосрехцы», а в основе выделяется суффикс собирательный –**и**, присоединенный к форме местного падежа на –хь: Хъусрахь «в Хосрехе», т.е. Хъусра-хьхь-и > Хъусращи «хосрехцы».

Имеются основания для утверждения о существовании среди лакских ойконимов и образованных, как и в аварском языке, при посредстве классных показателей, т.е. топонимов в форме классного инессива.

В этой связи заслуживают внимания топонимы с формантом (выражающим собирательность) –ми: Дуч1и-ми «Дучи», Ури-ми «Ури», Хъунайми «Хуна», К1унди-ми «Кунди» и др. Местный падеж «покоя» в этих топонимах образован при помощи форманта –в (реже –й): Дуч1и-в «в Дучи», Ч1я-в «в Кая», Хъуна-в «в Хуна», но Хъю-й «в Хойми».

Подобно приведенным выше топонимам оформляются при адаптации на лакский язык аварские топонимы с конечными классныcм показателями: авар. Гъуни-б «Гуниб» - лак. Гъуни-в «в Губине», Гъуни-ми «Гуниб, гунибцы»; авар. Г1анди-б «Анди» - лак. Аьнди-в «в Анди», Аьнди-ми «Анди, андийцы». Говоря другими словами, в лакских ойконимах с формантом –ми выделяется модель, идентичная аварской модели с конечными классными показателями в основе топонима. В лакских названиях в качестве специального форманта выступает –в, а в аварских изменяемые классные показатели.

В балхарском диалекте в таких топонимах местный падеж образован, как и в аварском языке, при помощи классных показателей: Хъуни-б

(I, III кл.), Хъуна-р (II, IV кл.) «в Хуна»; Дуч1и-б (I, III кл.), Дуч1и-р (II, III кл.) «в Дучи»; Гъуни-б (I, III кл.), Гъуни-р (II, IV кл.) «в Гунибе» и др. Видимо, такие формы в прошлом были характерны и для остальных лакских диалектов, ср., к примеру, классные направительные формы от некоторых топонимов, в которых выявляются основа локатива с классным показателем и классный направительный формант –ай (-бай, -рай): Мух1и-в «в Мегебе», но Мух1иппай < Мух1и-б-бай «по направлению к Мегебу, в сторону Мегеба».

Топонимический материал показывает не только наличие в лакском языке моделей, общих с другими дагестанскими языками, в частности с аварским, но и существование в прошлом модели, образованной при помощи классных показателей – топонимов в форме классного инессива, характерных в настоящее время для аварского языка.

В связи с тем, что в ряде названий лакских аулов выявляется такая же словообразовательно-морфологическая модель, что в аварском и в некоторых дагестанских языках, связанная с системой местных падежей, следует остановиться на основных типах названий населенных пунктов в лакском языке. Как известно, что во всех дагестанских языках формативы местных падежей различных серий использованы, как было отмечено выше, в качестве топонимообразующих аффиксов, в частности в названиях аулов. Наиболее ярко эта особенность проявляется в аварском, табасаранском, агульском и в некоторых других языках. Что же касается лакских ойконимов, то они, на первый взгляд отличаются по своим морфологическим особенностям от ойконимов других дагестанских языков.

Лакские ойконимы в их т.н. «словарной форме» по своей семантике и морфологическому оформлению являются собирательными именами: Гъумучи 1. «кумухцы»; 2. Кумух; Хъусращи 1. «хосрехцы»; 2. Хосрех. В качестве формантов собирательности использованы аффиксы –л, -р, -н, -и, -ми. Видимо, аффиксы –л, -р, -н исторически восходят к одному источнику (ср. та-

кое же положение в аффиксах множественного числа имен существительных), -ми – аффикс множественного числа атрибутивных имен, восходящий к указательному местоимению множественного числа. Среди лакских ойконимов выделяется группа названий с конечными суффиксальными элементамит –щи (Хъусра-щи «Хосрех», -хи (Т1ювани-хи «Туваних»), -хъи (Бухцана-хъи «бухцанах»), -ц1и (К1улуша-ц1и «Кулушац»), -сси (Гьарк1а-сси «Гаркас»), -чи (Гъуму-чи «Кумух»). Общей особенностью ойконимов с этими суффиксальными элементами является то, что в качестве локативов у них используются эти же основы без ауслатного –и: Хъусра-хь «в Хосрехе» (переход хьхь > щ закономерен: Хъусра-хьхь-и > Хъусра-щ-и, ср. тту-хь «у меня», тту-щ-а < тту-хьхь-а «от меня»), Т1ювани «в Туванихе», Бухцана-хь «в Бухцанахе», Гъуму-к «в Кумухе» (Гъуму-ч-и < Гъуму-к-и) и др. Таким образом, суффиксальные элементы в лакских ойконимах –щи, -хи, -хъи, -ц1и, -сси, -чи являются сложными и состоят из сочетания локативных формативов –хьхь (> щ). –х, -хъ, -ц1, -к (> ч), -с (> СС) и форманта собирательности –и. Вычленяемость последнего видна при передаче аварских ойконимов на лакский язык: авар. Ч1ухъ «в Чохе», ч1ахъ-ал «чохцы», ср. лак. Ч1ухъ «в Чохе», но ч1ухъ-и «чохцы».

Однако в лакском языке имеются случаи переразложения сложных по происхождению аффиксов –хъи и –щи (< хьхьи), передававших двыа понятия – локативности и собирательности, и использвания их в качестве новых самостоятельных морфем, например, виц1-хъи «вицхинцы» (жители Северной Лакии), аьндар-хъи < авар. г1андал-ал «андалальцы», щар-хъи «аульчане», бар-щи «жители верхнего квартала», ух-щи «жители нижнего квартала».

Выявление в основах лакских ойконимов формантов местных падежей показывают общность ойконимических моделей лакского и других дагестанских, а также нахских (307, 151) языков и свидетельствует об исключительной близости, обусловленной родством этих языков, системы местных паде-

жей, о вторичности расхождений в этой системе между лакским и другими дагестанскими языками.

Категория числа

В категории числа лакский язык различает единственное и множественное числа. Единственное число не имеет специального показателя и противостоит множественному отсутствием специальных формативов. Множественное число выражает как членимое множество, так и совокупное (собирательное) множест во, ср. дибир-тал «дибир», дивир-на-хъул «семья, близкие дибиры», Дибир-хъул «Дибировы».

Понятие множественности выражается при помощи специальных формантов или же классных показателей, используемых и в качестве показателя числа (классно-числовые показатели). Образование множественного числа при посредстве суффиксов характерно для имен существительных, прилагательных, местоимений, личных форм глагола. С помощью классных показателей множественное число выражено у классных основ глаголов, прилагательных, причастий. В некоторых основах одновременно используются оба способа, в частности, в классных глаголах одновременно использованы классно-числовые и лично-числовые показатели, ср. иза-р-а «я встаю» - б-иза-р-у «мы встаем».

Отмечается ряд имен, выражающих значение единичного числа и совокупное множество этих же лиц: оьрус «русский» и «русские»; разят «крепостной» и «крепостные».

Некоторые имена в форме множественного числа приобрели иную семантику и по значению не являются формами множественности этих же основ в единственном числе: мах-ру «кандалы» (мах «железо»), къат-ри «дом» (къат-ри «комнаты»), ирг-ри «эпидемия».

Лакский язык использует большое количество формантов множественности, в особенности в именах существительных и употребление их не все-

гда подчинено строго определенным закономерностям. Такие закономерности выявляются лишь при образовании множественного числа атрибутивных имен, указательных местоимений.

Образование множественного числа имен существительных

Все исследователи лакского языка обратили внимание на исключительно большое количество формативов множественного числа имен существительных: с учетом данных диалектов таких показателей насчитывается более шестидесяти. Естественно, этому вопросу был посвящен ряд специальных исследований (203, 68; 24; 77), в которых авторы приводят не только СМИ форманты множественности, но и касаются их происхождения, в частности указывается (Ш.ШГ. Гаприндашвили, Л.С. Гвинджилиа) на общность происхождения ряда аффиксов множественности в даргинском и лакском языках.

По звуковым комплексам показатели множественного числа имен существительных можно разбить на следующие группы:

1. Неслоговые показатели, состоящие только из согласных звуков: -в: магъи «крыша» - магъи-в; -л: ссурахъу «двоюродный брат» - ссурахъ-а-л; -т: зузала «рабочий» - зузал-т;- лт: барзу «орел» - барзу-лт; -нт: цурку «вор» - цурк-и-нт.

2. Слоговые показатели, состоящие из согласного или согласных с одним гласным: -ру: ниц «бык» - ниц-ру; -ду: бяр «озеро» - бяр-ду; -ну: ччан «нога» - ччан-ну; -лу: ппал «хлев» - ппал-лу; -тту: багьана «повод» - багьан-тту; -ри: вац1а «лес» - вац1-ри; -ли: к1ула «ключ» - к1л-ли; -тти: кюру «гнездо» - кюр-тти; -хъу: шар «село» - шар-хъу; -арт: лагъ «раб» - лагъ-арт; -нни: ку «баран» - ку-нни; -рду: ц1а «имя» - ц1а-рду; -ртту: хъи «рог» - хъи-ртту; -итту: т1уну «кормушка» - Тулу-нтту; -ртти: г1уну «звезда» - ц1у-ртти; -тру: цюрун «стекло» - цюрун-тру; хълу: ццу «отец» - ццу-хълу; -хъру: залу «хозя-

ин» - залу-хъру; -хъул: Аьли «Али» - Аьли-хъул; -хъи: шар «селение» - шар-хъи «селяне»; -рулт: хьхьи «голубь» - хьхьи-рулт; -дулт: бара «свидетель» - бар-дулт; -лив: ттурлу «облако» - ттурул-лив; -ттив: бюрни «олень» - бюрун-ттив; -рттив: даву «работа» - даву-рттив; -лттив: гурга «хлебец» - гургу-лттив; -тал: усттар «мастер» - усттар-тал; -ттал: виричу «герой» - вир-ттал; -рвал: уссу «брат» - уссу-рвал; -варк1: чу «мужчина» - чи-варк1.

3. Двусложный показатель: -ттирду: хъа «крыло» - хъа-ттирлу; -хъурду: щар «тело» - щар-хъурду (II – щар-хъу).

При употреблении приведенных аффиксов множественности определенные закономерности выявляются лишь при образовании множественного числа у производных имен существительных. Имена, образованные при помощи одного и того же словообразовательного аффикса образуют множественное число по одному образцу, к примеру, производные имена с суфф. –аву, -шиву, -шинна, -ни образуют множественное число при посредстве суфф. –рду (или его фонетических вариантов –ртту, -рттив…): даву «работа» - даву-ртту // даву-рттив; ххяххия «растение» - ххяххия-ртту и др. Мтакже отметить, что для форм множественности имен лиц характерных суффиксы: -тал, -рвал, -л, -арт, -хъул, -хъду, -хъру, -лт, -т, -ру. Но суфф. –лт, -т встречаются и у других имен, в частности суфф.: -лт используется и для образования множественного числа от названий птиц, ср. барзу «орел» - барзу-лт и др. Говоря иначе, использование формантов множественности связано не с распределением имен по четырем классам, а с противопоставлением имен лиц и не-лиц (но с рядом отклонений и исключений). Но в языке такая семантическая обусловленность форм множественного числа вытесняется фонетико-морфологической обусловленностью слова и генерализацией ряда суффиксов, в частности –ру и его вариантов.

В ряду имен, выступающих в форме множественного числа, стоят и собирательные имена, к которым в лакском языке относятся этнические на-

звания, названия людей по месту их происхождения и проживания. Собирательность (множественность) в таких именах может быть:

1. Морфологически неоформленной, т.е. без специальных аффиксов, ср. лак «лакцы», гурши «грузины», чаргас «черкесы» и др.

2. Морфологически оформленной (при посредстве формантов собирательности –л, -р, -н, -й, -хъи, -ми, -сса), ср. кура-л «кюринцы», бущихъ-и «ботлихцы», аьнди-ми «андийцы», яру-сса «аварцы» и др. И такие аффиксы, естественно, относятся к формантам множественности (собирательности) имен существительных.

Вопрос о причинах большого количества аффиксов множественного числа имен существительных лакского языка решался разными авторами поразному, хотя все они в целом были единодушны: наличие большого количества таких суффиксов – вторичное явление. Однако оно объяснялось в одном случае как слияние двух или нескольных суффиксов множественности, в других же случаях начальные элементы в них признавались элементами основ. К примеру, афф. –рду Г.Б. Муркелинский возводит и сочетанию двух аффиксов множественности: -ру + -ду > -рду (202, 330), а Ш.Г. Гапринда-швили, а вслед за ним и А.Ш. Акиев считают, что –р – элемент основы, а –ду – аффикс множественности: ц1а «имя» - ц1а-р(-ду) «имена», ср. авар. ц1ц1ар, лезг. т1вар… (68, 262; 24, 18). При объяснении генезиса суффиксов множественности не следует абсолютизировать те или иные процессы, т.е. не следует объяснять возникновение «сложных» суффиксов множественности лишь слиянием двух или трех простых суффиксов множественности (хотя такой процесс в некоторых случаях имеет месо), или же не следует также во всех таких случаях видеть элемент основы (+ формант множественности).

Для большинства формативов множественности причиной их возникновения следует признать, как это отмечено в литературе, фонетические процессы, закономерное изменение одних согласных в другие, чередование гласных. Многие форманты, таким образом, являются фонетическими вари-

антами одних и тех же морфологических единиц. Таковыми являются афф. –ру, -ду, -лу, -ну, -тту. В них согласные обусловлены предшествующим согласным основы, к которой присоединяется аффикс, ср.: оьл-лу < оьл-ду (вицх. оьл-ду) «коровы», ччан-ну < ччан-ду (вицх. ччан-ду) «ноги». Исходным для –лу является –ду, к нему же восходят исторически и –тту (< -ду); ср. и параллельные варианты формантов множественности –рду и –ртту: школа-рду//школа-ртту «школы». В связи со сказанным, исходными в указанных аффиксах являются –ру и –ду, но они могут быть признаны алломорфами: -ду выступал после сонорных, а –ру – после гласных и шумных, т.е. –ду и –ру являются двумя реализованными вариантами одной морфологической величины - -ду/-ру.

Афф. –ри, -ди, -тти, -(н)ни, -ли также имеют общий исходный вариант в виде алломорфов –ри/-ди. Что же касается взаимоотношения –ду_-ру и –ди/-ри, то и они, в свою очередь, восходят к одной морфологической величине –дГ/-рГ (в качестве гласного реконструируется у или и). Гласный же в этой морфеме был обусловлен гласным или вообще фонетическими особенностями основы.

Подобным же образом объясняется и появление аффиксов множественности –ртту, -лтту, -нтту – все они являются фонетическими вариантами –рду. К тому же они иногда могут употребляться и факультативно, ср.: школа-рду//школа-ртту «школы», арчимай-ртту///арчимай-нтту «альчики», аьрава-ртту//аьрава-лтту «арбы». Говоря иначе, -лтту < -ртту, -нтту < -ртту, -ртту < -рду.

Аффиксы множественности с конечным –в также находят фонетическое объяснение. Эти аффиксы – факультативные варианты аффиксов с конечным –у: -ттив//-тту, -ллив//-ллу, -рттив//-ртту, -лттив//-лтту, ср.: даву-ртту//даву-рттив «работы», ттурул-ду//ттурул-лив «облака». Исходными в этих случаях являются формы с –у, т.е. даву-ртту > // даву-рттив. Здесь имеет

место дифтонгизация монофтонга –у и переход его в –ив. В силу этого –ртту > -рттив, -лтту > -лттив, -тту > -ттив, -(л)Лу > -(л)лив.

По нашему мнению, и аффикс множественности –в, появляющийся в ряде имен с конечным –и (ср. ккаччи «собака» - ккаччи-в) находится в связи с отмеченным процессом дифтонгизации конечного –у и перехода его в –ив. Дело в том, что как аффикс множественности –в не особенно распространен, он расширяет свои функции, вытесняя другие форманты. В диалектах вместо него обычно выступает –рду, ср. арак. т1ут1и-рду «цветы» (вм. лит.т1ут1и-в). К тому же в современном языке прослеживаются случаи «внедрения» суф. –в вместо –рду, -нт, ср. дяъви-в «войны» (вм. дяъви-рду), лелуххи-в «птицы» (вм. лелухха-нт), хъи-в (в балх. диал.) «рога» (вм. хъи-ртту), зунтт-и-в (уллучар. гов.) «горы», (вм. зунтту-рду) и др. Судя по всему суфф. –в в качестве показателя множественности в лакском языке не является относительно поздним. По-видимому, конечный дифтонг –(и)в, являющийся аллофоном конечного –у в ряде формантов множественности (-ртту > // -рттив), мог осмыслиться как морфологически значимый элемент (второй аффикс множественности, ср. –т-ру) и образовывать формы множественности в словах со сходным ауслаутом (с конечным –и): т1ут1и-рду – т1ут1и-в «цветы» (ср. т1ут1и-рду в арак. диал.).

Сонетическими же процессами обусловлены и афф. –хълу и –хъру, восходящие в конечном счете к –хъул. В ряде имен с конечным –у афф. –хъул в результате редукции гласного и последующего наращения в конце словообразующего гласного, перешел в –хълу: ^{x}ппу-хъул > ^{x}ппу-хъл > ппу-хълу; при образовании множественного числа от слова залу «хозяин» афф. –хълу перешел в –хъру (в результате дистанционной диссимиляции л – л > л – р: залу-хълу > залу-хъру).

Здесь же коснемся и афф. –хъи и –хъу. Афф. –хъи использован при образовании имени с собирательным значением от слова щар «село» - щар-хъи «жители сел». Афф. –хъи по происхождению сложный и характерен для эт-

нотопонимии; он состоит из локативного афф. –хъ и аффикса собирательных имен –и. В ряде случаев он уже выступает к4ак единый и неразложимый суффикс собирательных имен, ср. виц1-хъи «вицхинцы», аьндар-хъи «андалальцы». Таким же он выступает и в основе щар-хъи «селяне». Форма щархъу «села» находится в связи с основой щаркъи. Возможно, для дифференциации значений «села» и «жители сел» использован гласный –у: щархъи «селение», щархъу «села». Но не исключена возможность контаминации форм щархъи «селяне» и щар-ду «села» (а эта форма представлена в щалинском диалекте и там нет формы щар-хъу). В свете сказанного форматы –хъи и –хъу позднего образования и не связаны с –хъул (но ср.: 24, 18).

Некоторые аффиксы множественности обязаны слиянию двух показателей –тру < -т+-ру, -рулт < ру+-лт. Но этот процесс объясняет происхождение лишь нескольких аффиксов. К тому же, имена, использующие эти сложные, «двойные» аффиксы множественности могут употребляться и в одним аффиксом, т.е. формы со сложными аффиксами являются параллельными: хьхьи «голубь» - хьхьи-ру//хьхьи ру-лт, ххаржан «кинжал» - ххаржан-т-ру.

Особняком стоят и аффиксы множественности –варк1 и –рвал. Первый из них встречается лишь в одном слове чи-варк1 «мужчины» (чу «мужчина»). В этом аффиксе элемент –вар- напоминает такой же элемент, встречающийся в косвенной основе от ряда имен лиц: душ-вар-ал//душурварал (род.п.); элемент -к1 не имеет каких-либо объяснений (если не отметить его наличие в ряде лакских ойконимов, ср. Бах1и-к1-ул, Шав-к1-ул, Ц1ув-к1-ул). Афф. –рвал также встречается в нескольких случаях, причем начало этого аффикса (-рва-) отмечается в основе слова хъин-и-рвал «троюродные братья» (хъини-рву – ед.ч.). Этот же элемент появляется и в косвенной основе нескольких имен: душ-урва(в)-рал//душ-варал «девушек», арс-урва(в)-ра-л//арс-вара-л «сыновей». Возможно, в таких именах афф. –рвал впоследствии был замещен наиболее общим аффиксом множественности –ру (т.е. *душ-у-рвал, *арс-у-рвал и др.), но следы старого аффикса сохранились в косвенной осно-

ве. Но исторически элемент –рва- (<-рба-) был элементом основы (косвенной), а собственно аффиксом множественности (собирательности?) был суфф. –(а)л.

Выше было отмечено, что этнические имена в лакском языке по своей морфологической структуре являются собирательными и в качестве аффиксов собирательных имен выступают –сса, -ми, -л (-р, -н) и –и. Аффиксы –сса и –ми по происхождению – форманты атрибутивных имен, использованные в качестве аффиксов собирательности (11, 158). Для афф. –л, -р, -н в таких именах исходной является –л. Таким образом, исходными для этнических имен формантами собирательности могут быть признаны –л и –и.

С учетом сказанного выше о происхождении аффиксов множественности (и собирательности) в лакском языке, в качестве первичных исходных формантов множественности могут быть выделены –ру, –рду, -л, -т, -лт, -тал, -хъул, -и. Все многообразие формантов множественности (собирательности) в конечном счете сводится к этим элементам.

Количество и этих аффиксов может быть, при учете ряда фонетических и морфологических особенностей, уменьшено.

В первую очередь, аффиксы –лт и –т могут быть также признаны вариантами одной морфологической величины, алломорфами: -т выступает вместо –лт, когда ему предшествует –л, -н основы имени (ср. зузала «рабочий», но зузал-т), а –лт присоединяетс к основе с гласным исходом (чичу «писатель» - чичу-лт). При этом шло и расширение сферы этих аффиксов по аналогии. Хотя афф. –т, -лт образовывали множественное число от имени лиц, эти аффиксы стали использоваться и в других случаях, в частности при образовании множественного числа и названий птиц (чит1у-лт//чит1-ри «ласточки», хъат1у-лт//хъат1-ри «вороны»). Этому могло способствовать то, что имена птиц часто в конце имеют –у (как и имена лиц с –у). И эти имена начали по аналогии пользоваться аффиксом множественности –лт. Исходным для –т и –лт следует признать –лт. Но не исключена возможность, что он по

происхождению связан с аффиксом множественности для имен лиц -тал, который в именах с конечным гласным мог подвергнуться фонетическим изменениям: гласный редуцировался (-тал > *-тл), а в комплексе *-тл, как не характерном для лакского языка, произошла метатеза (*-тл > -лт), т.е. *чичу-тал > ^{x}чичутл > чичу-лт. Сам афф. –тал также, вероятно, сложный: в нем выделяется элемент –т- и аффикс множественности (собирательности) –(а)л. Обращает на себя внимание косвенная основа имен с суфф. –тал: гьалмах-тура-л – род.п. от гьалмах-тал «товарищ». Элемент –тура- напоминает элемент косвенной основы в собирательных (этнических) именах в аварском языке –дери- (ср. хунз. «хунзахцы», род. п. хунз-дери-л). Аналогичный элемент, но в именительном падеже перед аффиксом множественности отмечен и в андийском языке - -дир-: гъагъу-дир-ал «гагатлинцы». Эти моменты, на наш взгляд, позволяют признать афф. –тал сложным и выделить элемент –т- в качестве морфологически значимого (но пока с не совсем ясной функцией, может быть элемент косвенной основы, как и –рва-, к которому присоединился аффикс собирательности, характерный для прямой основы множественного числа) и –(а)л – собственно аффикс множественности (собирательности). Следует отметить, что афф. –тал в памятнике «Касыда о плаще» и в шаднинском диалекте реализован в виде –тул, ср. шадн. арам-тул «мужчина»; в письм. пам. гьалмагъ-тул «товарищи». Возможно, здесь имеем влияние косвенной основы (-тура-) и выравнивание форм (-тул < -ту-ра-)?

Аналогичный по значению и близкий материально суффикс отмечен и в арчинском языке: -тил: адам-тил «мужчины» (119, 11). Возможно, арч. –тил обязано влиянию лакского языка.

У суффиксов множественности для имен лиц –л, -тал, -хъул, -рвал, как видно, общий элемент – это конечный –л. Кроме того, при словоизменении у имен с этими формантами элемент –л в косвенной основе утрачивается: ссурахъ-а-л «двоюродные братья» - ссурахъа (в)-ра-л; усттар-тал «мастера» - усттар-тура-л; уссу-рвал «братья» - уссу-рва(в(-ра-л; Ах1мад-хъул «Ахмедовы»

- Ах1мад—хъа-н (дат. п.). Несомненно, что в этих формантах показателем собственно множественности (собирательности) является именно –л, имеющий, кстати, и соответствия в других дагестанских языках, ср. авар. –ал, который утрачивается в косвенной основе.

Как известно, суфф. –хъул образует от личных имен форм репрезентативного множественного числа (Мусса-хъул «Мусса и члены его семьи», родичи и окружающие Муссы; Мусаевы). Такие же формы могут быть образованы и от нарицательных имен лиц (терминов родства и др.), которые имеют и обычные формы множественности, ср. усттар-на-хъул «семья, родичи мастера» (репрезентативное, собирательное множество), но усттар-тал «мастера» (обычное, членимое множество), уссий-хъул «семья, окружение брата», но уссу-рвал «братья»; дивир-на-хъул «семья, родичидибира», но дивир-тал «дибиры», ср. также и от с.м.и. Дибир: Дибир-хъул//Дивир-на-хъул «Семья Дибира; Дибировы».

В настоящее время функции суфф. –хъул расширились, он используется и для образования обычных (членимых) форм множественности от заимствованных имен, обозначающих женщин: колхозница-хъул «колхозницы» и др.

Аффикс собирательных имен (и множ. ч.) –хъул не может быть объяснен на лакской почве, но при этом не следует возводить его к дарг. –хъали и считать заимствованным из даргинского языка (24, 18). Афф. –хъул имеет соответствия в ряде родственных языков – дарг. –хъали, арч. –хир, табас. –гъяр (-кьяр), чечен. –гъар, адыг. –хэ(р). Возможно, что эти аффиксы общего происхождения и восходят к общему источнику.

Аффикс –рду является сложным: в нем в качестве аффикса множественности выделяется –ду, а –р – элемент основы имени (ц1а «имя», множ. ч. ц1а-р-ду < ц1ар-ду, ср. авар. ц1ц1ар, лезг. т1вар и др.). Конечный элемент основы выпал, но перед аффиксом множественного числа сохранился. В новейшее же время афф. –рду стал образовывать формы множественного числа

от многих имен по аналогии и там, конечно, о восстановлении конечного согласного основы не может быть речи.

Современное состояние изученности лакского языка позволяет реконструировать для лакского языка (на пралакском уровне) всего несколько аффиксов множественного числа (и собирательных имен). Эти форманты лакским языком были унаследованы от общедагестанской эпохи языкового единства: -л, -хъул (для собирательных имен; лиц); -и (для оттопонимических собирательных имен); -ру/-ду (-ри/-ди) для всех остальных имен существительных.

Для большинства формантов множественности исходным может быть признан –р-, который использовался для образования множественного числа имен различных семантических групп, и был общим и наиболее распространенным аффиксом. Такой вывод не представляется случайным и в пользу этого говорят данные других языков, например, аварского, в котором различные формы аффиксов множественности сводимы к одному (двум) показателям, а наиболее распространенным формативом множественного числа для имен существительных различных классов является –ал (198, 31).

Морфологическая структура частиц имен существительных

Основы имен существительных делятся на непроизводные и производные. К последним относятся сложные и сложно-производные слова.

По нашим приблизительным подсчетам имен существительных (непроизводных и производных) насчитывается около 6 тыс. лексических единиц. Общее число непроизводных и производных лишь в этимологическом отношении, а также наиболее употребительных и «освоенных» полностью лакским языком заимствованных имен существительных доходит примерно до 2800 лексических единиц. Все они распределены на одно-, двух-, трех- и четырехсложные основы. Встречается и несколько пятисложных основ. В

основах представлены слоги следующих типов: Г, СГ. ГС, СГС, СГСнС. Из сочетаний таких слогов состоит двух- и многосложные слова. Преобладают двухсложные (около 1400), трехсложные (около 600) и односложные (около 560) основы. Остальные (около 70) относятся к четырехсложным. Все эти основы реализованы в виде следующих фонетических моделей:

Односложные: Г (редко), ГС (15), СГ (60), СГС (320), СГСнС (160), ГСнС (15)[1];

Двухсложные: СГСГ (450), СГССГ (340), СГСГС (270), СГССГС (240), ГСГ (30), ГСнСГ (15) ГСГСн (40), ГССГС (40), СГСнССнГ (35), СГСГСнС (15);

Трехсложные: СГСГСГ (200), СГССГСГ (110), СГСГСГС (90), СГСГССГ (60), СГССГСГ (60), ГСГСГ (30);

Четырехсложные: СГСГСГСГ (35), ГСГСГСГ (10), ГСГГССГСГ (10), СГССГСГСГ (15).

В целом можно отметить, что среди непроизводных и заимствованных (освоенных и широко употребительных) имен существительных преобладают двусложные (около 50%), затем идут трехсложные (около 25%), односложные (около 20%), четырехсложные (около 3%) и единичные пятисложные.

Для односложных имен существительных наиболее характерны основы СГС, СГСнС, а основы типа Г, ГС, СГ, ГСнС не характерны.

Для основ типа ГС исходной является модель СГС: начальный согласный утрачен (ух «низ, пень», ух-щи «нижний квартал», но ср.: бух-личча «кость таза», дух-дякьа «пах», букв. «низ живота», бух-щи (в уллучар. гов.) «нижний квартал»; исчез и начальный фарингальный спирант, вызвав фарингализацию гласного (оьл < *г1ул «корова»; ср. дарг. кьвал; эн < *г1ин «шнурок»).

[1] Подсчеты этих и многосложных моделейприблизительны.

Односложные основы типа СГ (около 60 слов), за некоторыми исключениями (за «вещь», ой «почет» и др.) являются исконными. Ряд основ – междометного происхождения (къя «карканье», мя «блеяние»). Однако основы этого типа для лакского языка были малохарактерны, так как многие из них исторически возводимы к основам типа СГС. В частности ряд основ типа СГ, содержащий долгий гласный (д-я «середина», ч1у // < ч1ув «молозиво» и др.), могут быть возведены к основе типа СГС; долгие гласные в лакском языке обычно вторичного происхождения – долгота нередко является компенсаторной (д-я «середина», ср. дарг. д-ат (46, 130).

Кроме того, целый ряд основ типа СГ, при учете соответствующих данных других дагестанских языков, также возводятся к основам типа СГС, ср.: ц1а (< *ц1ар) «имя», но ср. мн.ч. ц1а-р-ду (< *ц1ар-ду), авар. ц1ар, лезг. т1вар «имя»; ква (< *квар) «рука», ср. мн.ч. ква-р-ду (< *квар-ду), авар. квер «рука». Обращают на себя внимание также и основы гъе «лето», к1и «зима», имеющие и факультативные, исходные формы с элементами основы –н- и суффиксом –т (78, 63), гъе-н-т (// > гъе) и к1и-н-т (// > к1и), ср. и и-н-т «весна», ссу-в-т «осень», т.е. и в данном случае основы типа СГ оказываются вторичными.

Односложные основы типа ГСнС (около 15 основ) для лакского языка не характерны. Среди них ряд заимствований (ирс «наследие», арх «канал» …). В анлауте обычно имеем фарингализованный гласный, восходящий к Г1 + Г. В некоторых основах начальный согласный утерян: арс < *в-арс «сын» (начальный в- - был окаменелым классным показателем, а затем выпал, ср. авар. вас, Анд. вашо). В основе и-н-т «весна» -н- и –т- - основообразующий и словообразовательный элементы (ср. к1и//к1и-н-т «зима», гъе//гъе-н-т «лето»), а и- выделяется как корневая морфема, но в качестве таковой отдельный гласный обычно не выступает. Поэтому, можно предположить утерю начального согласного (в- или гьв-), ср. ина (< *в-ина) «ты», но ср. ви-л «твой»; ич1у-сса; «домашние», но ср. вицх. вич1у-сса, шаднин. (и в письм.

памят.) гьуч1у-сса. Модель ГСнС в лакском языке является модифицированной и восходит к основам типа СГСнС.

Большинство односложных имен существительных в лакском языке имеют фонематическую структуру СГС (около 330 основ). Из них около 250 исконные, а остальные – заимствованные. Данная модель одна из характерных для основ имен существительных лакского языка. Сама эта модель реализована в виде СГС, $С_1ГС_1$, СГСн, СнГСн, $Сн_1ГСн_1$, СнГС.

Среди этих основ встречаются и «символические»: п1якь «взрыв», пар «блеск», кьут1 «стук», кьац1 «рот» (< кьац1- «укус») и др.

Сонорные преобладают в конце слов, в анлаутной позиции они относительно редки; к примеру, р- в начале встречается в четырех основах (рат1 «ущелье», рах1 «лощина», рик1 «топор», рук1 «ярмо»), а в конце основ – почти в двадцати основах (бир «озеро», мяр «гвоздь», щар «село», к»пашня», ттар «сосна», ччур «гной» и др.).

Во многих основах начальные б-, д-, л-, н, м- могут быть охарактеризованы как классные показатели (окаменелые, полуокаменелые), а второй согласный должен быть признан корневым согласным (*д-ак1 «сердце», *б-ак1 «голова», д-укь «гуща», д-юхъ «умение», р-ик1 «топор», р-ук1 «ярмо» и др.).

В употреблении согласных в основах типа СГС (когда анлаутный не увязывается с классным показателем) в целом отмечается тенденция к использованию сонорных (-р, -л, -н) в качестве вторых элементов, вероятно, морфемных (деривационных, детерминативных), ср.: ц1ал «болезнь» (ц1ун «болеть, ныть»), ч1ал «прополка» (ср. ч1ал-ли-л – род.п.) < ч1ун «полоть», х1ал- (ср. х1ал-ли-л – род.п.) < х1ун «косить, убирать урожай», кквал «счет (б-у-ккин «считать») и др.

Другой характерной моделью односложных основ имен существительных являются основы, имеющие фонематическую структуру СГСнС (около 160 основ). Среди них нередки и заимствования (дарс «урок», халкь «народ»,

бан6д «пуговица», дард «печаль», бурж «долг», ссирит «кряж» и др.) – около 50 основ.

Слог фонематической структуры СГСнС, реализованный в лакском языке в виде самостоятельных слов (занч «занос», к1анш «моргание», бярч «теленок» и др.), встречается в составе двухсложных (реже трехсложных) основ в качестве первого или второго компонента основы (ср. бурх1-лу «кольцо», би-т1янхъ «ладонь»). Этот слог имеет определенные особенности, которые в первую очередь касаются конца слога – двухфонемных комплоексов согласных. В этих двухконсонантных комплексах в качестве первого члена выступают согласные –р- и –н-, а изредка –л-, -в- и очень редко (лишь в заимствованных) –й-.

В односложных именах типа СГСнС очень часты основы, имеющие явно подражательный («символический») характер – мимеоизобразительные слова. К примеру, ряд основ с конечным –рк выражают различного вида «ползание»: ххяри «ползание», ссурк «продвижение (лежа)». Слова с конечным –рх: варх «рассыпание», парх «вспышка», пперх «яркое солнце» и др. У ряда имен модели СГСнС основа исторически оказывается сложной: в них выделяется начальный согласный, который может быть признан окаменелым классным показателем, конечный согласный – корневым, а предшествующий ему сонорный – наращенным, вставочным элементом, который выявляется в ряде лакских слов, ср. а-р-с «сын», но ср. авар. вас; ба-р-ц1 «волк», но ср. авар. бац1, дарг. бец1. Такого типа основы выявляются в следующих именах: баргъ «солнце», барз «луна», бурк1 «свинья», бярч «теленок», ттарк1 (< *дарк1) «кость», ттархъ (< *дархь) «палка».

По происхождению основы типа СГСнС подразделяются на несколько групп: заимствованные из других языков; мимсеоизобразительные; содержащие в анлауте окаменелый классный показатель, а в ауслауте корневой согласный; с наращенным инлаутом сонорным (СГС > СГСнС): ба-р-ц1 «волк», ма-р-ч «ветер» и др.; ряд производных (отглагольных) основ: дурч1

«сорная трава» (дурч1ин «полоть»), кьаркь «сухость, сухая сторона» (кьакьан «высохнуть»).

К производным, имеющим в основе деривационный элемент, относятся и названия к1и-н-т // к1и «зима» и гъе-н-т // гъе «лето», ср. и ссу-в-т «осень», и-н-т «весна». В основе инт анлаутный согласный утерян. В этих названиях времен года конечный –т выступает как деривационный суффикс, а производящей основой была корневая морфема типа $С_1ГС_2$. Второй согласный, вероятно, был –б-, который в одном случае дал –р-, в других - -м- > -н-. Возможность существования в данной позиции –б- допускает и анд. ссиб-ар-у «осень».

У двусложных имен существительных наиболее распространены основы типов СГСГ (около 450), СГССГ (около 350), СГСГС (около 370), СГССГС (около 240), а другие модели двухсложных основ встречаются реже (от 15 до 40 основ).

Модель СГСГ среди двухсложных основ наиболее распространенная. Большинство основ – исконные, около ста основ – заимствованные.

По своей структуре собственно лакские основы этой модели вторичного образования. Среди них имеются: редуплицированные (дада «мама», бава < баба «мамаша», къакъа «букашка» и др.) и образованные от корневых морфем типа СГС ри посредстве деривационных элементов – конечных гласных (бак1-у «холм», ср. бак1 «голова»; маз-у «сосок», ср. маз «язык» и др.). Во многих основах конечный гласный выступает как наращенный элемент (его морфологические функции не ясны); возможно здесь имело место тенденции к открытости конечного слога.

Хотя двухсложных имен модели СГСГС насчитывается около 370, но в большинстве своем они иноязычного происхождения (бадал «замена», гъалат1 «ошибка», дужагь «ад», зийан «вред», буйур «приказ», къавахъ «тыква» и др.

Собственно лакских этой модели чуть более восьмидесяти оснорв. Многие из них исторически сказываются производными (дащ-ин «пасмурная погода», дуц-ин «мерка» и др.); встречаются основы и с редуплицированным согласным: кьурукъ «поток», ккунук (< *ккунукк) «яйцо», хъюрухъ «кудри» и др. Нек5оторые из основ этой модели могут быть охарактеризованы как «этимологически темные: бакъухъ «халва», нат1ух1 «халва с орехами», ц1игьур «повар», Буцур «крепостная стена», рассун «кишка (колбаса)», дахас «хаос», чимус «лук» и др. Многие из этих основ встречаются и в других дагестанских языках и, вероятно, являются заимствованными.

Двухсложные имена модели СГС-СГ (около 350 основ) большею частью (около 250 основ) относятся к исконным, а остальные – заимствования. В собственно лакских основах конечный слог (-СнГ) обычно деривационный элемент, а производящая основа выступает в виде СГС- (зукь-лу «благодарность», дук-ра «еда», тун-ну «вена», гьан-на «семя» и др.). Однако в целом ряде основ воможно иное членение: 1) производящая основа (корневая морфома) выступала в виде СГСнС, а конечный гласный является деривационным элементом (ср. зунч1-и//зунк-лу «каменная плита», бурс-а//бурс-лу «иней», кунц1-а//кунц1-лу «болото» и др.); 2) основа возникла при частичной редупликации подражательных основ: жюржу < // жюр-жюр «журчание», зурзу < зур-зур «дрожь», ххурхху < ххур-ххур «гул» и др.

Хотя двухсложных имен модели СГС-СГС насчитывается около 250, но в большинстве своем они относятся к заимствованиям. Исконных же относительно мало (около 50 основ) и они, как правило, являются производными (хъюрт-ун «ныряха», щюрт-ун «враль» и др.) или же редуплицированными «символическими» основами (пар-пар «блеск, сияние», жюр-жюр «журчание»).

Двухсложные имена других моделей встречаются относительно реже. Имена модели СГСнССнГ (бурх1лу «кольцо», зунк1лу «каменная плита» и др.) являются по происхождению производными. Корневая морфема высту-

пает в виде СГСнС, а конечный слог (-СнГ) является деривационным суффиксом. Имена модели СГСГСнС в большинстве своем – заимствования, а несколько собственно лакских основ – сложные имена (би-т1янхъ, в диал. ви-т1яхъ «ладонь», к1и-ттархь «игра в чижики» и др.).

Двухсложные основы модели ГСнСГ могут быть как заимствованными (аьрза «жалоба», аьшна «любовница», архъа «родня»), так и исконными (аьнхъа «сороконожка», урц1и «корыто»). В исконно лакских основах модель ГСнСГ восходит к СГСнСГ, в частности имена с анлаутным фарингализованным гласным имели консонантный анлаут (межхрящевый звонкий спирант, который вместе с последующим гласным перешел в фарингализованный гласный: аьрщи < *г1арщи «земля», ср. дарг. гьянжи. В некоторых случаях конечный гласный является деривационным элементом, ср. оьнт1-а // оьнт1-лу «ложбина», но в род. п. оьнт1уллул (т.е. < *оьнт1-лу); оьнц1-у «сопли» (ср. п1ялц1-у «слизь в глазах», оьнк-у «чад».

Для исконных двухсложных основ модели ГСГ гласный анлаут представляется вторичным явлением (уссу < *в-уссу «брат», ср. авар. вац). Возникновение анлаутного фарингализованного гласного также связано с утерей фарингального согласного (г1-) и замещением первого слога фарингализованным гласным (аьму < *г1аму «маленькое корыто»). Для модели ГСГ исходной является модель СГСГ. У таких основ истории чески корневая морфема выступала в виде СГС-, а ауслаутный гласный был наращенным или суффиксальным.

Почти все имена модели ГСГС (аран «равнина», энад «упрямство» и др.) являются заимствованными. Собственно лакские основы этой модели очень редки и они являются производными (оь-хъин «скарб», оьттач «грязнуля» < оьт «экскременты»).

Двухсложные основы типа ГС-СГС (около 80 основ) в большинстве случаев представлены заимствованиями, лишь небольшая часть (около 15 основ) составляют собственно лакские основы, которые являются произ-

водными (ивссун «одежда покойника», ухч1ин «подол»), сложными (ух-щар «нижний квартал»), междометными, детскими (уммай «поцелуй», угь-къан «стон», оьммагь «мычание коров»).

Встречаются единичные примеры моделей ГСнССнГ (аьнк1лу «ёж»), ГСГСнС (идавс «пророк»), которые для лакского языка не характерны. Основа аьнк1лу «ёж» - производное с суфф. –лу, а идавс «пророк» - древнее заимствование из скифского (12, 343).

Трехсложных основ различных моделей насчитывается более 550, но не все эти типы распространены. Наиболее часты модели СГСГСГ, СГССГСГ, СГСГСГС, а другие встречаются относительно реже. Как правило, трехсложные основы – производные и заимствованные. В некоторых типах основ последние встречаются довольно часто.

Имена типа СГСГСГ в большинстве своем исконные – производные и сложные (сросшиеся), ср.: бий-ала «воля», дук-ийа «еда», дя-лик1-у «перевал» и др. Довольно часты и заимствования: жаназа «труп», чагъана «скрипка», гъадара «котел», батагъа «рыбный промысел» и др.

Имена типа СГС-СГ-СГ явно производные (в числе их и сложно-производные). В качестве корневых морфем выступают основы типа СГСнС (пурп-у-ххи «мочевой пузырь»). Ср. и сложно-производные (бак1-вах1у «чохто», бак1 «голова», бах1ин «завязать»; вих-шал-а «доверие», вих хьун «поверить»). Нередки и заимствования: байчара «несчастный», залзала «землетрясение», ххурттама «вампир» и др.

Большинство основ типа СГССГСГС относятся к заимствованиям (къалмакъал «скандал», маслих1ат «совет» и др.), а исконные – производные (сложно-составные): ккюрну-т1ай «круг», лунтту-бак1 «подбородок» и др.

Среди имен типа СГСГССГ встречаются как иноязычные (гилавка «фунт», къавурма «каурма» и др.), так и исконные. Почти все собственно лакские основы производные – сложно-составные и суффиксальные (дурух-

лу «опухоль», няк1унна «черемуха», лач1анну «припой», буттарссу «тетя по отцу» и др.).

Имена типа ГСГГСГС в большинстве своем иноязычного происхождения (жанавар «зверь», тазанак1 «медиатор» и др.). Исконные относятся к производным и сложно-составным (буруккин «забота», гьара-ппал «нижняя часть мельницы», щирип1ай «волчок» и др.).

Выявляется также и ряд других моделей трехсложных основ (СГСГССГС, СГССГССГ, ГСГСГ, ГССГСГС и др.), ео они представлены в ограниченном числе примеров (1025), причем в этих моделях преобладают заимствования, а исконные наблюдаются реже и они явно производные. Ср.: бадуржан «баклажан», ссатиржан «воспаление легких», агъийал «гнойник», изагур «ханша», интикьан «месть», абийа «паяльник», изажа «русалка», аьракьи «водка». Исконные явно производны: чулух-т1ан «отводной канал» (чудух «сбоку»), нисварти (по этимологии Т. Гудава «бык-трава») «огурец», ич1алу «домашний очаг», оьц1алу «оспа» и др.

Четырехсложные непроизводные (в синхронном плане) основы имен существительных для лакского языка в целом не характерны, их насчитывается всего около 70. В большинстве своем эти основы реализованы в виде следующих моделей: СГСГСГСГ (жюружани «водопад»), ГСГГССГСГ (т1юванжари «путы»), СГССГСГСГ (гъангъарат1и «жук»), Г-СГ-СГ-СГ (аьссарак1и «острие полы»). Другие типы четырехсложных основ встречаются в единичных примерах.

Четырехсложные непроизводные основы исторически являются, как правило, производными (сложно-производными или сросшимися композитами) или заимствованными (адам-и-на «мужчина», багьадура «герой», нааьрачи «блюдце» и др.).

В некоторых основах производный характер самоочевиден – в них мы имеем «живые» аффиксы (гьарахъ-алу «мельница», ттарац1-алу «гумно» и др.). В ряде основ вычленяется повторяющийся в нескольких основах фи-

нальный элемент, который может быть охарактеризован как омертвелый суффиксальный элемент (ср. –ани: жюруж-ани «водопад», гъалагъ-ани «глыба льда», зюрукъ-ани «сосулька» и др.).

В четырехсложных основах преобладает гласный исход, который нередко бывает наращенным (багьадур-а «герой») или суффиксальным (в сложно-производных словах, ср. качар-бич-у «сахарница»).

Основы имен существительных имеют характерный для них «лакский» фонетический облик. Характерным является согласный анлаут (обычно шумные согласные). Для начала слов скопления согласных не характерны. В заимствованных словах такие комплексы расщепляются при посредстве протезы (усттул < стол) или эпентезы (ккурушкка < кружка). Имена с гласным анлаутом встречаются относительно редко (около 200 основ) и в целом не характерны.

Около половины основ имен существительных имеет гласный ауслаут. Из согласных могут быть, как и отдельная согласная, так и двухконсонантные группы. В роли первого члена таких комплексов выступают сонорные –р-, -н- (изредка и –л-), а также губно-губной спирант –р- и (в нескольких заимствованных словах) среднеязычный спирант –й-. В качестве второго компонента выступают обычные шумные (за исключением –б- и геминированных согласных). В заимствованных словах нехарактерные для языка комплексы согласных расщепляются при посредстве эпентетического гласного (министтир < министр) или путем утери конечного согласного (дус – дуст «друг»).

В инлауте в интервокальной позиции могут выступать, как отдельные согласные, так и комплексы – двухчленные и трехчленные – согласных. Для лакского инлаута наиболее характерны двухчленные комплексы согласных, состоящие из а) сонорного и шумного и б) шумного и сонорного. Менее характерны комплексы «шумный + шумный» и «сонеорный + сонорный». Для лакского языка более естественны комплексы «сонорный + шумный» в кор-

невых морфемах (ма-рхх-а «корень», мурц1-у «угол» и др.), а комплексом «шумный + сонорный» выступают на стыке морфем – сонорный элемент в ни х является аффиксальным (ср. ц1у-хл-а < ц1ух-ла «обыск» < ц1ухх-ин «спросить», гьу-тр-у < гьут-ру «легкое» и др.).

Отмечаются, в первую очередь в кумухском диалекте, комплексы, состоящие из двух одинаковых сонорных –лл- и –нн- (взамен диалектных –лд- и -нд-). Они встречаются в заимствованных словах (кьулла «бассейн», миннат «просьба» …). В исконных слогвах эти комплексы выступают на стыке морфем, т.е. в исторически производных словах. Сами комплексы возникли в результате фонетических процессов:

лд > лл: ххул-лу < ххул-ду «дорога» (ср. вицх. ххул-ду);

нд > нн: тун-ну < тун-ду «вена» (ср. вицх. тун-ду и дарг. тум); ср. такой же процесс и в заимствованиях: рана < ранда «рубанок», ханнакь < хандакь «ров»;

-рн > нн: аннилсса < арнилсса (уст.) «кумыки» (букв. «равнинники», ар «равнина»).

Комплексы «шумный + шумный» встречаются в заимствованных словах и в около двадцати пяти собственно лакских основах, но последние по происхождению оказываются производными и сросшимися композитами (ср. нуз-кьун «двустворчатая дверь», ух-ссав «север», ух-щи «нижний квартал» и др.).

Инлаутные трехконсонантные комплексы – максимально допустимые сочетания согласных в лакском языке. Они обычно возникают при словоизменении и формообразовании. Встречаются и в некоторых производных именах существительных и в сросшихся композитах (ср. бурх1-лу «кольоц», зирк1на «лоза», кьанслу «хрящ» (ср. диал. кьанса и дарг. кьамсик1), к1урч1лу «сито» (< к1уч1ин «просеять»), зунк1лшу (в диал. зунч1и < зунк1и) «каменная плита (на крыше)». Такие трехконсонантные комплексы содержат

два сонорных, разделенных шумным согласным. Последний член в них по происхождению всегда аффиксальный.

В большинстве простых (непроизводных в синхронном плане) основ имен существительных выявляются следующие элементы: корневой согласный, префиксальный классный показатель (в окаменелом виде) и детерминативный суффикс. Однако все эти элементы не всегда представлены: встречаются основы с окаменелыми классными показателями или утерявшие их: в ряде основ выявляется лишь корневой согласный. Исторически же основа простого имени существительного состояла из классного показателя (с сопровождающим гласным), корневого согласного и детерминативного суффикса (51, 298).

В большинстве своем основы простых (непроизводных в синхронном отношении) имен существительных содержит один корневой согласный, т.е. ив лакском языке, как и в других дагестанских и ибери йско-кавказских языках, корень имени существительного исторически носит моноконсонантный характер. Однако, имеется и немало исключений из этого правила, в частности звукоподражательные и звукоизобразительные основы (т1анк1 «прыжок», т1урк1у «игра», кьац1 «рот», «укус» и др.), редуплицированные основы (чак < как «намаз», сус «рожь», к1ук1 «течь», хах «рама», ццац < *ццацц «колючка» и др.) или заимствованные основы, в особенности древнейшие, которые подверглись значительным изменениям и воспринимаются как исконные.

В качестве корневых реализованы согласные всех видов (простые и геминированные, звонкие и глухие и т.п.), за исключением звонких б и д, а также сонорных (н, р, л, м), т.е. таких согласных, которые широко используются в качестве словоизменительных и формообразовательных аффиксов.

Во многих основах выявляются детерминативные суффиксы, которые, как полагают, были основообразующими элементами (287; 229, 59-72; 51, 310-312). В качестве последних выступали согласные –р-, -н, -л с предшест-

вующими гласными, ср. чч-ан «нога», ш-ин «год», хьхь-ир-н «море», ц1-ар «имя» (ср. мн. ч. ц1а-р-ду и авар. ц1ц1ар), к1ил-и «седло» и др. Детерминативные суффиксы квалифицируются в историческом плане как4 указательные (дейктические) элементы, а их согласные (-р, -н, -л) увязываются с показателями класса вещей. В синхронном плане для этих элементов не характерна морфологическая значимость, они срослись с корневыми согласными и вместе с ними составляют корневую морфему. Детерминативные суффиксы характерны для древнейшего этапа структуры именных основ. Многие же основы к настоящему времени утеряли их и наличие последних в прошлом выявляется по косвенным данным, ср. бак1 «голова», но бак1-р-а-л (*бак1ар, род. п. мн. ч. бак1ур-ди-л), ср. и авар. бет1ер (51, 298).

В современном лакском языке представлены основы, состоящие: из корневого и детеминативного суффикса (типа ч1-ан «дно»); из корневого согласного и классного показателя (типа д-ик1 «мясо») и из корневого согласного – без классного показателя и без детерминативного суффикса (типа ц1у «соль» (51, 313-314). Таких типов основы нередко встречаются и в осложненном суффиксальными – деривационными – элементами виде, но последние, как правило, являются непрдуктивными, хотя сами основы по происхождению относятся уже к производным.

Как было отмечено, грамматический класс имени существительного формально (при посредстве соответствующих классных показателей) в основе, как правило, не представлен. Класс имени существительного материально оформляется в соотнесенных с именем словах: в глаголе, прилагательных, наречиях. Однако встречается немало имен существительных, в которых в процессе историко-этимологического анализа выявляются элементы, восходящие к классным показателям – окаменелые классные показатели. Говоря о наличии или отсутствии таких элементов в основах имен существительных, следует различить основы непроизводных и производных (от других частей речи) имен. В производных именах окаменелые классные показатели обна-

руживаются относительно легко, связь этих имен с образовавшими их классными основами сохранилась более или менее отчетливо, а выявление же окаменелых классных показателей в непроизводных именах существительных связано с рядом рудностей, здесь необходим сравнительный анализ этих и соответствующих им основ в других дагестанских языках.

Наличие двух видов – производных и непроизводных – основ имен существительных с окаменелыми классными показателями предполагает «окаменение» классных показателей двоякого происхождения:

1. От классных корней (глагола или других частей речи) образуется имя существительное с показателем того или иного класса. Особенностью таких классных имен является то, что они сохраняют свои семантико-морфологические связи с производящими частями речи, выступают как бы в качестве их именных форм, а когда такие имена переходят полностью в разряд существительных, то в качестве общего названия выступает лишь одна из этих форм, ср. даву «работа», но аву (д-аву, б-аву) «делание»; дакьаву «мир», но акьаву (б-акьаву, д-акьаву) «согласность, согласие» и др. Если первоначально при возникновении имени такие показатели выражали определенные синтаксические отношения, то с течением времени лексическое значение слова абстрагируется, слово употребляется в обобщенном значении, а показатели классов, представленные в основе, перестают выполнять какие-либо грамматические (синтаксические) функции. Хотя они не воспринимаются как грамматически значимые элементы, остаются в основе имени, срастают с корневой морфемой, т.е. окаменевают.

2. В прошлом изменяемые по грамматическим классам показатели присоединялись и к именам существительным, подобно тому, как они присоединялись к формам, согласуемым с данным именем существительным (35, 60; 192, 8-9). Говоря иначе, основа имени существительного с помощью классных показателей различалась по классам. В процессе развития и абстрагирования семантики слова формы других классов, кроме формы одного

класса, вышли из употребления. Сохранившаяся форма (с «окаменевшем» показателем одного из классов) стала равносильно относиться ко всем классам.

Ниже приводятся имена, в которых выявляются окаменелые классные показатели:

б-агьу-б-изу «быт; образ жизни»; ср. багьу < багьан «упасть», «случиться» и бизу < бизан «встать»;

базу «член» (об органах тела» «шов»; предположительно увязывается с глаголом базин «соединить, пришить»;

б-айлаххи «точило; точильный камень»; ср. б-айил-сса «острый», байил бан «наточить, заострить»; -(а)ххи – словообразовательный суффикс, ср. ххалаххи «иголка», ххялаххи «грабли»;

б-акъ-у «небылица, вымысел» (ср. б-акъ-асса «отсутствующее», «то, что отсутствует»;

б-ахчу «помеха, препятствие», ср. б-ахчин «споткнуться»;

б-ах1у «препятствие, колдовство», ср. б-ах1ин «связать»;

б-и-в-к1у «смерть», ср. б-и-в-ч1ан < б-и-в-к1ан «убить, умереть»;

б-ик1 «начало, основа, происхождение»; увязывается с глаголом б-ик1ан «быть, существовать»;

б-иту-ххиту «беспорядочная стрельба», ср. б-итан «выстрелить», ххитту – ассонирущее слово;

б-ихху «убой скота», ср. б-иххан «зарезать»;

б-ийāла «воля»; в слове выделяется суфф. –āла, ср. кьюкь-āла и др.; увязывается с глаголом б-ийан «достигнуть, добиться»;

б-у-в-ч1у «гадалка» (< б-у-в-ч1ин «понять, распознать»);

б-унийала «серьезно, всерьез»; хотя слово по семантике примыкает к наречиям, по образованию тяготеет к именам существительным. Увязывается с глагольными формами б-ур «имеется, есть» и б-у-(сса-) «имеющийся, существующий, действительный»;

б-уру-в-сса «разрезанная сушеная курага», ср. б-урусин «разрезать»;

б-урусу «крошево, крошки» (< б-урусин «разрезать, раскрошить, накрошить»);

б-урукkин «печаль, забота, озабоченность». По образованию примыкает к отглагольным именам, образующим с помощью суфф. –ин, а в начале основы имеется элемент б-уру-, наличный в некоторых глаголах, ср. буруххан «сшить»; буруччин «уберечь, защитить»;

б-урх1лу «кольцо (дверное)»; увязывается с глаголом б-ах1ин «связать». Образовано при помощи суфф. –лу. Что касается инлаутного р, то он может быть объяснен как наращение, характерное для ряда лакских имен, ср. лак. а—р-с, но авар. вас «сын, мальчик»; лак. бар-ц1, но авар. бац1 «волк»;

б-усāла «сказание, легенда», ср. бусан < *б-усан «рассказать», ср. авар б-ицине;

б-ухч1инсса «ягодица»; субстантивированное прилагательное; в качестве корневого элемента выделяется б-ух «низ, пень»; бук-личча «тазовая кость», дух-лякьа «пах» (букв. «низ живота»); ух-ч1ин «подол»;

б-ювч1у-б-укку «разговор из вежливости»; ср. бювч1у < б-юч1ан «отполироваться» и букку < б-уккан «выйти»;

б-юхъу «умение», ср. бюхъан < *б-юхъан «смочь»; дюхъ «умение»;

б-янивсса «поясница, крестец»; субстантивированное прилагательное; в качестве корневого элемента выделяется квалифицируемый как классный превербоид б-я-(д-я) «середина», ср. б-н-(лич1ин) «прервать»; дя «середина»;

д-āву «работа»; масдарная форма от глагола д-ай «сделать», перешедшая в разряд имен существительных;

д-агьани «зеркало»; предположительно увязывается с глаголом д-агьан «упасть», имеющим и значение «выйти, получиться» (отражение, картину, изображение ч.-л.)», т.е. «то, что отражает упавшее (падающее на него) изображение»;

д-агьия «выгода, доход, подать», ср. д-агьан «причитаться»;

д-айгьузан(ну) «преграда, препятствие»; образовано при помощи суффикса имен места –занну (-зан) от глагола д-айгьин «сдержать»;

д-ай-д-ихьу «начало»; восходит к сложному глаголу д-ай-д-ишин «начать, начаться», в котором первая часть д-ай- - классный преверб со значением «начало», а дишин < дихьин «класть, положить»;

д-акьу-къа-д-акьу: дакьу-къадакьу хьун «заболеть (желудочными болезнями)»; ср. д-акьин «быть подходящим»; букв. «подходящая, неподходящая»;

д-ай-лит1у «окончание», ср. д-ай-лит1ун «кончиться»;

д-айшишру «препятствие, помеха», ср. д-айшун «предотвратить, отдалить»;

д-акру «кривизна», ср. даччан < даккан «искривиться»;

д-аккаву уст. «народное собрание»; по форме является масдаром, однако глагол, от которого образована масдарная форма, в современном языке не прослеживается;

д-акьāву»мир, перемирие»; является масдаром от глагола д-акьин «согласиться, поладить»;

д-алух1и «узел, связанные вещи», ср. д-ах1ин «связать»;

д-аслу (д-асру) «слякоть, талая вода», ср. д-ассан «оттаять»;

д-ащин «непогода, пасмурная погода», ср. д-ащан «стать пасмурным, закрыть, заделать»;

д-ашру (д-ашлу) «несолнечная погода», ср. д-ащан «стать пасмурным, заделать, закрыть»;

д-ахху-д-ихху «купля-продажа», ср. д-аххан «продать», д-иххан «заре-зать»;

д-ахху-ласу «торговля», ср. д-аххан «продать», ласун «взять, купить»;

д-ахь-лагру «укрытие, место, за которым скрывается что-либо»; ср. д-ахь лаган «укрыться»;

д-аччин «обман», ср. д-аччан «искривиться»;

д-ач1у «мерка (зерна), барабан», ср. д-ач1ин «разделить на части» (250, 264);

д-игьа-лагру «отдых», «покой», ср. д-игьа лаган «отдохнуть»;

д-иссин «пойло, помои»; увязывается с глаголом д-иссун «помыть, вымыть», ср. типологическое схождение с авар. чури «пойло, помои» < чуризе «мыть, вымыть»;

д-ишāла, уст. «подать, дань», ср. д-ишин «класть, наложить»;

д-угъанну «косметика», ср. д-угъан «намазать»;

д-укия «пища, продовольствие», ср. д-укан «есть, кушать»;

д-укра «еда, кушанье», ср. д-укан «есть, кушать»;

д-уккаву «учеба, ученье», масдарная форма от глагола д-уккин «читать, считать»; в значении «учиться» глагол употребляется с классным показателем д-: дуккин «учиться», «получить образование»;

д-уккия «чирей», ср. д-уккан «выйти»;

д-укь «сгусток, гуща», ср. д-укь-ра-сса «густой, насыщенный», ср. идукьра-х1ан «буза», букв. «густой напиток (хмельной)»;

д-ук1у «доход», ср. д-уч1ан < д-ук1ан «придти»;

д-у-р-ч1ала «понятие, объяснение», ср. д-у-р-ч1ин «понять»;

д-урухлу «шитье, опухоль», ср. д-уруххан «сшить, опухнуть»;

д-ух1ин «вежливсть, воспитанность»; предположительно увязывается с глаголом д-ух1ан «вынести, выдержать»;

д-уцин «мерка», ср. д-уцин «взвесить, измерить»;

д-учри мн. ч. от чву «лошадь, конь», в основе дучри выделяется суфф. мн. ч. –ри и корневой элемент –(у)ч (ср. чву), а начальной д- может быть квалифицирован как окаменелый классный показатель. На возможность наличия классного показателя в этом названии указывают и данные некоторых дагестанских языков: хиналуг. п-ши, арч. нош «конь»; начальные звуки в

этих словах квалифицируются как окаменелые классные показатели (234, 284), ср. и дарг. у-р-чи (167, 237);

д-уч1ия «доход, заработок», ср. д-уч1ан < д-ук1ан «придти, явиться», ср. и дук1у «доход»;

д-юхлу (д-юхру) «прохлада»; предположительно увязывается с глаголом д-юххан «раздражать, воздействовать»;

д-юхъ «умение, способность», увязывается со словами б-юхъу «умение», бюхъан «смочь» и д-юхъан «быть обильным» (256, 265);

д-я «середина»; увязывается с превербом д-я, ср. дя-лич1ин «прервать» (256, 264);

д-язан «середина» (в форме дязанаву «в середине»); в основе выделяются суфф. места –зан и классная основа д-я «середина»;

д-ялахъру « веселье, забава», ср. д-я-лахъан «забавляться»;

д-яликlу «перевал»; образовано от сложного глагола д-ялич1ин «прерваться, прекратиться», который состоит из классной основы д-я «середина» и лич1ин < лик1ин «втиснуть, всунуть»;

д-я-риъу «холод, ревматизм», ср. д-якъин «охладиться»;

м-ассу-тату «слякоть», сложное слово, состоит из двух производных отглагольных имен: массу < б-ассу «таяние» (б-ассан «таять») и тату «свертывание» (татан «свернуться»); ср. хосрех. басу-тату;

мух1 «серп»; слово увязывается с глаголом ттих1ин < *д-их1ин «сжать», ср. и х1ун «жать» (167, 238). Анлаутный –м восходит к б- - экспоненту III класса.

Среди производных имен с окаменелыми классными показателями выделяется некоторое количество имен, в которых классные показатели представлены инфиксально и суффиксально, причем последние исторически являлись ауслаутными классными показателями. В большинстве своем эти имена образовались в результате словосложения, опрощения, обособления по значению: ви-р-дак1 «сердцевина, ядро, мякоть»; ср. ви-р «внутри»,

«внутренний», в котором представлен классный показатель –р, ср. в современном языке вив «внутри» (для всех кл.) и дак1 «сердце»;

ви-р-сса «внутренности», субстантивированное прилагательное: ви-р(сса) «внутренний, находящийся внутри»;

зуму-р «удила» восходят к форме зуму-р «во рту» (сохранилось в бал-хар. диал.). Форма с классным показателем –р перешла в самостоятельную лексему, а классный показатель сохранился в окаменелом виде;

и-в-ссун «одежда покойного, которая достается обмывшему его»; увязывается с глаголом б-иссун «обмыть»;

итта-р-хъен «веко», в основе выделяются элементы: итта-р «в глазу» (с окаменелым классным показателем –р, ср. в современном языке иттав «в глазу» (для всех кл.) и –хъен лексическое значение которого не ясно;

кьу-р-т1у-сса «заноза», субстантивированное причастие прошедшего времени от глагола кьут1ин «воткнуть, вонзить»;

к1у-р-ч1лу «сито», ср. к1уч1ин «просеять», ср. к1урк1унни «просеял»;

ла-р-ххунттив «ноговицы»; слово может быть охарактеризовано как Pluralia tantum с суфф. мн. ч. –ттив; восходит к глаголу лаххан «надеть»;

ля-в-зала «сводница»; производное слово, в котором выделяются суффиксоид –зала (< зун «работать») и основа с окаменелым показателем ли-в «средний», но ср. диалектное ля-р-зала и микротопоним ля-р-хъач1 «Средний склон» (с. Цуликани);

лу-р-к1ан «засада», основа состоит из двух элементов: лу-р «внизу» (с окаменелым классным показателем –р, ср. в современном языке лув «внизу» (для всех Кл.) и к1ан < к1ану «место»;

лу-р-сса «подстилка, постель», субстантивированное прилагательное, в корне которого имеется форма с окаменелым классным показателем лу-р «внизу», ср. лув «внизу» (для всех кл.);

лу-р-тту-ра-сса «взятка» (букв. «снизу (находящееся); подложенное»; субстантивированное атрибутивное имя, восходящее к наречию лур-тту

«снизу»; при образовании атрибутивного имени к наречию присоединен классный аффикс –ра-, ср. б-ач1-ва-сса (дач1-ра-сса) «пустой»; ялтту-ва-сса (илтту-ра-сса) «находящийся наверху же» («наивный»). Исторически классным показателем является и –р в первом слоге Лу-р «внизу»;

мукьа-р-сса, уст. «ноша»; субстантивированное прилагательное, в краткой форме которого выделяется основа с ауслаутным окаменелым классным показателем *мукьа-р «на спине», ср. мукьав «на спине» (для всех кл.);

хъири-р-сса «плацента, послед»; субстантивированное прилагательное, в котором выделяется основа с окаменевшим ауслаутным классным показателем хъири-р «сзади, позади», ср. в современном языке хъирив «сзади, позади» (для всех кл.);

хьхьу-в-ай-сса (< хьхьу-б-ай-сса) «барсук»; субстантивированное атрибутивное имя, восходящее к классному «имени-наречию» хьхьу-б-ай (хьхьу-р-ай) «ночью»;

ша-р-д-алу «дом, домашний очаг», ср. наречие ша-рд-а «дома»;

ялу-р-хъяву «посмешище»; сложное слово, состоящее из ялу-р «над, наверху», с окаменелым классным показателем –р в ауслауте, ср. в современном языке ялув «над, наверху» (для всех кл.) и хъяву < хъян «смеяться»;

ялу-р-шин «взятое взаймы; долг»; слово состоит из основы с окаменелым классным показателем в ауслауте ялу-р «над, сверху», ср. ялув «над, сверху» (для всех кл.) и суфф. –шин.

К этой же группе относятся и имена: Лу-в-ч1ин «погреб, кладовая»; ялу-в-ч1ин «верхний этаж», лу-р-зу «развратница», лу-р-тан «запас», ялу-р-зу (уст.) «надсмотрщик».

Имеется небольшое количество непроизводных (с точки зрения современного состояния языка) имен существительных, в которых сохранились окаменелые классные показатели, причем они выявляются, как правило, только в результате сравнения этих имен с соответствующими однокорне-

выми лексемами других родственных языков. В исследованиях по иберийско-кавказским языкам проводится целый ряд непроизводных имен существительных, в которых выделяются окаменелые классные показатели.

Ниже приводятся имена в лакском языке с соответствующими им лексическими единицами других дагестанских (отчасти и других иберийско-кавказских) языков. Выделить окаменелые классные показатели в приводимых ниже именах позволяют следующие обстоятельства: 1) исконность этих слов в дагестанских и других кавказских языках; 2) материальное совпадение выделяемых в качестве окаменелых классных показателей звуков с классными показателями (и их фонетическими вариантами), функционирующими в языках, в которых данная категория является действующей.

В качестве окаменелых классных показателей в непроизводных именах лакского языка встречаются префиксы **д, р, тт, л, н**, а изредка и **б**. Все они в основах этих имен выступали в качестве показателей класса вещей. Показатели **л, н, тт** являются вторичными и восходят к **д(р)**[2]:

б-ак1 «голова, вершина, начало», ср. авар. *бет1ер*, хиналуг. *мик1ир*, цахур. *вукьул*. Наличие префиксального элемента в данном однокорневом слове в одних языках (**б, в, м**) и отсутствие в других говорят в пользу признания этих элементов окаменелыми классными показателями, а там, где они

[2] В литературе отмечалось, что фонетические изменения в окаменелых показателях (и процессы их утери) происходят легче, нежели в действующих (91, 15). Наличие окаменелых классных показателей во многих проводимых ниже лексических именах, а также общность соответствующих им лексем в других языках отмечены многими исследователями (П.К. Услар, Н.С. Трубецкой, А.С. Чикобава, В.Т. Топуриа, А.А. Бокарев, Е.А. Бокарев, Т.Е. Гудава, Б.К. Гигинейшвили и др.), а также в сводных работах по исторической лексикологии дагестанских языков (229; 270).

отсутствуют, имеем дело с утерей этих показателей: лезг. кьил, табас. к1ул, рут. кьул;

б-ак1у «холм»; слово этимологически увязывается со словом бак1 «голова; вершина»;

б=аркъ «солнце», ср. авар. бакъ, дарг. берх1и, лезг. рагъ, цах. виригъ, арч. баркъ, хинал. ынкъ, будугъ. вирах, удин. бэгъ, дидой. бухъ, чеч. малх;

б=арз «луна, месяц», ср. дарг. бадз, авар. моц1, анд. борц1ц1и, ботл. цурц1ц1у, чам. боц1ц1, бежт. боцо, лезг. варз, табас. баз, арч. бацц, чеч. бутт, адыгей. мазэ, абаз. мзы;

б=урк1 «свинья» (уст.), ср. арч. бокь, лезг. вак, цах. вок, крыз. вак, агул. вакк, удин. бокъ;

д=ак1 «сердце», ср. авар. рак1, дарг. урк1и, анд. рок1во, чамал. йак1ва, дидой. рок1у, бежт. йак1о, хварш. лок1ва, лезг. рик1, таб. йук1в., арч. ик1в, рут. йик1, удин. укк, агул. йирк1в, хинал. унк1, чеч. дусг, инг. дог. К этому ряду слов примыкают и груз. г-ули, мегр. г-ури, сван. гви, гу, абх. агу, кабард. гуы, адыг. гу (см. 254, 46;253, 127; 287, 42; 293, 67);

д=ик1 «мясо»; ср. дарг. диъ, анд. рикьи, чамал. йикь, дидой. рел1, хварш. лил1, арч. акь, лезг. йак, агул. йакк, будух. йэк, крыз. йаьи, удин. экъ;

д=уш «девушка, дочь»; ср. дарг. рурси, авар. йас, анд. йаши, чам. йагь, лезг. руш, цах. йиш, будух. риж, бацб. йохь, чеч. йоI;

л-ах «пепел, зола»; ср. авар. рахъу, лезг. руьхъ, рут. риьхъ, цах. йитхъ, крыз. раьхъ, арч. дикь, удин. икъ;

м-акь «слеза», ср. дарг. нергъ, авар. маг1у, анд. мокьо, гинух. мокьу, арч. намхъ, лезг. нагъв, цах. нагъ, удин. негъ;

м-укь «спина» (ср. мукь-ав «на спине»); ср. авар. мугъ, анд. мигъул, лезг. йукь, цах. йикъ, чеч. букъ;

м-еч1 «крапива», ср. дарг. нидз, авар. мич1ч1, анд. мич1ч1и, чамал. миц1ц1и, дид. мич, бежт. миц, арч. мач, лезг. мидж, таб. вирджи, буд. медж, хинал. мыч1, чеч. нитт, бацб. нит1т1;

н-акь «суп, бульон, навар», ср. дарг. нергъ, гунз. йакъу; арч. дикь, агул. ракь, рут. рикь, цах. йыкь;

н-ак1 «локоть» (мера длины - 0, 5 м.) ср. дарг. дек1, авар. нат1, анд. рет1у, ботл. реъу, лезг. йук1;

н-ак1 « молоко», ср. дарг. ниъ (ниг), авар. рахь, агул. некк, арч. накь, лезг. ек, таб. некк, буд. йух, удин. нахъ;

м=аз «язык» (анатом); ср. дарг. медз, авар. мац1ц1, анд. миц1ц1и, багв. миц1ц1, бежт. миц, гунз. мыц, арч. мац, лезг. медз, таб. мелдз, рут. миз, буд. мез, хинал. миц1, удин. муз, чеч. мотт, инг. мат, адыг. бзэ, абаз. бзы;

н-ахьв «мякина, солома», ср. дарг. нег (никв), авар. наккв (накку), анд. никку, тинд. нишшве, бежт. нахо, лезг. нагьв, арч. нахъ, рут. нахьв, буд. нох, хинал. нук, удин. некь;

н-ац1 «вошь»; ср. дарг. нид (нез, нетт), авар. нац1ц1, анд. ноц1ц1и, чам. нацц, дид. но ноци, арч. нац1, лезг. нет, агул. нет1, таб. нецц, удин. нец1, бацб. мац1, чеч. меза, абх. а-ц1а, адыг. ц1э;

н-иц «бык», ср. дарг. унц, авар. оц, анд. унсо, чам. муса, ахв. унча, дид. ис, бежт. онс, тин. иш, арч. анс, лезг. йап, агул. вец, удин. ус, инг. су, адыг. цу, абх. а-чо, абаз. чвы;

н-иц1 «мед», ср. дарг. варъа, авар. гъьоц1ц1о, анд. гьунц1ц1и, ахв. унц1ц1и, дид. ноци, арч. имц1, лезг. вирт (уьрт), таб. йиччв (йижв), хинал. ниц1, удин. учч, бацб. моц1, чеч. моз;

р=ик1 «топор», ср. лезг. йак1в, таб. йак1, чеч. диг;

р-ук1 «ярмо», ср. дарг. дук1, авар. рукь, анд. рукьо, чам. викь, дид. рекьу, бежт. йукьо, арч. окь, лезг. вик, таб. йурккагь, цах. оьк, чеч. дукъ, груз. угъ-ели , мегр. угъу, сван. угъва;

тт—арк1 (< *д=арк1) кость; ср. авар. ракьа, анд. рокьи, чам. йакьел, агул. йтркк (иркк) цах. барк1, хинал. анк1, чеч. дах1ахк;

тт-илик1 (< *д-илик1)»печень; ср. дарг. дулек1, авар. т1ул, анд. рекь-иллъи, арч. дилик1, лезг. лекь, таб. лик1, хин. дилик1;

тт-урлу (< *д-урлу)»туча, туман»; ср. дарг. дирихъ (дирив, дихьв), агул. диф, арч. дилъ, лезг. ццциф (<диф), буд. джиф.

Видимо, и в словах ттархь (<*дархь, ср. дарг. дерхьа) «палка» и ттарц1 (<*дарц1, ср. арч. дарц1) «столп» анлаутный тт восходит к д-, являвшемуся окаменелым классным показателем.

В лакском языке, как и в других дагестанских языках, наряду с именами с окаменелыми классными показателями, выявляются и имена, в которых классные показатели утеряны. В соотносимых же с этими словами основах в других дагестанских языках, как правило, представлены окаменелые классные показатели. Обычно префиксальный классный показатель в таких именах утерян полностью (с сопровождавшим его гласным) а иногда утерня только согласный элемент классного показателя, а след последнего выявляется в виде гласного элемента. Ниже приводится ряд имен, в которых наблюдается утрата классных показателей:

арс (< * в=арс) «сын, мальчик»; ср. дарг. урши, авар. вас, анд. вошо, чам. вагьа, дид. ужи, бацб. вохь, чеч. воI;

уссу (< * в-уссу) «брат»; ср. дарг. удзи, авар. вацц, анд. воцци, багв. васс, чам. вац, дид. эсийду, бежт. ис, хварш. эс, таб., чве, арч. уш-тту, агул. чу, рут. щу, удин. вичи, чеч. ваша;

ссу (<*ду=ссу) «сестра» ср. дарг. рудзи, авар. йацц, анд. йоцци, чам. йац, багв. йасс, арч. дош=дур, таб. чи, рут. риши, цах. йичи, буд. шидир, удин. хун=чи, чеч. йиша;

к1вану (<*б-ак1ван) «место, стул», ср. авар. бак1, анд. мок1во, арч. бикьв, агул. мукь;

шану «постель, тюфяк, большой мешок, сон», ср. авар. босен, анд. бешен, карат. берхьван, дид. мужи, лезг. мес, арч. мас;

шин «год»; ср. дарг. дус, авар. сон, анд. решин, чам. йегьи, арч. ссан, лезг. йис, цах. сен, хинал. уьс, чеч. шо, убых. сва;

к1улу «мышь», ср. авар. г1унк1к1, анд. гьинк1к1у, чам. гьек1уIвад, бежт. анкъо, арч. нокъон, лезг. кьиф, таб. кьуьл, цах. кьов, буд. кьал, хинд. нук1ур, чеч. дехка;

хьхьири «море», ср. дарг. урхьу, авар. ралъад, анд. релъо, чам. йелъа, ботл. регьа, арч. лъат, лезг. гьуьл;

хьхьу «ночь»; ср. дарг. дуги (дуччи), авар. релъеда («ночью»), чам. йелъа, лезг. йиф, таб. йишв, агул. уш, рут. вуш, чеч. буьса;

чу «лошадь», ср. мн. ч. дуч=(ри), дарг. урчи, авар. чу, ахв. ичва, арч. ноьш, лезг. шив, хинал. пши (< *пыши);

ч1ири «борода», ср. дарг. муц1ур, авар. мегеж, анд мигажу, багв. мижатв, арч. муч1ар, лезг. ччуру, таб. муччвари, рут. мич1ри, буд. мич1ер, крыз. джири, чеч. маж;

кьини «день», ср. авар. къо, дид. гьуди, арч. ихъ, лезг. йугь, агул. йагь, рут. йыгъ, хинал. кьаь, удин. гъи;

ххуллу «дорога»; ср. дарг. дякъ , авар. нух, анд. микъ, дид. хъуни, арч. декь, рут. раьхъ, цах. йаьхь, буд. рих, удин. йакь.

Окаменелые классные показатели в основах имен существительных выявляются и в других дагестанских языках, но ни в одном из них в основах имен существительных категория классов не сохранилась в действующем виде (как в глаголах, прилагательных, местоимениях, числительных). Здесь, правда, можно отметить, что в даргинском языке, в отличие от других дагестанских языков, в некоторых непроизводных именах существительных могут появляться изменяемые классные показатели. К 1 классу могут относиться не только названия лиц мужского пола, но и названия некоторых частей тела лиц мужского пола, если они содержат в себе классный показатель в= : в=ях1 «лицо (мужчины), в=ай «талия (мужчины) и т.д. Эти же названия с классным показателем р= могут быть и во II кл., когда выражают названия частей тела лиц женского пола : р=ях1 «лицо (женщины)», р=ай «талия (женщины)» и т. д. (20, 73). В данном случае в даргинском языке сохрани-

лось, вероятно, древнее состояние, которое было присуще нахско-дагестанским языкам, когда категория класса была действующей и в именах существительных и в них имелись аффиксы класса человека и вещи (218, 132). Более устойчивый характер категории классов в глаголах, причастиях, местоимениях, а менее устойчивый характер в именах существительных Г.В. Рогава объясняет законом « неравномерного развития различных сторон языка. Поскольку в именах существительных классные показатели выполняли словообразующую функцию, постольку они оказались менее устойчивыми и изменение их произошло сравнительно раньше;с другой стороны, поскольку эти же суффиксы в глаголах, причастиях, прилагательных и т.д. выражали грамматические (синтаксичкеские) отношения между словами, естественно, что они оказались более устойчивыми. В этой именно функции экспоненты грамматических классов в большинстве иберийско-кавказских языков являются продуктивными формантами» (218, 231).

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

Основосложение

Выделяется два типа основосложения:

I. Основосложение сочинительного типа, в котором оба элемента равноправны (копулятивные, соединительные композиты). Сюда же относятся и различного вида редупликации (повторы).

II. Основосложение подчинительного типа, в котором один элемент зависит от другого, поясняет или дополняет его (определительные, детерминативные композиты).

Соединительные композиты

Соединительные композиты состоят из двух слов, которые ситаксически не зависят друг от друга, но путем простого соединения образуют но-

вую лексическу единицу, выражающую новое, более обобщенное понятие. Компонентами таких композитов выступают:

а) антонимы, взаимно дополняющие друг друга: бя=т1ама «топливо» (бя «кизяк», т1ама «дрова»), лас=щар «супруги» (лас «муж», щар «жена») и др.;

б) синонимы или слова одного семантического круга: бяс=ччал «соревнование» (бяс «спор», ччал «соперничество»), бювкьу=аьй «порицание» (бювкьу «попрек», аьй «упрек») и др.

К копулятивным композитам примыкают и различного вида повторы (редупликации), которые образованы удвоением какой-либо основы или же сочетанием ее с т.н. ассонирующей основой, представляющей собою разновидность первой. Повторы характерны в первую очередь для подражательных (мимео-изобразительных) основ. Редуплицированные основы выступают в различных видах:

а) обычное удвоение без каких-либо изменений: ц1яр-ц1яр «болтовня», пар-пар «блеск, ц1ай-ц1ай «сверкание»;

б) удвоение, при котром асонирующее слово начинается с другого гласного (м-, кь-, ш- …) или меняет гласный основы: кайп-шайп «веселье», аьлав-чялав «паника», нац1у-кьац1у «сладости», кьай-кьуй « пожитки, вещи», ттюру – гъюру «ворчание» и др.

В лакском языке, в особенности в разговорной речи используются повторы, в которых в качестве второго, ассонирующего элемента выступает словозаменяющий элемент (слово-частица) –**за** («вещь), передающий значение, соотнесенное с первым членом повтора и означающее («и то, что имеет к нему отношение; и то, что сюда относится»), ср.: дукра-за «еда», хавар-за «известия», оьрч1-за «дети».

Определительные композиты

В определелительных композитах имена существительные в качестве определения встречаются в формах родительного (в полном и усеченном видах), а в меньшей мере именительного и других падежей.

Во многих определиительных композитах первый компонент-определение представлен в форме им. падежа.эти определения являются названиями предметов, вещей…, через соотношение с которыми характеризуются другие предметы. Такие композиты выражают названия живых существ, предметов, вещей и др. и используются как названия-термины: бюрх-ттукку «белка» (бюрх «заяц», ттукку «осел»), макьара –оьрват1и «черепаха» (макьара «скорлупа», оьрват1и «лягушка»), ццац-к1улу «еж» (ццац «колючка», к1улу «мышь») варани-ч1елму «страус (варани «верблюд», ч1елму «птица») и др.

Определение в композитах-именах существительных выступает в форме род. падежа. :

а) в полном виде: ттуккул нис «гриб» (ттукку «осел», нис «сыр»), х1ухчил ч1ац1и «подорожник» (х1ухчу «пастух», ч1ап1и «лист»), буттал ппу»дед (по отцу)» (буттал - род. п. от ппу «отец») и др.;

б) в усеченном виде (без падежного форманта – **л**) нехха-мач1 «русло реки, пойма» (нех «река», мач1 «луг»), бутта-уссу «дядя (по отцу)» (бутта-(л) – род. п. от ппу «отец», ссу «сестра»), щина-ххуллу «канвка» (щин «вода», ххуллу «дорога») и др.

Определительные композиты, состоящие из «кратких» прилагательных и сущесвительных: хьюму-муси «ртуть» (хьюму «жидкий», муси «золото»), к1яла- мах «жесть (к1яла «белый, мах «железо») , к1юла-ччат1 «лепешка (к1юла «тонкий», ччат1 «хлеб») и др.

В ряде случаев в определительных композитах в качестве определения выступают числительные инаречия: шан-ч1ап1и «клевер» (шан «три», ч1ап1и «лист»), вир-дак1 «сердцевина» (вир «внутри», дак1 «сердце») и др.

Среди детерминативных же композитов мы рассматриваем и сложно-суффиксальные слова, в которых первым элементов выступает имя существительное, являющееся дополнением второго члена –отглагольного образования (имени) с суфф. –у. Эти слова являются либо названиями имен лиц (действующих лиц), либо названиями предметов действия, орудия: хъудугьу «крестьянин» (хъу «поле»; дугьан «сеять»), дукрадуву «повар» (дукра «еда», дуву «делатель», дан «сделать»), лаччубуту «ступка» (лаччи «чеснок», бутан «толочь»), нак1рут1у «молочник» (нак1 «молоко», рут1ин «налить») и др. Этого же типа образования мы видим и в тех случаях, когда в качестве первого компонента выступают наречия и числительные: хьхьич1ухдах1у «передник» (хьхьич1ух «спереди», дах1ин «завязывать») ялттуукку «надзиратель» (ялтту «сверху», уккан «выйти, пройтись») и др.

Аналогичные типы сложных слов –как копулятивного, так и детерминативного вида – широко представлены и в других дагестанских языках, в частности в аварском и даргинском. Ср.: уртту-щин –дарг. кьар- шин «климат» (букв. трава=вода», луххчи=ссав – дарг. мусни=зубри «вселенная» (букв. «земля=небо»), уртту =т1ут1и –дарг. вава=кьар «растительность» (букв. «трава=цветок»), лас=щар –авар. рос=лъади «супруги» (букв. «муж=жена»), лухччи=ссав –авар. зоб=ракь «вселенная» (букв. «небо=земля»), лак. варани-ч1елму –авар. варани-х1инч1 – дарг. валри – чяка «страус»)букв. «верблюд=птичка»), к1юла – ччат1 – авар. т1ерен чед – дарг. бук1ула къяжа «лепешка» (букв. «тонкий хлеб») и др.

СУФФИКСАЦИЯ

Для образования имен существительных в лакском языке используются суффиксы и слова-суффиксы (суффиксоиды).

К суффиксальному типу следует отнести и случаи безаффиксного словообразования (или словообразования с нулевой аффиксацией), которые выявляются в производных именах существительных. Среди таких имен

встречаются субстантивированные атрибутивные имена (ахъулсса «фрукты», лурсса «постель», кьурт1усса «заноза» и др.), ряд отглагольных корней, использованных в качестве имен существительных (бик1 «начало» , дюхъ «умение», дурч1 «сорная трава», кквал «счет» и др.), некоторые сущесвительные, восходящие к мимео=изобразительным словам (кьац1 «рот», ххюнхху «храп» и др.) Имеются и случаи, когда одна из словоформ какого-нибудь слова становится самостоятельной лексемой, ср. т1ар «молва» – по происхождению 3 л. ед. ч. глагола т1ун «говорить». В разряд существительных могут переходить и «краткие» формы причастий и прилагательных, ср. ччуччи «чесотка» (ччун «чесаться, зудеть», ччуччи=сса прич. наст вр.), щаращи «источник, родник, ключ» (щаран «кипеть», щаращи=сса «кипящий», ср. и русск. диал. кип=ун), мюрш «мелочь» (мюрш=сса «мелкий» и др.

Среди словообразовательных суффиксов преобладают однофонемные и двухфонемные структуры. Однофонемные представлены в виде гласных (-а, -у, -и), двухфонемные в виде –СГ или ГС (-ру, -ун и др.). Целый ряд суффиксов выступает в виде двухсложных образований (-шиву, - инна, -илу, -алу и др.). Последние по своему образованию представляются сложными. В суфф. –шиву выявляются элементы –ш-, -ив-, -у-; в инна – ин и –на (< -да) и др. Словообразовательные суффиксы часто содержат сонорные звуки (-л-, -н-, -р-), другие встречаются реже и нередко суффиксы с такими фонемами оказываются вторичными по образованию, ср. –зу (< зун «работать») - т1и (<т1ун «говорить») и др. Ряд суффиксов возник из сочетания двух суффиксальных элементов, но затем обособились в качестве единых (-хъи <-хъ-и, -щи < - хьхь-и и др.).

Среди словообразовательных элементов лакского языка важное место занимают слова-суффиксы, или суффиксоиды. Они выступают в роли словообразовательных суффиксов, но сами по происхождению являются либо самостоятельными, либо производными от тех или иных основ с помощью словообразовательных суффиксов основами (лексемами), но самостоятельно

в качестве отдельных слов не употребляются. В качестве слов-суффиксов выступают чу «мужчина», щар «женщина». Другие же суффиксоиды (-зу, -зала, -т1ала, -гьу, -т1и, -чи, -чийа) самостоятельно не употребляются и выступают как бы в качестве вторых компонентов сложных слов. В процессе развития языка они становятся морфологическими элементами – суффиксами и пополняют класс словообразовательных морфем.

Деривационные суффиксы имен существительных в большинстве своем являются собственно лакскими. Среди них очень редки суффиксы, проявляющие материальную и семантическую общность с соответствующими суффиксальными элементами в других дагестанских языках и возводимых к прадагестанскому уровню, т.е. нынешний словообразовательный инвентарь (суффиксы, суффиксоиды) имен существительных сложился в эпоху самостоятельного и обособленного развития лакского языка. Материальную общность стержневого элемента и однотипность путей возникновения показывает суф. –шиву (<хьибу) с соответствующими суффиксами в других дагестанских языках (авар. –лъи, дарг. –де-ш < -де-хь, лезг. -вал< *хьвал, арч. –кул …)

Наряду с собственно лакскими деривационными суффиксами, в системе словообразования имен существительных могут быть выделены как морфологически значимые (и осознаваемые как словообразовательные) элементы иноязычного происхождения –»заимствованные» суффиксы: =чи, =лу, =лугъ (из тюрк. яз.), =хана, =кар (из перс. яз.), =ан (из дарг. яз.), =лав (из авар. яз.). Из них продуктивность проявляет суфф. =чи, образующий имена лиц как от заимствованных, так и от исконных основ.

Общая тенденция возникновения и развития словообразовательных элементов лакского языка показывает, что их происхождение связано с превращением ряда основ в суффиксоиды (с последующим переходом их в суффиксы), возникновением составных аффиксов, а также активизацией вычленяемых в заимствованных словах морфологически значимых элементов.

Ниже приводятся в алфавитном порядке продуктивные и малопродуктивные суффиксы имен существительных. Непродуктивные и «омертвелые» суффиксальные элементы выделены в отдельную группу.

Суффикс =а образует от «символических» основ имена лиц с отрицательным и уничижительным значением: гъуп1 =а «бутуз» (гъуп1 ивк1сса «полный и здоровый»); зап1=а «неуклюжий плотный человек» (зап1 ивк1сса «плотно сложенный»); къагъа «тупица» (къагъ=сса «тупой), къагъ б=ан «одурманить»); ттап=а «человек с тяжелой походкой» (ттап «топот»).

Аналогичный суффиксальный элемент представлен и в ряде личных и нарицательных имен; он использован для образования гипокористических форм, которые приобрели статус новых лексических единиц:

Кьаландар=а (<Кьаландар с.м.н.); багьадур=а (< багьадур «герой, витязь»); щанххал=а (<шамхал «шамхал»).

Суффикс =а использован при образовании уменьшительно-ласкательной формы усс-а «братец, братишка» (уссу «брат»). Видимо, этот же -а имеем и в ссу-в-а (<*ссу-а <ссу «сестра») «сестренка».

Суффикс -а этимологически выявляется в ряде основ, обозначающих не-лиц. И в этих случаях в качестве производящих часто выступают основы «символического» характера: къепп=а «клюв» (къеп учин «клюнуть» (о птицах); къап-а «лапа», ср. къапа бищун «ударить лапой» (къап «хватка», къап учин «схватить»; гъут1-а «волчок» (гъут1 бивк1сса «круглый», «округленный»). Сда же, видимо, относятся: бес-а «коптилка»; ч1ап-а «корзина»; нет1-а «морда, маска»; п1ят1-а (ср. пят1–ана) «морда», ч1яп1 –а «ладонь», ттут-а (детск.) «лошадь», кучч-а «деревянная мерка для зерна» (2-3 кг.) и др.

В нескольких основах конечный –**а** замещает (эквивалентен) суфф. –лу, ср. кунц1 –а «болото», но род.п. кунц1-ул-лу-л, что предполагает исходную форму *кунц1-лу, ср. также зунк1-лу «каменная плита», кьанс –лу «хрящ» и диалектные зунч1 –и < зунк1-и и кьанс –и.

Суффикс ***-āву***. Более первична форма –абу, представленная в ряде диалектов (вицх., балхар., вихл.). В кумух. д. = **абу** > **-аву.**

уф. –аву образует от глаголов однократного и длительного видов имя действия – масдар: кьккь-аву «отрезание» (кьукь –ин «отрезать»); буц-аву «привод» (буц-ин «привести»), буцлан-аву «приведение» (буцл –ан «приводить»).

Суф. –āб-у по своему составу сложен, состоит из двух элементов –аб- и -у- , каждый из которых имел свои функции и семантику. В дальнейшем сложный суф. –абу подвергся переразложению, стал восприниматься как единый суффиксальный элемент и образовывать от глаголов однократного и длительного вида новые масдарные формы: чич – (ин) - чич=āбу ((но чич=āб=ан - чич=āбу) «написание»; чич=л=(ан) – чич=ла=ч=абу «писание» (17, 138; 52, 8).

Суффиксоид =акъу (б=акъу, д=акъу) образует имена существительные со значением «не имеющий что=л., кого=л.»:ка=дакъу «безрукий» (как «рука»), ях1=бакъу «бесчестный, трус» (ях1 «честь, достоинство»), гьут1ру =бакъу «трус» (гьут1ру «легкое») и др.

По своему происхождению суффиксоид =акъу (=бакъу, =дакъу) представляет собою производное слово, но в нем отсутствует корневой элемент: **б**= классный показатель, =у –словообразовательный суффикс имен лиц, =къ(а)= - отрицание «не» (ср. б=а=къа=р «нет»), т.е. б=а=къ=у означает « не имеющий».

Хотя сочетания с этим элементом воспринимаются как свободные, но в своем употреблении и развитии он начинает тяготеть к суффиксам и становится обычным деривационным суффиксом.

Суффикс =ала образует от глаголов название лиц по характерному для них действию. В качестве производных используются неклассные основы длительного вида, при этом корневой согласный повторяется :зуз=ала «ра-

бочий, работник» (зун «работать»); х1ух1=ала «жнец» (х1ун «жать»); цулуц=ала «косарь» (цулун « косить (сено)».

Суф. **=ала** в нескольких случаях использован для образования имен (лиц и не-лиц) и от глаголов недлительного вида: ур(у)г=ала «опекун, ухаживающий» (уруган «посмотреть»), тарт=ала «студень; сгусток» (татан «загустеть, свернуться»).

Суф. **=ала** выступает деривационным элементом в ряде отглагольных суффиксоидов: =з=ала (зун «работать»), =т1=ала (т1ун «говорить») =ш=ала (хьун «стать»).

В целом ряде основ (названий не=лиц) суф. **=ала** вычленяется этимологически. Производящие основы затемнены, но явно неглагольные: гьарчч=ала «штанина»; гьухъ=ала «отара овец»; к1ич1=ала «половник» (ср. к1ич1у «миска»); ххут1=ала «один круг (при молотьбе)» (ср. ххут1у дан «переворачивать солому при молотьбе»); хъярхъ=ала «книжка» (анат.); мархх=ала «снег» (но ср. хинал, малхал «большая масса снега» и арч. мархала (< из лак.) «снег»; ср. и груз. arxli «снежинка», marxili «сани»).

Суффикс =āла образует ряд отглагольных имен с опредмеченным значением: бус= āла «предание, легенда» (бусан «рассказывать»); уч=ала «пословица» (учин «сказать»); диш=ала «дань» (дишин «положить, наложить»); кьюкь=ала «позор» (кьюкьин «стать дешевым»);

Суфф. =āла использован и при образовании суффиксоида =б=ала// =м=āла (<бан «сделать»).

Суффикс =алу использован при образовании ряда отглагольных имен с опредемеченным значением: к1уч1=алу «отруби» (к1уч1ин «просеять»); к1ущ=алу «моча» (к1ущин «мочиться»).

Этот же суффикс выявляется и в именах: к1урий=алу «вязанка (сена, травы)» (к1ура даен «завернуть»?); ссимий=алу «пола (одежды)»; в качестве корневой морфемы выделяется ссим=, которая соотносится с лезг. **цен=** «подол»; для соотношения лак. **сс** – лезг. **ц** ср. : лак. ссав, лезг. цав «небо».

Суффикс =алу один из продуктивных словообразовательных суффиксов, образующий от основ местных падежей имен существительных и локативных наречий названия локального значения типа русск. «нагорье», «приморье» и т.п.: ламух=алу «замостье» (ламу=х «за мостом») хьхьич1=алу «перед» (хьхьич1 «спереди, впереди»), бак1рац1=алу «изголовье» (бак1рац1 «у изголовья»).

Суф. **= алу** в даргинском языке функционально и отчасти материально соответствует суф. **=ла**, который также образует от локативных форм имена места: щуллиу=ла «местность под скалою, подскалье» (щуллиу «под скалу») (20,127). Вероятно, и лакский суф.
= алу и даргинский суф. **=ла** соотносимы меж собою и имеют общее происхождение.

Суффикс =ан. От названий ряда лакских и даргинских селений при посредстве суф. =ан образуются имена лиц со значением «житель, уроженец такого-то села»: бархъар=ан «балхарец» (Бархъал «Балхар»), бурш=ан «буршинец» (Бурши «Бурши»), караш=ан «карашинец» (Караши «Караши»), ц1ахъар=ан «цудахарец» (Ц1ахъар «Цудахар»), ахъуш=ан «акушинец» (Ахъуши «Акуша»).

Названия с суф. =ан носят иронический, шутливый характер и нередко употребляются в значении прозвищных имен: Ц1ахъаран («Цудахарец»), Буршан=на=хъул «Буршановы» (тухумное, родовое имя от прозвищного Буршан «Буршинец»). Ср. также: урдил=ан «орденоносец» (прозвищное имя от урдил «орден»); вяйлий=ан «избалованный» (от прилаг. вяйлийсса «капризный»).

Суф. **=ан** по происхождению является даргинским. По мнению С. Абдуллаева, суф. **=ан** увязывается с причастием от глагола **эс** «сказать, сделать» (20, 87). В лакском языке суф. –ан более употребителен у носителей балхарского диалекта, имеющих более оживленные связи с даргинцами. По-видимому, в лакский язык суф. =ан стал входить через балхарский диалект.

Суффикс = (а)нна (=унна, =инна). Собственно морфемным элементом выступает =нна, а предшествующие ему гласные являются соединительными. Образуется ряд имен существительных с опредемеченным значением: хъал=анна «соломенная сечка» (хъала=сса «грубо смолотый»), ч1ал=анна «поздняя, осенняя трава» (?ч1ал=сса «поздний»), няк1=унна «черемуха» (няк1-сса « синий»), зир=инна «гороховая мука, смешанная с ячменной»).

Суффикс =анну образует от ряда мимеоизобразительных и глагольных основ имена с конкретным опредмеченным значением: дугъ=анну «мазь, косметика» (дуг=ан «намазать»); пар=анну «молния (пар «блеск», пар-пар т1ун «сверкать»); к1арч1=анну «рвота» (к1арч1 учин («вырвать» и др.).

В диалектах, в частности, в вицхинском, этот суффикс реализован в виде **=анду**, которая является и исходной для **=анну** (в кумух. д. **=нд=** > **=нн**). Сам суф. **=анду** (> **=анну**) представляется сложным: первоначальным, вероятно, был элемент =ану (=ани), а слог =ду (> **=ну**) появился в процессе выравнивания основ – под влиянием косвенной основы. В косвенной основе использовался афф =дара= (ср. к1ущалцу «моча» – к1ущал=дара=л; заназин «ходьба» – заназин=дара=л и др.), т.е. 8 парану «молния» – паран=дара=л, а от нее «восстановили» прямую основу *пар-ан-ду, а в качестве же афф. косв. осн. остался используемый во многих именах суф. =ра=: пар=ан=да (ра)=л > паранда > паранду (ср. и балхарское паранна). Для данного процесса ср. барашин «свидетельство», барашин=дарал (косв. осн.) и барашинда > барашинна (при косв. осн. барашинна =ра=л <барашинда=ра=л).

Суффиксоид =зала образует ряд имен лиц, выражающих занятие, склонности: хъу=зала (в балхар. д. хъуб=зара) «крестьянин» (хъу «поле»); ляв=зала «сводница» (ляв «средний, меж»); лякьа=зара (<лякьа=зала) «обжора» (лякьа «живот»).

По своему происхождению суффиксоид =зала связан с глаголом зун = «работать», от которого при посредстве суфф. имен лиц =ала образовано =зала (ср. и т1=ала < т1ун «говорить»); в речи некоторых сел (Кая, Вачи) зала самостоятельная лексема со значением «работник (на косовице)». Вариант =зара (в лякьа=зара) вторичен, но в балхарской форме хъуб=зара, возможно, имеется и влияние дарг. хъубзара «крестьянин». Суффиксальные

элементы лак. =зала и дарг. =зара возникли каждый в своем языке, независимо друг от друга.

Суффикс =зан (=занну, =зани, =зану). Этот деривационный элемент реализован в виде нескольких факультативных вариантов – алломорфов =занну (< занду, ср. вицх. =занду), =зани, = зану. Исходной для всех этих вариантов является форма =зан, которая была усложнена элементами =и, =у, или =ду (> =ну), ср. аналогичные по употреблению суффиксы =шин и =шинна (< шинда).

При посредстве суф. =зан от именных и отглагольных основ образуются различные названия мест, предназначенных для каких-либо хозяйственных нужд или указывающих на наличие (или обилие) тех вещей, предметов, от названий которых образуются имена места: пара=зан (ну) «место сбора навоза, навозохранилище» (парā «навоз»); кьаму =зан (ну) «место для копны» (кьаму «большая копна»); ликка=зан «остановка» (ликкан «сойти»); ххала=зан (ну) «сенокос» (ххала= - косв. основа от ххулув «сено»).

В нескольких случаях суф. = зан в балхар. д. переходит в =зар=: кьаму=зари «место для копны» (ср. в лит. кьамузанну), бя=зар «спина» (в других диалектах бя= нивсса).

В лакском языке суф. =зан встречается, как правило, , в исконных словах, в ограниченнном числе онов (около 40 единиц). По-видимому, он исконно лакский и относительно поздний по образованию, однако существовал до XYIII в., о чес свидетельствует шаднин. микротопоним Паразанну «навозохранилище» (носители шадн. д. поселились на нынешней территории примерно в начале XYIII в.).

Можно предположить, что суф. =зан по своему происхождению связан со словом *зану «место», которое первоначально выступало в сложных словах в качестве второго копонента, стало суффиксоидом, а затем суффиксом. В записях акад. С.Н. джанашиа, побывавшего в 1929 г. в Дагестане, среди лакских слов приводится и зану, которое объяснено и по-грузински (вэли, адгили) , и по-русски («плоскость, местность); приведено и производное

слово лахъазану, которое объясняется по-грузински как п1ат1ара мта, т.е. маленькаягора (106, 157).

Нечто аналогичное можно увидеть и в слове лур=к1ан «засада» (лур «внизу, под», = к1ан < к1ану « место»), в котором к1ан выступает как суффиксальный элемент.

Сама лексема зану, видимо, производное (с корнем6вым =з= и суффиксальным =ан=у // =ан =ду // ан=и, ср. и суф. =анну < анду). Корневой =з= представлен в глаголах зун «рабатать» и б=и=з=ан «ставить» (ср. гьану бизан «заложить основу»).

Суффикс =и образует от «символических» (реже от других) основ имена с опредмеченным значением: ххарц=и «царапина», ххарт1=и «скребница» (ххарт1 дан «скосить, чистить»), ччап=и «железяка» (ччяп дирк1сса «сплющенный») и др. Суфф. =и выявляется и в суффиксоидах =ч=и (ср. пу=ч=и) «плевательница») и =т1=и (ср. гюгю=т1=и «звонок»).

Суффикс =илу образует от мимео=изобразительных основ ряд названий инструментов, предметов: : кьют1=илу «молоток» (кьут1 «стук»); х1ис=илу «ножницы» (х1ис дан «отрезать»); гьисс=илу «вилка» (гьис т1ун «укалывать»).

В некоторых случаях производящие основы «затемнены» и вычленение суф. =илу в них производится в силу однотипности образования (ччергъ=илу «бубен», хъурз=илу «сапетка», зет1=илу «дверная пятя»; ср. также ссирсс=илу «ус», зирз=илу «онемение ноги»)

Суффикс =ин образует ряд отглагольных имен с опредмеченным значением: дисс=ин «пойло» (б=исс=ун) помыть, ср. и авар. чури «пойло» и чуризе «помыть»); гьай=ин «помол» (гьай=ан «смолоть»); заназ=ин «ходьба» (занан «ходить»).

Суффикс =ин этимологически выявляется в ряде основ: бурукк=ин «забота», дух1=ин «вежливость, воспитанность» и др.

Суффикс =ийа образует отглагольные имена – названия предметов: дук=ийа «еда» (д=ук=ан «поесть»); лаххх=ийа «одежда» (лаххх=ан «надеть»); лак1=ийа «топливо» (лач1=ун < лак1=ун «разгореться»).

Суффикс =кар выявляется в некоторых заимствованных именах, обозначающих лиц по их профессии или склонностям: ссят=кар «часовщик» (ссят «часы»); зулму=кар «насильник» (зулму «гнет»); х1илла=кар «хитрец» (х1илла «хитрость») и др.

Имена с элементом =кар вошли из персидского языка, в котором суф. =кар – один из продуктивных словообразовательных суффиксов для имен лиц. В лакском языке элемент =кар является вычленяемым (сегментируемым), так как остающиеся при этом (производящие) основы встречаются и в самостоятельном употреблении. В этой связи суфф. =кар в лакском языке может быть отнесен к «заимствованным».

Суффикс =лав образует от личных имен или их гипокористических форм мужские имена прозвищного типа со значением «(сын) такого-то»: Баху=лав (сын) Баху (Баху-жен. имя); Муса=лав «(сын) Мусы (Муса- муж. имя); Абу=лав «(сын) Абу (Абу-муж. имя) и др.

Появление суф. =лав в лакской антропонимиии морфологическом инвентаре обязано влиянию аварского языка, в котороом «лав» являетс «прозрачным» сложным суфиксом (=л – афф. род п., =ав – суф. атрибут им. I) передающим значение генитивной принадлежности (Гъази=л=ав «сын Гази»). Элемент =лав в лакском языке относится к «заимствованным» суффиксам.

Суффикс =лу (=ру) образует ряд отглагольных имен с опредмеченным значением: к1урч1=лу «сито» (к1уч1=ин «просеять»); чич=лу//чич=ру «надпись» (чич=ин «написать»); дас=лу // дас=ру «слякость» (дас=ин «растаять»); хъат=лу // хъат=ру «сырость» (хъат=ан «отсыреть»).

Но имеется еще и ряд слов различной семантики с суф. =лу (=ру), образованных не от глагольных основ, а сам суффикс выделяется как слово-

образовательный лишь исторически: ч1ат=лу «метла»; чунт1=лу «бородавка»; зунк1=лу (в диал. зунч1=и <зунк1=и «каменная плита» (на краю крыши); гьут=ру // гьут=лу «легкое» (анат.) и др.

Суф. =лу (> ру) в отглагольным именах представляется сложным и состоит из основообразующего аффикса длительного вида глагола =л= и суффффикса отглагольных имен различных типов =у: чич=л (ан) + =у >чич=л=у>чич=лу >// чич=ру «надпись»; ср. чич=ав (ан), но чич=ав=у «написание». Для выяснения природы суф. =лу ср. глагол длительного вида зукь=л=ан «благодарить» и производное от него имя зукь=л=у «благодарность».

Суффикс =лув встречается в некоторых заимствованных из тюркских языков основых, обозначающих лиц по характерному для них свойству, характеру, по происхождению, принадлежности и т.п.: азар=лув «больной» (азар «болезнь); тахсир=лув «виновник» (тахсир «вина»); къазан=лув «казанский татарин» (Къазан г. Казань).

Суффикс =лугъ . В некоторых лакских именах существительных с отвлеченным значением наличен сегментируемый элемент =лугъ, проникший с заимствованными словами из тюркских языков: багьа=лугъ «дороговизна» (багьа «цена»); авадан =лугъ «богатство» (авадан=сса «богатый); къачагъ=лугъ «разбой» (къачагъ «разбойник»).

Элемент =лугъ выражает отвлеченное значение, что и собственно лакский суф. =шиву, однако суф. =лугъ передает значение большей отвлеченности, абстрактности, ср.: къачагъ=шиву «разбойничанье; занятие, профессия разбойника»; но къачагъ=лугъ «разбой, грабеж, бандитизм»; кашиш=шиву «занятие попа», но кашиш=лугъ «поповщина».

Суффиксоид =т1ала образует ряд названий лиц и инструментов:ч1а=т1ала «проситель» (ч1а=т1ун «просить); гъай=т1ала «пахарь» гъайт1ун «пахарь»); ч1архь=т1ала «насос» (ч1архь т1ун «пускать струю»).

Суффиксоид =т1ала по происхождению отглагольное «слово», образованное от глагола т1ун «говорить» пр посредстве суффикса =ала. Последний присоединен не к т1=ун, а к сложно=составному глаголу, т.е. ч1а=т=ала, а не ч1а+т1ала.

Суффикс =т1и образует от мимео-изобразительных основ некоторые имена существительные – названия предметов: гюнгю=т1и «звонок» (гюн=гюн «дзинь=дзинь»); бюнбу=т1и «пузырь»; пу=т1и «трубочистка из стебля»; чах=т1и «заслонка» (печи), «весло» и др.

В суф. =т1и выделяется =т1= (<т1=ун «говорить, делать») и суф. =и. Возник как суффиксоид: гюнгю=т1=(ун)>гюнгю=т1=и>гюнгю=т1и. В ряде основ суф. =т1и присоединен к производящим основам как готовый и не членимый элемент: чах=т1и «весло», ч1яп1=т1и «плетка» (ср. в вицх. ч1яп1=илу) и др..

Суф. = у один из продуктивных словообразовательных суффиксов, в особенности при образовании отглагольных сложно-производных имен. От основ глаголов однократного вида суф. =у образует разные названия «деятеля» по роду их занятий, профессии, деятельности (бувч1=у «гадатель» (бувч1=ин «гадать»); чич=у «писатель» (чич=ин «написать»); х1ач1=у «пьяница» (х1ач1=ан «выпить») и др.

Суф. =у использован и для образования некоторых отглагольных имен с опредмеченным значением: биxx=у «убой» (скота) (биxx=ан «зарезать»); бюхъ=у «умение» (бюхъ=ан «мочь»); дач1=у «мерка (для сыпучих тел)» (дач1=ин «разделить»).

Такие отглагольные имена нередко выступают в виде компонентов соединительных композитов: багьу=бизу «быт» (багь=ан «упасть», биз=ан «встать»); даxxу=ласу «торговля» (даxx=ан «продать», лас=ун «купить») и др.

ъНаибольшую продуктивность суф. =у проявляет при образовании сложно-производных слов (имен лиц и названий инструментов, орудий),

второй компонент которых является отглагольным образованием, которое, обычно, отдельно не употребляется, с суф. =у; дукра=дув=у «повар» (дувра «еда», дан «сделать»); лачи-бут=у «ступка» (лаччи «чеснок», бут=ан «толочь»).

От основ ряда «кратких» приагательных и с ущественных, а также мимео-изобразительных основ суф. =у образует имена лиц по харакутерному для них свойству или признаку: къюк1=у «глухой» (къюк1=«глухой»); цурк=у «вор» (цурк «воровство»); кьуж=у «горбун» (кьуж ик1ан «горбиться») и др. Ср. и несколько имен не=лиц: дюд=у «рожок» (ср. и руское дудка); къисс=у «танец вприсядку» (къис ик1ан «присесть»).

Суф. =у широко используется для образования форм субъективной оценки от существительных (собственных и нарицательных): Бад=у (от с.м.и. Бадави); къаж=у (шиит, перс) (къажар «шиит»): дач=у разг. «шея» (дарвач «шея») и др.

Суф. =у выступает не только как самостоятельный элемент, но и в качестве компонента исторически членимых словообразовательных морфем: =л=у// >р=у, =ав=у, =ив=у, =ш=ив=у, =з=у, =гь=у, =б=акь=у, =ил=у, =анн=у, =зан=у//=занн=у, =ал=у.

Отглагольные образования с суф. =у указывают на «действователей» (имена лиц) и на «предметы» – приборы, инструменты, место и т.п. (имена не=лиц), т.е составляют две группы: названия действующего лица и названия результата действия и орудия. Это позволяет предположить, что суф. =у был общим деривационным элементом отглагольных имен, в первую очередь причастий. Однако он передавал и значение масдара (название действия/ состояния, результата, а затем и инструмента/ орудия). Это свидетельствует и о том, что причастие и масдар не были формально дифференцированы. Имена типа чич=у означали «пишущий» и «писарь» (ср. и дарг. лук1=ан «писарь» и «пишущий». Кроме того, такие формы передавали и определенное значение: бюхъ=у «умение», ср. и бюхъ=ав=у «умение»; бакъ=у «не

имеющий», но «бакъу «небылица»; бивк1у «умерший» (Шкл.) и бивк1у «смерть» и т.п.

П.К. Услар отмечал, что форма с суф. =у выступает как синонимическая к причастию настоящего времени (шава) ик1айса (адимина) и (шава) ик1=у «бывающий дома» (256, 93). В этом отношении он и семантически, и материально соотносится с авар. =и: рокь=и «любовь», рагъ

и «война». Вероятно, авар. =и и лак. =у восходят к одному общему источнику (ср. соответствие и ~ у).

В лакском языке суф. =у первоначально был характерен для отглагольных имен различных типов, а впоследствии стал образовывать новые имена и от именных основ. Это явление вторичное и относительно позднее. Инновативными, вторичными по образованию представляются и сложные по происхождению суфиксы, содержащие в себе в качестве одного из компонентов конечный =у (=лу, =аву и др.)

Суффикс =хана вычленяется в ряде заимствованных слов и передает значение «комната, дом, помещение, здание»: азар=хана «больница» (азар=«болезнь»); тав=хана «гостиная» (тав «камин»; х1ажат=хана «уборная» (х1ажат «экскременты»).

Суффиксальный элемент=хана –персидский по происхождению (перс. ханэ «дом») – вошел вместе со словами, содержащими этот деривационный элемент, из персидского и азербайджанского языков.

Суффикс =чи. При посредстве проникшего в лакский и другие дагестанские языки (даргинский, лезгинский, табасаранский..) из тюркских языков суф. =чи от существительных с абстрактным и предметным значением образуются имена, обозначающие профессии, занятия или склонности. Суф. =чи является одним из продуктивных в современном лакском словообразовании и широко используется при образовании имен лиц: аьрава=чи «аробщик» (аьрава «арба»); Пахру=чи «гордец» (пахру «гордость»); бак1=чи «главарь» (бак1 «голова»); дач1у=чи «барабанщик» (дач1у «барабан») и др.

Первоначально в лакский язык проникли из тюркских языков (азербайджанского и кумыкского) отдельные слова с этим суффиксом, впоследствии он стал и в лакском языке сегментируемым элементом и использоваться для образования новых слов).

Суффиксоид =чу(в). Слово-суффикс = чув(=чу) означает «мужчина» т и образует от основ существительных, прилагательных и наречий имена лиц мужского пола, обозначающие национальность, социальное положение, отношение к обществу и т.п.: лаку-чу «лакец» (лак «лакцы», лакку «лакский»); ч1аххув=чу «сосед» (ч1аххув «в соседстве»); гъан=чу «родственник» (гъан=сса «близкий», «родственный»)хъамал=и=чу «гость» (хъамал «гости»).

Суффиксоид подвержен и грамматизации и переходу в обычный суффикс =чу (без долготы конечного =у), ср. гьалмах=чу «товарищ», аьлим=чу «ученый» (аьлим «знающий») и др.

В основе х1ух=чу «пастух» суф. =чу выделяется лишь этимологически, а производящая основа х1ух = (гьюх=) соотносится с авар. вехь «пастух» (ср. и лак. х1ажак и дарг. вахчаг «брюки»).

В некоторых этнонимах и топонимах, от которых суф. =чу образует имена лиц по месту происхождения, перед деривационным суффиксом появляется элемент =ли=/ =ри=: гуржи=ри=чу «грузин», дарги=ри=чу «даргинец», масскав=ди=чу «москвич». В современном языке этот составной суффикс обособляется и используется как единый при образовании новых имен: дагъусттан=личу «дагестанец», къарачай=личу «карачаевец», кувейт=личу «кувейтец» и др.

Суффиксоид ==шаву представляет собою масдарную форму от глагола хьун «стать» =хь=аву > ш=аву «становление, превращение, получение». Выявляется в именах существительных, образованных от сложных глаголов со значением «становления»: ххув=шаву «победа» (ххув хьун «победить»); к1яла=шаву «побеление» (к1яла=хьун «побелеть»; ср. к1яла=шиву «белизна», к1яла= «белый»).

Суффикс =шиву – наиболее продуктивный именной суффикс лакского языка. От основ прилагательных, существительных, наречий, глаголов, а иногда числительных и местоимений образует названия отвлеченных понятий со значением «состояния»: лахъ=шиву «высота» (лахъ»= высокий»); оьрч1 =шиву «детство» (оьрч1 «дитя, мальчик»); х1аллих=шиву «медлительность» (х1аллих «медленно»); ца=шиву «единство» (ца «один»).

По своему образованию суф. =шиву, как и близкие к нему по значению суф. =шин (на), =шийа, а также суффиксоид =шаву. Восходит к глаголу хь=ун «стать»: кь=ив=у > ш=ив=у (в аффиксе выявляются: корневой хь=> ш=, основообразующий суф. =ив=, используемый при образовании субстантивированного оптатива, и суффикс отглагольных имен =у) т.е первоначально =хьиву (>=шиву) возник как суффиксоид, а затем перешел в разряд самостоятельных суффиксов).

В старописьменных памятниках данный суффикс выступает в исходной форме =хьибу: ц1ам=хьибу (совр. ц1ан=шиву) «темнота», ттур=хьама=хьибу (совр. ттуршама=шиву) «богатство».

Суффикс =шин (и его факультативный вариант =шина) используется при образовании некоторых отвлеченных имен. По своему значению суффикс =шин близок к суф. =шиву, но имеет иной смысловой оттенок – его значение более отвлеченно, чем у суф. =шиву: т1айла=шин (т1айла=шинна) «справедливость, правдивость»; ср. т1айла=шиву «правдивость» (т1айла=сса «правдивый, прямой»); х1адур=шин (х1адур=шина) «подготовка», х1адур=шиву « готовность» (х1адур=сса «готовый»).

Фаультативный вариант =шина получен в результате наращения к суф. =шин слога =на< да, являющегося первым элементом афф. косв. осн .=дара (=даду), например, барашин «свидетельство», род. п. барашин=дара=л >// барашин=нара=л, ср. и форму барашинна < барашинда.

Суффикс =шин восходит к =хьин, причем он встречается и в письменных памятниках: бара=хьин «свидетельство». По происхождению и этот

словообразовательный суффикс является суффиксоидом и возник из корня глагола хьун «стать» при посредстве суффикса отглагольных имен =ин: =хь=ин > шин (>// шинна). Суффикс =шия использован при образовании некоторых слов, выражающих отвлеченные понятия, но сохраняющих предметный характер: щюлли=шия «зелень», ср. щюлли=шиву «зеленоватость» (щюлли=сса «зеленый); бурхьни=шия «penis», бурхьни=шиву «мужественность» (бурхьнисса «самец»).

По происхождению данный аффикс сложный – он состоит из корневого элемента =ш (< хь) глагола хьун «стать» и словообразовательного суффикса ряда отглагольных имен =ия: =хь=ия >ш=ия > =шия.

Все приведенные суффиксы с анлаутным ш исторически восходят к глаголу хьун «становиться, сделаться» и в семантическом отношении проявляют меж собою большую близость, но при этом он не идентичны. Соотношения этих суффиксов аналогичны соотношениям суффиксов отвлеченного значения немецкого языка =heit, =tum, =schaft, =keit (131, 339-340).

Суф. = шаву выражает понятие становления, суф. =шиву –понятие «состояния». Для этих суффиксов присуще образование слов с отвлеченным значением с конкретным характером (не название отвлеченного качества «вообще», а качество «чего-то»). Однако для выражения более развитой логической абстракции язык нуждался в новых средствах и для этого, наряду с использованием этих же суффиксов, в особенности суффикса =шиву, в языке появляются суффиксы =шин (на), а также заимствованный суффикс лугъ. Суффиксы шин (на) и шия выражают отвлеченные понятия с большей логической абстракцией, чем =шиву и =шаву (рязи=шиву букв. «согласность» - рязи-шинна «согласие», х1адур=шиву «готовность» -х1адур=шин «подготовка».

В историко-сравнительном и типологическом плане интересны и соответствующие аффиксы в других дагестанских языках, в которых они, как и суф. =шиву (=шин,=шия) в лакском языке, восходят к глаголу со значением

«стать» (werden) корневой согласный которого, кстати, проявляет материальную общность с корневым согласным лак. хьун – хь (> ш) и исторически возводится к * ль (249, 238) и показывают однотипность и одинаковость путей возникновения таких аффиксов в этих языках.

Суф. =лъи в аварском языке восходит к глаголу лъизе «стать» и является масдарной формой (306, 175).

Суффиксы отвлеченных имен в андийских языках =лълъер и лълъир также имеют отглагольное происхождение (279, 342, 160, 60).

Аналогичный суф. =кул в арчинском языке увязывается с глаголом к=ес «стать».

Суф. =вал в лезгинских языках также увязывается с глаголом со значением «стать» (лезг. хь=ун, агул. хь=ас, табас. хь=уз, цах. хь=ес…). Вероятно, форма =вал восходит к *=хьвал, т.е начальный согласный был лабиализованным (хьв) и перешел в = в (ср. аналогичные процессы в различных языках: gw>w, xw>, hw> w.

Вероятно, и в даргинском языке суффикс отвлеченных имен =деш =дехь (ср. диалектн. =дехь) по происхождению был связан с глаголом со значением «стать» («становиться», «сделаться») и имевшим корневой согласный * хь, но этот глагол в современном даргинском языке не содержит корневой *хь (ср. акуш. би’эс, цудах. Бихвиз, урах. би’ис (//бис), муир. Бигьис, кубач. Бухий); отметим, что урах. бис А.А. Магометов возводит к бигьвис (170, 89). Следы первоначального корневого гласного в данном глаголе выступают в виде х, гьв, ъ (> ө–). По нашему мнению, первоначальный корневой согласный сохранился в суф. =деш (< дехь), а сам глагол был классным (да= - окаменелый классный показатель). Глагольное происхождение данного суффикса предполагал и С. Абдуллаев, но возводил его к глаголу дихьес «положить» (20, 89). Однако учет данных других дагестанских языков позволяет предположить связь этого аффикса с глаголом со значением «стать». В этой связи дарг. суф. =деш (< дехь) может быть соотнесен с

авар. =лъи, лак. =шиву, лезг. =вал, арч. =кул, которые исторически родственны и однотипны по образованию (17, 145).

Суффиксоид =щар. Слово-суффикс =щар означает «женщина, жена». И образует от основ существительных, прилагательных и наречий имена лиц женского пола, выражающие национальность, место жительства и происхождения, социальное положение и т.п.: лаку =щар «лачка «(лак «лакцы», лаку «лакский»); ч1аххув=щар «соседка» (ч1аххув «в соседстве»); курч1у=щар «вдова» (курч1у «вдовая») и др.

В словообразовательном инвентаре лакских имен существительных, помимо продуктивных и малопродуктивных деривационных суффиксов, выявляются и непродуктивные суффиксы и суффиксальные элементы. Они бывают редкими, единичными или «мертвыми», выявляемыми лишь в результате словообразовательно-этимологического анализа.

Производящие основы в данных именах, в частности с «омертвелыми» суффиксами в семантическом отношении затемнены; при их анализе необходим и соответствующий материал из родственных языков.

Вычленяемость многих из этих деривационных элементов обусловлена либо тем, что производящие основы семантическим прозрачны (ср. т1анну =к1и «древоточец», т1анну = косв. осн. от т1ама «дерево»), либо тем, что один и тот же финальный элемент встречается в ряде основ и может быть отнесен к суффиксальным (деривационным). Как редкие, единичные и «омертвелые» могут быть охарактеризованы следующие суффиксальные элементы:

=ав: ган=ав //ганз=у «толстяк» (ганз «толстый»);

=ай: гьалмагъ «жених» (ср. гьалмах=чу «товарищ»);

=али: дуссух=али «угощение на посиделках»)дуссу=х «на посиделках»;

=анна: закк=анна//закк=у «кулак» (в диал. закк=у);

=ани: жюрюж=ани «водопад» (жюр=жюр//жюржю «журчание») зюрюкъ=ани «ледяные сосульки»; гьалагъ=ани «глыба льда»; =арии: кьакь=ари «горло» (ср. дарг. кьакьа);

(?) =баз: х1илла=баз «хитрец» (х1илла «уловка»); хотя слово заимствованное, элемент =баз, видимо, осмысляется как морфологически членимый;

=бала: оь=бала «вред, зло» (оь «злой»); хъин=бала// > хъин =мала «добро, благодеяние» (хъин= «добрый»). Этот деривационный элемент представляет собой суффиксоид, образованный от глагола бан «сделать» и суф. =ала (ср. и бус=ала «легенда»);

=бат1и: ххюнхху=бат1и//> ххюнхху =мат1и «носовая полость» (ххюнхху «храп»); щунщу=бат1и//> щунщу=мат1и «морда» (щунщу «сопение»; (?) оьр=ват1и< оьр=бат1и «лягушка»; (?) к1ур=мат1и « лука седла» (к1ара дарсса «перевернутый»);

=ва: ссу=ва «сестренка» (ссу «сестра»); возможно, суффиксом уменьшительно-ласкательных форм является =а, а =в= появился в интервокальной позиции.

=гьу: буртти=гьу «всадник» (бурттий «верхом»); =гьу представляет собою суффиксоид, образованный от глагола =гь=ан «пойти» и суф. =у;

=да: хъар=да «сумасброд» (хъар духхан «буйствовать»); используется и и при образовании гипокористических форм от ряда антропонимов: Ц1ахху=да (от м.л.н. Ц1аххуй);

=у(да): рахъ=у=да «лошадка» (детск.) (рахъ «топот лошадей»);

=дак1и (рак1и): хъурссул=дак1и «синица» (хъурссул – род. п. от хъарас «соха»; ср. в шадн. д. хъурссуй=бик1у букв. «бывающая на сохе»); сартта=рак1и «рогатка» (чартта= - косв. осн. мн. Ч. от чару «камень»); сюда же относим и аьсса=рак1и «остриё юлы» (аьсса=?); вероятно, элемент =дак1и (> =рак1и) связан с глаголом б=ик1=ан «быть» (ср. шадн. хъурссуй=бик1у);

=жари: папа=жари (<*папа=й=арии) «мальва»; т1юван=жари «путы»; а=жари (<*а=ари) «петух»;

=зай: чала=зай (диал.) «шест» (ччала «штык»);

=зан: пахру=зан «гордец» (пахру «гордость»);

=зу: гьарай=зу «мельник» (гьара=хъ «на мельнице»); къурай=зу «сторож пашни» (къур «пашня»); лур=зу «развратница» (лу=в «внизу»); ялур=зу (уст.) «надзиратель» (ялув «над»; ляв=зу (кулин.) «сводница», ср. в литер. ляв=зала (ляв= «средний»); элемент =зу по происхождению суффиксоид, образованный от глагола з=ун «рабатать» и суф. = у .

=(у)к: оьнц1у=к «сопляк» (соьнц1у «сопли»);

=кин: к1ила=кин «зимовка» (к1и// к1инт «зима»); гъела=кин «летнее пастбище» (гъе//гъент «лето»); элемент =кин, вероятно, увязывается с глаголом дукан «съесть», канан «есть».

=ку (диал.):сси=ку «кукла». См. =хьу;

=къи: вара=къи «большой медный кувшин» (для =къи ср. диал. навт=ли=къи «сосуд для керосина», навт «керосин»);

=къу: ччант1а=къу «шест для снопов» (ччант1у «сноп, стол»);

=к1ай: ц1уру=к1ай «факел» (ц1у «огонь);

=к1ан: лур=к1ан «засада» (лур= «внизу», =к1ан < *к1ану «место»);

=к1и: т1анну=к1и «древоточец» (т1анну –косв. осн. от т1ама «дерево»); суф. =к1и увязывается с корневым =к1= глагола ттири=к1=ин «сверлить»);

=к1ул (=к1ура): ч1яву=к1ул «хитрец» (ч1яву «много»); маз=к1ура (< маз=к1ул=а < маз=к1ул) «краснобай» (маз «язык»); элемент к1ул= означает «знающий»;

=л: кура=л «кюринцы, лезгины» (Кура= «Кюра»);

=ла: ц1ух=ла «обыск» (ц1ухх=ин «спросить»);

=ла: дяв=ла «крепыш» (дяв ивк1ин «выглядящий крепким»);п1яв=ла «лупоглазый» (п1яв бивк1сса «выпученные (глаза)»);

=лу: к1улу=лу «мышонок» (к1улу «мышь»);

=май: арчи=май «альчик» (арчи= - кочующее, «культурное» слово, ср. русск. альчик);

=мала: см. =бала;

=мат1и: см. =бат1и;

=му: кви=й=а=му «ручка» (ква «ручка»); к1амай=му «рукоять» (к1ама «ладонь»);

=музи: ччар=музи «стремя»; вероятно означало «подставка для ноги», т.е. ччар < *ччан «нога» и =бизу (< бизан «поставить»), ср. (авар. х1ет1еч1ел (х1ет1 «нога, ступня», ч1езе «становиться»);

=на: бурк1 =на «могильная плита»; зирк1=на «лоза»;

=ни: ларх1 =ни «полка под потолком»; ларх=ни (диал.) «ноговица» (лаххан «одеть»);

=нт: к1и=нт (//к1и) «зима»; гъе=нт (//гъе) «лето»; и=нт «весна»; возможно =н= (< =м= < =б) – элемент основы (ср. ссуб=т и анд. ссибу=ру «осень», а =т – деривационный суффикс;

=ну: къахъ=ну «куропатка»;

=ппа: ххурхху=ппа «клетка»; жунжу=ппа «комок» (бесформенно прилипших друг к другу вещей); ххарахху-ппа// ххарахху=ппи «запутанное дело» (ср. ххарахан «запутаться»);

=п1ай: ххупу=п1ай «колесо водяной мельницы»; шири=п1ай «юла»;

=ра: дук=ра «еда» (дукан «съесть»);

=рак1и: см. дак1и;

=рат1и: гъангъа=рат1и «жук»; аффикс, вероятно, связан с глаголом дат1ин «собрать»;

(?)=сиз: х1ая=сиз «бесстыдник» (х1ая «стыд»); встречается в ряде вошедших из тюркских языков слов; возможно, вычленяется как морфемный элемент;

=су: мугьи=су «претендент на руку девушки» (мугьи «сват»);

=сси: т1анну=сси «тесло» (т1анну – косв. осн. от т1ама «дерево»); суф. =сси может быть увязан с корневым согласным глагола ссуссин «протереться»;

=ссу: ссурахъ

у=л=ссу «воюродная сестра» (ссурахъу «двоюродный брат»); ссу «сестра»;

=тан: лур=тан «запас» (лур «внизу»);

=ти: къуркъу=ти «пень», «колода» (къуркъи «комок», къуркъа «тупой» (нож);хьунну=ти «короткая, толстая палка для обработки шкур»;

=ттакки: мух1ул=ттакки «очкур» (мух1лу «пояс, ремень»); гьавккур=такки «галушки»;

=т1а: хъ ун=т1а «яма»; ква=т1а «перчатка» (ква «рука»);

=т1ай:ккюнну=т1ай «круг» (ккюрни «круг»); ххара=т1ай (диал. «колесо водяной лестницы»;

=т1али: щина=т1али «селезень» (щина= - косв. осн. от щин «вода»);

=т1ан: чулух=т1ан «водоотводной канал» (чулух «сбоку»);

=т1у (т1и, =т1а): ч1иви=т1у (ч1иви=т1а) «малыш» (ч1иви= «маленький»); встречается и в гипокористических формах антороponимов: Аьма=т1и (от с.м.и. Ах1мад); Мама=т1и (от м.с.и. Ммах1аммад);

=ун: щюрт1=ун «врун» (щурт1=ру «вранье»); хъюрт=ун «неряха» (хъюрт «груша»);

=уни: лаз=уни «фураж»; лах1=уни «обвал»; лахъ=уни «упрек»;

=ур: лянп1ур «обжора» (лянп1 дан «скушать»); бю=ур «сумасброд»;

=учинна: кьац1=учинна «закуска» (кьац1 учин «укусить»);

=уш: т1ант1=уш «шеснушчатый» (т1ант1а «вечнушки») кьянкь=уш «крепыш» (кьянкьа= «крепкий»);

=ххa: ква=ххa «рукав»(ква «рука»);

=ххи: байла=ххи «точило» (байил бан «точить»); щют1у=ххи «свисток» (щют1 «свист»); пурпу=ххи «мочевой пузырь»;

=(и) хъ: нац1=и=хъ «вшивец» (нац1 «вошь»);

=хъен: иттар=хъен «веко» (иттав «в глазу»);

=хъи: щар= хъи «аульчане»;аьндар=хъи»андалальцы»;

=хьу: сси=хьу «кукла» (ссу «сестра», ср. авар. яс=и=к1о «кукла-девочка» и йас «девочка»); ср. и диал. сси=ку;

=ц1ани: итта=ц1ани «бровь» (иттав «в глазу»); возможно, =ц1ани отдельное слово (ср. груз. ц1ам=ц1ам=и id.);

=(а) ч: оьтта=ч «грязный человек» (оьтта –косв. осн. от оьт «испражнения»);

=ча (< =ка): кьун = ча <кьун=ка «годовалый теленок»;

=чай: ккуру=чай «круглый камень», «каток для крыши» (ккуру гьан «покатиться»);

=чани: мурзу=чани «покатое место» (мурзу «пологий»); оьтта=чани «мусоросвалка» (оьтта= - косв. осн. от оьт «испражнения»);

= чи: пу=чи «плевательница» (пув «плевок»); ц1у=чи «кресало», «огниво» (ц1у «огонь»); суф. =чи увязывается с глаголом у(чин) «сказать», а в сложносоставном глаголе «сделать» образован при посредстве суф. =и;

=чийа: ххув=чийа «жиддкое» (о еде) (ххув учин «хлебнуть»); аффикс образован от глагола у(чин) «сказать» при посредстве суф. =ийа;

=ччи (<=кки): лух=ччи (в письм. пам. лух=кки) «земля, угодья»; вих=ччи «прямая кишка» (вих «изнутри»);

=ч1а (< =к1а): цул=ч1а «лисица» (ср. авар. цер.);

=ч1а (< к1а?): ккур=ч1а «годекан» (ср. авар. год= (ек1ан), дарг. гум=ай), лезг., таб., кким; возможно, элемент =ч1а (< к1а) связан с основой к1ану «место»;

=ч1али: хьхьини=ч1али «волдырь»; вероятно, хьхьини= связано с понятием « вода» (хьхьин > щин), ср. и азерб. су=луг «волдырь» (су «вода»);

=ч1ани: ххара=ч1ани «пила»;

=ч1ат1а:ххара=ч1ат1а «скребок», ср. ч1ат1а «лопата»;

=ч1и: сситту=ч1и «желчный пузырь» (сситти –косв. осн. от сси «желчь»);

=ч1ин: лув=ч1ин «погреб» (лув «внизу»); суф. =ч1ин цвязывается с аффиксом сквозного падежа =ч1ин: луртту=ч1ин «снизу»;

=ша (< =хьа): цу=ша < цу=хьа «медведь» (ср. авар. ци «медведь»);

=шала: къашай=шала «больной» (къашай хьун «заболеть»); элемент =шала образован от глагола хь=ун при посредстве суф. =ала: =хь=ала > =ш=ала; ср. и вих=шала «доверие» (< вих=хьун « довериться, поверить»);

=шали: михьли=шали «хна» (михь «ноготь»); элемент =шали состоит из афф. =али и корневого =ш= (ср. ди=ш=ин «положить, наложить»);

=шан: кьуму=шан «углубление для желоба мельницы» (кьуму «желоб»);

=ши: к1артта=ши «глиняный кувшин с большим горлышком» (к1артта – косв. осн. мн. ч. от к1ара «большой глиняный сосуд»);

= ши: ух=щи «нижний квартал, жители нижнего квартала» (ух «низ»); бар=щи «верхний квартал, жители верхнего квартала» (=бар *барт «верх»); суф. =щи возник из сочетания аффиксов локатива =хьхь (=щ) и собирательности = и (=хьхь=и =щи) в результате переразложения и обособления.

Среди производных следует отметить и слова дюъ=л=ийа «умник» (ирон.) и кьюрт1и=ман (проклинаемая) вещь; вещь, предназначенная для поминок», в которых выявляются финальные (деривационные) элементы =л=ийа и =ман, выделенные в заимствованных словах авлийа «дурак» и байтурман (байтулмал) «проклинаемая вещь» и присоединенную к лакским основам дюълил = «умный» и кьюрт1и «поминки». Этот факт показывает многообразие путей возникновения новых слов и суффиксальных элементов.

ГЛАВА II.
ИМЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ

Имя прилагательное в современном лакском языке является самостоятельной частью речи, получившей полное морфологическое оформление (но ср.: 209, 135).

По лексическому значению прилагательные в лакском языке, как и в других языках, делятся на качественные и относительные. Исторически качественные прилагательные являются первичными, а относительные вторичными, производными.

Для лакского языка характерно употребление большого числа атрибутивных слов, показывающих признак предмета и приравниваемых к именам прилагательным. Эти атрибутивные имена могут быть подразделены на два типа:

1. В качестве атрибутивного имени выступает имя существительное в форме им. падежа –т.н. атрибутивное существительное.
2. В качестве атрибутивного имени выступает основа, являющаяся «собственно прилагательным», «словарным, устойчивым прилагательным, или т.н. «краткой» формой прилагательного, имеющая и соотносительную, оформленную специальными атрибутивными аффиксами основу – «полное» прилагательное.

Атрибутивные имена указанных выше двух типов присущи и другим дагестанским языкам, в частности даргинскому (20, 128).

АТРИБУТИВНЫЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ

К атрибутивным существительным относятся используемые в качестве определений имена, не снабженные специальными атрибутивными аффик-

сами и вообще не принимающие таких формантов, т.е. не имеющие соотносимой оформленной основы. Обычно в качестве таких определений выступают имена существительные в форме им. падежа. Такие определения являются названиями предметов, вещей, через соотнесение с которыми характеризуются другие предметы. В качестве атрибутивного существительного могут употребляться этнические, географические, социальные названия, а также названия некотрых предметов, лиц и др.: Коммунист партия «Коммунистическая партия», Совет х1укумат «Советское правительство», гуржи рах1у «грузинская шуба», саллат гьухъа «солдатская гимнастерка», качар чурх «красивое тело» (качар «сахар», чурх «тело»), бак1 щараща «главный источник» и др. Особенностью многих таких сочетаний является то, что они воспринимаются как сложные слова –определительные композиты, выражающие названия некоторых предметов, вещей и т.д. Такие названия в лакском языке многочисленны, они широко представлены как названия-термины и показывают много общего с аналогичными названиями в других дагестанских языках: бюрх-ттукку «белка» (бюрх «заяц», ттукку «осел»), макьара-оьрват1и «черепаха» (макьара «скорлупа», оьрват1и «лягушка»), къуса=личча «лопатка» (анат.) (къуса «ложка», личча «кость»), варани-ч1елму «страус» (варани «верблюд», ч1елму «птица») пурун мик1 «гололедица» (пурун «стекло», мик1 «лед»), ццац=к1улу «ёж» (ццац «колючка», к1улу «мышь») и др. (ср.: 36, 162-163; 306, 168; 60, 160-161; 170, 130; 5, 170-171).

Использование им. падежа имени в качестве атрибутивного имени в лакском языке, как и в других дагестанских языках, древнее и архаичное состояние, когда прилагатедльные морфологически не отличались от существительных и соположением двух имен существительных выражалось представление о качестве и синтаксическая функция атрибутивного имени определялась порядком слов- имя, поставленное как определение перед другим

именем, функционирует как прилагательное со значением качества (131, 218; 225, 179).

Атрибутивные существительные характеризуют начальный этап возникновения категории прилагательных как лексико-грамматической категории. Видимо, способностью имени существительного в им. падеже выступать в роли определения следует объяснить и наличие в языке целого ряда «основ=прилагательных» (неоформленных прилагательных), восходящих к именам существительным: ц1ан=сса «темный» – ц1ан «темнота»; ц1акь=сса «крепкий» –ц1акь «мощь, сила» и др. Кроме того, в лакском языке, как и в даргинсском, аварском и других дагестанских языках, имеется ряд слов, выступающих в качестве имен существительных и неоформленных прилагательных: жагьил «юноша», жагьил=сса «юный»; мискин «бедняк», мискин=сса «бедный»; жапа «труд, трудность», жапа=сса «трудный» и др.

ОБРАЗОВАНИЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

Другим видом атрибутивных имен являются прилагательные, образованные при посредстве специальных атрибутивных аффиксов.

В лакском языке, как и во многих дагестанских языках- даргинском, арчинском, бежтинском…распространено образование атрибутивных форм от всевозможных именных и глагольных основ и корней (322, 242; 268, 201; 39, 194; 141, т. II, 115).

Имена прилагательные в лакском языке образуются от различных форм имен существительных, местоимений, числительных, наречий и послелогов. В качестве словообразовательных аффиксов прилагательных выступают суффиксы двух видов: I) =сса (для всех кл.), и 2) =ма (для I кл.), =мур (для II, III, IY кл.), =мий (для мн. ч. всех кл.).

Имена прилагательные, образованные посредством суф. =сса выражают общее понятие качества и не указывают на какие-либо особые, дополни-

тельные смысловые оттенки: марц1=сса «чистый», курч1ил=сса «ленивый». Имена же прилагательные, образованные при помощи суф. =ма, =мур «выражают постоянный индивидуализирующий признак качества, присущего или приписанного данному предмету или лицу (209, 136).

эти формы выделяют предметы из ряда сопоставляемых предметов и придают именам подчеркнуто эмфатическое значение – «тот, который… тот самый». В этих эмфатических, или выделительных прилагательных специально подчеркнуто значение качества или принадлежности: марц1сса «чистый», но марц1=ма (марц1=мур) «именно тот, который чист».

Эмфатические прилагательные встречаются и в некоторых цезских языках – бежтинском, хваршинском (39, 194). В семантическом отношении они аналогичны лакским. В аварском языке также представлены формы, близкие к названным: к1удий=ав «большой», но к1удий=ав=ав «тот, который велик» (306, 191).

НЕОФОРМЛЕННЫЕ КРАТКИЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ

Форманты атрибутивных имен присоединяются и к таким качественным именным основам, которые не возводимы (с точки зрения современного состояния языка) к друг7им частям речи и являются лексическим прилагательными, или «основами прилагательными», выступающими в качестве кратких «неоформленных» прилагательных. Их иногда называют первообразными, простыми прилагательными. В семантическом отншшении эти слова являются названиями качества и признаков. К ним относятся слова, выражающие цвет, качество, свойства и состояние вещей, физические, телесные и внутренние качества, характер, психический склад, пространственные или временные качества и отношения и т.д.: к1яла=(сса) 2белый», ххуl=сса «хороший», к1ири=сса «горячий», кьурч1и=сса «горький», лахъ

(сса) «высокий», къюк1=(сса) «глухой», гъан=(сса) «близкий», аьрчча=(сса) «хромой», лагь=(сса) «низкий» и др.

Эти основы являются общими качественными именными основами, от которых регулярно образуются отвлеченные имена существительные, наречия, оформленные «полные» прилагательные, сложные глаголы. П.К. Услар их называл простыми корнями (256, 48), а в специальной литературе по лакскому языку они обычно называются «краткими прилагательными», «краткими формами прилагательных». В морфологическом отношении они являются неоформленными прилагательными, но имеют и соотносимые и оформленные, снабженные атрибутивными аффиксами «полные» формы. Этим, кстати, отличаются неоформленные, краткие прилагательные от атрибутивных существительных, которые не имеют соотносимых оформленных форм. Неоформленные прилагательные являются постоянными, устойчивыми и словарными прилагательными, в отличие от «ситуативных», образуемых от всевозможных основ и словоформ.

При своем употреблении краткое прилагательное как бы сливается с последующим определяемым именем и указывает признак, который является постоянным и индивидуализируемым для определяемого (129, 45). Такие сочетания становятся устойчивыми сочетаниями – композитами определительного типа и напоминают особо сложные слова с атрибутивными существительными: к1яла-мах «жесть» (к1яла= «белый», мах «железо»), хьюму=муси «ртуть» (хьюму= «жидкий», муси= «золото») и др. (262, 137; 209, 153). Это свойство кратких прилагательных проявляется и в топонимии. В топонимических названиях прилагательные встречаются в краткой форме: Буч бак1у («Полный холм»), Къума рат1 («Узкое ущелье») и др. Выражая индивидуализирующий признак того или иного лица, краткие прилагательные выступают в сочетании с личными именами и прозвищами: К1ут1а Вали («Короткий Вали»). Аьрчча Иса («Хромой Иса») и др. следует также отметить, что аналогичные особенности характерны для неоформленных прилагатель-

ных и других дагестанских языков – даргинского, аварского и др. (170, 130; 36, 150-152, 306, 186).

В качестве кратких прилагательных выступают основы различного происхождения. Они делятся на две большие группы: основы исконно лакского происхождения (сюда же относятся и основы унаследованные от общедагетанского языкового уровня) и основы заимствованные из других языков.

Общее число исконных «основ=прилагательных» в лакском языке доходит до 150. Для таких основ характерны следующие фоносиллабические типы:

СГ: ц1у= «новый», к1у= «тяжелый», оь= (< *г1у=) «злой» и др.;

СГС: лагь= «низкий», ц1акь= «сильный», ццун= «густой», б=уч= «полный», лахъ= «высокий», чят= «мокрый» и др.;

СГСнС: марц1= «чистый», гванз= «толстый», курт1= «глубокий», кьюлт1= «тайный», аьнт= (< г1ант=) «крепкий» (о напитке);

СГСнСГ: кьянкьа= «крепкий», кьурч1и= «кислый», мурч1и= «слепой», аьрчча= (< *г1арчча= < г1аркка=) «хромой» и др.;

СГСнГ(СГСГ): к1юла= «тонкий», къума= «узкий», хьхьвара= «слабый», х1ага= «вялый» (о фруктах), лахъи= «длинный», нац1у= «сладкий» и др.;

СГССнГ(СГСнСнГ): къухъна= «тупой», куклу= «легкий», т1айла= «прямой», чанна= «светлый», ц1уллу= «здоровый» и др.

Среди кратких прилагательных выделяется группа основ с конечным=л (по происхождению формантом род. Падежа, образовывавшим основы с атрбутивными значением): йат1ул- «красный», б=ийал= «достаточный», ккашил= «голодный», бюхттул= «высокий» и др.

Остается также небольшое число «основ=прилагательных», которые не относятся к указанным типам, в частности основы, образованные при посредстве классных аффиксов =ва(=ра), =ви(=ри), =ву(=ру) или их фонетиче-

ских вариантов: ч1а=ва «юный», ч1и=ви «маленький», ч1я=ву «многочисленный», б=ахь=ва «соответствующий размеру», б=укь=ва «густой», б=ач1=ва «пустой», хъун=ма= < хъун=ба «большой». Особняком стоят основы: б=угьара= «пожилой», ттурмаша= «состоятельный», бурхьни= «самец», саргъун (вицх. царгъун=) «ровный», аьркин= «нужный», йакьама= «жалостный».

Среди кратких прилагательных преобладают двусложные основы, а для большинства основ характерен гласный исход. Все это свидетельствует об исторически производном характере многих из них. Если не считать основ с конечным =л, то кратких прилагательных с согласным исходом насчитывается около 20. Наиболее характерны двусложные основы СГСГ(СГСнГ) – около 50 основ. Затем идут двусложные типа СГСнСГ(СГССнГ) – около 40 основ. Основ типа СГС около 20, а основы типа СГ и СГСнС встречаются редко – всего по 10 основ.

В большинстве своем основы кратких прилагательных могут быть возведены к различным именным и глагольным формам. Среди них встречаются основы, совпадающие с прямой основой имен прилагательных, ср.: ц1ан «мрак», «темнота» - ц1ан=сса «темный», нач «стыд» - нач=сса «стыдливый». Выявляется целый ряд основ, являющихся по происхождению основами косвенных падежей имен существительных, в первую очередь основами род. Падежа. Во многих случаях исходные для них прямые основы не сохранились, например, ят1у=л=(сса) «красный», бюхтту=л=(сса) «высокий», ххалли=л(сса) «гордый» и др., в других же случаях, хотя и имеются прямые основы имен существительных, от косвенных основ которых образованы прилагательные, произошло полное обособление форм прилагательного от форм существительного, например, ккаши=л=(сса) «голодный» (ккаши «голод»), дюхлу=л=(сса) «прохладный» (дюхлу «прохлада»), дюъли=л=(сса) «разумный» (дюъ «рассудок») и др. Это обособление находит свое подтверждение в способности этих прилагательных образовывать специфические формы с ин-

тенсивным или ослабленным значением, с постоянством признака качества, в способности образовывать редуплицированные формы, что не присуще формам род. падежа имен существительных. Эти особенности выступают как морфологические приметы прилагательных.

Образование атрибутивных основ от формы род. падежа при посредстве суфф. =сса, в особенности при их использовании в постпозитивном положении, в современном лакском языке нередкое явление, срн.: нак1лил=(сса) «молочный», мякьлил=(сса) «жаждущий» и др. Иногда такие основы образованы при посредстве суфф. =л и от глагольных корней: дакьи=л=(сса) «мирный» (ба=кьин «согласиться, помириться»), б=ийа=л=(сса) «достаточный» (б=ийан «дойти, созреть»), ххи=ни=л=(сса) «спугнутый» (ххийин «шарахнуться, испугаться»). В данном случае афф. Род. падежа =л выступает не в функции словоизменения, а в функции словообразовательного суффикса, оформляющего основу «краткого» прилагательного. Следует также отметить и наличие в ряде таких основ т.н. «вставок» - аффиксов косв. основы: лич1=лу=л=(сса), ссинх=ра=л=(сса), бюх=тту=л=(сса), ххал-ли-л=(сса) < ххал=ди=л=(сса). Но эти вставочные элементы не являются специальными для атрибутивных имен, они обычно характерны для имен существительных.

Многие первообразные прилагательные лакского языка исторически связаны с глаголами. К тому же, в современном языке идет процесс перехода ряда причастий в разряд прилагательных, ср. б=я=в=къу=сса «холодный», б=я=къин «охладиться».

Краткие прилагательные, увязываемые по происхождению с глаголами, различаются двух видов. В одном случае они восходят к таким глагольным основам, которые в лакском языке не сохранились, но встречаются в других родственных языках в характерном для последних фоно=морфологическом облике. К примеру, основы кратких прилагательных марц1= «чистый», ххвари= «радостный», т1айла= «прямой» соотносятся в историческом плане с аварскими глагольными основами б=ац1ц1ине «чис-

тить», б=оххизе «обрадоваться», б=ит1изе «направить, выправить». В другом же случае краткие прилагательные восходят к таким глаголам, которые представлены и в самом лакском языке. Эти основы кратких прилагательных являются либо причастиями, полностью перешедшими в разряд прилагательных (дарщу= «пасмурный» …), либо же основами, образованными от глагольных корней при посредстве афф. =л (б=ийал= «достаточный», дакьил= «мирный»…). Основы последнего типа вначале выступали в качестве знаменательной части сложных глаголов (типа дакьил хьун «помириться»…), а затем переходили в силу аналогии в общую качественную основу, которая является и формой каткого прилагательного.

В основах многих кратких прилагательных выявляются морфологически значимые, но к настоящему времени уже сросшиеся с корневыми морфемами, элементы, которые первоначально использовались, как и указанный выше суфф. =л, для образования атрибутивной основы. Эти элементы выявляются при словообразовательно=этимологическом анализе прилагательных и их сравнении с соответствующими лексемами других дагестанских языков; они указывают на исторически производный характер большинства кратких прилагательных (ср. также: 262, 159). Такими элементами являются:

=у: нац1=у= «сладкий» (ниц1 «мед»), нах1=у= «вкусный», чул=у «вяленый» (чул «бок», чул=лу «разделанная туша барана»);

=а: аьрчч=а= < аьркк=а= «хромой» (ср. аьрк «хромота», «ящур»); манкъ=а= «курносый», ср. манкъ=у «курносый (человек)», манхъ (бивк1сса) «сплющенный», «курносый»;

=и: кьурч1=й= «кислый», «горький» (кьурч1 «щавель», ср. и в аварск. яз.: ц1ц1ек1у «щавель», ц1ц1ек1=аб «кислый»); мюрш(ш)=и= «маленький» (ср. мюрш «мелкий»); хъун=и= «большие» (хъун «большой»). Возможно, что в двух последних основах =и выполняет и функции форманта множ. Числа.

=на: чан=на «светлый» (чани «свет»); хух=на «ломкий», ср. хуху (багьан) б. ломким»; ц1уц1=на «болезненный, слабый здоровьем», ср. ц1уц1исса «больной, ноющий», ц1ун «болеть, ныть»;

=лу: кук=лу «легкий», ср. дарг. кунк=(си), в кубач. д. кук=(сса) «легкий»; к1ук1=лу= «мягкий»; щал=лу= «целый», ср. щал=а «весь», «целиком»; ц1ул=лу= «здоровый»;

=ли: щюл=ли= «зеeный», кквал=ли= «считающийся, признающийся» (чем-то, кем-то), ср. кквал «счет», кквалан «считать»;

=ни: бурхь=ни= «самец», «мужской», ср. авар. бихьин=чи, дарг. марга (маркка), чечен. Б1орша «самец»;

-ц1а: к1юла=ц1а= «худощавый» (к1юла= «тонкий» (суффикс передает значение качества с ослабленным оттенком);

=та: щин=та= (< щин=дагь=сса «вода попавшая»?) «водянистый»;

=āри: щват1=āри= «волнистый» (щват1и «волна»);

=л: б=айи=л= «острый», ср. б=айи=л (бан) «наточить», но в вицх. д. б=ай (бан) «наточить».

Как было отмечено, формант =л – по происхождению аффикс род. падежа, используемый и для образования атрибутивной основы:

=да (вицх.д.): чай=да= «светлый» (чани «свет»), ср. лит. чан=на;

=ди (вицх.д.): щюл=ди= «зеленый», ср. лит. щюл=ли;

=ду (вицх.д.): ц1ул=ду= «здоровый», ср. лит. ц1ул=лу.

В вицхинском диалекте после сонорных вместо =на, =ли, =ла выступают =да, =ди, =ду соответственно, которые в данном случае и являются исходными. Поэтому элементы =на, =ли, -лу в кумухском диалекте имеют двоякое происхождение: в одном случае они носят общелакский характер (зуз=на=сса «рыхлый», к1ук1=лусса «мятный»…), а в другом случае восходит к =да, ==ди, =ду (чан-на=сса < чан=да=сса «светлый», щал=ди=сса < щал=ди=сса «зеленый», ц1ул=лу=сса < ц1ул=ду=сса «здоровый»).

В ряде кратких прилагательных в качестве основообразующих выступают классные аффиксы =ва (=ра, =ба), =ви (=ри, =би), =ву (=ру, =бу):

ч1а=ва= (ч1а=ра=, ч1а=ба > ч1а=ва) «юный»; хъун=а= < *хъун=ва= (хъун=да= > хъун=на=, хъун=ба=, хъун=ма) «большой», ср. хъун(бан) «возвеличить»; б=укь=ва < б=укь=ба (д=укь=ра=) «густой», ср. дукь < *д=укь «гуща», авар. б=акъва «густо», чечен. д=юкьа «густой»;

ч1и=ви (ч1и=ри, ч1и=би > ч1и=ви) «маленький;

ч1я-ву (ч1я=ру=, ч1я=бу= > ч1я=ву) «многочисленный».

Многие из приведенных выше основообразующих элементов исторически увязываются с аффиксами основ косвенных падежей имен существительных, т.е. в большинстве своем эти элементы являются суффиксами именного происхождения. В современном языке почти все названные элементы являются непродуктивными и не используются при образовании атрибутивных основ.

Из приведенных выше элементов продуктивным и специальным аффиксом, образующим основу простого, «краткого» прилагательного может быть признан суфф. =āри. При посредстве суфф. =āри от основ имен существительных, обычно от формы множ. Числа образуются основы кратких прилагательных, передающих уподобительное значение и выражающие многократность, насыщенность и обилие того признака, который назван в имени существительном. В этих случаях множественность не воспринимается как сплошная масса., а как состоящая из отдельных друг от друга элементов, хотя в процессе семантического развития такие основы могут передавать и значение «сплошной множественности («насыщенности»): щват1==āри=сса «волнистый» (щват1и «волна»), къяртт=āри=сса «ветвистый» (къяртта «ветка»), чартта=āри=сса «каменистый» (чартту «камни») и др.

Афф. =āри в прилагательном увязывается с таким же аффиксом в глаголах. От ряда глагольных и именных основ он образует смысловую часть сложного глагола со значением интенсивного и многократно повторяющего-

ся действия: гъагъан «разбить» - гъагъ=ари (дан) «разбить на несколько частей», ххарци «царапина» - ххарц=ари(дан) «исцарапать» и др. Смысловые же части сложных глаголов обычно выступают и в качестве кратких прилагательных. Поэтому вполне вероятно, что смысловые части с суфф. =āри ряда сложнбых глаголов могли использоваться и в качестве кратких прилагательных. Использование этих основ в качестве атрибутивных представляется инновацией, тогда как в сложных глаголах образование основ с суфф. =āри более старое явление. К тому же в целом атрибутивные основы с суфф. =āри для диалектов не характерны, а глагольные обычны. Первоначально суфф. =ари образовывал смысловую часть сложного глагола, а затем стал по аналогии употребляться и для образования атрибутивных основ, причем, в современном языке идет процесс активизации его в сфере образования атрибутивных основ.

Аналогичный суффикс отмечается и в ряду других дагестанских языков. В глаголах аварского языка суфф. =āри указывает на длительность, учащательность действия: къот1изе «резать», но къотй=āри=зе (учащ.) «заниматься рубкой» (36, 52). В глагольной структуре лезгинского языка представлен суфф. =ар: рахун «говорить», но рахун=ар (авун), рахун=ар=ун «много говорить» (245, 89). В даргинском языке предстален суффикс атрибутивных основ =ар: цулб=ар «зубастый», к1ап1р=ар «лиственный» (20, 131; 170, 125).

В системе прилагательных лакски суфф. =āри сближается с даргинским =ар, а в системе глагола с суфф. =ари в аварских и =ар в лезгинском глаголах. Видимо, эти аффиксы соотносимы друг с другом и имеют общее происхождение; маловероятным представляется их случайное совпадение. Нуждается в уточнении вопрос о возможности заимствования данного аффикса из одного языка в другой, например, из аварского в лакский в системе глагола.

Морфологически значимые элементы, аналогичные приведенным и подтверждающие исторически производный характер многих основ кратких прилагательных, прослеживаются и в других дагестанских языках. В аварском язые отмечены элементы =ер, =ад, =ид, =ил, =ен: ч1ед=ер= «узкий», бац1=ад= «чистый», къвар=ид= «тесный», хъах1=ил= «синий», т1ер=ен= «тонкий» (142, 95-105).

В некоторых основах кратких прилагательных возможно выделение (осмысление) атрибутивного суффикса арабского происхождения =ий, который представлен обычно в заимствованных из арабского языках словах: элму «наука» - элм=ий=(сса) «научный», дин «религия» - дин=ий=сса «религиозный». Изредка наблюдаются случаи использования этого суффикса в качестве продуктивного для перевода русских относительных прилагательных, ср. лирик=ий=сса «лирический».

В морфологическом составе большинства лакских первообразных прилагательных классные показатели отсутствуют: лагь= «низкий», к1яла+ «белый», атил= «мокрый» и др.

Основ кратких прилагательных с классными показателями всего около пятнадцати: б=уч «полный», «жирный»; б=ух= «ветхий, старый»; б=ийал= «достаточный»; б=уч1и= «годный»; б=аххана= «особый, иной, другой»; б=угьара= «зрелый, пожилой»; б=айил= «острый»; б=ач1=ва «пустой», «полный»; б=ахь=ва= «соразмерный»; б=укь=ва «густой».

Основы прилагательных с префиксальными классными показателями, вероятно, глагольного происхождения. Основа б=ийал= «достаточный» увязывается с глаголом б=ий=ан «дойти», «достичь», «созреть», ср. и и=в=сса (б=и=в=сса) «молодой», букв. «достигший», «созревший»; кстати и авар. г1олохъанав «молодой» увязывается с глаголом г1олизе «дойти», «созреть». Основа б=аххана= «другой», «иной», «своеобразный», «необычный» может быть увязана с глаголом б=аххан «продать» (первоначально «обменять», т.е. «обмененный», «иной», «не свой»). Основа б=уч «полный», «жирный»,

«упитанный» может быть увязана с глаголом б=уч(ч)=ин «наесться», т.е. имеется семантическая связь между понятиями «сытый», «накормленный» и «упитанный», «жирный», «полный». Основа б=ух= в значении «побежденный» может быть соотнесена с глаголом б=ух(х)=ин «выиграть», но б=ух(х)=ин (бан) «проиграть», т.е. значения «побежденный» и «победивший» имеют одну производную основу, ср. и в русском языке слова с такими значениями восходят к одному источнику – «победить». О глагольном происхождении таких основ говорит и основа с окаменелым классным показателем марц1= (< *б=арц1=) «чистый», восходящая исторически к глаголу, ср. авар. б=ац1ц1=ине «чистить».

Что же касается происхождения инфиксальных классных показателей в ряде основ прилагательных, то они являются согласными (классными) элементами т.н. возвратных классных аффиксов =ва (=ра, =ба), используемых иногда и в качестве основообразующих морфем кратких прилагательных. В ряде основ гласные этих аффиксов под влиянием гласных корневых морфем подверглись изменениям: ч1и=ви= < ч1и=ва= «маленький»; ч1я=ву= < ч1я=ва= «многочисленный».

Для других дагестанских, а также и нахских языков не характерны «корневые» прилагательные с префиксальными классными показателями. Классные прилагательные типа б=абза «толстый» в даргинском, б=ац1ад= «чистый» в аварском языках встречаются редко. И в нахских языках только некоторые прилагательные имеют префиксальные классные показатели (181, 12).

Заслуживает специального рассмотрения и вопрос о появлении в конце кратких прилагательных с гласным исходом в балхарском диалекте классных показателей. В литературе отмечено, что в конце таких прилагательных, когда они выступают в сочетании с глаголом хьун «стать» в прошедшем времени появляются классные показатели: лух1и=б (лух1и=р) хьун дур «почернело»; лахъи=б (лахъи=р) хьунни «длинной стала» и др. Эти показатели

квалифицируются как конечные (ауслаутные) классные экспоненты, аналогичные конечным классным суффиксам аварских прилагательных (209, 69).

Однако подобная интерпретация в данном случае не может быть признана удовлетворительной. Во-первых, не все краткие прилагательные принимают таких показателей, во-вторых, они появляются лишь в сочетании с глаголом хьун «стать» и то только в перфектном значении. Это явление объясняется тем, что в балхарском диалекте сочетания ряда кратких прилагательных с глаголом хьун воспринимаются не как сочетания двух основ, а как цельная сросшаяся (этимологически сложная) одна глагольная основа с несколькими корневыми согласными (типа к1ялаххан < к1яла ххан «белеть», х1анах1ан «разомкнуть» и др.): к1ялахьун, лахъихьун, лух1ихьун и др. В перфектных формах этих балхарских основ, как и в остальных глаголах такого же типа, перед последним корневым согласным появляется инфиксальный классный показатель, являющийся и специальным аффиксом совершенного вида: лахъи=б=хьун (лахъи=р=хьун), лух1и=б=хьун (лух1и=р=хьун), ср. к1яла=в=ххун (к1яла=р=ххун), х1ана=в=х1уну (х1ана=р=х1уну) и др. Этот факт свидетельствует об изменении границы слов, о превращении сложно=составных глаголов в простые (этимологические сложные), цельные основы. Несомненно, это явление в балхарском диалекте – инновация и охватывает лишь небольшую группу слов.

Отсутствие классных показателей в основах большинства лакских первообразных прилагательных в целом ряде слуаев может быть объяснено их утерей или окаменением. Высказано и предположение о том, что в иберийско-кавказских языках прилагательных с префиксальными классными показателями было неизмеримо больше (144, 12).

В некоторых основах кратких прилагательных лакского языка могут быть выделены окаменелые классные показатели. В первую очередь здесь отметим те основы, которые увязываются с классными глаголами. Однако, если в глаголах классный показатель является действующим, то в основе

прилагательного представлен лишь один из этих показателей и он является неизменяемым, т.е. окаменелым:

дакьил= (< д=акьил=) «мирный, согласный», ср. б=акьин (д=акьин) «подойти, согласиться». Формы с изменяемыми классными показателями сохранились в балхарском диалекте: акьил=сса (б=акьил=сса, д=акьил=сса). Такие же классные формы в вицхинском диалекте в свое время ыбли отмечены и П.К. Усларом (акьилсса и дакьилсса «мирный»), но в современном языке (за исключением балх. Диалекта) дакьилсса выступает как неклассная форма и =д квалифицируется как окаменелый классный показатель:

дюхлул= (< д=юхлул=) «прохладный», ср. б=юххан (д=юххан) «воздействовать, чувствовать», ср. и образованные от глагола при посредстве суфф. Отглагольных имен =ру (=лу) дюх=лу (дюх=ру) «прохлада». Вероятно, сначала образовалось имя существительное дюхру (дюхлу), а затем прилагательное *дюхлу=лу=л=(сса) > дюхлу=л=сса. В некоторых же основах кратких прилагательных окаменелые классные показатели при сравнении этих основ с соответствующими лексическими единицами в других дагестанских языках (13, 110-111):

бюхттул= (< *б=юхттул=) «высокий», ср.: авар. б=орх=ат=;

марц1= (< *барц1= < б=арц1=) «чистый», ср. авар. б=ац1ад=;

лахъ= (< *рахъ= < р=ахъ) «возвышенный, высокий»; (ср. и лахъи= «длинный» < *рахъи < *р=ахъи=); ср. дарг. б=ухъ=яна, анд. б=аххула, чамал. б=еххил=аб, агул. йархер, табас. йархув, лезг. йарчъи, чеч. деха;

лич1и= (< рич1и < *р=ич1и < *р-ик1и=) «отдельный, различный» (с этой же основой по происхождению увязывается и основа лич1= (лу=л)= «осторожный»; вероятно, они имеют связь с глаголом лич1=(ин) «обособить, выделить»; ср. (ч1ун) лич1ин «выделить (время)»; ср. и дарг. д=ек1ар=(си), авар. б=ат1и=(яб);

мурч1и= (< *бурч1и= < *б=урч1и=) «слепой», ср. анд. б-еч1ед=ир, ботл. б=еч1ер=, чамал. б=еч1ат1=уб «темный, черный».

В лакском языке выявляется и ряд основ первообразных прилагательных, в которых классные показатели отсутствуют, т.е. утеряны, а соответствующие основы в других дагестанских языках характеризуются наличием классных показателей (действующих или окаменелых):

к1у= «тяжелый», ср. дарг. дек1=, авар. бак1=;

к1юла= «тонкий», ср. дарг. б=ук1ула, анд. б=екьера, ахвах. б=акъарадабе, ботл. б=еъера;

к1ири= «горячий», ср. дарг. (в диалектах) б=уц1ар=си;

ц1ан= «темный», ср. авар. бец1=, ахвах. бец1удабе «темный; слепой»;

хъахъи= (корневой хъ редуплицирован, а предполагаемый классный показатель в основе утерян) «желтый», ср. дарг. б=ухъу=(ц1а);

хъун(а)= «большой, старый», ср. дарг. б=ухъна, анд. б=ох=ор, ахвах. б=ахъаро, ботл. б=ахача;

ххвари= «радостный», ср. авар. б=оххизе «обрадоваться», ахвах. б=аххера «обрадовался»; основа имеет глагольное происхождение, но в лакском языке глагол не сохранился, а производная от него форма (без классного показателя) стала общей качественной основой. Ср. и дарг. хари (вирахъес), арчин. Ххвари (квес) «обрадоваться»;

т1айла= «прямой»; основа имеет глагольное происхождение, но глагол в лакском не сохранился; однако ср. авар. б=ит1ар=аб «прямой», увязаемый с классным глаголом б=ит1изе «направить, выпрямить»;

ццун= «густой», ср. авар. риз= (< *р=из), дарг. зуна=(си).

Количество основ кратких прилагательных в лакской языке заметно выросло и за счет заимствованных из других языков лексических единиц. Большинство этих основ, число которых доходит до 160, проникло из арабского, персидского и тюркских (азербайджанского или кумыкского) языков. При заимствовании из других языков многие слова лакским языком восприняты именно в качестве кратких прилагательных, или общих именных основ, от которых регулярно образуются полные прилагательные, сложные глаго-

лы, абстрактные имена существительные, наречия. Отметим ряд таких основ: х1адур= «готовый», мяйжан= «очевидный», пашман= «печальный», чан «малочисленный», хан= «дикий», мюхчан= «безопасный», чапал= «грязный», мадара= «сносный», авадан= «богатый», аьжаи= «удивительный», исвагьи= «изящный», жагьил= «молодой», ашкара= «явный», гъан= «близкий» и др.

Среди заимствованных основ прослеживаются и лексические единицы, проникшие из соседних дагестанских языков, в частности из аварского языка. По происхождению аварскими являются основы:

кьварид= «нуждающийся, беспомощный» (ср. авар. къвар= ид «узкий», =ид – морфемный элемент, характерный для аварского языка);

бат1ул= «отдельный», ср. авар. б=ат1и= «отдельный», в аварском языке основа в морфологическом отношении прозрачна: б= – классный показатель; в лакском языке основа оформлена суфф. =л, образующим атрибутивные основы;

няк1= «голубой, синий», ср. авар. нак1к1 «серый; синий»; в аварском языке прилагательное увязывается с именем существительным нак1к1 «туман», т.е. «туманный» > «серый» > «синий». Имея в виду семантическую мотивированность данного прилагательного в аварском языке, мы допускаем возможность проникновения данной основы из аварскго языка.

Къарцин= «бедный, нуждающийся», ср. авар. хъарцин= «жалкий, слабый»; в морфологическом отношении аварская форма мотивирована – в ней наличествует элемент =ин, встречающийся в аналогичных образованиях, ср. берц=ин, къвараг1-ин и др.; в этой связи допустима связь лак. Аьрнин= «нужный» с авар. къварат1ин.

Возможно, что основа саргъун (в вицх. диал. Царгъун) «ровный» также заимствованная и проникла из даргинского языка, ср. дарг. цагъуна (< ца + гъуна) «одинаковый».

Для лакского языка характерно употребление редуплицированных и сложных прилагательных. Отметим, что редуплицированные формы прила-

гательных аналогичного же характера представлены и в других дагестанских языках и, можно сказать, носит общедагестанский характер.

В редуплицированных прилагательных первый компонент выступает в кратком, а в ряде случаев и в усеченном виде, а второй компонент в полном виде: ххуй=ххуйсса «хорошие», гъели=гъелисса «тепловатый», но бюхтту=бюхттулсса «высоковатый». В семантическом отношении удвоенные прилагательные выражают интенсивность и множественность качества: хъин=хъинсса «добрые», ххуй=ххуйсса «хорошие». В данном случае определяемое стоит во множественном числе. Однако во многих же случаях такие прилагательные выражают ослабленность качества (или неполнота меры признака), а в этих случаях определяемое стоит в единственном числе: лагь=лагьсса «низковатый», лахъ=лахъсса «высоковатый» и др. В литературе вскользь отмечено, что удвоенные формы прилагательных выражают интенсивность, но вовсе не отмечено, что такие формы часто выражают и ослабленность качества, признака (209, 153).

Редуплицированные формы прилагательных встречаются и с классными аффиксами =ва (=ра) (или их фонетическими вариантами), присоединяемыми к первому компоненту удвоенного прилагательного, эти формы передают понятие усиленного качества, признака: гъели=ва= гъелисса (гъели=ра=гъелисса) «очень теплый; по=настоящему теплый».

Сложные прилагательные передают значение ослабленного или усиленного качества. Эти формы образуются путем сочетания именных основ с формами ряда атрибутивных имен, используемых в функции служебных слов. Некоторые из этих слов отмечены и в литературе (П.К. Услар, Г.Б. Муркелинский). Такими служебными словами, используемыми для образования сложных прилагательных, выступают:

кьанкьсса, букв. «пахнущий» (кьанкь «запах»): кьадар кьанкьсса «трусливый», авлия кьанкьсса «глуповатый», ср. такое же использование слова мах1аб «пахнущий» и в аварском языке;

рангсса «цветной» (ранг «цвет»): михак рангсса «коричневый» (букв. «цвета гвоздика»); ссавнил рангсса «голубой» (букв. «цвета неба»);

къатсса «слойный» (къат «слой»): к1ия=къатсса «двухслойный»;

кьач1асса «вида, цвета» (кьач1а=?): лач1ал кьач1асса «пшеничного цвета», к1и=кьач1асса «двоякий»; ср. и кьач1а=кьач1асса «разные, разноцветные»;

пархсса «имеющий оттенок» (парх «вспышка»): хъахъи=пархсса «желтоватый»;

мурц1усса «угольный» (мурц1у «угол»: мукь=мурц1усса «четырехугольный»;

мач1асса «с оттенком» (мач1 «лоскут; бязь»): хъахъи=мач1асса «желтоватый, бледный»;

къянц1асса «с острием» (къянц1а «острый выступ»); ххю=къянц1асса «пятиконечный»;

хъаласса «имеющий оттенок» (хъала= ?): лахъи=хъаласса «длинноватый»;

таргсса (// тарг кусса) «с оттенком, приближающийся, подходящий, похожий» (тарг учин «дергаться»).

К таким же прилагательным примыкают и формы, образованные посредством форманта =ххусса «оватый»: к1яла-хусса «беловатый». Этот морфемный элемент – глагольного происхождения и увязывается с глаголом ххан «казаться» - к1ялаххан «стать беловатым, белесым».

К ГЕНЕЗИСУ СУФФИКСОВ АТРИБУТИВНЫХ ИМЕН

Вопрос о происхождении атрибутивных суффиксов =сса и =му, =мур, =мий нашел частичное освещение в литературе.

Высказано предположение о том, что суфф. =сса генетически увязывается со второй основой вопросительного местоимения ци? «что?» сса= и первоначально в прилагательных она выступала в роли неопределенного ар-

тикля и лишь впоследствии обобщилась и стала деривативным суффиксом прилагательных (чesp. атрибутивов) (143, 758). Следует здесь же отметить, что в некоторых дагестанских языках встречаются аффиксы, близкие материально и по семантике к упомянутому лакскому суффиксу =сса. К примеру, в даргинском языке суффикс =си – один из основных фрмантов прилагательных. Возможно, он такого же происхождения, что и =сса в лакском языке, и генетически связан с вопросительным местоимением са=. Такой же суффикс (в различных фонетических вариантах) встречается в андо=дидойских и аварском языках. Их близость и возможная общность по происхождению в литературе уже отмечалась (36, 167; 306, 191).

Атрибутивные же имена с суффиксами =ма (=мур, =мий) образованы в результате слияния кратких форм (основ) прилагательных с казательным местоимением му «тот», мий «те» (207, 232). В пользу увязки атрибутивных суффиксов =ма и =мур с указательным местоимением =му говорит ряд обстоятельств. Во-первых, образование атрибутивных форм с помощью указательных местоимений (с последующей их грамматикализацией) – явление характерное для многих языков. Во-вторых, следует заметить, что в некоторых лакских именах с суфф. =мур, последний встречается и в виде =му: ца=мур «другой, иной»; но наряду с этим: ца=му; ср. также: та=мур «иной»; муму=таму (< му=мур – та=мур) «кое-что; то да се». В-третьих, о связи атрибутивных суффиксов =ма, =мур с местоимением му говорят и особенности склонения атрибутивных имен и местоимения му. Прилагательные на =ма имеют в косвенной основе афф. =на=, что и местоимение му в I кл., а прилагательные на =мур принимают афф. =ни=, что и местоимение му во II, III, IV кл. Ср.: му «тот» - му=ни=л (род. п.) и ххуй=мур «хороший» (II, III, IV кл.) – ххуй-муни=л (род.п.). Исчезновение конечного =р в суфф. =мур при словоизменении напоминает исчезновение ауслаутных классных показателей при склонении, ср. циня=р «все» – циня=нну=л. Это обстоятельство позволяет признать конечный =р в суфф. =мур окаменелым классным показателем. В

пользу признания конечного =р классным показателем говорит и возвратное метоимение цу «сам» (для всех кл.), восходящее к классным формам цу=в, цу=б, ср. авар. жи=в, жи=б. К тому же классные формы сохранились и в одном из старейших письменных памятников лакского языка – в переводе «Касыды о плаще». Важно отметить, что в этом памятнике местоимение му выступает в виде классных основ: му=б и му=р. Видимо, указательное местоимение му стало в лакском языке атрибутивным суффиксом еще тогда, когда в основе данного местоимения материально выражались грамматические классы: мā < *мув(ā) (I кл.), муб (III кл.), мур (II, IV кл.). Впоследствии форма муб > *мув > му и совпала с обобщенным неклассным местоимением му, а для III кл. стал использоваться суфф. =мур (II, IV кл.). Этому способствовало и одинаковое образование косвенной основы от основ *муб и *мур – му=ни=л.

Производный характер основ многих первообразных прилагательных, а также возникновение специальных формантов полных прилагательных (=сса, =ма, =мур, =мий) из местоименных основ с их последующей грамматикализацией в процессе развития языка, что свидетельствует и о тенденции к формальной дифференциации прилагательных как самостоятельной лексико=грамматической категории, говорят о том, что первоначально в лакском языке в морфологическом отношении основа прилагательного не отличалась от основы имени существительного; в языке не было специальных морфологических показателей, которые характеризовали бы первичные имена прилагательные как часть речи. В пользу этого можно сказать, что образование и оформление атрибутивных основ специальными аффиксами – основообразующими и формантами полных прилагательных – т.е. возникновение категории прилагательных как самостоятельной части речи с характерными для нее морфологическими показателями в лакском языке явление вторичное и относительно позднее. Оно находит аналогии и в других языках; к примеру, в индоевропейском праязыке не было особых формальных признаков, отли-

чавших прилагательные от существительных, основы индоевропейских прилагательных совпадали с основами существительных (228, 12, 29; 217, 281, 225, 178). Такое же положение наблюдается и в целом ряде иберийско=кавказских языков: в адыгейском, андийских, цезских (219, 71; 279, 181; 39, 274).

Развитие и становление имени прилагательного в лакском языке как самостоятельной лексико-грамматической категории с характерными для нее морфологическими особенностями шло, несомненно, в определенной последовательности. Первоначально была недифференцированная именная основа, в противовес ей на следующем этапе возникает уже оформленная (определенная) основа, образованная при помощи грамматикализовавшихся впоследствии указательных местоимений (=ма, =мур, =мий), выполнявших функции определенных артиклей. Эти аффиксы и сейчас выступают в роли выделительно-определительных частиц (т.е. по значению близки к определенным артиклям) и свободно присоединяются к различным словоформам, ср. ппу=ма лавгунни «а отец уехал», «что касается отца, то он уехал»; шарсса=мурдурк1унни «а женщина пришла», «что касается женщины, то она пришла». Таким образом возникла бинарная оппозиция неопределенности=неопределенности. Впоследствии в силу стремления языка к формальному выражению различных морфологических значений в качестве неопределенного артикля стал использоваться формант =сса, восходящий к основе вопросительного местоимения. Использование в данном случае вопросительного местоимения в значении неопределенного артикля вполне естественно. С другой стороны появление такого аффикса вызвано и потребностями развития и тенденцией к большему абстрагированию грамматических форм. Суфф. =сса в своем значении был обобщенным, общим формативом атрибутивных имен, чем афф. =ма, =мур, восходящие к указательному местоимению и имеющие конкретное значение (49, 169; 135, 81-82).

О вторичности категории имени прилагательного в лакском языке свидетельствует и его склонение, восходящее к местоименному.

О СКЛОНЕНИИ ИМЕН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

Прилагательные в лакском языке склоняются по местоименному типу, для которого характерно семасиологическое отражение категории классов. В этом отношении склонение лакских прилагательных близко к склонению прилагательных в арчинском, аварском и андийских языках и эта близость, возможно изначальная и объясняется родством названных языков. При таком склонении имеем бинарную оппозицию (личность / неличность или мужчина / все остальное), которая проявляется в двух противопоставляемых при посредстве разных основообразующих аффиксов косвенных основах (306, 195; 279, 183; 138, 171).

При склонении прилагательных с суфф. =сса косвенная основа образуется при помощи =нна= (для I кл.) и =нну= (для II, III, IV кл.).

Прилагательные с суфф. =ма (I кл.) косвенную основу образуют при помощи =на=, а прилагательные с суфф. =мур (II, III, IV кл.) при посредстве =ни=. Во множ. числе (с суфф. =мий) косвенные основы имеют: =нна= (для имен лиц), =нну= (для не лиц).

Обращает на себя внимание использование афф. =нна= и =нну=, характерных для множ. числа, и при склонении прилагательных с суфф. =сса, хотя последние и употреблены в ед. числе. Это обстоятельство связано с тем, что прилагательное с =сса по семантике тяготели к неопределенным именам, а суфф. =сса выполнял функции неопределенного артикля. Известно также, что от значения неопределенности может развиться и значение множественности (135, 145). Поэтому неопределенные имена прилагательные оказались приравненными к именам множ. числа и стали склоняться подобно последним.

Заслуживает внимания и вопрос о склонении кратких прилагательных в лакском языке. Они обычно по падежам не изменяются, однако наблюдения над фактами лакского языка показывают, что нередки случаи, когда краткие прилагательные в обобщенном значении в качестве имен лиц изменяются по падежам и склоняются как имена I кл. ед. числа по атрибутивному склонению и образуют «вторую основу» при посредстве афф. =на=: ккашил=на=л (вместо ккашилмā=на=л) «голодного», ух=на=л «побежденного», ххув=на=л «победившего» и т.д. Такое словоизменение характерно для языка поэзии и устного народного творчества, пословиц и поговорок. Впрочем, эта особенность была вскользь отмечена и П.К. Усларом. Он писал: «Вместо форм родительного падежа хъунаманал и хъуниминдал употребляют иногда формы хъунанал и хъунинал, но они считаются менее выразительными, чем первые» (256, 53). В другом месте он пишет, что форма ц1улдунан «здоровому» выступает вместо ц1улдуманан (256, 202).

Возможность склонения кратких прилагательных в обобщенном значении в качестве имен лиц следует объяснить аналогией и влиянием изменения тех прилагательных, которые являются одновременно и существительными – именами лиц, например: жагьил «юноша»; «молодой»; род.п. жагьил=на=л; авлия «глупец», «глупый», род.п. авлия=на=л.

С другой стороны следует заметить и такой факт, как наличие исторически падежной формы у наречий ц1у=ни=л и ц1у=ни=ц1а «основа», восходящих к краткому прилагательному ц1у= «новый» и имеющих косвенную основу, образованную при посредстве афф. косвен. осн. для названий классов вещей =ни=. Ср. и наречие кьюлт1=ни=(ц1ух)»тайком» (кюлт1=сса «скрытый», «тайный»). Отметим, также, что в аварском языке склонение кратких прилагательных характерное явление. Они склоняются как субстантивированные прилагательные и получают падежное оформление по третьему типу склонения имен существительных: баг1ар «красный», эрг.п. баг1ар=и=ца, род.п. баг1ар=и=л и др. (220, 753).

СУБСТАНТИВАЦИЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

В лакском языке представлен целый ряд лексических единиц, имеющих форму прилагательного (с суф. =сса), но употребляющихся не в значении признака предмета, а в значении названия предмета (129, 50; 209, 153). В данном случае мы имеем в виде не способность любого прилагательного употребляться в значении существительного, когда они и изменяются по падежам, а случай полной и устойчивой субстантивации, в процессе которой имена прилагательные приобрели предметное значение и полностью перешли в разряд имен существительных. Эта полная субстантивация отражается и в особенностях образования множественного числа, которое у таких имен образуется при посредстве суфф. =ри, характерного для имен существительных, а не при помощи =ми, характерного для прилагательных: *к1юрххилсса* «завтрак» - *к1юрххилс=ри* «завтраки», ср. *кьяпа* «шапка» - *кьяп=ри* «шапки».

Субстантивации подвергаются, как правило, прилагательные с суфф. =сса, а прилагательные с суффиксами выделительно-указательных значений =ма (=мур), =ми обычно не субстантивируются.

Субстантивация характерна для производных от других частей речи имен прилагательных. Чаще всего этот процесс встречается в относительных прилагательных, образованных от различных падежных форм имен существительных, в первую очередь от формы родительного падежа, от наречий и послелогов. Прилагательные, имеющие краткую и полную формы, т.е. первообразные «основы-прилагательные» с качественным значением обычно не субстантивируются.

Субстантивированные прилагательные в семантическом отношении могут быть разделены на несколько групп: названия лиц, животного, частей тела, болезней, предметов, изделий и т.п. Наибольшую группу составляют названия различных предметов, изделий, пищи и т.п.

Названия лиц: ххуллулсса «путник» (ххуллу «дорога»); щарсса «женщина, жена» (щар «жена», щар хьун «выйти замуж», первоначально щарсса означало №вышедшая замуж» ставшая женою»).

Название животного: хьхьувайсса «барсук» (хьхьу «ночь», хьхьу=вай < хьхьу=бай «ночью»).

Названия частей тела: бянивсса (бянив «на спине», б=я=, дя «середина»); вирсса «внутренности» (< ви=р «внутри»); хъирирсса «плацента» (< хьири=р «сзади», «после»); бухч1инсса «ягодица»; круп» (лошади) (< бух=ч1ин= < б=ух= «низ»); корневая морфема б=ух= соотносится с элементами дух=, бух=, ух= в слудеющих словах: духъ=лякьа «пах», бух=личча «кость таза»; ух «пень; нижняя часть»; ухч1ин «подол»; ухссав «север», букв. «нижняя часть неба» (ср. и дарг. хьарзаб «восток», букв. «нижняя часть неба»); ухши «нижняя часть села» (ср. хьарши «нижний квартал в ауле»).

Название болезни: лякьлулсса «расстройство желудка», «понос» (лякьа «живот»).

Названия обработанных шкур животных: авулулсса «шкуоа тура» (ав «тур»); кьунилулсса «телячья шкура» (кьунча «годовалый теленок»); цухьлулсса «медвежья шкура» (пуша «медведь»); ссунилсса «овечья шкура» (< сси «годовая овца»).

Названия, связанные с пищей: к1юрххилсса «завтрак» (к1юрх «утро», к1юрххил «утром»); ахттайнсса «обед» (ахттайн «полдень»); майлухсса «паштет из печени» (май «нутряное сало»); кьурч1исса «передержанная сыворотки молока, заменяющая уксус» (кьурч1исса «ксилый, горький»); ахъулсса «фрукт; плод» (ахъ «сад»); ихънилсса (обычно употребляют во мн.ч.: ахънилсри) «овощ» (ахъ «сад»). Последнее слово образовано в наше время и характерно для книжной речи.

Названия различных предметов: магъралусса «подхвостник» (магъ «хвост»); лурсса «подстилка; постель») (< лу=р «внизу»); чаклилунсса «ков-

рик для намаза» (чак «намаз»); сситтунсса «средство, вызывающее выделение желчи» (сси «желчь»; лурттурасса «взятка» (луртту «снизу») и др.

Видимо, по происхождению субстантивированными прилагательными являются и следующие слова, не обнаруживающие пока каких-либо этимологических связей: киласса «подпруга», уттусса «балка, бревно»; байса (байлсса) «пастбище, выделенное для прокорма скота в определенный период года».

Следует также отметить несколько имен с суфф. =сса, тяготеющих к субстантивированным прилагательным: ярусса «аварцы» (яручу «аварец»); аннилсса < арнилсса (уст.) «кумыки» (аннилчу «кумык»); хъунисса (уст.)(наряду с хъунисри) «старшины аула» (хъуначу «староста аула»); дяъбилулсса (уст.) «истцы» (дяъбилулчу «истец»). В этих названиях суфф. =сса является показателем собирательности (множественности) (11,160). Использование суфф. =сса, близкого по значению к неопределенному артиклю европейских языков, объясняется тем, что значение множественности может быть связано и со значением неопределенности (135, 145). В связи с эим отметим, что ряд субстантивированных прилагательных не имеет форм множественного числа, точнее они употребляются в значении обоих чисел: ххуллулсса 1. «путник»; 2. «путники».

Хотя явление устойчивой и полной субстантивации характерно для оформленных прилагательных (с суфф. =сса), в языке встречаются и случаи субстантивации ряда прилагательных в их краткой форме. Ситуативно они иногда употребляются в значении имен существительных: дух «старье» (дух=сса «старый», аьркин «необходимое» (аьркин-сса «нужный») и др. Видимо, с процессом субстантивации краткого прилагательного сталкиваемся и в случае, когда оно в составе сложного глагола употребляется лишь с одним из классных глаголов: гъели бан «греться», но гъели б=ан (д=ан, ан) «согреть», хьюму дан «прослезиться», букв. «жидким сделать», но хьюму б=ан (д=ан) «сделать жидким». В этих сложных глаголах именные части гъели и

хьюму напоминают имена существительные, как в сложных глаголах типа ях1 бан «вытерпеть», букв. «терпение сделать».

Употребление кратких прилагательных в значении существительных прослеживается в образовании от них, хотя и редко, тех или иных падежных форм: буч=ли=л (род.п. от буч= «полный»), ч1укь=ли=л (чук1ьа= «нежирный», ххари=л (ххари= «радостный»), к1ири=л (к1ири= «горячий»); ср. также и склонение кратких прилагательных в значении имен лиц. Некоторые из кратких прилагательных образовали новые лексические единицы, использовав те или иные падежные формы, хотя исходная основа в значении имени существительного не употребляется: багь=лий «легко», «привольно» (бигьа= «легкий»); илт1=лу=х «от истощения» (илт1а= «худой»); кьюлт1=ни=ц1ух «тайно», «тайком» (кьюлт1= «тайный»); ц1у=ни=л, ц1у=ни=ц1а «снова» (ц1у= «новый»), ср.: авар. ц1и=да=сан, тюрк. Йенидан, русск. с=нова (но ср. 114, 104).

Ряд существительных возник в результате полной субстантивации и кратких прилагательных. Обычно они выступают в редуплицированном виде или в виде сочетания двух основ с противоположным значением. Ср.: мюрш «мелочь», «крохи» (мюрш= «мелкий»), мюрш=кьюрш «мелочь»; оькки=ххуй «необходимые вещи» (оькки= «плохой», ххуй= «хороший»); нац1у=кьац1у «сладости» (нац1у= «сладкий», кьац1у – ассонирующее слово); ххира «любимый» (часто в обращении ххира=й «дорогой»), аьрки=къарцин «нужные вещи» (аьркин «нужный», къарцин= «нуждающийся»); кьурч1и «кислая приправа из слив или кизила» (кьурч1и= «кислый», «горький», ср. и кьурч1 «щавель»; может быть кьурч1=и=сса идет от кьурч1; кстати, и в аварском языке слова «кислый» и «щавель» имеют общий корень: ц1ц1ек1у «щавель», ц1ц1ек1аб «кислый»).

В ряде случаев формы кратких прилагательных стали антропонимами: Ч1ава (ж. л. н., букв. «маленький»), Мюрщи (м. Л. н., букв. «маленькие»), Хъунна (м. Л. н., букв. «большая», «старшая»).

Г л а в а III

ИМЯ ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ

Имена числительные в лакском языке делятся на следующие группы: количественные, собирательные, разделительные, кратные, приблизительные, дробные, порядковые; выделяется и группа неопределенно-количественных слов.

В словообразовательно-морфологическом отношении основы числительных делятся на корневые и производные. К последним относятся и сложные (составные) числительные.

Корневыми являются названия от 1 до 10, ислительные «20», «30», «100» и «1000». Корневые морфемы этих названий, за исключением числительных «30» и «1000», в генетическом отношении проявляют материальную общность с соответствующими основами числительных в других дагестанских языках и могут быть возведены к прадагестанским прототипам.

Для образования различных группы лакских числительных в качестве производящих основ используются корневые числительные и основы, осложненные основообразуюзщими аффиксами =(у)йл (> =ил), =лий, =ц1ал, =(у)н (ни). В качестве словообразовательных аффиксов различных разрядов числительных выступают аффиксы: =ва (=ра, =ба), =вай=ва (=рай=ра), =гу, =сса, =чин=сса (ку=сса), =хъул, =хъайсса.

Лакские числительные всех разрядов по исходным, производящим основам могут быть подразделены на несколько групп (рядов):

1) корневые (неоформленные) основы: мукь= «четыре»;

2) формы, образуемые от корневых (неоформленных) числительных: полные формы количественных числительных (мукь=ва / мукь=ра); основы с суфф. =(у)йл, =лий (*мукь=уйл > мукь=ӯл=; мукь=лий=ну); основы (неоформленные) названий десятков (мукь=ц1ал= «сорок»), сотен (к1и= =ттурш= «двести»), тысяч (к1и=азар= «две тысячи»); порядковые числительные (в ряде диалектов);

3) основы, образуемые от полных форм количественных числительных: мукь=вай=ва, мукь=ва=сса, мукь=ва=гу;

4) формы, образуемые от основ с суфф. =(у)йл: кратные, кратно-порядковые и (в ряде диалектов) порядковые.

КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ

В функциональном отношении количественные числительные выступают как «разновидность прилагательных». Подобно тому, как в именах прилагательных выделяются «краткие» (первообразные, неоформленные) и полные (оформленные) основы, так и в количественныхчислительных выявляются основы двух типов: неоформленные (классные, неклассные) и оформленные («полные», классные) основы.

Неоформленные (краткие) числительные выступают без основообразующих (словообразующих) аффиксов в виде чистых корней или основ (в десятках и сотнях). Оформленные (полные) основы количественных числительных снабжены специальными аффиксами (=а < =ва, =ра, =ба). Эти формы аналогичны оформленным (полным) прилагательным с суфф. =сса, =ма (=мур).

В структурном, словообразовательно-морфологическом отношении количественные числительные делятся на простые, представляющие собою корневые основы, сложные (производные) и составные (сложно-оставные).

Корневыми (простыми, стержневыми) основами количественных числительных являются названия от 1 до 10, числительные «20», «30», «100» и «1000». Вся система числительных опирается на этот базовый лексический фонд, который служит основой для образования числительных всех остальных разрядов. От основ, обозначающих единицы, образуются основы для названий десятков (40-90) при посредстве суфф. =ц1ал, сотен (200-900) при посредстве основы ттурш= «сто», тысяч – при посредстве основы азар= «тыся-

ча»; ср.: мукь= «четыре», мукь=ц1ал «сорок», мукь=ттурш= «четыреста», мукь=азар= «четыре тысячи».

Сложные (производные) основы количественных ислительных состоят из основ простых числительных с суфф. =ц1ал (для десятков), основ ттурш= «сто», азар= «тысяча». Названия крупных круглых чисел образованы сопоположением различных основ, которые выступают при этом в виде единой, хотя и сложной, основы, ср. к1и=ттурш=азар= «двести тысяч».

Составные (сложно-составные) числительные состоят из сочетания двух и более слов: ац1ния мукь= «четырнадцать», ттуршлий зувиллий рях= «136», азалий урч1ттуршлий ац1ния арул= «1917».

В составных числительных первые компоненты (десятки, сотни, тысячи) выступают в форме местных падежей. В числительных от 11 до 29 первые компоненты – числительные ац1= «десять» и кьу= «двадцать» выступают в форме исходного падежа суперэссива (серии «на…, над…») с афф. =нийа (< =ни=й=а), в котором выделяются афф. косвенной основы =ни=, суперэссива =й «на», «над…» и афф. исходного падежа =а (< *=ату): ац1=ни=й=а рях= «16», кьу=ни=й=а урч1= «29», т.е. такие названия означают «от десяти шесть» (или «сверху десятки шесть»), «от двадцати девять» (или «сверху двадцати девять» (256, 74; 128; 55).

В составных названиях десятки (от 30 и выше), сотни и тысячи выступают в форме суперэссива – с афф. =лий (< =ли=й), состоящим из аффикса косвенной основы =ли= и аффикса суперэссива =й: ххюц1ал=ли=й к1и «52», ттурш=ли=й ац1= «110», азал=ли=й к1иттурш= «1200», т.е. такие названия означают «на пятидесяти два», «на пятидесяти два», «на сто + десять», «на тысячу + двести» (256, 75; 128, 56). Эта форма лакских числительных полностью соответствует аварским числительным с суфф. =алда «над…», «на…», ср. к1и=къо=й=алда цо «сорок один» (98, 156). Аналогичные по структуре формы в даргинском языке образуются лишь от числительных «сто» и «тысяча»: дарш=ли=м ца (в диал. дарш=ли=б ца) «сто один» (букв. «на сто

один»), азар=ли-м ца (в диал. азар=ли=б ца «тысяча одна» (букв. «на тысячу один») (213, 80).

В хюлинском говоре балхарского диалекта во всех случаях в составных числительных использована форма исходного падежа суперэссива: ац1нийа к1и= «двенадцать», кьунийа к1и= «двадцать два», но ср.: зувил=ли=й=а к1и= «тридцать два», ттурш=ли=1=а к1и «сто два» (186, 15). Это собственно хюлинское явление носит явно инновативный характер и вызвано тенденцией к унификации и единообразному выражению одинаковых и однотипных грамматических значений и форм.

Структура основ корневых числительных

Простыми (стержневыми) числительными являются, как было отмечено выше, названия первого десятка, числительные «двадцать», (?) «тридцать», «сто», «тысяча»: ца «один», к1и= «два», шам= «три», мукь= «четыре», ххю= «пыть», рях= «шесть», арул= «семь», мяй= «восемь», урч1 «девять», ац1= «десять», кьу= «двадцать», зуви= «тридцать», ттурш= «сто», азар= «тысяча».

В историко-этимологическом отношении эти четырнадцать основ (корневых морфем) являются изолированными названиями и без каких-либо аффиксальных элементов представляют собою базовый лексический фонд системы числительных лакского языка.

Основы исконных первообразных числительных, за исключением арул= «семь» и зуви= «тридцать», состоят из одного слога – открытого (к1и= «два» …) или закрытого (мукь= «четыре» …). Эти слоги имеют следующие типы:

СГ – ца, к1и=, ххю=, кье=;

ГС – ац1=;

СГС – шам=, мукь=, рях=, мяй=;

СГСнС – ттурш=;

ГСнС – урч1.

Наиболее характерным, по-видимому, был слог типа СГС (мукь= …), а другие возникли в результате его трансформации.

Односложный характер основ корневых числительных, а также возможность существования в них в прошлом префиксальных классных показателей (ср. анд. б=окъ=о, чеч. б=иъ «четыре»), утерянных или окаменевших впоследствии, говорит о том, что корень числительного в лакском языке состоял из одного согласного (за исключением шам= < *хьам= < *хьаб «три»).

Двусложный характер основ арул= «семь» и зуви= «тридцать» следует объяснить как вторичное явление, вызванное осложнением первоначальных корневых морфем.

Для арул= реконструируется исходная корневая морфема *ал=, которая осложнена афф. =(у)л, образующим основы некоторых разрядов числительных (ср. к1и=л=(ба) «дважды», т.е. *ал=у=л > ар=ул=, а впоследствии эта основа подверглась переразложению и стала восприниматься как неделимая, корневая морфема.

Основа зуви= < зуби (ср. вицх. зуби=) представляется исторически производной, в которой выделяются корневая морфема *зуб=, восходящая, вероятно, к тому же источнику, что и основа шам= «три», кстати, такую связь предполагал и И. Джавахишвили (104, 306), хотя фонетические процессы возникновения основы зуб= не совсем ясны, и конечный долгий гласный =и, использованный как суффиксальный элемент для образования числительного зуб=и= «тридцать». Долгота гласного в лакском языке нередко компенсаторная, возникшая в результате утери последующего согласного, в частности и сонорного. В этой связи основу зуб=и= можно возвести к зуб=ир и сопоставить с авар. лъеб=ер= «тридцать», в котором выделяют лъеб= < лъаб «три» и суфф. =ер (предположительно кратности), что этимологически означает «три десять» (306, 200; 98, 154). Небезынтересно отметить, что в материалах И. Гюльденштедта (70-е годы XVIII в.) лакское название для

«30» приведено в виде sui=wa (хотя в азар= «тысяча» у него **з** передано через **z**) (324, 521). Говоря иначе, эта корневая морфема имеет варианты зуб=, зув=, зуй= и, если исключить возможность ошибочной записи, суй=. Наибольшие затруднения при увязке этой основы с исходной для «три» (*лъаб) вызывает анлаутный з=: к чему он непосредственно восходит (к **с**, подвергшемуся озвончению, или шипящему жв=, который перешел в свистящий з=). Следует отметить, что числительное «три» проявляет материальную близость во всех группах иберийско-кавказских языков (ср. груз. сам+, абхаз. хы=, кабард шъы, убых. щъэ, чеч. кхоъ, дарг. х1яб=, авар. лъаб=, рут. хьибу=, удин. хиб=…) (146, 161; 309, 148). Начальный звук у этой основы выступает в виде лъ, хь, х1, ш, с … В лакском – в виде ш и с (в диалектах свистящего типа); начальное с встречается и в кусурском диалекте аварского языка: саб (в лит. лъаб=). Эти различные отражения общего начального исходного согласного в основе «три» в различных иберийско-кавказских языках позволяют допустить, что лак. зуб= также отражение исходной основы – названия «три». Кстати И. Джавахишвили считал лак. зу=(б)=, су(и) (у Гюльденштедта) и ша=(м)= фонетическими разновидностями названия «три» в лакском языке (104, 306).

В специальной литературе было отмечено, что корневые согласные первичных числительных в дагестанских языках проявляют в историческом аспекте материальную общность и могут быть возведены к общим исходным величинам (Н.С. Трубецкой, И.А. Джавахишвили, Е.А. Бокарев, Т.Е. Гудава, А.А. Магометов, Г.В. Топуриа, Б.К. Гигинейшвили, К.Ш. Микаилов…). Такая общность выявлена у целого ряда основ корневых числительных во всех группах иберийско-кавказских языков, ср. числительное «три» в картвельскихъ, абхазо-адыгских и нахско-дагестанских языках (146, 161).

Корневые согласные в большинстве основ лакских числительных сохранили довольно архаичное состояние – такие же согласные реконструируются и для общедагестанского праязыкового уровня в соответствующих ос-

новах: *ц (в ца= «один»), *к1 // къ1 (к1и= «два»), *кь (мукь= «четыре», кьу= «двадцать»), *ч1 (урч1= «девять»), *ц1 (ац1= «десять»), *ш (ттуш= «сто»). В остальных же основах числительных корневые согласные представляют собою закономерную эволюцию исходных согласных в соответствующих основах общедагестанского праязыкового состояния: *лъ / л1 (> хь > ш) – в шам= «три», *длъ (> л) – арул < *ал=ул «семь», мяй= < *мяйл= «восемь»; *л1 (> хх) – ххю= «пять», рях= < *ряхх «шесть» (41; 229; 270; 83). Для морфологической структуры основ простых числительных (за несколькими исключениями), вероятно, были характерны префиксальные классные показатели, как в анд. б=окъо и чеч. б=иъ «четыре». Наличие таких же показателей предполагается в основах простых числительных и других дагестанских и нахских языков (201, 44). Впоследствии же такие префиксальные классные показатели слились с корневой морфемой, перестали выполнять свои согласовательные функции, окаменели или были утеряны. Числительные являются отвлеченными именами и потому система классов в них могла пошатнуться раньше (105, 144-160). Суффиксальное выражение классов в лакских числительных, как и в числительных ряда дагестанских языков, позднее явление, возникшее в каждом из них во время самостоятельного и обособленного развития (246, 639; 30, 8; 201, 144). Такие суффиксальные основообразующие элементы в числительных различных дагестанских языков оказываются разнородными и не сводимыми к общим архетипам (ср. авар. =го; дарг. =(а)л, арч. =у, , лак. =ва (=ра / =ба).

В лакском языке основы корневых числительных имеются двух типов: с окаменелыми префиксальными классными показателями и утерявшие классные показатели.

Окаменелые классные показатели выявляются в следующих основах:

м=укь= / < *б=укь «четыре», ср. анд. в=окъо (б=окъо, й=окъо, р=окъо), чеч. в=иъ (б=иъ, д=иъ), агул. йакь=уд, таб. йак=уб, рут. й=укъ=уд, крыз. йукь=ур, лезг. кьу=д;

р=яхь= (< *д=яхь) «шесть», ср. арч. дилъ, рут. рихь=ид, цах. йих=ыд, таб. йирхь=уб, лезг. руч=уд, чеч. йалх;

м=яй= (< *б=яй=) «восемь», ср. анд. бийкь=, ботл. бикьи=, дид. Бил1=, авар. микь=, агул. муй=, лезг. муьж=уьд, арч. Мел1ей=, бацб. Барлъ=, чеч. баргь;

тт=урш= (< *д=урш=) «сто», ср. анд. бешон=, дид. бишон=, дарг. дарш=ал, арч. баш=, цах. ваш+, таб. варж=, удин. бяч=, чеч. б1ъе.

В основе ттурш (< дурш=) инлаутный =р=, по-видимому, фонетическое наращение, характерное для некоторых лакских основ, ср. арс «сын», но авар. вас; барц1 «волк», но авар. бац1ц1; барз «месяц», но авар. моц1ц1 и др.

В следующих основах числительных префиксальный классный показатель утерян, но сохранился гласный, следовавший за ним:

арул= (< *ар=ул= < *ал=ул=) «семь», ср. дарг. верх1=ал, арч. Вил1и=, агул. йер=ид, цах. йегъ=ид, удин. вугъ=, бацб. Ворль=, чеч. воргь=. Исторически корневой морфемой у основы арул= была ал= (ср. авар. анкь= при известном звукосоответствии авар. къ – лак. л); от нее была образована при посредстве афф. =(у)л производящая основа для некоторых видов числительных: *ал=ул > ар=ул (л – л в результате диссимиляции дает р - л). Впоследствии этот вариант основы обособился, подвергся переразложению и стал восприниматься как первообразная основа.

Урч1= «девять», ср. агул. йерч1=, цах. йуч1=, табас. (хюрик. г.) йурч1=, будух. вич1=. Инлаутное =р=, видимо, фонетическое наращение, как и в основе ттурш= «сто»;

ац1= «десять», ср. дарг. вец1=ал, арч. виц1и=, цах. йиц1=, крыз. йиц1=, удин. виц1=, лезг. ц1у=.

Вероятно, префиксальные классные показатели могли иметься и в основах ряда других числительных, а впоследствии же были утеряны: ххю= «пять» (ср. хинал. пхьу=, бацб. пхи=, чеч. пхиъ) и кьу «двадцать» (ср. бацб. т1кьа=, чеч. т1къо=).

Система счета

В лакских числительных в целом преобладает десятичный счет: названия десяток от 40 до 90 образованы от названий соответствующих единиц при посредстве суфф. =ц1ал (ср. и ац1= «десять»): мук=ц1ал= «сорок» (мукь= «четыре»)… урч1=ц1ал= «девяносто» (урч1= «девять»).

В историческом плане система счета в лакском языке может быть охарактеризована как смешанная, в которой, наряду с особенностми десятичной, имеются элементы, или следы вигезимального счета – особое название (корневое слово) для «двадцати» - кьу=, которое не является производным от названий «два» и «десять». П.К. Услар отмечал, что «в отличие от большей части кавказских языков лакский счет не представляет никаких следов двадцатиричного счисления», а числительные кье= «20» и зуби= «30» неизвестного происхождения и составлены не по десятиричной системе» (256, 72).

Десятичный счет в лакском языке хронологически относительно новое явление, пришедшее на смену старому, двадцатиричному счету, который сохранился в целом ряде дагестанских языков (аварский, дидойский, гинухский, лезгинский, будухский…) и в нахских языках. Общий ход развития системы счета в дагестанских языках показывает, что десятичная система счета в них является инновативной, она вытесняет более архаичный двадцатиричный счет (20, 136; 173, 159; 98, 194; 28, 69). Последний же проецируется на прадагестанский (и пранахско-дагестанский) уровни, о чем свидетельствует общекорневое название для числительного «двадцать» во всех группах дагестанских и нахских языков: авар. къо, дид. хъу, дарг. гъал, лак. кьу, лезг. кьа…, чеч. т1къо (98, 210). В некоторых дагестанских языках наблюдается параллельное употребление обоих видов счета (аварский, каратинский, табасаранский, агульский, удинский); при этом прослеживается ярко выраженная тенденция к замене вигезимального счета десятичным (173, 159).

Неоформленные и оформленные основы дагестанских числительных

Неоформленными (краткими) основами числительных являются корневые морфемы всех простых числительных (1-10, 20, 30, 100, 1000), а также образованные от них, за исключением названий для 20 и 30, основы названий десятков, сотен и тысяч, которые употребляются в беглом счете и не имеют специальных, образующих тот или иной разряд числительных или же их производящие основы, морфемных элементов: ца «раз», к1и= «два», шам= «три», мукьц1ал= «сорок», к1иттурш= «двести», к1иазар= «две тысячи». Употребление числительных при беглом счете в усеченном виде без основообразующего аффикса – явление известное и в других дагестанских языках (аварский, даргинский, арчинский…), ср.: авар. к1и= «два», дарг. х1яб= «три», арч. вищ1= «десять».

Неоформленные основы числительных – названия единиц используются при образовании основ сложных числительных (мукь=ц1ал «сорок», к1и=ттурш= «двести»…), полных (оформленных) основ количественных числительных, а также производящих основ различных групп числительных (порядковых, кратных….).

Как было отмечено выше, неоформленные основы имеют и сложные числительные, обозначающие десятки, сотни и тысячи. Сложные названия десятков (40-90) образуются от неоформленных основ соответствующих единиц при посредстве суфф. =ц1ал (мукь=ц1ал= «сорок»), сотен – при посредстве ттурш (мукь=ттурш= «четыреста»), тысяч – при посредстве азар= (мукь=азар= «4000»). В плане истории не совсем понятна морфологическая структура элемента =ц1ал. Он, несомненно, множительный суффикс, передающий понятие десяток, т.е. морфема, обозначающее «десять». Очевидно, что элемент =ц1= в этом суффиксе увязывается, как это заметил еще и П.К. Услар (256, 75), с корневым =ц1= в числительном ац1= «десять», но не совсем ясны функции =(а)л. Можно было предположить, что здесь имеем =л,

употребляемый в лакском языке для образования ряда атрибутивных основ. Однако, это встречает ряд препятствий, т.к. в тех дагестанских языках, в которых имеется десятичная система, также имеем афф. =ц1+Г+л (=ц1+Г+р), или же =(а)ц1а=, ср. анд. =ц1ол, ботл. =ц1ал, карат. =(а)ц1а=, дарг. =ц1ал=и, агул. =ц1ур, рут. =ц1ир, цах. =ц1ал, таб. =ц1у=р, =ц1у=б (в таб. конечные элементы – классные показатели). Суфф. =ц1али встречается и в ряде аварских говоров, в которых используется десятичная система (126, 178). Видимо, этот суффикс во всех этих языках может иметь общее происхождение и не возник в отдельности в каждом языке.

Оформленные («полные», классные) формы количественных числительных образуются от неоформленных («кратких») основ числительных при посредстве классного аффикса (усилительной частицы) =*ва / =йа, =а – для I кл. =ра (=да, =ла, =на) – для II и IV кл., =ба / =ва, =ма – для III кл., ср. мукь=а (мукь=ра, мукь=ва) «четыре». Числительное ца «один», в отличие от остальных, не принимает указанных выше аффиксов, однако в составных числительных оно оформлено, ср. ац1нийа цайа (ац1нийа цара, ац1нийа цава) «одиннадцать».

Эти классные аффиксы являются основообразующими (и словообразовательными) аффиксами полных, классных форм количественных числительных и по своим выполняемым функциям аналогичны частице =го в аварских, суфф. =(а)л в даргинских и суфф. =у в арчинских количественных числительных, ср. авар. лъаб=го, дарг. х1яб=ал.

Классные аффиксы =ва, =ра, =ба свое исходное состояние лучше сохранили в диалектах (балхарский, вицхинский…), более всего подверглись изменениям в кумухском диалекте (и resp. В литературном языке). Афф. =ба перешел в =ва и =ма, а афф. =ра/=да перешел в =ла, =на. Все эти процессы наглядно видны из следующей таблицы полных форм лакских количественныхэ числительных. (В таблице вначале приводится форма I кл., затем II, IV кл., а последней идет – III кл.).

«1» - ца (для всех кл.); в составных числительных – ца=й=а, ца=ра, ца=ва;

«2» - к1и=йа < *к1и=ва; к1и=ра; к1и=ва < к1и=ба (ср. балх., вицх. к1и=ба);

«3» - шам=а < *шам=ва; шан=на < шан=да < *шам=да (ср. вицх. шан=да); шам=ма < шам=ба (ср. ыицх. Шам=ба);

«4» - мукь=а < *мукь=ва; мукь=ра; мукь=ва < мукь=ба (ср. вицх. мукь=ба);

«5» - ххю=йа < *ххю=ва; ххю=ра; ххю=ва < ххю=ба (ср. вицх. ххю=ба);

«6» - рях=а < *рях=ва; рях=ра; рях=ва < рях=ба (ср. вицх. рях=ба);

«7» - арул=а < *арул=ва; арул=ла < арул=да (ср. вицх. арул=да); арул=ва < арул=ба (ср. вицх. арул=ба);

«8» - мяй=йа < *мяй=ва; мяй=ра; мяй=ва < мяй=ба (ср. вицх. мяй=ба);

«9» - урч1=а <*урч1=ва; урч1=ра; урч1=ва < урч1=ба (ср. вицх. урч1=ба);

«10» - ац1=а < *ац1=ва; ац1=ра; ац1=ва < ац1=ба (ср. вицх. ац1=ба);

«20» - кьу=йа < *кьу=ва; кьу=ра; кьу=ва < кьу=ба (ср. вицх. кьу=ба;

«30» - зуви=йа < *зуби=ва; зуви=ра < зуби=ра (ср. вицх. зуби=ра); зуви=ва < зуби=ба (ср. вицх. зуби=ба);

«40» - мукьц1ал=а < *мукьц1ал=ва; мукьц1ал=ла < мукьц1ал=да (ср. вицх. мукьц1ал=да); мукьц1ал=ва < мукьц1ал=ба (ср. вицх. мукьц1ал=ба);

«100» - ттурш=а < *ттурш=ва; ттурш=ра; ттурш=ва < ттурш=ба (ср. вицх. ттурш=ба);

«1000» - азар=а < *азар=ва; азар=да; азар=ва < азар=ба (ср. вицх.азар=ба).

Из фонетических процессов, происшедших в согласных в классных аффиксах количественных числительных, изменения показателя I кл. =в= (=в > =й=, =в= > Ø) характерны для всех диалектов, а процессы =д= > =л=,

=д= > =н= (II, IV кл.), =б= > =в=, =б= > =м= (III кл.) – для кумухского диалекта. Хронологически процессы, действующие во всех диалектах, вероятно, более ранние, нежели процессы, отмечаемые в кумухском диалекте.

Для количественных числительных лакского языка характерна форма множественного числа, которая выражает понятие пары или группы, обобщает некоторую совокупность людей и предметов. Такие формы характеризуются сложным классным морфемным элементом =вай=ва, =бай=ба (I-III кл.) и рай=ра (IV кл.), ср. к1и=вай=ва (к1и=рай=ра) «две группы», «две пары».

Аналогичные формы в даргинском языке образованы при посредстве близкого в материальном и функциональном отношении к лак. =вай (=рай) афф. =бех1(=дех1), ср. к1и=дех1, к1и=бех1 «две пары»; ца=бех1, ца=дех1 «одни, некие»; в кубачинском диалекте выступают =да, =ба, которые являются вторичными по отношению к =дех1, =бех1 (170, 137).

В форманте =вай (=рай) выделяются классные аффиксы =ва < =ба, =ра и =й, являющийся формантом множественности указательных местоимений. А конечный (второй) классный афф. =ва < =ба (=ра) как бы оформляет эти основы в виде «полных», «завершенных».

Указанные особые формы представляют собою лакско-даргинскую изоглоссу. Возможно, лак. =бай (=рай) и дарг. =бех1 (=дех1) в этих образованиях в генетическом отношении, с учетом имеющихся регулярных даргинско-лакских звукосоответствий, соотносимы и являются формантами общего происхождения.

От названий десятков, сотен и тысяч при посредстве суфф. =хъул (аффикса репрезентативного множ. числа имен существительных, обозначающих лиц) образуются формы собирательно-множественного числа числительных, передающие понятие «десятки», «сотни», «тысячи»: ац1ва=хъул (ац1ра=хъул) «десятки», ттуршва=хъул (ттуршра=хъул) «сотни», азарва=хъул (азарда=хъул) «тысячи». Определяемые ими существительные име-

ют форму множественного числа: ттуршрахъул шинну «сотни лет». Образование форм множественности от числительных при посредстве суфф. Хъул, характерного для имен лиц, явление явно вторичное, причем еще не получившее широкое распространение. Процесс внедрения суфф. =хъул в систему числительных объясняется тенденцией расширения функции этого суффикса и аналогией: как от собственных имен и ряда нарицательных имен он образует репрезентативное множественное число, так и от круглых чисел (10,100, 1000) он образует формы множественности, напоминающие чем-то указанные формы в именах.

Собирательные числительные образуются от оформленных, полных классных форм количественных числительных при посредстве соединительной союзной частицы =гу: к1ийа=гу (к1ира=гу к1ива=гу) «оба», «вдвоем».

Образование числительных этого разряда при посредстве союзной или других частиц в дагестанских или других иберийско-кавказских языках, как можно судить по специальной литературе, нередкое явление. Ср.: дарг. к1ел=ра «оба» (=ра «и»), авар. к1ийав=го (к1ийай=го, к1ийаб=го) «оба» (=го – усилит част), табас. йукьред=ра «четверо» (=ра «и»), абхаз. ахп=а=гьы «все трое» (=гьы - союзн. част), груз. ори=вэ «оба» (=вэ – усилит. частица «же»).

К собирательным же относятся и **собирательно-выделительные** числительные, которые выделяют из определенной группы какое-то число (с совокупным значением). Эти формы образуются от полных количественных числительных при помощи суффикса атрибутивных имен =сса: мукьа=сса (мукьра=сса мукьва=сса) «четверо» (из тех); « а четверо»; «(что касается) четверых, то…». Ср. такую же форму и от местоимения цаппара «некоторые» - цаппара=сса «часть, какое-то из некоторых».

Аналогичная по своему значению и близкая по образованию (в качестве производящих основ выступают полные числительные) форма отмеча-

ется и в аварском языке: к1иго=й=ав (к1иго=й=ай, к1иго=й=аб) « а двое (из тех)» (36, 174).

Разделительные, или распределительные числительные в лакском языке, как и в других дагестанских и иберийско-кавказских языках, образуется редупликацией основ. При этом второй компонент выступает в виде полного оформленного количественного числительного, а первый в кратком или усеченном виде: к1и-к1ийа (к1и-к1ира, к1и-к1ива) «по два»; ару-арула (ару-арулла ару-арулва) «по семь»; мукьц1а-мукьц1ала (мукьц1а-мукьц1алла мукьц1а-мукьц1алва) «по сорок». Ср. и в других языках: авар. к1и-к1и «по два», дарг. к1и-к1ел «по два», таб. щу-щубуб «по три», чеч. диъ-диъ «по четыре», абх. оба-оба «по два», груз. ор-ори «по два».

При образовании разделительных числительных от составных редупликации подвергается последний компонент словосочетания: кьун-ийа ххю=ххюра «по двадцать пять», ттуршлий ххюц1аллий к1и-к1ира «по сто пятьдесят два», шанттуршлий ххюц1а-ххюц1ала «по триста пятьдесят» и др. Аналогичным же образом образованы разделительные формы от составных числительных в других дагестанских языках, в частности, в даргинском.

Числительные, обозначающие **приблизительное количество** предметов или людей, образуются различными средствами.

Одним из наиболее распространенных способов передачи таких значений служит, как и в других языках, употребление двух количественных числительных, указывающих на пределы приближения: мукь-ххюйа «пять-шесть», ац1нийа ххюйа-ряха «15-16», мукьц1а-ххюц1ала «40-50», к1итту=шанттурша «200-300». В ряде сложных числительных при образовании таких форм первый компонент выступает, как и в разделительных числительных, в усеченном виде: ххюц1а-рряхц1ала «50-60», мукьтту-ххюттурша «400-500». Нередко такие приблизительные числительные употребляются с числительным ца «один» , выступающим в роли препозитивной

частицы: ца мукьа-ххюйа «примерно 4-5», ца кьуйа-зувийа «примерно 20-30».

Препозитивное употребление ца «один» перед количественным также указывает на приблизительность: ца кьуйа адимина «примерно 20 мужчин». Такое же использование числительного «один» отмечается и в ряде других языков, ср. адыг. Зы хы-бл «около шести-семи» (букв. «один шесть-семь») (153, 225).

Для выражения некоторого приблизительного числа сверх десятков, сотен и тысяч («…с лишним; более…») используется сложный суф. =хъайсса (хъай – суперэссив от суф. собирательности/множественности =хъул; =сса – суф. атрибутивных имен). Названия числительных в этих основах выступают в тех же формах, в каких они используются в составных числительных: ац1нийа=хъайсса «десятьс лишним; более десяти»; зувиллий=хъайсса «более тридцати».

Суф. =хъайсса нередко присоединяется и к другим формам (основам) тех же круглых числительных - к оформленной, полной форме количественных числительных (ср. ттурша=хъайсса «сто с лишним») или же к косвенной основе (ср. ттурщунни=хъайсса «сто с лишним»). По образованию последние представляются инновативными (малая распространенность, малоупотребительность в диалектах), а относительно первичной является первая: она представляет собою названия круглых десяток, сотен, тысяч в сложно-составных числительных, а суф. =хъайсса замещает (репрезентирует) следующие за ними целый ряд единиц, десятков…это значение суф. =хъайсса вытекает из функции суф. =хъ

ул, являющегося суффиксом репрезентативного множественного числа. Затем в качестве первого копонента стали выступать и другие основы (формы) этих же числительных. У этих образований с суф. =хъ

айсса (с различными основами) имеются, видимо, и еле заметные различия: ттуршлий=хайсса «сто с лишним» (но в пределах единиц), а ттурщун-

ни=хъайсса «более ста» (это может быть и 20, 30…). Вступая в сочетание при посредстве союза **ва** «и» со словами с временным значением барз «месяц», шин «год», суф. =хъайсса выступает как бы в качестве слова со значением «с лишним», т.е. подвергается «лексикализации»: барз ва хъайсса «месяц с лишним» (месяц и более»), шин ва хъайсса «год с лишним» («год и более»).

Дробные числительные описательно: шанма бут1ул ца бут1а «одна треть» (букв. «трех частей одна часть»); ср. и аналогичное образование в даргинском языке: х1ябал бут1ала ца бут1а «одна треть» (20, 137).

В качестве дробных числительных выступает сочетание порядкового числительного со словом бут1а «часть, доля», ср. ххюнчилмур бут1а «пятая часть» (128, 60). Такой же способ отмечен и в ряде других дагестанских языков, в частности, в андийском, ср. (себ) лъоблъидоб камар «(одна) третья часть» (279, 196).

В значении дробного числительного «половина» используется слово ач1и (б=ач1и, д=ач1и). Вероятно, оно увязывается с глаголом б=ач1ин «разделить, раздать».

КРАТНЫЕ ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ

В лакском языке употребительны кратные числительные различных семантико-морфологических типов. Они выражают значения «столько-то раз», «…кратном виде», «в (который) раз», «в …раз больше (меньше) и др.

Формы кратных числительных со значением «столько-то раз» (типа русского «дважды, трижды») в литературном лакском языке (и в кумух. диалекте) по сравнению с диалектными вариантами представляются заметно отошедшими от соответствующих исходных форм. По своему образованию эти формы являются классными, однако в литературном языке имеется тен-

денция к нейтрализации классных форм и унификации всех их в виде одной общей неклассной формы.

В своем исходном виде кратные числительные образовывались от неоформленных основ количественных числительных пр и посредстве сложного суф. =йл=ба (III кл.) после гласных и =у=йл=ба (III кл.) после согласных: мукь=у=йл=ба (III кл.) «четырежды»; ххю=йл=ба (III кл.) «пять раз».

От числительного ца «один» кратная форма выступает без конечного классного афф. =(в)а (=да, =ба): ца=л (в вицх. д. ца=л и це=йл< *ца=йл) « один раз, однажды».

Сложный суффикс кратных числительных =(у)йл=ба состоит из двух элементов: =(у) йл и классного аффикса =(в) а (=да, =ба); афф. =(в)а (=да, =ба) – полифункционален, передает значение достоверности, подтвердительности, частицы «же». Он использован при образовании «полных» форм количественных числительных (ср. мукь=(в)а, мукь=ра, мукь=ба «четыре»). Сам этот аффикс не передает понятие кратности, а лишь оформляет (в виде полных, оформленных основ) кратные числительные. В таком случае, собственно кратными числительными являются формы, образованные аффиксом =(у) йл, точнее =йл, так как =у= использован в ряде основ после согласных в качестве соединительного гласного (мукь=у=йл= «четырежды»).

Афф. =(у) йл, выражающий значение кратности, образовывал от «кратких» форм числительных основу, от которой регулярно образовывались различные семантико-морфологические типы числительных: мукь=уйл=ба «четырежды»: мукь=уйл=(у) чин «четвертый раз, в четвертых»; мукь=уйл=чин=сса 2четвертый». Главным значением этой основы было значение кратности. По отношению к форме с классным афф =(в)а (=да, =ра) она выступает как бы неполной, краткой формой. Возможно, афф. =в(а) (=да, =ба) первоначально присоединялся к ней для передачи дополнительных значений, но впоследствии слился с –(у) йл и образовался сложный суф. –(у)йл-ва (I кл.) , (у)йл-да (II, IY кл.) (у)йл-ба (III кл.).

В историко-типологическом плане интерес представляет суффикс кратности в адыгских языках –(у) най // =ней, который по своей структуре также сложен – состоит из суффиксов кратности общеабхазско-адыгского происхождения =н < =нэ и осложнившего его суффикса притяжательности =й, причем этот процесс и образование сложного суфикса – вторичное явление (153, 226).

Слияние двух морфемных элементов –(у)йл и =(в)а (=да, =ба), возникновение сложного аффикса кратности (=(у)й=б=а, изменение в его фонетическом облике (=йл=б=а…), появление новых классных вариантов в кумухском диалекте и последующая их нейтрализация (ср. к1ила//к1илла «дважды»), а затем обобщение в одной неклассной форме в виде афф.=ла показывают пути возникновения, развития и изменения аффиксов, появление новых вариантов последних и получение ими статуса нового морфемного элемента, т.е. аффикс кратности в современном литературном языке =ла возник в результате следующих изменений: -(у)йл= =(в)а (=(у)йл=да, (=(у)йл=ба) > =(и)л=а (=(и)л=ла, =(и)л=ва) > =(и)ла// =(и)лла > = (и)ла.

Первоначальный суффикс кратности =йл проявляет семантико-функциональную близость к аффиксу дюративного аспекта в глагола инфикса =л=, ср. чичин «написать», но чич=л=ан «писать». Кроме того, =л – афф. род. п. и используется при образовании атрибутивных основ и именной части сложно-составных глаголов. Трудно что-либо сказать о =й= в суф. =йл. Можно лишь отметить, что =й= в лакском языке встречается в качестве суффикса множественности в указательных местоимениях (та «тот» – та=й «те»), суффикса скперэссива в именах (ч1ира=й «на стене») и аффикса деепричастия настоящего времени (букла=й «читая»).

Суфикс кратности =йл не проявляет видимых связей с соответствующими суффиксальными элементами в других дагестанских языках, ср. дарг. к1и=на «дважды», авар. к1и=ц1ул «дважды», таб. кьуб=ан «дважды», арч. виц1=а=ла «десять раз» и др.. Вероятно, суффиксы кратности в этих языках

возникли независимо друг от друга, в самих этих языках после распада языка-основы. Однако обращает на себя внимание близость – и семантическая, и матреиальная- аффиксов кратности в ряде языков: лак. =(й)л, дарг. =на, арч. =ла, таб. =ан, адыг. =нэ (45, 221-222).

В отдельную семантико-морфологическую группу выделяются кратные числительные, передающие значения «…кратном виде», «(во столько-то) крат, раз», «в…раз больше (меньше)» (типа русск. «вдвое, вдвойне»), ср.: шамлийну «втройне, в трехкратном размере».

Кратные числительные этиго типа образуются от кратких (неоформленных) основ количественных числительных при посредстве сложного суф. =лийну, который состоит из аффикса суперэссива =й (с предшествующим аффиксом косвенной основы =ли=) и адвербиального афф. =ну=. Суф. =лий в системе числительных использован при образовании составных: зуви=л=лий…»тридцать…», ттурш=лий… «сто…».

Формы кратности с суф. =лийну напоминают по образованию (и отчасти по семантике) формы суперэссива имен существительных + суф. =ну, имеющие значение «при посредстве, посредством»: мукъу=й=ну «посредством слова, словесно»; чичру=лий=ну «письменно, посредством письма» и т.п. Вероятно, в значениях «посредством» в именах существительных (=й=ну – суперэссив+ =ну) и «в…раз больше (меньше)» в кратных числительных (=(ли)=й=ну) имеется определенная взаимосвязь («посредством» и «…кратно»).

Орчень близкие по значению и образованию к указанным лакским кратным числительным формы отмечаются в даргинском и арчинском языках, причем и в последних они образованы при поредстве адвербиальных аффиксов (=ли и =ши): дарг. к1и=на=ли «в два раза» (к1и=на «дважды») (20, 200); арч. къвеI=ши «вдвойне, в два раза больше» (141, т. II, 122).

Формы кратности характерны и для ряда других числительных: разделительных, приблизительных, неопределенных.

Кратно-разделительные числительные образуются , как и вообще разделительные, редупликацией кратного числительного; при этом второй компонент выступает в полном виде, а первый в усеченном виде: к1ил-к1ийла « по два раза», «рях=ряхила « по шесть раз» и др.

Кратно=неопределенные формы образуются от некоторых неопределенных числительных при посредстве сложного суф. =лила: ч1явусса=лила «многократно», цаппара=лила «несколько раз». Такие формы относительно редки, но встречаются в лакской литературе и являются инновативными. Сам суф. =лила < =лил=ба (=лил=да) сложный и относительно новый по образованию, в данном случает выступает как единый и обособившийся (со своей функцией) суффиксальный элемент.

Кратно-приблизительные формы образуются по-разному:

1. Использованием ца «один» перед кратным числительным: ца ххюйлла «примерно пять раз»;
2. присоединением суф. сравнительно-сопоставительного значения =ксса к кратным числительным с предшествующим ца «один»: (ца) ац1ила=ксса «примерно десять раз, чуть ли не десять раз»;
3. соположением кратных форм числительных, указывающих на пределы приближения: цал=к1ил «один-два раза», к1ил=шамил «два-три раза», шамила-мукьила «три-четыре раза». В таких формах каждый компонент от числительных «три» и выше выступает в полном виде – с конечным =а (=ла, =ва).

Как и в ряде родственных языков (даргинский, чеченский, адыгские и др.), выделяются и **кратно-порядковые числительные**, показывающие порядок следования (по счету) действий, ср.: к1илчин «вторично, второй раз». Такие формы образуются от производящих основ или усеченных, «кратких» форм кратных числительных (с афф. =(у)йл или его вариантов =ил , =л при посредстве инфинитива (у) чин «сказать»: к1и=л=чин (вицх., балх.

к1и=л=учин) «вторично; повторно»; второй раз; во-вторых»; мукь=ил=чин, мукь=ул=чин (вицх. мукь=ил=учин, хосрех. мукь=уй=л=чин) «четвертый раз; (быть, находиться) четвертым; в-чертвертых». Аналогичная по значению и образованию форма представлена и в даргинском языке. С. Абдуллаев характеризует ее как порядкоевое наречие, образованное от кратного числительного (с суф. =на) при посредстве суф. =йс (эс), предположительно увязываемого с инфинитивом эс «сказать»: к1инайс (к1инаэс) «во-вторых; в другой раз, потом, второй раз» (букв. «дважды сказать») (20, 138).

Кратно-порядковые числительные от кратных образованы и в чеческом и адыгских языках. Ср.: чеч. шозлаг1а «вторичный» (шозза «дважды», =лг1 – суф. порядк. числит.) (316, 69); адыг. йа=щэ «третий раз» (щэ «три раза», йа – префикс притяжательности) (219, 80).

Аналогичные по семантике формы в аварском и арчинском языках образуются не от кратных, а от корневых (кратких) форм числительных, но и как в даргинском и лакском языках, пр посредстве инфинитива со значением «сказать», ср.: авар. к1и=абизе «второй раз; вторично; во-вторых»; арч. лъеб=бос «третий раз»; «в-третьих».

В ряде лакских диалектов, в том числе и в кумухском (а также в литературном языке), в которых производящими основами порядковых числительных выступают не корневые (краткие) формы, как в других диалектах, а основы, осложненные суф. =(у)йл, =(и)л, т.е. совпадающие с усеченными (краткими) основами кратных числительных, формы кратно-порядковых числительных (к1и=л=чин «вторично»…) нередко используются как формы (краткие) порядковых числительных (ср. к1илчин=сса – к1ил=чин= «второй»), т.е. эта форма выступает в качестве определения и к глаголам (как кратно-порядковое наречие), и к именам (как порядковое числительное): к1илчин I. «второй раз», «повторно»; «во-вторых»; 2. «второй». Такое смешение значений явление вторичное и объясняется совпадением формы кратно-порядкового числительного с краткой формой порядкового числи-

тельного (причастного образования с глаголом (у) чин «сказать» – (у) чин=сса. В результате такого взаимовлияния и смешения формы типа к1илчин нередко выступают в обоих значениях («второй раз, вторично» и «второй»).

Изредка от такой основы, как и от кратких прилагательных, в силу аналогий, при посредстве суф. =ний образуется форма с локативно-темпоральным значением: к1илчин=ний « а на второй раз» (ср. лахъ=ний «там, где высоко»).

Употребление формы кратно-порядкового числительного в значении порядкового отмечено и в чеченском языке: «шозлаг1а: «второй раз» и «второй»(308,112).

ПОРЯДКОВЫЕ ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ

Порядковые числительные в лакском языке, как и в других дагестанских языках (аварский, даргинский, лезгинский, табасаранский и др.) образованы при посредстве причастных форм от глагола «сказать» (по лак. (у)чин < (у) кин). Эти формы выступают в виде причастия прошедшего времени =(у) чин=сса «то, что должно быть сказано»: к1ил=ку (сса), к1ил=чин-сса «второй».

Порядковые числительные с суф. =ку (сса) менее употребительны (и, как правило, в краткой форме =ку), обычно используются при выражении дат и сочетаются с существительными, обозначающими временные понятия (къини «день», хьхьу «ночь», барз «месяц», шин «год»): кьу=л=ку шин «двадцатый год», к1и=л=ку кьини «второй день», мяй=л=ку хьхьу «седьмая ночь», «поминки через неделю после кончины».

Причастные формы от глагола учин «сказать» заметно грамматизованы, выступают, как правило, в усеченном (сокращенном) виде без начального у= (=чин=сса и =ку=сса), воспринимаются как морфемные (суффик-

сальные) элементы и пишутся всегда слитно с предыдущим компонентом (числительным): ац1илчинсса, ац1ул кусса «десятый». Правда, некоторые формы балахарского диалекта свидетельствуют о существовании втаких образованиях нестяженной, полной формы причастия прошедшего времени (с перфектным аффиксом – инфиксальным класным показателем (у=р=ку, у=б=ку): шам=урку «третий», мукьц1ал=урку «сороковой». Такие же формы отмечаются и в «Арифметике», составленной в 60-х годах прошлого века Абдуллой Умаровым: «1234 уркусса шивал « в 1234 году», 1284 уркусса шин «1284 год».

Суффиксальные элементы, образующие порядковые числительные, в настоящее время не имеют по диалектам лакского языка существенных расхождений в фонетическом отношении. Различия заметны в производящих основах, к которым присоединяются эти элементы: в одних говорах (с.с. Хосрех, Кули…) порядковые числительные образованы непосредственно от неоформленных основ количественных числительных, в других говорах (диалектах) формы с суф. =чинсса образованы от основ, осложненных элементами =л= или =ул= (ср. аналогичные основы и при образовании кратных числительных), а формы с суфф. =ку(сса) - непосредственно от неоформленной основы (ср. к1и=л=чинсса, но к1и=кусса «второй»).

В кумух. диалекте (и в литературном языке) производящие основы порядковых числительных, образуемывх при поредстве этих обоих суффиксальных элементов, однотипны, унифицированы - осложнены элементом =л= или =ул=, ср.: к1и=л=чинсса и к1и=л=ку(сса) «четвертый» и др.

Первоначальное, исходное состояние лакских порядковых числительных показывают формы, образованные непосредственно от неоформленных основ (мукь=чин=сса), мукь=ку(сса) «четвертый»), ср. аналогичное образование таких числительных и в ряде дагестанских языков, ср. дрг. ав=эсил и ав=ибил «четвертый».

Становление и развитие осложненных элементов =(у)л форм порядковых числительных в лакском языке происходило в процессе контаминации и взаимовлияния первоначальных форм порядковых числительных и форм кратных числительных (типа к1и=л=а «дважды», мукь=уй=л=а > мукь=и=л=а «четырежды») и последующего выравнения, унификации производящих основ обоих разрядов числительных. Этому способствовало и употребление в таких основах как к1и=л (ба) «дважды», к1и=л=(у)чин «во-вторых, второй раз», и к1и=чин (сса), к1и=ку(сса) одной и той же глагольной формы (у) чин (сса), т.е. в формах к1и=л (ба) и к1и=л=(у) чин и к1и=чин=сса произошло выравнение, унификация производящей основы. Менее подверженной оказалась форма с =ку (сса). Ср. в этой связи отмечаемые в некоторых говорах формы мукь=ил=чин (сса), но при этом мукь=у=ку (сса) «четвертый».

В кумух. диалекте процесс унификации основ у всех этих разрядов завершен полностью (к1и=л=чин=сса и к1и=л=ку(сса) «второй» и к1и=л=а «дважды», к1и=л=чин «во-вторых, второй раз». Процесс этот охватывает и остальные диалекты, видимо, под влиянием литературного языка. П.К. Усларом зафиксированы в вицхинском диалекте порядковые числительные без элемента =л= в производящей основе (к1и=чин=ма «второй»), но в настоящее время и там распространены формы с =л= (к1и=л=чин=ма «второй).

Порядковые числительные, в первую очередь с суф. =чин =(сса) проявляют в структурно-морфологическом отношении большую близость к кратно-порядковым. Формы последних выглядят как краткие формы причастных форм (к1ил=чин (сса) «второй»), что позволяет рассматривать порядковые числительные как образованные от наречных форм числительных, т.е. от кратно-порядковых. Кстати, такой подход предложен и к структуре порядковых числительных арчинского языка (141, т. II, 120).

СКЛОНЕНИЕ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ

Лакские числительные склоняются по атрибутивному типу и образование косвенных основ у них регулируется соотнесенностью числительного с именем существительным того или иного класса.

Склонение лакских числительных подобно склонению прилагательных с суф. =сса; в качестве аффиксов косвенной основы выступают характерные для атрибутивных имен во множественном числе «вставки» (интерфиксы) =нна/=унна (для 1 кл.), =нни/=унни= (для II и IY кл.) т.е. в косвенной основе проведен принцип бинарной оппозиции «мужчина» ~ «все остальное»:

Им. п. к1и=йа (I кл.)	к1и=ра (II, IY кл.)	к1и=ва (III кл.) «два»
Род. п. к1инн=нна=л		к1и=нни=л
Дат. п. к1и=нна=н		к1и=нни=н

Классные аффиксы, образующие полные формы количественных числительных, в косвенных основах не сохраняются. Это объясняется тем, что в косвенных основах их функции часто на себя берут аффиксы косвенной основы (=нна для I кл., =нну= для II, IY кл), а в форме им. падежа эти функции атрибутивной связи выполняют классные аффиксы. В косвенной основе они уже становятся избыточными.

В отличие от всех атрибутивных имен II-IY класса, у количественных числительных аффиксом косвенной основы выступает =нни=, а не =нну=. Несомненно, =нни= и =нну= алломорфы и разницу в вокализации следует объяснить фонетическими условиями. Исходной можно было считать форму =нни=, как имеющую корреляцию с =нна= (по типу в ед.ч. =на= ~ =ни=.

Но в данном случае первичной следует признать =нну=, которая выступает во всех аналогичных формах атрибутивных имен и в которой гласный =у= может измениться в =и= в силу диссимиляции с гласным =у=, появляющимся как соединительный между основой числительных и аффиксом косвенной основы у абсолютного большинства количественных чис-

лительных (за исключением «1», «2», «5», «8», «20», «30»): ац1=у=нна=л - ац1=у=нни=л < *ац1=у=нну=л; шам=у=нна=л - шам=у=нни=л < * шам=у=нну=л; но ср. однако ца ~ ца=нни=л. Изменение =нну= > =нни= прослеживается и в местоимении ку «одни»: ку=нна=л ~ ку=нни=л < * ку=нну=л.

Числительные во множественном числе с афф. =вай (=вай=ва), =рай (=рай=ра) склоняются как указательные местоимения множественного числа: афф. =нна= образует косвенную основу, если числительное относится к именам лиц, и афф. =нну=, если числительное относится к именам вещей. Классный аффикс =ва (=ра) при склонении опускается (как и при склонении количественных числительных):

Им. п. цавай	царай «одни»
Род. п. цавай=нна=л	царай=нну=л
цавай=нну=л	

Собирательные числительные склоняются подобно количественным, но ко всем падежным формам присоединяется сложный классный аффикс =агу (I кл.), =вагу (III кл.), =рагу (II, IY кл.) или их фонетические варианты.

Порядковые числительные склоняются подобно прилагательным, но формы с =ку (сса) по падежам не изменяются.

По особенностям склонения числительных (как и вообще атрибутивных имен) и отражением при этом категории классов лакский язык близок к аварскому и андийским, в которых при склонении числительных (и атрибутивных имен) получает отражение в косвенной основе соотнесенность числительных с именам существительными того или иного класса. В этом отношении даргинский язык отличается от лакского и ряда дагестанских языков. В даргинском языке при склонении числительных категория классов не находит отражения.

Трудно сказать, в каком случае сохранилось первичное состояние (при отражении системы классов в косвенных основах, как в аварском, лакском…или отсутствие такого отражения, как в даргинском). Представляется, что даргинский язык в данном случает сохранил более раннее состояние – в косвенной основе числительных особыми основообразующими аффиксами категория классов не отражалась, т.к. она была выражена префиксальными классными показателями (впоследствии окаменевшими или выпавшими). Появление же атрибутивного склонения (с отражением системы классов в косвенных основах при посредстве специальных основообразующих аффиксов) явление относительно новое, которое возникает в процессе «экспансии» и переноса на все атрибутивные имена (и на часть существительных) особенностей склонения указательных местоимений (93, 273). Следы более раннего состояния склонения количественных числительных проявляются в формах аблатива названий «10» и «20» и суперэссива названий десяток, сотен и тысяч, выступающих в качестве компонентов составных числительных: эти формы образованы без характерных для атрибутивного склонения аффиксов косвенной основы, ср. ац1=ни=й=а (…) «от десяти (…)», но ац1=унна=й=а (I кл.) ац1=унни=й=а (II, IY кл.) «от десяти»: ттурш=ли=й (…) «на сто (…)», но ттурш=унна=й (I кл.) ттурш=унни=й (II, IY кл.) «на сто».

Г л а в а IV

МЕСТОИМЕНИЯ

Лакские местоимения представляют собою «закрытый» список, состоящий из примерно тридцати пяти основ (включая сюда супплетивные и заимствованные основы). Количество же первообразных (корневых) местоименных основ весьма ограничено, ср.:

личные: на (косв. осн. тту-) «я»; ина (косв. осн. ви-) «ты»; жу «мы»; зу «вы»;

возвратное местоимение 3 л.: пу(в) «сам» (косв. осн.: цва- – для I кл., цви- - для II-IV кл.);

указательные: вā «этот» (у I л.), му этот» (у 2 л.), тā «тот», к1а «тот» (наверху), гā «тот» (внизу);

вопросительные: цу (косв. осн. щи-) «кто?»; ци (косв. осн. сса-) «что?»; цими «сколько?», чу(в) «где?»; та «когда?»;

обобщительное местоимение ку(в) «одни».

В большинстве своем корневые местоимения имеют структуру СГ (СГ): цу «кто?», жу «мы», та «тот» и др. Модели ГСГ (ина «ты») и СГСГ (цими «сколько» встречаются по одному разу.

Личные местоимения

Личные местоимения состоят из четырех лексических единиц - местоимений 1 и 2 лиц ед. ч. и мн. ч.: на «я», ина «ты», жу «мы», зу «вы». Что же касается личного местоимения 3 л., то в лакском языке, как и в других дагестанских языках, нет особой формы (основы) для такого местоимения. В этом значении используются указательные местоимения или же возвратное местоимение 3 л. цу «сам». Аналогичные факты отмечаются и в языках различных групп и семей (178, 201-204).

Для личных местоимений характерен ряд общих особенностей: супплетивизм при склонении (у 1 и 2 л. ед. ч.), выражение множественного чис-

ла лексически (другими основами), использование именительного падежа (вм. род.-эрг.) при переходных глаголах. Кроме того, в лакском языке, в отличие от ряда дагестанских языков, отсутствуют специальные формы эксклюзива и инклюзива.

Основы личных местоимений имеют структуру СГ (на, жу, зу) и ГСГ (ина). Для структуры ГСГ исходной, по данным диалектов, можно считать СГСГ (ина < *вина, ср. арак. вина//ина «ты», ср. и косв. осн. во всех диал. ви-). Приведенные прямые основы не выявляют непосредственно соотносимых общекорневых форм в других дагестанских языках, хотя и могут быть возведены к прадагестанскому уровню. Вероятно, основы личных местоимений в лакском и других дагестанских языках являются «стершимися» в процессе «языкового выветривания» основами.

В синхронном плане личные местоимения морфологически нечленимы. Правда, в единственном числе в ауслауте обеих основ выступает –а, во множественном же числе –у (ср. на – жу, ина – зу). В связи с этим гласные –а и –у в этих основах иногда квалифицируют в качестве морфемных элементов – числовых показателей (269, 20). Однако они не могут быть признаны числовыми формантами, так как местоименные основы ед. и мн. чисел являются различными основами (корнями). Личные местоимения мн. числа жу и зу являются самостоятельными лексическими единицами, а не грамматическими формами, образованными от на «я» и ина «ты». Они имеют, как и в целом ряде других языков, разное понятийное содержание: жу «мы» не есть по своему значению сумма нескольких на «я» (я + я + я), а означает «я + еще кто-то», зу «вы» не есть сумма нескольких ина «ты» (ты + ты + ты), а «ты + еще кто-то».

С учетом данных родственных языков, а частично и диалектов самого лакского языка, для прямых основ местоимений 1 и 2 лиц ед.ч. реконструируются однотипные основы, состоящие из корневого согласного и детерминативного элемента –н(а). В прямой основе 1 л. ед.ч. (на «я») корневой со-

гласный в анлауте не сохранился, но суффикс-детерминант остался (но в качестве самой основы), а в прямой основе 2 л. ед.ч. (ина «ты») корневой согласный не сохранился, а сохранились сопровождавший его гласный и детерминативный элемент (но в аракульском диалекте сохранилась и исходная форма вина//ина «ты»). Корневые элементы этих местоименных основ сохранились в косвенных основах (тту- и ви-). Детерминативный элемент в косвенных основах не представлен и, видимо, и в прошлом не выступал (ср. в авар. яз. дун «я», но: эрг.п. ди-ца, род.п. ди-р). Аналогичное положение имеем и в тех случаях, когда наличный в прямой основе суффиксальный классный элемент не остается в косвенной основе (ср. циня-в и циня-р «все», но в косв. осн. циня-нна-л и циня-нну-л, ср. и в авар. яз.: до-в, до-й, до-б «тот», но в ксов. осн.: до-с и до-лъ). Следует отметить, что с общекорневыми основами в других дагестанских языках соотносятся в первую очередь косвенные основы (ср. лак. тту- и авар. дун «я» и др.), что, кстати, отмечалось и в литературе (Н.С. Трубецкой, И.А. Джавахишвили и др.).

Личное местоимение 1 л. ед.ч. в современном лакском языке выступает в виде двух основ: прямой на «я» и косвенной тту- (тту-л «мой», тту- ч1а «у меня» и др.). Исходной для тту- следует признаь *ду- (преруптив тт- получен в результате оглушения д-). Лак. тту- (< *ду-) имеет соотносимые общекорневые основы в других дагестанских языках, ср.: авар. дун, ботл. ден, ахвах. дене, годоб., чамал., карат. дин, дид, ди, хварш. да, агул., лезг. зун, арч. зон «я»; с этими же формами сблиджают и дарг. ди- (в ди-ла «мой» - род.п. от ну «я»), кубач. ду «я» (290, 46; 67, 165; 43, 177; 83, 76). Для лак. на и тту- реконструируется форма *дун(а), которая в прямой основе сохранилась в виде на, а в косвенной в виде тту- < *ду-. Детерминативный элемент не сохранили, кстати, и даргинские личные местоимения (170, 139).

Личное местоимение 2 л. ед.ч. выступает в виде двух основ: прямой ина и косвенной ви- «ты» (ср. ви-л «твой», ви-ч1а «у тебя» и др.). В арак. диалекте параллельно употребительна и вина, а в балхар. диалекте косвенная

основа выступает в виде и- < ви- (ср. и-л «твой»). В первой основе этого местоимения в кумух. и других диалектах исчез корневой согласный в-, но сохранился сопровождавший его гласный (и-на < *ви-на), а также детерминативный элемент. В косвенной основе корневой элемент сохранился лучше (ви-), но в балхар. диалекте и в данном случае корневой согласный в- утрачен. Основа ви- (< *вина) соотносима с авар. мун, Анд. мен, ахвах. мене, дид. ма, бежт. ми, дарг. х1у (акуш., уркарах.), у (кубач.), и (хайдак.), лезг., агул., крыз. вун, арч. ун (< *вун, ср. ви-т – род.п. (251, 273; 229, 228-229; 270, 117). В качестве корневых согласных в этих основах выявляются в- и м-; однако с согласным в- можно соотнести и х1- (гь-) в ряде даргинских диалектов. Для корневых морфем *ви- в лакском и х1у (и-, у-) в даргинском языках исходной может быть признана *гьу- (х1у-) с вариантом *гьви- (х1ви-); вариабельность лабиализованного перед –и и нелабиализованного перед –у явление известное (151, 16), ср. в лак. куйах//квийах «слева». Корневой согласный *гьв- (перед –у - *гь-) перешел в в- или в Ø (нуль зву4ка), ср. лак. вина (арак. диал.), ина «ты», и-л (балх. диал.) «твой»; дарг. у- (кубач.), и- (хайдак.) «ты».

Личные местоимения во мн. числе выступают в виде жу «мы» и зу (в диал. жви) «вы». Косвенные основы у этих местоимений не отличаются от прямых (ср. жу-л «наш», зу-л «ваш»). Обе основы представляют собой однотипную структуру с одинаковым гласным в конце, что возможно, объясняется и тенденией к унификации конца этих основ (ж-у – з-у).

В отличие от ряда дагестанских языков (авар., анд., табас. …) лакский язык не сохранил различение эксклюзива и инклюзива личного местоимения 1 л. мн. ч.: жу «мы», но ср. авар. ниж (эксл.), нил1 (инкл.) «мы». В тех языках, в которых различение эксклюзива и инклюзива исчезло, обычно обобщается эксклюзивная форма (171, 248). В связи с этим можно предположить, что в основе жу представлена первоначально эксклюзивная форма. К тому же, корневой согласный ж- имеет регулярные соответствия в других языках

именно в эксклюзивных формах, ср.: авар. ниж, Анд. ишши-л, ахвах. эшши, лезг. чун, рут. жи, агул. чин, крыз. жин «мы».

Корневым согласным у личного местоимения 2 л. мн. ч. выступает з- (з-у), но в диалектах зафиксирована и форма с жв- (жв-и). Несомненно, что и з- и жв- являются реализационными вариантами одного и того же корневого согласного, но не совсем ясно, что в данном случае исходно. В этой связи обращает на себя внимание такое обстоятельство, как различение в ряде дагестанских языков корневых согласных личных местоимений 1 л. мн. ч. (эксклюзивных форм) и 2 л. мн.ч. лишь лабиализованностью (ср. агул. чин «мы» и чвун «вы», табас. ичу «мы» и ичву «вы»). Аналогичную картину имеем и в лакских диалектных формах личных местоимений мн. числа: жу «мы» и жви «вы». Кстати, соответствующие местоимения 2 л. мн.ч. в других языках показывают соответствие ж-/жв-, ср. авар. нуж//муж, дид. межи, арч. жвен, рут. ру «вы». Вероятно, з- в основе з-у вторичное, возникшее в результате действия ряда фонетических и диалектных явлений. Форма жви в диалектах «свистящего» типа имела соответствие в виде *зви, которое могло реализоваться в виду зу (ср. квийах и куйах «слева»), а эта форма могла распространиться и закрепиться в качестве общего местоимения 2 л. мн.ч., а другой его вариант *жу совпадал с местоимением 1 л. жу «мы». В силу омонимического отталкивания форма жу (2 л.) была замещена формой зу и в других диалектах.

Отметим, что Гюльденштедт (324, 520) в своих материалах приводит в качестве местоимения 1л. мн.ч. Näh ("Wir"), а значении косвенной основы schul (т.е. жу=л) "наш". Этот же факт приводят М.А.Джавахишвили (104, 527) и О.А. Гулыга (99, 20), которые считают основу жу древнейшей косвенной основой, вытеснившей впоследствии прямую Näh. Трудно сказать что-либо определенное по поводу этой формы: была ли такая форма и почему она появилась у И. Гюльденштедта. Диалектные данные и письменные памятники не подтверждают существование такой основы. Если же существовала такая форма, то она напоминает собою дарг. *нуша* (диал. *ну-гьа*) "мы".

Классные аффиксы =*ва* (1 кл.), =ра (II, IУкл.), =ва < =ба (III кл.), присоединяясь к личным местоимениям, придают им значение возвратности, т.е. образуют возвратно-личные местоимения "я" – на=ва (на=ра) "я сам"; ина "ты" – ина=ва (ина=ра) "ты сам"; жу "мы" – жу=ва (жу=ра) "мы сами"; зу "вы" - зу=ва (зу=ра) "вы сами".

При посредстве суф. =ãлу от возвратно-личных местоимений образуются формы с ограничительно-выделительным (обособляющим) значением: на=в=ãлу (на=р=ãлу) "я сам один, только я один" и т.п.

Отмеченный суф. =ãлу материально совпадает с суффиксом имен места =ãлу, ср.: ч1ира=х "за стеною", но ч1ира=х=ãлу "место, которое за стеною", букв. "застенье". Не исключено, что эти значения (локализации и выделительно-обособительное) взаимосвязаны: локализация > обособление, выделение.

В даргинском языке также отмечаются формы, образуемые от личных местоимений при посредстве близкого в материальном отношении к суф. =ãлу в лакском языке суф. =ал, ср. кубач. ду=ал "я один", у=ал "ты один" (170, 143). Эти суффиксы в генетическом отношении соотносимы меж собою; конечный =у в лакском суф. =ãлу, вероятно, наращенный элемент, т.е. =ãлу <=ã=лу (ср. также и аффиксы исходного падежа: дарг. =ад, лак.=ãту < =ãд=у).

В лакском языке, как и в других дагестанских языках, личное местоимение 3 л. как отдельная категория не выработалась (128, 126). В роли анафорического местоимения используются как указательные местоимения, так и возвратное местоимение 3 л. цу "сам" т.е. имеются лично-указательные и возвратно-личная формы.

Любое указательное местоимение может выступать в роли личного местоимения 3 л., однако в этом значении чаще используется му "тот" (у 2 л.). В данном случае оно нейтрализуется в отношении дейктичности, теряет конкретно-пространственное значение указания на сферу собеседника и приоб-

ретает значение анафорического, что свидетельствует о тенденции генерализации его в качестве личного.

В своей семантике к анафорическому местоимению очень близко возвратное местоимение 3 л. цу "сам". И по своим морфологическим признакам оно стоит в ряду личных местоимений. П.К.Услар рассматривает его как личное местоимение (256, 62-63), а Л.И. Жирков подчеркивает, что оно стоит в ряду лично-возвратных и близко по значению к личным местоимениям ("анафорическое местоимение") (128, 70). Эта особенность прослеживается и у старолакских авторов, связанных с арабоязычной традицией. Они переводили арабские личные местоимения 3 л. гьува "он" и гьийа "она" через цу ("сам"), однако при этом косвенные основы образовывали своеобразно: к косвенным основам возвратного местоимения цу "сам" цв=а= (I кл.) и ц=и= (II-IVкл.) присоединены аффиксы косвенных основ указательных местоимении =на= (I кл.)) и =ни= (II-IVкл.): цв=а=на=л (I кл.) , ц=и=ни=л (II-IVкл.) "его; её". Такие формы наблюдаются в "Касыде о плаще": цанал, цинал "его; её" (род. П.), цанабу, цинибу (араб. фигьи) "в нем" (инессив), цанайсса (араб. г1алайгьи) "находящийся на нем". В образовании таких форм прослеживается своеобразная контаминация (симбиоз) форм возвратного и указательных местоимений, а сам этот процесс объясняется стремлением языка к формированию личного местоимения 3 л. (по типу указательно-личного или указательно-возвратного). Впрочем, здесь же следует ответить, что в арак, диалекте цу "сам" склоняется как указательное местоимение (цу= не изменяется): цу=на=л (I кл.), цу=ни=л (др. кл.) "свой" (268, 27). По особенностям словоизменения местоимение цу в арак. диалекте стоит в ряду указательных местоимений.

Возвратное местоимение

Возвратное местоимение 3 л. цу (в) "сам" (во мн.ч. цив "сами") в классном отношении в прямой основе является нейтральным, но в косвенной основе единственного числа форма I кл. противопоставлена форме осталь-

ных классов (при посредстве гласных а - и); во множественном числе косвенная основа в классном отношении нейтральна:

Им.п.	цу (1 кл.)	цу (II-IVкл.)	цив мн.ч.)
Род.п.	цв=а=л	цв=и=л	цвал
Дат.п.	цв=а=н	цв=и= н	цван

К возвратному местоимению цу "сам" (и его падежным формам) может присоединиться, как и к личным местоимениям, классный аффикс =ва (=ра, =ва < =ба). При этом местоимение цу приобретает подчеркнуто возвратное значение ("именно сам") (128, 70). С этими аффиксами местоимение выступает в следующем виде: цу=ва (1 кл.), цу=р=да (II-IVкл.), цуппа < цу=б=ба (III кл.); во множ.ч.: цивппа//циппа < ци=б=ба (I-III кл.), ци=р=да (IVкл.). За вычетом классных аффиксов =ва, =ра, =ба остаются основы цу=(в), цу=р, цу=б, а в множественном числе ци=б, ци=р, т.е. восстанавливаются те исходные формы, которые были характерны для лакского возвратного местоимения в прошлом. Такие формы сохранились в балхарском диалекте: цу=б (I-III кл.), цу=р (II-IV кл.), а во множ.ч. ци=б и ци=р. Такие же классные формы представлены и в "Касыде о плаще": цу=б, цу=р "сам", ци=р "сами". Ср. также и аналогичные местоимения с классными показателями в основах в родственных языках: авар. жи=в (жи=й, жи=б), дарг. са=й (са=р=и, са=б=и) "сам".

В современном лакском языке классные формы возвратного местоимения не сохранились и замещены нейтральной в классном отношении формой цу(в) "сам". Во множественном числе обобщилась одна форма цив < циб (форма I-III кл.мн.ч.).

УКАЗАТЕЛЬНЫЕ МЕСТОИМЕНИЯ

Для лакского языка, как и для ряда дагестанских языков (даргинский, аварский, андийский, арчинский...) характерна пятичленная система дейктических местоимений. Такая система складывается из местоимений, указывающих как на соотнесенность с лицами, так и на пространственную харак-

теристику денотата по горизонтальной и вертикальной плоскостям: близость – удаленность, выше – ниже, нахождение на одном уровне. Если распределить указательные местоимения лакского языка по сфере лиц, по дейксису ближнего и дальнего объекта, или по характеру указательности согласно терминологии К.Брукманна (252, 272), то система дейктических местоимений лакского языка будет выглядеть в следующем виде:

I. ва "этот" (денотат, находящийся близко к говорящему, в сфере I л.).

II. "тот" (денотат, находящийся близко к адресату речи, в сфере 2 л.);

Ш. 1) та "тот" (денотат, находящийся на удалении на одном уровне от говорящего и адресата речи);

2) к1ва "тот" (денотат, находящийся выше говорящего и адресата речи);

3) гва "тот" (денотат, находящийся ниже говорящего и адресата речи).

Указательные местоимения в лакском и в других дагестанских языках употребляются и в качестве анафорических, в связи с чем в литературе нередко охарактеризованы как лично-указательные.

Все указательные местоимения характеризуются общими для всех них структурно-морфологическими особенностями.

1. Все указательные местоимения представляют собою открытого типа односложные основы с долгим гласным - СГ. Одна основа имеет у (му), остальные - а (ва, та, к1ва, гва). Согласные в этих основах (в=, м=, т=, кI=, г=) выполняют двуединую функцию: являются корневыми согласными и одновременно выступают в качестве маркеров локализации: в= "здесь" (у 1л.), м= "там" (у 2л.), т= "там", к1= "там" (наверху), г= "там" (внизу).

2. Основы указательных местоимений не включают в свой состав классных показателей и в классном отношении эти основы нейтральны.

3. Множественное число образуется при посредстве суф. =й:

ва=й, та=й, кIа=йi, га=й, ми < ми=й < му=йу=й "те".

4. При склонении указательных местоимений в косвенной основе отражается грамматический класс определяемого имени. В ед.числе: афф. =на= (I кл.) и афф. =ни= (II-IVкл.), т.е. "мужчина - все остальное", ср. та "тот" - та=на=л (1кл.), та=ни=л (II-IVкл.). Такое противопоставление имеем в аварском, арчинском... языках. Во мн.числе: афф. =нна= (при именах лиц) и афф. =нну= (при именах не=лиц), ср. та=й "те", (тай=нна=л (им.лиц), тай=нну=л (им. не=лиц).

5. От указательных местоимений при посредстве афф. =на (для ед.ч.) и =нна//=нну (для мн.ч.) образуются предикатизованные частицы: та "тот" – та=ва "вот там (есть); вот же (там); вон там".

6. Указательные местоимения широко использованы в качестве производящих основ при образовании разнообразных лексических единиц, преимущественно адвербиальных, ср.: та "тот" – т=у=кун "так"; т=и=кку "там"; т=и=в "там (внутри) ", т=и=лу "там (внизу) " и др.

Все указательные местоимения представляют собою открытый слог с долгим гласным (СГ), но исторически долгота гласных в лакском языке оказывается компенсаторной, полученной за счет утери последующего согласного (46,129). Поэтому исходной для основы типа СГ была основа типа *СГС. Конечный согласный был классным показателем, т.е. *та=в, *та=р, *та=б "тот", ср.авар. до - в, до-й, до-б, арч. то=в, то=р, то=б "тот". Это предположение поддерживается и тем обстоятельством, что возвратное местоимение, имеющее ныне неклассную форму цу "сам", в прошлом имело клееные формы: *цу=в, *цу=р, *цу=б, которые, во-первых, сохранились в балхарском диалекте (цу=б, цу=р), во-вторых, выявляются и в старописьменных памятниках.

Долготу гласных в основах указательных местоимений признает и Г.Т. Бурчуладзе, но полагает, что она получена в результате утери суффикса=детерминанта =нГ, который стал выразителем эргатива и который сохранился в качестве аффикса косвенных основ с последующим различением

гласных для разных классов (=на=/=ни=) (57, 101). Однако данные письменных памятников (ср. му=б и му=р) говорят, что основы имели, как ныне и в аварских указательных местоимениях, суффиксальные классные показатели. Суффиксы-детерминанты были характерны, вероятно, для более ранних этапов развития. После их утери могли появиться и суффиксальные классные показатели, которые считаются вторичными (по сравнению с префиксальными); однако и они в основах лакских указательных местоимений не закрепились.

В плане материальной соотнесенности с соответствующими основами в других дагестанских языках лакские указательные местоимения выявляют закономерные соответствия корневых согласных в таких же основах в даргинском, аварском, арчинском и других языках. Наибольшую близость при этом обнаруживают корневые согласные лакского и даргинского языков - выявляются идентичные звукосоответствия, ср. лак. та – дарг. ит (в чираг.д. та) "тот"; лак. к1а - дарг. ик1 (в чираг.д. к1а) "тот" (наверху); лак. гва < *гъва (в диал. гъва) – дарг. их <*игъ (в чираг.д. ха < *гъа) "тот" (внизу). Особо следует отметить близость структуры основ чирагских форм к лакским - односложные основы открытого типа, что отличает их от соответствующих основ в других даргинских диалектах: та - ит "тот", ла – ил "тот" (у 2л.), к1а – ик1 "тот" (наверху), ха - их "тот" (внизу), йа - иш "этот" (у 1л.) (210, 152). Трудно сказать, сохраняют ли чирагские формы архаичное состояние, а формы других диалектов являются метатезированными (относительно исходных, взводимых к прадагестанскому уровню), или же в чирагских формах - вторичная метатеза (под влиянием лакскою языка?) в общедаргинских формах.

Материальную соотнесенность основы указательных местоимений проявляют и с аварскими, арчинскими… формами, ср.: лак. та – авар. до-б, арч. то-б "тот"; лак. гъва (диал.) – авар. гъо=б "тот" (внизу) и др. С учетом звуковых изменений, имевших место в истории лакского и других дагестан-

ских языков, корневые согласные лакских указательных местоимений могут быть закономерно возведены к прадагестанскому языковому уровню.

Наибольшим фонетическим изменениям подвержен корневой согласный основы ва "этот" (выступает в виде в=, гь=, ш=, ø=), а другие остаются, как правило, без изменений.

Местоимение му "тот" (у 2л,) имеет соотносимые общекорневые местоименные основы с аналогичной же семантикой в ряде дагестанских языков: арч. еме=б, агул. ме, цах. мана, рут. ми, лезг. им, табас. му (270,118). Не совсем ясны отношения дарг. ил (чираг. ла) "тот" с этими основами: не является ли =л= в этой основе видоизмененным вариантом общекорневого =м=?

Местоимение та "тот** (напротив) соотносится с дарг. ит (чираг. та), арч. то=б, агул. те, табас. гьат=му. В ряду этих же основ стоят авар. до=б, анд. гьун=до=б, чамал. адо=(н), крыз.уд. Вероятно, общекорневое д= в этих основах в ряде языков, в том числе и в лакском подвергся оглушению и перешел в =т=.

Местоименние к1ва "тот" (наверху) соотносится с дарг. ик1 (чираг. к1а). В других дагестанских языках общекорневой к1 в указательных местоимениях не представлен. Однако, соответствующий этому к1 корневой согласный т1 наличен с авар. т1-а=д "над; сверху"; в этих основах к1 и т1 восходят к прадагестанскому уровню и являются отражением исходного т1ъ (83,104).

Местоимение гва "тот" (внизу) в ряде говоров встречается в виде гъва, причем имеется тенденция к вытеснению последней формы первой (к примеру, в речи жителей с.Шалиб старшие употребляют гъва "тот", гъвикку "там" (а младшие гва, гвикку). Вероятно, исходной была форма гъва, которая впоследствии в ряде диалектов перешла (а в других переходит) в гва. В таком случае лак. *гъва (> гва) соотносимо с авар. гъо=б, арч. гъуду=б и дарг. их (<*игъ).

Местоимение ва "этот" (у 1л.) в лакском языке выступает в нескольких диалектных вариантах: ва (кумух., вицхин., вихлин. д.), а (балхар. арак.д.), гьа (цуликан.г. балхар.д.). Корневой согласный реализован в виде в=, гь=, ø (нуль звука).

Важнейшей особенностью местоимения ва "этот" является реализация корневого согласного в= в различных образованных от этой основы лексических, преимущественно адвербиальных единицах в нескольких вариантах: ø (нуль звука), ш=, а с учетом диалектных вариантов и в виде гь= и с=. Говоря иначе, корневой элемент в местоименной основе и в образованных от нее словах (с учетом данных диалектов) выступает в виде: в=, ø, ш=, с=, гь=.

1. В виде в= корневой согласный реализован в самой местоименной основе в=а в кумух., вицх., вихл. диалектах. Но этот в= не сохраняется ни в одном из отместоименных образований: нет форм *в=у=кун (но есть укун и гь=укун "так"); *в=и=кку (но есть ш=и=кку, с=и=кку и гь=и=кку "здесь"), ср. однако, та "тот" - т=у=кун "таким образом" т=и=кку "там".

2. В виде ø (нуля звука, или т.н. твердого приступа, приравниваемого арабской хамзе ъ= в начале слова перед гласным) корневой элемент местоимения ва "этот" встречается, во-первых, в самой местоименной основе а "этот" в балхар. и арак. диалектах, а также в следующих отместоименных лексических единицах:

у=кун (кумух., вицх.д.) "так; таким образом; как это" (но ср. та - ту=кун, к1а - к1=у=кун и др.); этой форме в ряде диалектов и говоров (вихл. и др.) соответствует форма с анлаутным гь=: гь=у=кун "так; так, как это" (т.е. как бы восстанавливается основа *гьа=);

ук=ва (I, IIIкл.), ук=ра (II, IVкл.) "даром, бесплатно; просто так" (но ср. вихл. гь=ук=ба, гь=ук=ра). В основе выделяются деривационные элементы - классные аффиксы =ба (> =ва), =ра (ср. и оьн=ма < оьн=ба, оьн=на < оьн=да "праздно, без дела" и др.), аффиксальный элемент =к=, выполняющий уподобительную функцию (ср. и къийалий=к//къийалий=кун "с трудом") и

производящая основа - указательное местоимение ва "этот" (в виде (гь)у=, ср. (гь)укун - с корневыми гь//ъ и =у= (ср. та – т=у=кун "как тот"). О связи (гь) ук=ва//(гь)ук=ра с указательным местоимением свидетельствует и авар. гьа=дин=го "даром" (гьа= "этот"), но в аварском языке указательно-местоименная семантика явно чувствуется, а в лакской в соответствующей основе уже не ощущается и она воспринимается как самостоятельная адвербиальная лексема со значением "бесплатно, даром".

3. В виде с= корневой элемент данного местоимения выступает в отместоименном наречии места в цовкр. говоре: с=и=кку "здесь" (у 1л.), ср. кумух., вицх. ш=и=кку, вихл. гь=и=кку.

4. В виде ш= корневой элемент данною местоимения выступает в отместоименных наречиях места в ряде лакских диалектов (кумух., вицх., балхар.);

ш=и=кку "здесь" (у 1л.), но ср. вихл., шадн... гь=и=кку, цовкр. с=и=кку; для образования ср.: та – т=и=кку, к1а - к1=и=кку. Наречие ш=и=кку (гь=и=кку, с=и=кку) стоит в ряду отместоименных наречий места, образуемых при посредстве суф. =кку, который является приметой местоименного происхождения данной группы наречии места;

ш=и=ву (ш=и=бу) "здесь" (внутри); ш=и=й "здесь" (наверху); ш=и=лу "здесь" (внизу); ш=и=х "здесь" (позади); но ср.: та "тот" -т=и=ву "там" (внутри), т=и=й "там" (наверху), т=и=лу "там" (снизу), т=и=х "там" (позади) и др. Отместоименным наречиям с начальным ш= большинства диалектов в вихл. и шадн. диалектах соответствуют формы с начальным гь=: гь=и=бу (ср. ш=и=ву) "здесь" (внутри), гь=и=й (ср. ш=и=й) "здесь" (наверху), гь=и=лу (ср.ш=и=лу) "здесь" внизу, гь=и=х (ср. ш=и=х) "здесь" (позади).

5. В виде гь= корневой элемент представлен в самой местоименной основе гь=а "этот" в цуликан. говоре балхар. диалекта, а также в отместоименных наречиях в вихл., шадн. диалектах и в речи жителей, некоторых диалектов (хотя само местоимение представлено в виде в=а "этот"):

гь=и=кку "здесь" (ср.кумух., вицх., балх. ш=и=кку, цовкр. с=и=кку; для образования ср. та "тот" – т=и=кку "там";

гь=и=бу "здесь (внутри), гь=и=й "здесь (сверху), гь=и=Лу "здесь"(внизу), гь=и=х "здесь" (позади); ср. соответствующие фор-мы в других диалектах: ш=и=ву, ш=и=й, ш=и=лу, ш=и=х;

гь=у=кун "так, таким образом; как этот" (ср. в других диалектах у=кун); для образования ср. та "тот" – т=у=кун "как тот";

гь=ук=ра (гь=ук=ба) "даром, бесплатно, (просто) так"; ср. в других диалектах ук=ра (ук=ва).

Элемент гь= наличен и в нескольких, явно сложных по образованию наречиях времени, представленных, кстати, во всех лакских диалектах: гьа=шину "в этом году" (шин "год"); гья=кьину /<*гьа-кьёну /<*гьа=кьину/ "сегодня" (кьини "день"); гьа=р=хьхьуну "сегодня ночью; вечером" (хьхьу "ночь"; хьхьу=ну - служебное адвербиальное слово, ср. та (га, к1а, му) хьхьуну "в ту ночь". В этих наречиях времени выявляются в качестве вторых компонентов слова с временным значением ("год", "день", "ночь") и первый компонент (гьа=, гьа=р=), являющийся по своей семантике указательно=местоименным со значением "этот", т.е. эти наречия представляют собою лексикализовавшиеся сочетании - композиты. Ср. в этой связи формы с инициальным гь=: гь=и=кку "здесь", гь=и=ву "здесь" (внутри), гь=у=кун "так, как это". Местоименно-указательный характер элемента *гьа=, гьа=р= "этот" становится очевидным при сравнении аналогичных по структуре и семантике (и прозрачных в этимологическом отношении) соответствующих даргинских наречии: ишдус "в этом году" (иш "этот", дус "год"); ишбарх1и "сегодня" (иш "этот", барх1и "день"); ишдуги "сегодня ночью" (иш "этот", дуги "ночь").

Все приведенные выше лексические единицы с начальным гь= (как диалектные, так и общелакские), который является местоименным элементом со значением "этот", позволяют допустить исходную для него форму в

виде *гьа= (< *гьа=р). Основа в ауслауте имела классный показатель, о чем свидетельствует и форма гьа=р=хьхьуну "сегодня ночью", в которой вслед за гьа= имеем =р=, являющийся окаменелым классным показателем IV кл., куда относится слово хьхьу "ночь", "вечер".

В целом по данным диалектов в самой местоименной основе и в образованных от нее наречиях корневой согласный выступает в пяти вариантах: в=, ø=, ш=, с=, гь=. Такое многообразие одного и того же корневого элемента объясняется диалектными особенностями и фонетическими процессами, имевшими место в истории лакского языка, и представляют собою различное отражение одной и той же исходной фонетической величины.

Формы с начальным с=, характерные для говоров свистящего типа.» восходят к формам с начальным ш=, в этих говорах шипящие заменяются свистящими, т.е. с=и=кку < ш=и=кку "здесь".

Формы с начальным ø (нулем звука) получены в результате утери £ анлаутной позиции корневого согласного, вероятно, в=: укун < *в=укун "так". Ср. в этой связи утерю префиксального классного показателя в=: ачин < *в=ачин (1кл.), но б=ачин (Шкл.), д=ачин (1Укл.) "идти"; ср.также ич1у=ра "дома, в се-мье", но в вицх. в=ич1у=ра, шадн. гьуч1у=ра; арс "сын", уссу "брат", но ср. авар.вас "сын", вац "брат".

Корневой согласный ши= в формах ш=и=кку "здесь", ш=и=ву (ш=и=бу) "здесь" (внутри), ш=и=й "здесь" (наверху), ш=и=лу "здесь" (внизу), ш=и=х "здесь" (позади) в кумух., вицх., балхар. диалектах является вторичным и возводится к *хь= в силу известного для лакского языка процесса палатализации хь= перед =а и =и и перехода его в ш=, ср. лишин < лихьин "протереть", но ливхьунни "протёр". Поэтому для формы ш=и=кку закономерно восстанавливается форма *хь=и=кку "здесь" (у 1л.). Соответственно реконструируются и формы *хь=и=бу (*хь=и=и, *хь=и=лу, *хь=и=х) "здесь" (внутри, сверху, снизу, позади). Эти формы с начальным *хь= находят свое подтверждение в соотносимых с ними и представленных в некоторых диа-

лектах вариантах с начальным гь= (гь=и=кку, гь=и=бу...., ср. и гь=у=кун "так"). Такое соотнесение форм *хь=и=кку (>ш=и=кку) и гь=и=кку мотивируется тем, что в лакском языке - как в синхронном состоянии, так и в диахроническом плане (83, 122, 124, 150) - наблюдается нейтрализация противопоставления хь и гь и их употребление в одних и тех же лексемах нередко вариабельно, ср.: бухьттан//бугьттан (< перс.) "поклеп, клевета"; хьуну//гьуну "марена", хьулун//гьулун "желать", ухьттан//угьттан (<тюрк.октем) "высокомерный". Такие же перебои хь и гь изредка наблюдаются и в старописьменных памятниках: *жиндрал=гьибу* вм. *жиндрал=хьибу* (соврем.*жиндрал=шиву)* "бешенство", *гьуна акьин* вм. *хьуна акьин* "встретиться"; *хьуртту* вм. *гьуртту* "сообща, совместно". Всё это делает вполне вероятным предположение, что формы **хьикку (> шикку)* и *гьикку,* (которую имеем в ряде диалектов и в настоящее время) были вариабельными и факультативными. В этой связи корневой согласный в местоимении "этот" выступал в двух вариантах *хь=//гь=, т.е. основы *хьа= и *гьа= были аллолексами. Это следует подчеркнуть и потому, что переход хь > ш в лакском языке закономерен, а гь > ш не наблюдается. О нейтрализации противопоставления гь и хь в анлауте в лакском языке свидетельствуют и слова чаг "котел" и чаннан "сталь", для которых исходными на лакской почве являются *шаг и *шандан (для перехода ш > ч ср. чагурт < перс. шакырд "подмастерье", Пача < перс., тюрк. Паша - муж. имя). Но ш (вторичный) в лакском языке обычно восходит к хь, а заимствованные основы чаг и чаннан в языках-источнниках имели в анлауте гь (*гьаг и *гьандада (2, 206), ср. и лезг. гьулдан "сталь"). Изменение же гь в ш в этих случаях в лакском языке может быть объяснено лишь тем, что в анлауте гь= и хь= выступали вариабельно, а хь > ш (>ч).

Восстанавливаемый исходный корневой согласный у местоимения "этот" был, по-видимому, лабиализованный (*хьв=//*гьв=). Именно этим и следует объяснить форму с анлаутным корневым согласным в= (ср. кумух.,

вицх., вихл. в=а, но балхар., арак, *а* "этот"). Этот *в* вторичен и появился как протетический и как рефлекс исходного лабиализованного согласного *хьв=//*гьв=. При изменении лабиализованные согласные либо теряют момент лабиализации и переходят в делабиализованный (т.е. хьв > хь > ш) либо теряют смычный элемент и сохраняют элемент лабиализации в виде лабиального звука (73, 227), т.е. *хьв= > в=. Ср. такое же развитие лабиовелярных и в других языках, к примеру, в германских hw >w : hwie > hwieder > wieder и др. (131, 238-239; 228, 139) .

Вариабильность гь//в/ø и гь//хь//ш (с учетом исторических изменений) в лакском языке подтверждается документально, ср.: ич1у=ра "дома", "в семье", но ср. вицх. вич1у=ра, шаднин. гьуч1у=ба; гьуч1у=сса "домашние" (встречается в письме Магомеда Убринского нач. VШ в. (317, 82); варианты гь//в//ø являются отражением исходного лабиализованного *гьв (269, 10).

жиндрал=гьибу и жиндрал=хьибу (в письм. пам.), жиндрал=шиву (в соврем. яз.).

Вариабельность (соответствие) гь//хь//ш наблюдается и в диалектах даргинского языка, ср.: гье (акуш.), гьве (урах.), гьви (мегеб.), хьи (сирг.), хьве (кубач.), шве (хайдак.) семя; гьинта (акуш.), хьинта (сирг.), швента (хайдак.) "лань". Эти рефлексы обусловлены изменением исходного хь (хь > гь; хь > ш) (73,268; 211, 120.

Сказанное выше позволяет признать для лакского указательного местоимения ва "этот" исходной форму *хьва=в (*хьва=б, *хьва=р)// *гьва=в (*гьва=б, *гьва=р). С этой основой может быть соотнесено дарг. иш (< *ихь//*игь?) и авар. гьа=б "этот" (если в аварском начальное гь- является рефлексом корневого, а не простым наращением). Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что и в указательном местоимении со значением "этот" в даргинском языке наблюдается многовариантность корневого согласного, ср.: акуш. иш, урах. гьиш, цудах. ез, кубач. йей, хайд. гьеж "этот". Несомненно, корневые согласные ш, з, й, ж в этих основах являются вари-

антами (рефлексами) одной исходной фонетической величины. Имея в виду наибольшую близость основ указательных местоимений лакского и даргинского языков (ср. к1а - ик1, та - ит), можно предположить, что исходным для корневых согласных местоимения "этот" в прадаргинском мог быть *хьв (> хь), реконструируемый и для даргинско-лакского уровня. Этот *хьв (> хь) в местоимении "этот" в даргинских диалектах реализован в виде ш, й, ж (<й), з (< ж < й), а лакском языке в виде гь, ø, в, ш, с (< ш). Наличие одинаковых рефлексов в даргинских и лакских вариантах (ср. дарг. иш < *ихь, лак. шикку < *хьикку) позволяет предположить общность этого исходного корневого согласного местоимения "этот" в обоих языках. Высказано мнение, будто начальное ш= в лак. шикку "здесь" и его увязка с местоимением объясняется при посредстве дарг. иш "этот" (6, 117). О местоименном происхождении наречия шикку свидетельствует афф. =икку, образующий лишь такие наречия и об этом в литературе сказано (Л.И. Жирков, Г.Б. Муркелинский, И.Х.Абдуллаев). Появление же анлаутного ш= объясняется фонетическими особенностями на почве самого лакского языка и нет необходимости объяснять его при посредстве дарг. иш "этот". К тому же, увязывая шикку с дарг. иш, мы отрываем остальные формы, образованные от местоимения "этот* и имеющие другие согласные (а не ш=), ср. гь=икку (в др.диалектах), øукун "так", в=а "этот". Наличие же ш в дарг. иш "этот" и в лак. ш=икку (наряду с гь=икку) "здесь" объясняется общностью исходного корневого согласного *хьве (> хь) и одинаковыми его рефлексами в некоторых даргинских диалектах (*ихь > иш "этот") и в ряде лакских диалектов (*хьикку > шикку "здесь").

Указательные местоимения в лакском языке, склоняясь по атрибутивному типу, имеют косвенную основу с суф. =на= (I кл.) и =ни= (при II-IV кл.):

Им.п. та "тот"

Род.п. та=на=л (I кл.): та=ни=л (II-IV кл.)

По мнению Г.Т.Бурчуладзе, элементы =на= и =ни= представляют собою древний суффикс-детерминант в основах указательных местоимений =н(Г), который был утерян, в результате чего появилась компенсаторная долгота конечного гласного основ (55, 306; 57, 101). Возможно, этот детерминативный элемент был характерен для более древнего состояния, нежели для того, когда указательные местоимения в лакском языке имели, как ныне в аварском, суффиксальные классные показатели, утеря которых и вызвала, на наш взгляд, долготу гласных. Наличие этих показателей в основах му=б и му=р подтверждают письменные памятники, ср. и атрибутивный суффикс =му=р (II-IV кл.) "тот" восходящий к местоимению =му=р (II-IV кл.) "тот" (у 2л.). Утерянный суффикс-детерминант =нГ= в косвенных основах сохранялся в качестве показателя эргатива, а затем и аффикса косвенных основ. Это показывает связь аффиксов косвенных основ в системе склонения атрибутивных имен лакского языка с местоименными основами (точнее с их суффиксами-детерминантами) (57,103).

ВОПРОСИТЕЛЬНЫЕ МЕСТОИМЕНИЯ

В этом разряде слов в лакском языке объединяется целый ряд основ, которые по происхождению могут быть подразделены на корневые (первообразные) и производные.

К корневым относятся: цу (мн. ч. цва) "кто?", ци "что?", цими "сколько?", чу//чув "где", та "когда?". Производные вопросительные местоимения возникли на базе этих слов: ср. цу=ма (цу-мур) "который?", ци-ксса "сколько?" и др.

В синхронном плане фоно-морфологическую структуру основ цу и ци можно рассматривать как общекорневую форму (с общим вопросительно-местоименным элементом - корневым согласным ц), которая дифференцируется по классам морфологически - при помощи гласных -у (для класса личности) и -и (для класса неличности): ц-(у) -ц-(и) (277, 175); и в авар-

ском языке в прямых основах вопросительных местоимений различение по классам проведено морфологически - при посредстве классных показателей; ср. ши-в (1кл.), ши-й (II кл.) "кто?", ши-б (Ш кл.) "что?" (277,175).

Вопросительные местоимения цу "кто?" и ци "что?", как и личные местоимения 1-го и 2-го лиц. ед.ч., в косвенных основах используют супплетивные основы: щи=(л) и сса=(л).

Основа щи=(< хьхь=) имеет генетически общие и соотносимые общекорневые основы (и, как правило, косвенные) в других дагестанских языках; ср.: дарг. (урах.д.) ши-(< *хьи-), авар. лълъи-, анд. лълъе-, дид. лъи, арч. лълъи-, табас. ши- (< *хьи) "кто?". (277, 176; 83, 128). Исходный корневой согласный этой местоименной основы содержал на прадагестанском уровне лълъ-, а форма щ-(и) -в лакском языке получена в результате следующих изменений: *лълъ-(и) > хьхь-(и) > щ- (и).

Основа сса- в генетическом отношении соотносится с местоименными основами в других дагестанских языках (в большинстве случаев - косвенными), содержащими общекорневой согласный с-(сс-); ср.: дарг. се(си), авар, сс-ун, ахвах. ссу-, гунзеб. с-ин, арч. гь-ин- (< с-ин-?), рут. гь-и (< с-и-?) (277, 180; 83,125). Полагают, что корневые элементы этих основ проявляют материальную общность с соответствующими элементами в вопросительно-местоименных основах и других иберийско-кавказских языков: чечен. ст-ие (н)-, ингуш с-ен-, бацб. ст1-е-н, адыгейск. сэ-д, кабард. сэ-т, груз. р-а < *с-а (ср. са-да "где? ") "что?" (50, 175).

Вопросительно-местоименная основа сса- выполняла функции неопределенного артикля и стала общим деривационным суффиксом атрибутивных имен (I43,758).

Корневой ц- в материальном отношении может быть увязан с сс- в основе сса- "что?". О такой возможности говорит соответствие сс-(с) - ц в лакских диалектах, а также факультативное употребление и взаимозамещение этих звуков в одних и тех же словах: саргъун - царгъун- "ровный", ссулч1а -

цулч1а "лисица"; ср. также звукосоответствие авар. ц - лак. сс: авар, вац - лак. уссу "брат"; авар. йац - лак, ссу. Переход сс > ц наблюдаем и в слове цадакьа "милостыня" (< араб, ссадакьа). Увязываемая с сса- основа *ц-Г- (вероятно, *ц-и-?) стала использоваться в качестве общей вопросительно-местоименной основы, а дифференциация по классам выражалась при посредстве суффиксальных классных показателей: *ци-в, *ци-б, *ци-р ("кто?", "что?").

Схематически процесс появления основы *ц-Г- в лакском языке можно изобразить так:

Косвен. осн. сса- "что?" - хьхьи- (> щи-) "кто?"

↓

Прям. осн. *ц-Г- → ц-Г-

Развитие обобщенной и обособившейся от сс=а вопросительно-местоименной основы цГ= и ее дифференциация на две местоименные основы с бинарной оппозицией: личность - не=личность (ц=у "кто?" ц=и "что?"), объясняется следующим образом.

Основа была снабжена суффиксальными классными показателями (ср.: авар. щи=в, щи=й, щи=б) и выступала в виде *цГ=в, *цГ=б, *цГ=р (наличие таких классных показателей вполне допустимо: ср* цу "сам", восходящее к классным формам цу=в, цу=р, цу=б (9, 155). Дальнейшее развитие этих форм отчасти обусловлено фонетическими изменениями *цГ=б *цГ=в и совпало с *цГ=в (*ци=в?), которое впоследствии изменилось в ц=у. В результате этих изменений возникли две противопоставленные формы ц=у и *цГ=р (ци=р?). В последней основе конечный =р со временем стал полуокаменелым (а затем и окаменелым), потому что уже отсутствовала коррелятивная классная форма и классный показатель был излишним, а противопоставление реализовывалось гласными (=у =и); впоследствии конечный =р выпал (ср. ц1а *ц1ар "имя", ква * квар "рука* и др.).

От основ цу "кто?" и ци "что?" образован целый ряд вопросительно-местоименных слов, квалифицируемых как производные вопросительные местоимения.

Производными являются вопросительно-выделительные местоимения цу=ма (I кл.), цу =мур (II-IV кл.), цу=ми (мн.ч.) "которой (из них)? ", используемые при вопросе для выделения человека или предмета из ряда подобных. Они состоят из вопросительно-местоименного компонента цу= и атрибутивных суффиксов ==ма (I кл.), =мур (II-IV кл.), =ми (мн.ч.).

К производным вопросительным местоимениям примыкает и образованнее от цу "кто? " при посредстве суф. =*чи, вопросительное слово цу=чи (изредка ци=чи) "кто такой", "какой профессии?".

К производным от вопросительно-местоименной основы ц=у (ц=и) относятся и вопросительные слова, предназначенные для выявления меры и количества (соответствующие русскому местоимению "сколько?": цуксса "сколько?" ("насколько?", "каких размеров?", "какой величины? ") и циксса "сколько?" (" в каком количестве?"). Эти основы состоят из цу "кто?" и ци "что?" и аффиксального элемента =ксса (I28, 74; 209, 172), выражающего уподобительные и сравнительно-сопоставительные отношения.

В вопросительном местоимении цими "сколько" корневая морфема цим= восходит к прадагестанскому чГм= (прадагест. ч в лакском обычно сохраняется, но иногда переходит в *ц*, а *м* дает *м* (или *н* в ауслауте и перед согласным) (83, 70).

Конечный =й является долгим, а долгота конечного гласного в лакском языке нередко компенсаторная (за счет утери последующего согласного (ср. цу цу=в (цу=б, цу=р) "сам". (9, 43; 46, 129). Поэтому можно предположить, что основа была снабжена ауслаутными классными показателями, которые впоследствии были утеряны, а предшествующий им гласный стал долгим: цими=в (*цими=б цими=в, *цими=р); впоследствии же обобщилась неклассная форма цими. 0 наличии в прошлом у этой основы ауслаут-

ных классных показателей говорят и данные родственных языков, в которых соотнесенная основа снабжена классными показателями: арч. шум=ей=в=у (шум=ей=р=у, рут. шум=у=р (шум=у=б, шум=у=д); в лезг. шумуд конечный =д, вероятно, является окаменелым классным показателем.

ОБОБЩИТЕЛЬНЫЕ МЕСТОИМЕНИЯ

Обобщительные местоимения подразделяются на собирательные и обобщающие=выделительные (или обобщающие=разделительные).

I. К собирательным местоимениям относятся: щала "весь", циняв "все", буцири "все", ку (ку...ку) "одни" ("одни…другие"), ца-вай "одни", цимурца "всё".

Местоимение щал-а (щал-ва, щал-ла) "весь, всё" производное: оно состоит из корневой морфемы щал- и классных аффиксов -ва, -ба, -ра, используемых для образования некоторых атрибутивных и наречных основ: щал-ва > щал-а (I кл.), щал-да > щал-ла (II-IV кл.), щал-ба > щал-ва (Ш кл.). В настоящее время в ряде диалектов и в литературном языке форма щала становится обобщенной и неклассной (наряду с классными щал-а, щал-ва, щал-ла), а исходные варианты щал-ва, щал-ба, щал-да сохранились в диалектах, в честности в вицхинском.

Корневая морфема щал- выявляется и в основе краткого прилагательного, или в общей качественной именной основе щал-лу < щал-ду (ср. вицх. щал-ду): щаллу-сса "целый", щал-лу-ну "целиком, всецело, совсем, полностью". Вероятно, щал- восходит к несохранившейся в лакском языке глагольной основе со значением "кончить, завершить, выполнить" и состоит из корневого элемента щ-(а) < *хьхь-(а) и форманта род.п. –л, образующего в ряде случаев от глагольных корней атрибутивную основу; ср, ххийин "шарахнуться" – хини-л (хьун) "быть напуганным", б-акьин (д-акьин) "согласиться" – дакь-и-л (хьун) "помириться".

Местоимение циня-в (I, III кл.), циня-р (II-IV кл.) носит явно производный характер: в этой основе выделяются классные показатели -в (< б?) и -р, суффиксальный элемент с не совсем ясной функцией -ня (< на-?) и корневая морфема ци-, увязываемая с вопросительным местоимением ци "что?" (256, 373).

Местоимение ца-вай (< ца-бай) (I, III к л.), ца-рай (II, IV кл.) "одни, некоторые" является обособившейся и лексикализовавшейся формой мн. числа числительного ца "один" (ца-вай "одни"; ср. дарг. ца-бях1, ца-дях1 "одни, пара").

Местоимение цимурца "всё" состоит из вопросительного местоимения ци "что?", атрибутивного афф. -мур (II-IV кл.) и числительного ца "один" (цимур "всякий + ца "один").

Местоименная основа ку//кув/ку "одни", на первый взгляд не обнаруживает каких-либо этимологических связей ни в лакском, ни в других дагестанских языках. Вероятно, местоимение *ку* древняя и "стершаяся" в семантическом отношении местоименная основа, с которой соотносимы в материальном и семантическом отношении местоименные основы в других дагестанских языках: ср., в частности, арчин. кви-(ри) < *кви- "кто? ". Такой же соотносимый общекорневой вопросительно-местоименный элемент в- выявляется и в ряде местоимений и местоименных слов в аварском и даргинском языках: авар. к-и-б "где?", к-ин "как?", к-ина-б "какой, который?"; дарг. ч-ина (акуш.), к-ина (мекег.), к-ани (урах.) "куда?", к-удил (урах., мекег.), к-учил (кубач.), ч-иди (акуш.), к-утти (хайдав.), ч-утти (цудах.) "который, какой". Выявляемый в местоименных основах ряда дагестанских языков общекорневой, исходный к- (*кв-) имел вопросительно-местоименное значение, которое впоследствии по-разному видоизменилось и развилось в семантическом отношении в различных дагестанских языках.

Выделяемая в качестве собирательного местоимения лексема б-уцири (д-уцири) "все" состоит из глагольной основы - "краткого" причастия на-

стоящего времени мн. числа б-у- "имеющиеся, наличные" (ср.: "полную" форму б-у-сса, а также глагол-связку б-у-р(и) "имеется, есть"), и используемого с основами атрибутивного значения в качестве форманта собирательности (множественности) сложного морфемного элемента -цири (ср. лавг-цири "те, кто ушел, все ушедшие"). Аналогичные по образованию и значению местоимения отмечаются и в других родственных языках; ср.: дарг. ле-бил (ле-бил-ри) "весь; всё" (ле-б "имеется"); чечен, дерриг "весь, все" (дерриг "наличный, то, что есть") (155, 19).

2. Обобщающе-выделительные местоимения являются производными и образованы от различных - местоименных и неместоименных – основ.

Местоимения цума-ца (I кл.), цумур-ца (II, IV кл.), цуми-ца (мн.ч.) "всякий, каждый" состоит из отместоименных прилагательных цу-ма (I кл.), цу-мур (II, IV кл.) "который", цу-ми "которые" и числительного ца "один". Аналогичного же образования местоимение встречается и в даргинском языке: урах. (гьар) куди-ца, акуш.(гьар) чи-ди-ца "каждый" (кудил, чиди "который?", ца "один").

Местоимения ца-ма < *ца-ма (I кл.), ца-мур (II-IV кл.) "иной", "другой", ца-й-ми (мн.ч.) "иные" образованы от числительного ца "один" при посредстве атрибутивных аффиксов -ма, - мур, -ми, передающих выделительное значение.

В ряде лакских обобщающе-выделительных местоимений встречается местоименная основа персидского происхождения гьар "каждый". Основа гьар проникла и в ряд других дагестанских языков: дарг. гьар, гьарил, лезг. гьар, гьарма, табас. гьар "каждый".

НЕОПРЕДЕЛЕННЫЕ И ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ МЕСТОИМЕНИЯ

I. Неопределенные местоимения в лакском языке являются производными и этимологически связаны с другими местоименными основами.

От вопросительных местоимений цу "кто?" и ци "что?" при посредстве суффиксальных элементов =рив и =йав образуются неопределенные местоимения: цу-рив (цу-йав) "кто-то, некто"; цва-рив (цва-йав) - мн.ч. ци-рив (ци-йав) "что-то, нечто".

Формы с суф. -йав употребляются с глаголами прошедшего времени, а с суф. -рив - с глаголами настоящего времени, хотя в современном языке использование их и в прошедшем времени довольно частое явление, что свидетельствует о тенденции к обобщению этих форм в значении неопределенных местоимений безотносительно времени, соотнесенного с ним глагола.

От вопросительных же местоимений при посредстве суф. -ч1ив (или его фонетических вариантов -к1уй и -к1ив) образованы неопределенные местоимения цу-ч1ав (цу-к1уй, цу-к1ив) "кто-нибудь", ци-ч1ав (ци-к1уй, ц1и-к1ив) "что-нибудь".

Суф. –ч1ав восходит к -к1ав, имеющему аллоформы –к1ив и к1уй. Несомненно, все эти алломорфы -к1ав//к1ив//к1уй являются тремя реализационными вариантами одной исходной морфологической единицы. Исходной могла быть односложная морфема открытого типа, состоящая из лабиализованного к1в и краткого (редуцированно) *а*: *к1ва. В дальнейшем в результате делабиализации возникла форма с ауслаутным -в (как след былой лабиализованности согласного морфемы): -к1ав.

Вероятно, элемент к1 у морфемы *-к1ва связан с корневым согласным глагола б-и-к1-ан "быть". О возможности такой связи свидетельствует не только материальная идентичность корневого согласного этого глагола и опорного согласного морфемы *-к1ва, но и семантическая близость к указанным выше формам с –ч1ав (< -к1ав) словосочетаний (не лексикализовавшихся, но довольно устойчивых), состоящих из вопросительных местоимений (и наречий) и желательно-повелительной формы глагола б-и-к1-ан

"быть" - (б)-ик1у "будь", которая близка по значению к частице "бы" в русском языке, мэ в грузинском: цу-ик1у (цума-ик1у) "кто бы (ни был)"; чув-бик1у "где бы (ни было)"; та-бик1у "когда бы (ни было)"; цукун-бик1у "как бы (ни было) ".

Неопределенные местоимения образуются от вопросительных и при помощи деепричастия от глагола б-ик1ан "быть, находиться" - б-унугу: цу-у-нугу (цу-бунугу, цу-дунугу) "кто-нибудь", ци-бунугу (ци-дунугу) "что-нибудь"; цума-унугу (цумур-бунугу, цумур-дунугу), мн.ч. цуми-бунугу (цуми-дунугу) "кто бы то ни было, что бы то ни было"; ср. аналогичные образования в даргинском языке: чи-биалра "кто-нибудь", се-биалра "что-нибудь".

Неопределенные местоимения мума-тама "кое-кто" и муму-таму (< // мумур-тамур) "кое-что" восходят к сочетаниям атрибутивных форм указательных местоимений му "тот" (2 л.) и та "тот".

Неопределенное местоимение цаппара "некоторые" - частичная калька азерб. бирпара//бир пара "некоторые, иные, одна часть, несколько" (бир "один", пара (< перс.) "кусок, часть, штука". Основа пара прослеживается и в ряде других дагестанских языков: авар. пара "очень малый промежуток времени, миг, момент, грош"; лезг. (и) бере "это время", (а) бере "то время"; арчин. (ос) бара "некоторые (ос. "один").

Употребительны в лакском языке и заимствованное из восточных языков неопределенные местоимения пулан "такой-то" и пулан ... пусттан "такой и другой". Они проникли и в некоторые другие дагестанские языки; ср. лезг. флан "такой-то".

2. Как и в других дагестанских языках в лакском языке нет специальных форм отрицательных местоимений. Поэтому выделение в этих языках, особенно в историческом плане, отрицательных местоимений в виде отдельного разряда представляется неопределенным (см. об этом: 134, 53-73).

Значение отрицательных местоимений выявляется в контексте. Неопределенные местоимения (с суф|. –ч1ав) в отрицательном предложении, т.е. с

глаголом в отрицательной форме, выступают в качестве отрицательных местоимений: цуч1ав 1) "кто-нибудь"; 2) "никто" (ср. цуч1ав къаувк1унни "никто не пришел"); цич1ав 1) "что-нибудь"; 2) "ничто" (ср. цич1ав дакъар "ничего нет").

Неопределенные местоимения в значении отрицательных употребляются и в других дагестанских языках; ср.: дарг. чилра (в урах.д. чалла) "кто бы то ни был, никто"; селра (в урах.д. селла) "что бы то ни было, ничто" (20, I39; 257, 62).

Следует сказать, что в современном лакском языке отмечается тенденция к дифференциации неопределенных и отрицательных местоимений, к обособлению последних от первых. Выделяются некоторые основы, которые чаще употребляются в значении отрицательных, нежели неопределенных, при этом одни из них обычно употребляются в значении отрицательных, другие же - в значении неопределенных: местоимения с суф. –ч1ав (цуч1ав, цич1ав) функционируют и воспринимаются в первую очередь как отрицательные ("никто", "ничто"), а местоимения с суф. -рив, -йав и деепричастием б-унугу - как неопределенные.

Глава V.

Г Л А Г О Л

СТРУКТУРНО-МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРВООБРАЗНЫХ ГЛАГОЛОВ

ИНФИНИТИВ

Форма инфинитива, исходя из её значения и роли в общей системе глагольного словоизменения, является начальной (исходной, первообразной) и основной формой глагола, от которой вполне регулярно образуются две формы глагольных основ (корень и корень с инфиксацией классных показателей), служащие для образования целой системы форм (128, 77; 268, 178).

Формативом инфинитива в лакском языке служит суффикс =н. При образовании инфинитива он присоединяется к корневой морфеме при посредстве соединительных, тематических гласных а, и, у. Из всех лакских корневых глаголов примерно 20 имеют окончание =(у)н; примерно 95 глаголов - =(а)н, а остальные =(и)н. Возможно, что выбор соединительного гласного был обусловлен фонетическими особенностями корневой морфемы. Ср.: ккур=у=н "крутиться", щур=у=н "вертеться", ттис=и=н "скроить", ттихъ=и=н "сосать", ттиз=и=н "доить", ттирик=и=н "высверлить", ттириз=и=н "распороть" и др. Инфинитивы же длительного и многократного вида имеют одно окончание =(а)н.

Аффикс инфинитива =н по происхождению показатель дательного (и направительного) падежа, а сам инфинитив, таким образом, по происхождению отглагольное имя, втянутое в систему глагола с утерей всех признаков имени существительного. Аналогичного происхождения инфинитивы и в других дагестанских языках, в которых форманты инфинитива связаны с аффиксами дательного (и направительного) падежей (128, 144; 39, 282; 306, 301; I70, I83). Эта связь была отмечена ещё Ж.Дюмезилем (128, 20).

Связь инфинитива с дательным падежом прослеживается и в других языках, например, инфинитив в русском и немецком языках по происхождению дательный падеж глагольного имени (131, 273).

Как и в других дагестанских языках, в лакском языке число собственно глагольных основ, выражающих действие или состояние предмета, невелико, - их всего около 280 и все они имеют форму инфинитива (268, 152).

Лакские инфинитивы, за некоторыми исключениями, могут иметь три вида: недлительный (в котором обычно они и приводятся в словарях и исследованиях), длительный (дюратив), образуемый при посредстве следующего за корневым согласным инфикса =л(а)=, повторный (итератив), образуемый при помощи инфикса =ав(а)= < =аб(а)= (ср. в диалектах =аб(а)=): буч1ан "прийти"; бук1=ла=н "приходить"; буч1=ава=н "часто приходить".

Такие формы передают значения совершенного и несовершенного вида. Отмечаются случаи, когда для передачи таких понятий противопоставляется основа с классным показателем основе без классного показателя (дурч1ин - ч1ун "полоть**; духхин - ххилан "привозить" и др.). Не все глаголы имеют формы всех трёх видов. Некоторые сохранились лишь в форме длительного вида: ц1ун "ныть", ч1алан "видеть" и др.

Указанные выше формы глагольных основ выражают и значения совершенного и несовершенного вида и составляют оппозицию: формы недлительного (однократного) вида - совершенный вид, а формы длительного вида - несовершенный вид. Для глаголов длительного вида (несовершенного вида) характерно выражение самого хода, процесса протекания действия (чичлан "писать", излан "вставать", буклан "читать"), а для глаголов однократного действия (совершенного вида) характерно выражение не самого вида, процесса протекания действия, а выражение результата действия (чичин "написать", изан "встать", буккин "прочесть"). Форма повторного вида (итератива) также противостоит форме длительного вида (дюратива) и тяготеет к форме однократного действия (125, 13-14). Итеративы также выражают не ход, процесс протекания действия, а результат (хотя и повторяющийся с интервалами).

Инфиксальный =л=, появляющийся в глагольных формах длительного вида, имеет материальные и функциональные соответствия в виде л или р в ряде дагестанских языков. Такие элементы в дагестанских языках Ж.Дюмезиль объяснял как показатели длительного и интенсивного вида (128, 17). Н.Трубецкой квалифицировал их в даргинских глаголах как показатели аспекта (250, 324). Наличие элементов =л= и =р=, соответствующих функционально и материально формативу лакского дюратива =л=, в даргинском и табасаранском языках, дало повод Л.И.Жиркову заявить об общности системы образования длительного вида в этих трёх языках (128, 133).

Формант повторного вида =ава= состоит из элемента =ав= (< =аб=) и последующего гласного =а=, который может быть соединительным гласным перед аффиксом инфинитива =н. Элемент =ав= наличен и в форманте масдара =ав=у, причём в обоих случаях гласный а долгий: чич=ав=а=н "часто писать" – чич=ав=у "писание". Видимо, это совпадение не случайно и масдарная форма образована от формы итератива.

Примерно из 280 лакских первообразных корневых глаголов, имеющих форму инфинитива, около 80 выступают с действующими классными показателями. Все остальные не имеют классных показателей. Классным является и вспомогательный глагол ур (б=ур, д=ур) "есть; имеется"; ийа < уйа (б=ийа < б=уйа, д=ийа < д=уйа) "был".

Классные показатели в глаголах отражают класс (и число) субъекта, если глагол непереходный, и класс (и число) объекта, если глагол переходный.

Основы первообразных глаголов, которые выделяются без показателя инфинитива (с соединительным гласным), могут быть распределены по нескольким типам.

Ряд глаголов состоит из одного согласного: щ=ун "толкнуть" (тип С). Распространены глаголы типа: СГС: б=уч1=ан "прийти", ттиз=ин "доить", х1ач1=ан "выпить", кьакь=ан "высохнуть". Однако эти основы по происхождению оказываются не однотипными: среди них встречаются глаголы с переменными и окаменелыми классными показателями, с редуплицированными корневыми согласными, неклассные односложные основы с двумя разными корневыми согласными. Встречаются и двусложные (классные и неклассные) основы типа СГСнС (б=урус=ин "разрезать", ттирик1=ин "высверлить"). Особенностью этих основ является то, что они содержат инфиксальный элемент =ру= (=лу=, =ри=), который был, видимо, морфологически значимым. В таком случае и этот тип глагольных основ может быть возведен к типу СГС.

Основы корневых глаголов лакского языка показывают, что в качестве корневого элемента в них выступает, как правило, один согласный звук, т.е, известный и другим иберийско-кавказским языкам принцип моноконсонантизма глагольного корня и здесь находит своё подтверждение. Моноконсонантный характер глагольного корня в дагестанских языках, в частности в цахурском языке, был отмечен ещё А.Дирром (120, 58). Впоследствии это положение было распространено на глагольные корни всех дагестанских языков Л.И. Жирковым, а нахско=дагестанских Н.С.Трубецким (125, 82; 250, 324). Подробно и специально вопрос о моноконсонантном характере глагольного корня в кавказских языках освещен в работах А.С.Чикобава и Т.Е. Гудава (287, 262; 91, 47-49). Кроме этого корневого согласного в основе могут быть и другие элементы: классные показатели (живые или окаменелые), элементы, квалифицируемые как превербы, морфемы с определенными значениями. Встречается также немало корней, состоящих из двух и более согласных - эти обычно удвоенные или, что бывает изредка, неизвестного происхождения корни (заимствованные, звукоизобразительные). Эти основы исторически видимо производные. Основную семантическую нагрузку слова несет корневой согласный. Нередки случаи, когда корневой согласный (без сопровождающего его классного показателя) использован в качестве производящего элемента отглагольных имен, ср. ттихъин "сосать", но хъи // хъи=йа лич1ин "оторвать от груди" (корневой хъ сохранён и в производной основе).

Наблюдается большая омонимия корневых согласных глаголов: один и тот же согласный выступает в качестве корневого в нескольких глаголах: кь - в десяти глаголах, хх - в 16 глаголах, с – в 7 глаголах. Ср.: ба=кь=ин "ввести, согласиться"; бу=кь=ан "убрать"; кьакь=ан "высохнуть"; лакь=ин "закрыть"; лекь=ан "обвалиться"; кьукь=ин "отрезать"; бю=кь=ан "утонуть"; кьюкь=ин "стать дешевым" и др.

В качестве корневых согласных не встречаются: б, в, п, пп, п1, р, д, н, м, х, цц. Согласный л встречается один раз: бу=л=ун "дать" (в данном случае л в лакском языке, как это давно уже установлено в дагестановедении, является рефлексом прадагестанского латерального согласного кь1, ср. авар. кьезе "дать").

Наиболее характерным для структуры глагольных основ лакского языка является префиксально выраженный классный показатель: б=ац1ан "стоять", б=уч1ан "придти, спуститься"; б=изан "встать; поставить", б=аттан "побить, колотить".

Глагольные основы такого типа - классный показатель с сопровождающим его гласным + корневой согласный + форматив инфинитива с предшествующим гласным (бу=ч1=ан "придти, спуститься") - распространены и в остальных дагестанских языках и являются наиболее характерными. Ср. авар. би=т1=изе "отправляться, отправить", дарг. ба=т=ес "оставить", анд. ба=ж=иду "жарить" и др.

Глагольных основ указанного типа в лакском языке насчитывается свыше 60: багьан "упасть"; базин "склеить, пришить", "соединить"; бакьин "загнать"; "согласиться"; балжан "обеспечить"; бан "сделать"; бассан "растаять"; баттан "избить"; бат1ин "собрать"; "собираться"; баххан "продать"; (зума) бахъан "заговорить"; бацин "украсть", бац1ан "стоять"; бачин "идти"; бахьин "ударить"; баччин (< баккин) "искривиться"; бач1ин "разделить"; бащан "задеть"; "закрыть"; байин "проясниться"; "вернуться"; башин (< бахьин) "подмести"; бякъин "замёрзнуть"; бяххин "быть смытым"; бах1ин "привязать"; бигьин "кататься; процедить"; бизан "встать"; бик1ан "быть"; бирийан "попасть"; биссун "умыться"; битан "оставить"; биттун "сорвать"; биххан "зарезать; вскопать"; бичин "бросать"; бишин (< бихьин) "положить"; бищун "ударить"; бийаи "добраться; созреть"; бугъан "помазать"; букан "съесть"; буккан "выйти"; буккин "прочитать"; букьан "убрать"; "отойти"; булун "отдать"; (нигьа) бусан "испугаться"; бутан "повалить"; бут1ин "на-

лить"; буххан "войти"; буххин "возить"; бухъан "отрезать"; буцан "оторваться; скосить"; буцин "привести, измерить, взвесить"; буц1ин "наполниться"; буччин "насытиться"; буч1ан (< бук1ан) "придти; застегнуть"; буч1ан "спуститься"; бущин "обмазать; облизать"; бюкьан "проглотить; утонуть"; бюхъан "быть урожайным"; бюххан "подействовать"; бух1ан "выдержать"; бюч1ан "быть гладким"; баллан "развариться".

В некоторых случаях в основах указанного типа в качестве показателя и II и IV классов выступает р (вместо д). Появление анлаутного р связано с развитием значения слова: когда глагол с классным показателем д употребляется в нескольких значениях, то в результате омонимического отталкивания появляется форма с классным показателем р и эта форма употребляется уже как самостоятельная лексема со своей семантикой, ср. ищун (бищун, дищун) "ударить; удариться; посадить; посеять; ранить; сыграть; исполнить", но р=ищун "ударить" (вообще). С начальным классным показателем р встречаются следующие глаголы: рагьан "поссориться"; рутан "свалить"; рахьин "ударить"; руцин "сыграть" (мелодию); рат1ин "собрать" (напр., фрукты); ритан "оставить", "выпустить" (стрелу); раттан "избить"; риттун "сорвать"; рищун "ударить"; руцан "разорвать", рут1ин "налить"; ругьан "сдержать"; рюххан "зудеть"; ряххин "хапать". В этих основах инициальное р вторичного происхождения и восходит к д, а сами основы нередко употребляются как параллельные к формам с префиксальным классным показателем д. Однако, формы с р имеют тенденцию в определенном значении употребляться всегда с этим же классным показателем, который становится в таких случаях окаменелым (или полуокаменелым) .

В семи классных глаголах основа осложнена инфиксальными элементами =ру=, =лу=, =р=, предшествующими корневым согласным: буруган "посмотреть", бурузин "быть неряшливым", бурусин "раскроить", буруххан "сшить", буруччин "уберечь", булукьин "увлечься", бирийан "попасть".

В трех глагольных основах классные показатели выступают инфиксально: хха=ва=ххан (хха=ра=ххан) "зацепиться"; ц1а=в=ц1ин (ц1а=р=ц1ин) "царапать"; аь=ва=йан (аь=ра=йан) "размякнуть ; пропитаться влагой". Видимо, эти глаголы вторичного образования.

В ряде глаголов представлено два классных показателя: один - префиксально, второй - инфиксально: б=и=в=ч1ан "убить"; "умереть"; б=а=в=ц1ин "растопить"; б=а=в=гьен "мять", "замесить"; б=у=в=ч1ин "узнать", "выбрать"; б=в=ч1ан < бавк1ан "утомиться". Иногда подобно этим глаголам выступает и глагол аьйкьин (бяйкьин) "заблудиться"; ср. аь=в=кьин (б=я=в=кьин). В таких глагольных основах инфиксальный классный показатель вторичного происхождения. Его появление может быть объяснено тенденцией к унификации основ - влиянием глагольных основ перфектного значения, которые содержат в своей основе инфиксальный классный показатель или же омонимическим отталкиванием, ср. бик1ан "быть", но *бик1ан > б=и=в=к1ан> бивч1ан "умереть; убить".

Среди классных глаголов необычным является по происхождению (и образованию) б=алжан (< балган, ср. балгуну) "обеспечить, снабдить одеждой", а также "оценить; определить, назначить цену", ср. къатри азаруннин далгунии "дом оценили (т.е. определили ему цену) в тысячи рублей". Глагол интересен тем, что по образованию является синтетическим, но образованным от заимствованной основы (ср. кумык. белги=ли "известный, определенный", которое вошло в ряд кавказских языков: лак. балжи "определенность; конкретность", балжи=сса "определенный, конкретный", чечен. билгала "определенный"), но одновременно и классным (от заимствованной основы!), что является весьма уникальным случаем образования глагольной основы простого вида. Вначале возник, вероятно, аналитического типа глагол с вспомогательным глаголом б=ан "сделать" (балжи б=ан "определить, назначить, обеспечить, снабдить"), затем появилась сросшаяся основа - *балжибан > балживан > *балжан, а начальный б= при этом был осмыслен

как классный показатель и основа была "втянута" в ряд классных глаголов, т.е. б=алжан (Шкл.) и соответственно появились и коррелятивные формы других классов - алжан (алгуну) для I кл. и д=алжан (далгуну, но изредка и даргуну) для II и IV кл.

В некоторых глагольных основах действующий префиксальный классный показатель (б или д) в результате семантических изменений и закрепления определённого значения за одной из форм подвергается частичному окаменению (полуокаменелый вид):

бусан "рассказать"; окаменение вызвано постоянством грамматического класса прямого объекта, употребляющегося с этим глаголом: махъ "слово"; магьа "сказка", щялмахъ "неправда" и др. (112, 8). Глагол этот встречается и в классных формах (усан, бусан, дусан) и употребляется в другом значении, ср. нигьа усан (нигьа бусан) "испугаться". Соответствующие ему основы в других языках являются классными: авар. б=ицине, анд. б=осинну и др.;

бурущин (буллан) "судачить, говорить за глаза";

бюхъан "мочь", ср. б=юхъан "быть урожайным, обильным". П.К. Услар данный глагол в значении "мочь" отмечал как классный: б=юхъан (д=юхъан) "мочь". Классный показатель в окаменелом виде имеется в производном от этого глагола имени дюхъ "умение";

дуккин "получить образование"; "учиться"; ср. б=уккин "считать, читать". В форме дуккин классный показатель сросся с осно-вой, а лексема обособилась и стала употребляться в новом значении. Ср. такое же явление и в чеченском языке: д=иэша(н) "читать", но диэша(н) "учиться" (163,11).

Такая же тенденция присуща и ряду классных глаголов, в которых одна из форм обособляется от остальных форм и становится как бы неклассной: буц1ин "насолить" (< б=уц1ин "налить"); бигьин "парить" (б=игьин "процедить", "парить"); бишин "coitus" (< бишин < бихьин "положить"), ср. такое же употребление глагола лье-зе "положить" в аварском языке (91, 131).

Глагол баян "услышать" до всех диалектах, за исключением шадринского, является неклассным, т.е. б= - окаменелый классный показатель, но ср. шадн. б=аян (д=аян) "услышать"; ср. также: авар. раг1изе, тинд. би=йа, ботл. ба=гъа (би=ъа) " услышал".

Характерными для глагольных основ являются префиксальные классные показатели, а инфиксальные встречаются в ограниченном числе примеров. Установлено, что инфиксальное выражение грамматического класса - явление вторичное; исторически важнейшим признаётся именно префиксальное использование показателя грамматического класса. И не случайно, что почти все классные глаголы имеют префиксальные классные показатели и в качестве корневого имеют лишь один согласный, т.е. являются древнейшими и наиболее характерными для лакского и других дагестанских языков. Правда, в семи приведенных выше классных глагольных основах (булукьин, буруган, бурузин; бурусин, буруххан, буруччин, бирийан) выделяется морфологически значимый элемент - инфиксы ру, лу, ри, показывающие, по-видимому, учащательность действия, т.е. обычная основа, состоящая из одного корневого согласного, оказалась осложнённой дополнительной морфемой. Об этом говорят данные как самого лакского, так и родственных, в частности даргинского языков. В хосрехском говоре в основах некоторых глаголов инфикс =ру= употребляется в качестве самостоятельной морфемы: ккух1ин "жевать", но кку=ру=х1ин "сильно жевать; изгрызть"; бух1ан "вытерпеть"; "вынести", но бу=ру=х1ин "выдюживать". Инфикс =лу= в лакском языке используется в основах глаголов для образования учащательных (многократных) форм повеления и просьбы: ухху! "заходи!" – у=лу=ххху! "захаживай!"; букки! "прочти!" – бу=лу=кки! "прочитывай!". Ср. также: бу=ру=ххан "сшить; опухнуть" и дарг. (кубач.д.) б=ухий "шить"; д=уххала "шов", б=ибххий "опухнуть"; д=ибхха "оцухоль".

Инфиксы =ру=, =лу=, =ри= в основах глаголов имеют общее происхождение: исходным был слог с сонорным =р=, за которым следовал гласный,

обусловленный вокальным элементом первого слога основы: бу=р=у=ххан "сшить", но би=р=и=йан "попасть". Поэтому исходный вариант данного слога нами восстанавливается в виде =рГ= (> =лГ=). На вероятную связь этого инфикса с понятием учащательности действия говорит и тот факт, что формы типа у=лу=ххуу "захаживай" (ср. ухху "заходи") от глаголов с названными инфиксами в языке не встречаются – видимо, эти инфиксы сами передавали это понятие.

Большинство классных глагольных основ лакского языка имеет соотносимые по происхождению глагольные основы в родственных языках. Как предполагают, глаголов с классными показателями в дагестанских языках в прошлом было больше (91, 15; 281, 191).

Большинство глагольных основ в лакском языке не содержит в своём составе классных показателей. Эти основы также подтверждают моноконсонантный характер глагольных корней, хотя именно среди них и встречаются чаще всего основы, состоящие из двух, а иногда и трёх согласных. Однако подобные корни, как правило, оказываются производными, в частности, редуплицированные основы. Имеются среди них и содержащие в своей основе, наряду с корневым согласным, и инфиксальный согласный - показатель длительного вида, глаголы с окаменелыми превербами и др.

Можно предположить, что многие из неклассных глаголов получены из классных в результате утери или окаменения - последующего изменения классного показателя. Утеря классных показателей в глагольных основах в дагестанских языках явление нередкое (Т.Е. Гудава, И.И. Церцвадзе и др.). Высказано, однако, и иное мнение - неклассные глаголы в лакском языке более раннего образования, чем классные, предшествуют им и сохранили древнейшее состояние глагольных основ (268, 152). Но сравнительный анализ неклассных глагольных основ лакского языка показывает, что им в других языках соответствуют классные основы, т.е. в лакских классные показатели утеряны и такие основы во многих случаях восходят к классным. Разумеется,

среди глагольных основ встречаются и такие, которые с самого начала были неклассными; они обычно образованы от звукоподражательных и именных основ, но таких глаголов сравнительно мало.

Односложные неклассные глаголы состоят из одного корневого согласного, к которому присоединён аффикс инфинитива. Таких глаголов в лакском языке всего 13: гьан "уйти", зун "работать"; нан "идти"; т1ун "говорить"; ххан "казаться"; хъян "смеяться"; хьун "стать"; х1ун "жать", "косить"; ц1ун "болеть"; "ныть"; ччан "хотеть", "любить"; ччун "чесаться"; ч1ун "полоть"; щун "толкнуть". Все эти глаголы, за исключением гьан, хьун, щун, являются глаголами длительного вида, но немаркированными видовым аффиксом (в отличие от ххилан "таскать", ккалан "читать" и др.). Вполне вероятно, что во всех этих основах классные показатели утеряны. Появление неклассной формы может быть объяснено и как фонетический процесс выпадения префиксального классного показателя, и как способ выражения глагольного вида: форма с классным показателем передавал однократный (совершенный) вид, а эта же основа без классного показателя - многократный (несовершенный) вид, ср. дурч1ин "выполоть", но ч1ун "полоть"; х1ун "жать", но тти=х1ин (< *ди=х1ин) "скосить". Такое противопоставление глагольных основ при образовании видовой корреляции наблюдается и в ряде других языков (А.А.Магометов, Р.Р.Гагуа).

Данные других дагестанских языков подтверждают, что многие из указанных неклассных основ в прошлом имели классные показатели и возникли в результате утери этих показателей: эти же глагольные корни в других языках снабжены классными показателями:

ччан (<*ккан < *к1ан) "хотеть; любить"; ср.авар. б=окь=изе "любить", рокьи "любовь"; цах. й=и=кканас "любить";

зун "работать"; ср. дарг. б=узес;

щун "толкнуть; коснуться"; ср. классный глагол того же корня б=ищун "ударить; быть раненным", но щаву "рана", ср. чам., тинд., баг. б=илълъ "коснуться";

хьун "стать; становиться"; ср. цах. й=ихьес "быть; делаться", рут. й=ешин "быть", арч. б=екас "быть", будух. й=ихьар "быть; ста-новиться", удин. б=ак=сун "быть"; анд. б=илълъ.

Среди лакских неклассных глаголов представлено более двадцати редуплицированных основ - в них корневой согласный повторяется дважды: гъагъан "сломать; сломаться"; зизин "посыпаться"; ккаккан "увидеть; посмотреть"; кьюкьин "продешевить"; кьакьан "высохнуть"; кьукьин "отрезать"; к1ик1ин "выдубить"; к1уч1ин (< к1ук1ин) "просеять"; сасан "закалиться"; сисин "осмелеть"; ссуссин "износиться; протереться"; татан "свернуться; скиснуть"; т1ат1ан "износиться; износить"; т1ит1ин "открыть, открыться"; ххаххан "обидеться"; ххяххян "расти; броситься"; ц1уц1ин "тесать; стругать"; чичин "написать"; ччуччин "сжечь; сгореть"; шашан (< шахьан < хьахьан) "сварить; свариться"; шюшин "выстирать"; щащан "ткать". Некоторые основы с редуплицированными корневыми согласными могут быть осложнены и другими морфемами: гъу=лу=гъин "запачкать"; "запачкаться"; х1у=лу=х1ин "побелить", х1а=на=х1ан "размякнуть", (?) чча=на=ккин (< кка=на=ккин) "запутаться" (в волосах); ср. также редуплицированные глаголы с инфиксальными классными показателями: ц1а=в=ц1ин (ц1а=р=ц1ин) "поцарапать"; хха=ва=ххан (хха=р=ххан) "зацепиться". Возможно, к последним примыкает и глагол аь=ва=йан (аь= ра=йан) "пропитаться влагой": *г1а=ра=г1ан > *г1а=ра=х1ан >*г1а=ра=гьан > *г1а=ра=йан > *аь=ра=йан.

Большинство редуплицированных неклассных глаголов вторичной формации: классный показатель в них утерян, а глагольный корень сохранился в редуплицированном виде. Такое предположение находит свое подтверждение при привлечении для сравнения соответствующих фактов из багвалинского языка, в котором распространена редупликация глагольных

основ (передает многократность действия, которая иногда понимается как множественность…). При редупликации классный показатель (со следующим гласным) опускается (96, 122). Высказано и мнение о том, что редупликация в указанных лакских глаголах является своеобразной компенсацией утери морфем грамматических классов, т.е. в основе появления таких глаголов лежат фонетические процессы (48, 112). Наличие в редуплицированных неклассных глаголах в прошлом классных показателей подтверждают и соответствующие глагольные основы родственных языков:

к1вик1ин "дубить; мять", ср. д=а=р=ч1ин (<дарк1ин) "свалять", ботл. б=ак1ваши, багв. б=ек1ваши, авар.к1век1ана "тереть";

кьакьан "высохнуть"; ср. авар.б=акъваза, анд. б=екъуду;

кьукьин "вырезать"; ср. дарг. (урах.д.) д=икьвис "рубить (дрова)"; анд. б=укъи, ботл. б=укъу, ахвах. б=укъори "разрезал";

татан "свернуться, скиснуть", ср. дарг. д=ертес "свернуться", авар. бетизе, ботл. бети "скиснуть; делать простоквашу".

Т.Е. Гудава увязывает аварскую и ботлихскую формы с глаголом "оставить": авар. тезе, анд., ботл., чам. б=ета "оставил"; ср. лак. б=итан, дарг. б=атес, чеч.. б=атан. Предполагается семантический переход : "оставлять" > "оставлять молоко" > "киснуть, делать простоквашу" (91, 149). В свете такого объяснения лак. татан восходит к * б=итан и в процессе семантического развития неклассная редуплицированная форма сохранилась за вторичным значением слова.

т1ат1ан "износиться; порваться"; ср. чеч. д=ат1ан "расколоться, порваться";

шашан (<шахьан > хьахьан) "сварить"; ср. дарг. б=илхьес, авар. б=елъине, анд. б=илъину, чам. б=илъна, табас. у=р=хьуз, агул. рюхьес (р - окаменелый классный показатель);

щащан "соткать, сплести"; ср* дарг. б=ушес, авар. б=ессизе, анд. б=ещду;

ккаккан (< *гаган) "увидеть", ср. б=уру=ган "посмотреть", бежт. б=егал, дид. б=иквада, арч. б=аккус, бацб. д=агар;

ччуччин "сгореть, сжечь"; ср. дарг, д=игес, арч. б=оккас, табас. у=р=гуз;

ххуххин "победить" (балхар.д.), в других диалектах б=уххин.

Целый ряд неклассных глагольных основ длительного вида содержит в своём составе инфиксальные видовые показатели =л=, =н=: гье-нан "вращаться", зайлан "проклинать", занан "ходить", кванан "есть, кушать"; ккваланан "читать; считать"; лурзлан "развратничать", талан "бороться, сражаться", ххилан "таскать, возить"; хъанан "получаться", х1аллан "переживать", цулун "косить", ц1алан "сочетаться", ч1алан "видеть", шалан "беречь". Некоторые из них, в отличие от основ, имеющих только формы с этими видовыми показателями =л=, =н=, имеют и основы, снабженные классным показателем, а противопоставление же классной и неклассной основы использовано для выражения глагольного вида и исходной в таком случае является классная основа:

кванан "есть, кушать"; ср. б=укан "съесть", дукра "еда"; дарг. б=еркес "кушать";

ккваланан "читать, считать", кквал "счет"; ср. б=уккин "прочесть"; дуккин "получить образование"; анд. б=агва, ахвах. р=игори "сосчитал", дарг. (кубач.д.) б=илгвий "посчитать";

ххилан "таскать, возить", ср. б=уххин "привезти, свезти"; авар. б=ехъерхъизе, чам. б=ехъала "таскать";

хъанан "получаться", ср. бюхъан (<б=юхъан) "мочь", дюхъ (< д=юхъ) "умение";

цулун "косить", ср. буцин "скосить", авар. б=ецизе;

ц1алан "сочиться", ср. ли=ц1ин (< * д=иц1ин) "отстояться";

шанан "спать", ср. к арак, б=ишан "спать"; дарг. б=усес "спать", авар. босен, Анд. бешан "постель";

щаран "кипеть", ср. дарг. руржес;

ххюлун (вицх. д.), ххвялан (балх.д.) "чесать" (шерсть),

ср. д=юхан "расчесать" (шерсть);

ххвилан (балх.д.) копать", ср. б=иххан "откопать".

щалан (балх.д.) "лизать", "облизывать", ср. б=ущин "лизнуть, обмазать".

Многие неклассные глаголы, а их примерно 40, могут быть сгруппированы по одинаковым начальным слогам, которые предшествуют корневым согласным: л=, =ли, тти=, ттири=:

лагван "пойти"; лакъин "закрыть, закрыться"; ласун "взять";

лаххан "одеть, одеться"; лахъан "подняться; повесить"; лахьхьвин "выучить"; лах1ан "согнуться"; лах1ин "прицелиться"; лач1ун "прицепиться; прицепить"; лащан (< лахьхьан) "уподобиться"; лайан сжаться"; лахъян (> ляхъян) "зародиться";

лигьин "замерзнуть"; ликкван "снять; спуститься"; ликьян (>лекьян) "обрушиться, развалиться"; лиссун "вспахать"; лит1ун "убить, умереть" (мн.ч.); лиххан " полинять"; лиххвян (>леххвян) "полететь"; лихъан "убежать"; лиц1ин "отстояться"; личин "выскочить"; личвян (< лечвян) "побежать"; лищвян (> лещвян) "потушить, потухнуть"; лич1ван "остаться"; лич1ин (<лик1ин) "засунуть"; лишин (<лихьин) "вытереть; лийан "испортиться".

ттизин "доить"; ттисин "выкроить"; ттихъин "сосать"; ттих1ин "жать; косить".

ттиризвин "раскроить"; ттирик1вин "высверлить";ттирихвен "распутать"; ттирихвин "извлечь (зерна из колосьев)"; т1ирих1ин "развязаться". В балх.диалекте вместо ттирихьхьвин употребляется глагол б=ухьхьвин (д=у=хьхьвин) "высыпаться".

Указанные элементы ла=, ли=, тти=, ттири=, несомненно были морфологически значимыми. По поводу их происхождения, хотя вопрос об этом

специально не ставился, высказываются два различных мнения. В одном случае эти элементы считаются превербами (320, 9; 262, 162), которые когда-то были представлены в лакском языке, как они сейчас имеются в даргинском и в лезгинском языках, в другом же случае они, точнее их анлаутные согласные, считаются окаменелыми классными показателями, восходящими к экспонентам класса вещей д (р) (268,180).

Начальные согласные в указанных элементах мы рассматриваем как фонетические вариант окаменелых классных показателей, т.к. имеется целый ряд соответствующих глагольных корней в других дагестанских языках, в которых эти корны снабжены классными элементами, т.е. анлаутным л=, тт= лакских глаголов соответствия классные показатели:

ласун "брать, взять"; ср. авар. б=осизе, дид. б=исса;

лакьин "закрыть", ср. анд. й=акъан, тинд. бакъвон, багв. рекъ-ван, карат. рукъан "закрыл; сжал". В андийских языках в этих осно-вах классный показатель окаменел, а в соответствующей основе в аварском отсутствует: къазе "закрыть; сжать";

лач1ун (<*лак1ун) "загореться; пристать; прилепиться"; ср. дарч1ин (<д=а=р=ч1ин <*д=ач1ун) "склёпка"; авар.рек1ине 1. "гореть; загореться"; 2. "приклеиваться, прилипнуть"; 3."сесть верхом"; дид. рик1а, хварш. лак1ва, гунз. рек1а "гореть"; дарг. (кубач.д.) бик1вий "зажигать";

лахъан "подняться; повесить; провести время" (ср. к1и лахъ-аннин "на протяжении зимы; всю зиму"); ср.авар. б=ахъине "подняться; провести время"; ботл. р=иххин, тинд. б=уххо, ахвах. б=ехъери "провёл время";

лащан (< лахьхьан) "быть похожим; уподобиться"; ср.авар. релълъене, анд. а=б=лълъин "похож"; тинд. б=алълъум, ботл. б=алълъина "похожий"; дарг. мешу (бикас) "уподобиться";

лещван (< лищвян) "гаснуть"; ср.дарг. бишес, ботл. бишен, мищу "погас", чам. биссвана, тинд. бушо, багв.буща "погас"; в аварском языке эта же основа представлена без классного показате-ля: ссвина;

лахьхьин "выучить", "научиться"; ср. авар. малъльана, ботл.

малълъу, чам. малълъ, ахвах. малълъени "научил"; арч. лълъас "научить". В аварском и андийских языках анлаутное м возводится к классному показателю б (91, 135);

лиссун "вспахать" (целину); "выдрать" (кожу); ср.дарг. б=ацесс, таб. урдзуз;

лаган "пойти"; ср. арч. б=аккин "уходить";

лихъан "убежать"; ср. дарг. б=ухъес "отойти; отходить";

луглан (луган) "искать"; ср. арч. б=ирккус;

личвян (< *ликвян) "побежать"; ср. авар. бекари "бег";

ттизин "доить"; ср. дарг. д=ирдзес (дирдзес), арч. б=аццас, рут. в=езин, таб. ардзуз, агул. узас, лезг. аццун (81, 206);

ттихъин "сосать"; ср. дарг. дирхъес, анд. боххони, ахв.бахъ-ари "высосал", таб. ухиб, лезг. хъун, авар. хахизе "сосать";

ттисин "выкроить (платье)", ср. дарг. д=ирсес "сшить";

ттих1ин "жать" (серпом) (сов.в.); ср. глагол этого же корня х1ун (несов., длит.вид). Противопоставление классной и неклассной основ для выражения вида отмечалось выше: д=урч1ин "полоть" (сов.в.), ч1ун "полоть" (несов.в.), т.е. основа ттих1ин (< *д=их1ин) в данном случае выступает как классная, хотя классный показатель и окаменел;

ттириххвен "распутать", ср. балх. б=юххвин;

ттирихьхьвин " извлечь" (зёрна из колосьев), высыпаться"; ср.балх. б=ухьхьвин;

ттиризвин "распороть", ср. балх. бузвун (бур) " распорото" (<б=узвин "распороть").

В глагольных основах, подобных последним, между первым слогом и корневым согласным представлен слог =ри=. Такой же слог был отмечен в классном глаголе би=ри=йан "попасть". Этот инфикс соотносится с инфиксами =лу= и =ру= в ряде глагольных основ и все они возводятся к слогу

=рГ=. Инфикс этот, видимо, показывал учащательность действия. К тому же семантика глаголов с этими инфиксами допускает возможность учащательности, многократности в процессе действия: тти=ри=хьхьвин "извлечь (зерно из колосьев)", бу=ру=син "разрезать", тти=ри=к1вин "высверлить". Анлаутное тт=, как показывают балхарские примеры, восходит к классному показателю д. Следует также отметить, что глаголы с начальным ттири= в балхар. диалекте отсутствуют, а вместо некоторых из них выступают классные глаголы без инфикса =ри= и корневым согласным, аналогичным в указанных основах. В свете сказанного глаголы с начальным ттири= могут быть признаны вторичными, а их основы осложнёнными инфиксом =ри=.

Классные показатели в разобранных выше и подобных им основах глаголов окаменели в исходном, первоначальном виде (д или р), а потом подверглись фонетическим изменениям и перешли в л (< р < д), тт (< д). Известно, что фонетическое изменение окаменевшего показателя происходит легче, нежели действующего (91, 15).

В одной глагольной основе утерян классный показатель, но остался сопровождающий его гласный: учин "сказать".

Утеря и окаменение классных показателей, т.е. переход классных основ в неклассные встречается и в других дагестанских языках, ср., например, в аварском и даргинском языках:

авар. г1езе "расти; хватать"; ср. анд. б=икъиду, лак. б=ийан;

авар, тезе "оставить", ср. дарг. батес, лак. б=итан;

авар, лъезе "положить", ср.дарг. бирхьис, лак. б=ишин;

авар. т1езе "налить"; ср. лак. д=ут1ин;

авар. ц1езе "пополнить"; ср. дарг. биц1ес, лак. б=уц1ин;

дарг. хес "принести"; ср. нижнемулебк. д. бихис "нести", лак. б=уххин "притащить";

дарг. гес, авар. кьезе "дать"; ср. лак. б=улун (41,75);

дарг. асес "взять", ср. авар, босизе, лак. ласун (< *дасун);

авар. раг1изе "услышал"; анлаутный классный показатель р окаменел, но ср. анд. б=егьа (б=иъа), карат. б=иъа "узнал" (91, 65), лак. (шадн.д.) б=айан (д=айан).

Положение о существовании классных показателей в основах неклассных ныне глаголов не может быть абсолютизировано и распространено на все без исключения глагольные основы. Среди лакских глаголов остаётся ещё несколько десятков инфинитивных основ (более 30), в которых классные показатели не имелись, или наличие таких показателей в них в прошлом не удаётся доказать.

Среди них выделяется группа неклассных глаголов с интервокальным й между корнем - слогом открытого типа и показателем инфинитива =ин (ан): гьайин "смолоть"; гьуйин "развеять по ветру"; квайин "обвить; обвиться"; къюйин "капризничать"; "мешать"; к1вийин "прикурить"; ххийин "шарахнуться"; х1уйин "раскрошиться"; ч1уйин "стать тугим; крепчать". Инлаутный й в таких основах, видимо, двоякого происхождения. В одном случае он получен от корневого фарингального спиранта гl (или хl), с последующим переходом в ларингальный глухой спирант гь, который затем изменился в интервокальной позиции в й, ср. авар. раг1изе и лак. байан "услышать"; в таком случае можно сравнить лакскую основу гьуйин "развеять по ветру" с аварской основой хьваг1изе "махать; взмахнуть". Отметим также, что в некоторых таких основах в балхар. диалекте вместо инлаутного й выступает гь: гьагьин "смолоть", гьугьин "развеять по ветру".

Что же касается остальных неклассных глагольных основ лакского языка, то они с самого начала были неклассными. Сюда относятся глаголы, образованные от мимеоизобразительных, именных и заимствованных основ, ряд сросшихся глаголов и несколько многосложных глаголов неясного происхождения, т.е. эти основы в большинстве своём исторически являются составными:

ккурун "вращаться"; щурун "вертеться"; лурзлан (<лурзун) "развратничать"; зайлан "проклинать" (< зай "проклятие"); зукьлан "благодарить" (< зукьлу "благодарение"); ччалан "спорить" (< ччал "спор", ср. дарг. жал); гьузун "плавать"; дяъван "ругать" (< араб. даъв "тяжба"); ц1уххин "спросить"; зеххин " отнять, причесать"; ккух1ин "жевать"; кьут1ин "воткнуть"; вонзить(ся)"; кьючин "давить"; к1ущин (< к1ухьхьин) "мочиться"; оьт1ин "испражняться"; хъатан "отсыреть"; хьхьвачин "напирать"; хьхьвицин "распарить" (о пище); хьхьвиц1ин "отжать"; х1ач1ан "выпить"; ц1икквин (ц1ихьхьвин) "выманить"; ц1арак1вин "преть" (ср.ц1арак1в "конский навоз"; авар. ц1акказе "тлеть, преть"); ччанакквин "запутаться" (о волосах); щирик1вин "усиленно работать ногами" (во время танца); ц1урукьен "плакать; капризничать" (о ребёнке).

Некоторые глагольные основы лакского языка могут употребляться с целым рядом приставочных элементов, которые могут быть охарактеризованы как превербоидные и сопоставлены с превербами, известными в даргинском и лезгинском языках. Мнения о наличии превербов в лакском языке придерживаются У.Боуда и С.М.Хайдаков (320, 9; 262, 161). Однако в современном лакском языке превербы не имеют той системности, которой они характеризуются в лезгинском в даргинском языках. Поэтому подобные элементы в лакском языке, видимо, только условно следует называть превербами. На наш взгляд, для подобных элементов в лакском языке более точным представляется термин превербоид, хотя мы сами, следуя за предыдущими авторами, и употребляем термин преверб. Сочетаясь с такими элементами, глаголы приобретают новое значение и употребляются как самостоятельные глагольные основы ("сросшиеся основы"). Превербы (превербоиды) могут быть классные и неклассные:

б=я=, ср. дя= "середина"; преверб сочетается с глаголами лахъан "подняться" и лич1ин "всунуть; втиснуть"; б=я=лич1ин "прерваться"; б=я=лахъан "развлечься", ср. дялахъру "веселье";

б=ай= выражает понятие "начало; исток чего-то"; употребляется с глаголами щун "толкнуть", б=ишин (< бихьин) "класть"; лит1ун "умереть", бизан "встать", =гьин (< (?) угьан) "держать", =кьен (?): б=ай=щун "оттолкнуть"; б=ай=бишин "начать"; б=ай=лит1ун "кончиться"; б=ай=бизан "обрушиться с руганью"; б=ай=гьин "удержать"; б=ай=кьен "заблудиться, ошибиться". Видимо, к этому же превербу восходит основа б=айла, употребляющаяся с глаголами хьун "стать" в б=ан "сделать": б=айла хьун "часто ходить; повадиться"; б=айла б=ан "отправлять, посылать, направлять". От последней основы образованы и устаревшие ныне лакские слова айли улун "направить приезжего на ночлег" и айли=чу "приезжий, у которого в ауле нет кунаков".

Как видно из примеров, приведенных с превербом б=ай (д=ай), среди них имеется очень прозрачный по своему составу на лакской почве глагол б=ай=б=ишин (< б=ай=б=ихьин) "начать". Этот же глагол имеется в аварском (байбихьизе) и в андийских языках, последние заимствовали его из аварского (91, 56). Прозрачность и мотивированность составляющих основу элементов на лакской почве и классный характер преверба позволяют предположить заимствование его аварским языком из лакского;

б=ахь= употребляется с глаголом лаган "пойти"; б=ахь лаган "скрыться; погрузиться; закатиться";

б=ах= употребляется с глаголом чин (< учин) "сказать";

б=ах=чин "помешать; зацепиться";

б=ух= употребляется с глаголом лаган "пойти"; б=ух=лаган "иссякнуть; кончиться"; имеются и омонимичные этой форме основы б=ух= "старый", ср. б=ух хьун "износиться" и б=ух (хьун) "потерпеть поражение; проиграть"; б=ух (б=ан) "разбить; победить";

кьа= употребляется с глаголами б=ик1ан "быть", б=итан "оставить", б=агьан "упасть": кьа=бик1ан "замолчать"; кьабитан "покинуть"; кьа=багьан

"замолчать"; ср. и омонимичную основу кьа= (сса) "ровный"; кьа=н "равнина";

ла= употребляется с глаголами б=ик1ан "быть", б=итан "оставить", лакьин "закрыть", ласун "взять": ла=бик1ан "спрятаться"; ла=битан "спрятать"; ла=лакьин "убрать; прибрать"; ла=ласун "усвоить; смекнуть";

ля= употребляется с глаголом б=уккан "выйти"; ля=буккан "вырасти, увеличиться в росте", ср. ля=букку "производительность, продуктивность" (работы); ср. также ля=р= "средний" (о брате, сестре и др.); ля=лу "талия; пояс".

Встречаются и другие, подобные приведенным выше превербоидам, приставочные элементы (классные и неклассные), которые употребляются в сочетании с теми или иными глаголами: б=игьа=, ср. б=игьа лаган "отдохнуть"; ита=, ср. ита б=акьин "отпустить; освободить"; экьи=, ср. экьи личин "выбросить", экьи гьан (лаган) "вылиться"; ит=, ср. ит ххяххан "высвободиться"; б=ат1и, ср. ат1и уккан "успеть; закончить ч. л." и др. Возможно, что не все подобные элементы являются превербами, а получены от каких-то именных или глагольных основ, входивших в состав сложных глаголов (202, 99-104).

В употребляемых с превербами (типа СГ) классных глаголах классный показатель б, оказавшись в интервокальной позиции, не подвергается в кумух. диалекте обычному изменению и не переходит в в (ср. к1ива < к1иба "два", но кьабик1ан "замолчать"), т.е. основа с превербом не воспринимается как нерасчленимая, а воспринимается как и сложная. В сложных же глаголах классные показатели во втором (вербальном) члене композита не подвергаются изменению.

СЛОЖНЫЕ ГЛАГОЛЫ

Выше была отмечена бедность лакского языка в количественном отношении простыми, первообразными глаголами. Однако эта бедность компенсируется богатством сложно-составных глаголов, образованных с помо-

щью вспомогательных. Такие глаголы состоят из двух элементов (смысловой части и вспомогательного глагола) и выражают единое понятие, которое не всегда является составленным из значений этих элементов. Нередко трудно отличить сложные глаголы от словосочетаний, их границы часто оказываются неустойчивыми. Широко используются в качестве вспомогательных глаголы: б=ан "сделать", хъун "стать", учин "сказать", т1ун "говорить", б=ик1ан "быть", б=итан "оставить", б=ищун "ударить", б=изан "ставить", б=уккан "выйти", талан "сражаться", лаган "пойти". В литературе обычно основное внимание уделяют глаголам, используемым в качестве вспомогательных, а особенности образования смысловой части сложного глагола, её морфологическая структура остаются без должного освещения. В качестве именной части сложных глаголов могут употребляться различные основы: существительные, прилагательные, числительные, наречия и др.

Одним из распространённых способов является образование сложных глаголов от общей качественной именной основы (или краткого прилагательного) при посредстве глаголов б=ан "сделать" и хьун "стать". Глаголы, образованные при посредстве б=ан являются переходными, а при посредстве хьун непереходными: ч1яру дан "увеличить", ч1яру хьун "увеличиться".

В качестве именной части сложного глагола нередко выступает форма родительного падежа (иногда и от корня глагола): янил ан "сглазить", янил хьун "сглазиться (я "глаз"); ххинил ан "спугнуть", хинил хьун "б. спугнутым" (ххиийн "шарахнуться"); лагал хьун "чередоваться" (лаган "уйти"), дакьил бан "помирить", дакьил хьун "помириться" (б=акьин "помириться; согласиться").

В лакском языке много основ, которые самостоятельно не употребляются, а лишь выступают в качестве первого члена сложных глаголов: зана ик1ан "вернуться", кlура аен "повернуться", хъама битан "забыть", хьуна акьин "встретить" и др. Среди таких основ немало и заимствованных из других языков: бас ан "осилить", т1алав бан "потребовать" и др.

Определённые закономерности имеются при образовании сложных глаголов с помощью учин "сказать" и т1ун "говорить". В большинстве случаев они сочетаются с мимеоизобразительными (звукоподражательными и звукоизобразительными) основами, причём формы с учин выражают однократное действие, а с т1ун многократное, повторяющееся: кьут1 учин "стукнуть", но кьут1а т1ун "стучать ".

С глаголом б=изан "ставить" сочетается основа в дательном падеже, хотя в языке прямая основа может и отсутствовать: аьщун

изан "расстрелять" (аьш "цель; мишень"), гъурин изан "высокомерничать", вирин изан "помолодеть ; молодиться", гьап1ран изан "б. возбуждённым" и др.

В связи с тем, что сложные глаголы образуются от общей качественной именной основы (краткое прилагательное), от которой регулярно образуются и абстрактное имя существительное, наречие, полное прилагательное (с =сса и =ма, =мур, =мий), то и от тех основ (производных, непроизводных, заимствованных), которые выступали лишь в качестве именной части сложных глаголов, в языке спорадически стали образовываться формы существительных, прилагательных, наречий, т.е. основы сложных глаголов стали по аналогии втягиваться в ряд общих именных качественных основ (кратких прилагательных).

Обращают на себя внимание случаи образования смысловой части сложного глагола от глагольных и именных основ при посредстве суф. =ари: кьукь=ари (дан) "разрезать на куски" (кьукьин "отрезать"), вярч1=ари (дан) "продырявить" (вярч1у "пробоина; дыра") и др. Такие глаголы показывают многократно повторяющееся действие, учащательность, интенсивность. В связи с тем, что эти же значения нередко передаются и при посредстве редупликации, знаменательная часть указанных сложных глаголов может выступать в редуплицированном виде: дуца – дуц=ари (дан) " разорвать на части" (дуцан "оторвать"). Ранее было отмечено, что суф. =ари употребляется и при

образовании атрибутивных основ: щат1=арии= (сса) "волнистый (щат1и "волна"). Первоначально этот суффикс в лакском языке использовался для образования смысловой части некоторых сложных глаголов, а затем по аналогии стал употребляться и для образования атрибутивных основ. Однако и в глагольном словообразовании суф. =ари, видимо, относительно поздняя инновация. В пользу такого предположения говорят особенности употребления и развития значении и расширения функции этого суффикса в самом лакском языке, а также учёт соотносимых аффиксальных элементов в других дагестанских языках.

Как было уже отмечено, близкие в семантическом и материальном отношении аффиксы представлены и в ряде других родственных языков: =ар в даргинском и лезгинском языках, =ари в аварском языке. В системе глагола лакский суф. =ари близок к суф. =ари в аварском и суф. =ар в лезгинском языках, в системе же прилагательных он близок к суф. =ар в даргинском языке.

В аварском языке суф. =а'ри указывает на учащательность действия: къот1изе "отрезать", но къот1аризе (учащ.) "заниматься рубкой"; ср. и лезг. рахун "говорить", но рахунар авун, рахунарун "много говорить". Сфера применения данного суффикса в аварском глаголе шире, чем в лакском. В аварском языке суф. =ари может образовать учащательные, длительные формы от каждого глагола, в лакском же языке он образует смысловую часть сложных глаголов лишь от ряда глагольных основ (гьагьан "разбить", кьукьин "отрезать", духъан "нарезать" и др., ср.: гъагъари (дан) "разбить на куски" и др.); по аналогии с последними такие глаголы стали образовываться и от некоторых именных основ, ср. вярч1=ари (дан) "продырявить".

В специальной литературе (Ж.Дюмезиль, Л.И. Жирков) уже высказано мнение о том, что сонорные =л=, =р=, =н=, выступающие в качестве инфиксальных элементов в структуре глагола ряда дагестанских языков (даргинский, лакский, табасаранский…) и выражающие длительность, учащатель-

ность, многократность могут быть соотнесены друг с другом и вероятно имеют общее происхождение, т.е. унаследованы от эпохи общедагестанского языкового единства и являются древнейшими морфемными элементами в системе глагола этих языков. В ряду названных инфиксальных элементов указывают и суф.=арии (< ар=и) в аварском языке. Показатель длительного вида =л= в лакском языке в генетическом отношении соотносится с этим суффиксом. Однако, с другой стороны суф. =ари в лакском языке проявляет большую материальную и семантическую близость к суф. =ари в аварском языке. Эта близость может быть объяснена как инновация, возникшая в системе лакского глагола в результате проникновения суф. =ари в лакский язык из аварского, в котором он является одним из древнейших и имеет широкую сферу употребления. Расширение же функции суф. =ари в лакском языке произошли на лакской почве; возможно здесь имело место и влияние даргинского языка, в частности использование суф. =ари для образования атрибутивных основ (ср. суф. =ар в даргинском языке).

МАСДАР

Масдарные формы в лакском языке образуются от корня глагола при посредстве суф. =аву (<=абу, ср. в других диалектах =абу): б=уц=аву "привод; приведение" (<б=уцин "привести").

Выше мы обратили внимание на то, что элемент =ав= (в суф. =аву) наличен и в формах итератива (б=уц=ав=ан "приводить многократно"). В обоих случаях гласные а долгий и совпадение элементе =ав= в двух формативах - =ав (ан) и =ав=(у), видимо, явление не случайное. Масдарная форма образуется и от глаголов длительного вида (дюратива), причём эта форма имеет инфикс дюратива =л= и редуплицированный корневой согласный (такая не основа характерна и для причастий настоящего времени длительного вида): б=уцлан "приводить" – буцлац=аву "приведение" (ср. буцлац=и=сса "приводимый"). Разница между обеими формами масдара в том, что масдары длительного вида показывают ход, протекание самого действия, процесса, а

масдары однократного (недлительного) вида результат (завершение) действия. В связи с этим форму масдара длительного вида можно соотнести с глаголом (инфинитивом) длительною вида (типа б=уц=л=ан "приводить"), а форму недлительного вида с глаголами (инфинитивами) однократного вида (типа б=уц=ин "принести") и повторяющегося вида, итератива (типа б=уц=ав=ан "приводить многократно"), которые в отличие от дюративной формы передавали понятие совершенного вида. Поэтому форма б=уц=аву соотносится с формами б=уц=ин и буц=ав=ан, выражающими завершённость, результат действия (хотя и с интервалами). В таком случае масдарная форма однократного (недлительного, завершённого) вида может быть исторически признана отглагольным именем существительным, образованным от формы итератива, имеющего аффикс=ав=, при посредстве суф. =у, широко используемого, кстати, при образовании отглагольных имен существительных - как названий вещей, явлений, так и названий лиц (ср. бюхъ=у "умение", чич=у "писатель"), т,е. форма буц=аву образована не от буц=+=аву, а от б=уц=ав=+=у > буц=ав=у > буц=аву. Форматив масдара =аву по происхождению является сложным и состоит из инфикса =ав= и суф. =у. В процессе развития языка и переразложения этот сложный аффикс стал нечленимым и отдельным морфемным элементом, образующим масдарную форму и от глаголов длительного вида.

Масдары совмещают в себе признаки и глагола и имени. Отглагольные имена действия "тяготеют к субъекту действия, если образованы от непереходных глаголов (плач ребёнка – genetivus subjektivus), но ориентируются на объект действия, если образовались от переходных глаголов (воспитание ребёнка – genetivus objektivus" (305, 29).

Масдарная форма с изменяемыми классными показателями выражает действие или состояние соотнесенное с каким-нибудь определённым (по классу) лицом или предметом, но само имя действия имеет одновременно и значение абстрактного имени существительного. Таким образом, масдары

являются не только именами действия (nomina actionis), но и отглагольными именами отвлечённого значения (nomina abstracta). В этой связи все масдары, независимо от наличия или отсутствия в основе классных показателей относятся, подобно отвлечённым именам существительным к IV классу и требуют согласования соотносимых классных форм при посредстве показателей д и р (хотя нередко в сложных предложениях встречаются случаи нарушения согласования классных масдаров с относящимися к нему словами): б=уч1ан "придти" – б=уч1аву "приход".

Масдарные формы от ряда глаголов употребляются и как масдары - отглагольные "имена действия", и как имена существительные, т,е, как субстантивированные месдары: б=ан "сделать", аву (б=аву, д=аву) "делание", но даву "работа; дело"; б=акьин "согласиться, помириться", акьаву (б=акьаву, д=акьаву) "согласие; примирение", но дакьаву "мир"; талатаву 1."сражение"; 2."битва"; лахъаву 1."возмещение"; 2,"возмещение убытков; контрибуция". Субстантивированными масдарами являются имена существительные: заву "работа; занятие"; ччаву "любовь"; щаву "рана", ц1уц1ав(у) "болезнь; досада"; оьвчаву "обращение, призыв". При субстантивации некоторых масдаров гласный а в афф. =аву теряет свою долготу и они полностью переходят в разряд имён существительных, ср.: ччаву "любовь", но ччаву "хотение"; щаву "рана", но щаву "толкание", ц1уц1ав(у) "болезнь, досада", но ц1уц1аву "боль". Ряд масдаров субстантивировался с показателем класса вещей д (IV кл.): *даву* "работа"; *дакьаву* "мир", *дуккаву* "учёба; образование". В этих именах инициальный д является уже окаменелым классным показателем; ср. и авар. *рокьи* "любовь", являющееся субстантивированным масдаром с окаменелым классным показателем р (экспонентом бывшего IVкл.) (306, 90-91).

Масдарная форма от глагола хьун "стать" - шаву "становление" употребляется в качестве суффиксоида и образует абстрактные имена существительные: *ххувшаву* "победа", *хъиншаву* "выздоровление". С масдарной фор-

мой этого же глагола увязывается и наиболее продуктивный суффикс абстрактных имён существительных в лакском языке *=шиву*.

В лакском языке представлено несколько имён существительных, являющихся, по-видимому, субстантивированными масдарами: *даккаву* (уст.) "собрание"; *лагаву* "сливочное масло"; *леххаву* "тревога; призыв о помощи"; *нигьач1аву* "угроза". Хотя эти имена и напоминают формы масдара, не имеют соотносимых глагольных основ или не обнаруживают семантических связей с глаголами, имеющими корневые морфемы, идентичные таковым же элементам в указанных словах, ср.: *лаг=аву* (в шадн.д. *лага=шиву*) "сливочное масло" и глагол *лаг=ан* "уйти". Вероятно, глагольные основы, от которых образованы эти имена, в языке не сохранились. Возможно, в имени *даккаву* "собрание" сохранилась исходная классная основа глагола с редуплицированным корневым согласным *ккаккан* "увидеть" (о происхождении таких глаголов см.выше); к тому же семантика глагола ккаккан допускает такое сближение, ср. совет ккаккан, маслих1ат ккаккан "посоветоваться", т.е. даккаву означало "(собрание) для совета; совещание; советование" (и в русском языке отмечается связь слов "совещание" и "совет"). Слово нигьач1аву "угроза" является сложным: нигь= "страх" и =(а)ч1=аву - масдарная форма какого-то глагола (может быть здесь имеем глагол б=уч1=ан "придти; явиться, случиться"). Эта же основа встречается и в имени существительном с суф. =ин: нигьач1=ин "угроза, опасность".

Другим видом отглагольного имени существительного является форма, которую мы называем субстантивным оптативом. Эта форма желательного наклонения, которая отличается от сугубо глагольного будущего желательного времени, образуемого при посредстве форманта *=нав*, выражает пожелание без ярко выраженного оттенка времени и выступает как имя существительное, изменяясь по падежам и образуя формы множественного числа, формантом этого субстантивного оптатива является *=иву: аьва биву* "тот, которому да простят грехи", мн.ч. - *аьпа биву=хъул*. Но в речи чаще употребля-

ется форма с конечным *=й: =ивуй: вилах лещиву=й!* "Да погаснет очаг!" Видимо, этот *=й* по происхождению элемент звательной формы, слившийся с формантом субстантивного оптатива *=иву*. Следует отметить, что такой же оптатив характерен и для даргинского языка, но эта форма здесь совпадает с основой глагола (20, 149).

Отглагольные имена существительные со значением действия и состояния образуются от инфинитива (основы краткого причастия будущего времени) и кратких причастных форм настоящего и прошедшего времён при посредстве суф. абстрактных имён *=шиву*: *уч1ан=шиву* "то, что он придёт"; *увк1=шиву* "то, что он приехал", *ук1лак1и=шиву* "то, что он приезжает", *уч1ай=шиву* "его приезд". Такое образование отглагольных имён существительных используется при придаточной части сложных и осложнённых предложений. Кроме того, эти же формы допускают возможность замены суф. *=шиву* суф. атрибутивных имён *=сса*, т.е. они становятся полными причастиями.

Образование отглагольных имен существительных от основ причастий при посредстве суффикса абстрактных имён известно даргинскому и табасаранскому языкам. В даргинском такие имена образуются при посредстве суф. *=деш* (иногда и при посредстве форманта атрибутивов *=ил*), а в табасаранском языке при посредстве суф. *=вал* (20, 192; 275, 121).

Отглагольные имена указанных видов сохраняют связь с глаголами, но лакскому языку известны и другие отглагольные имена, которые не сохраняют связь с глаголами и полностью переходят в разряд имён существительных. Таковыми являются имена лиц, образуемые от корня глагола при посредстве суф. *=у; чич=у* "писатель", *дахху* "продавец". Иногда этот же суффикс образует названия предметов: *бюхъу* "умение", *бивк1у* "смерть" и др.

ПРИЧАСТИЕ

Лакские причастия (полные) образуются при помощи тех же аффиксов, что и оформленные (полные) прилагательные: =сса (для всех классов); =ма (для I кл.), =мур (для II ,III и IV кл.); =мий (мн.ч, для всех кл.).

Для образования основ кратких причастий в лакском языке использованы различные основы.

Причастие настоящего времени недлительного вида образуется от корня глагола при помощи суф. =ай (эта же основа является и формой 3 л. настоящего времени), а длительного вида удвоением корневого согласного с последующим гласным =и: б=аххан "продать"; б=аххай=сса "продающий"; продаваемый" (вообще); ср. формы длительного вида: б=ахлахи=сса "продающий, продаваемый" (в данный момент).

Следует отметить, что формант =ай служит и аффиксом деепричастия настоящего времени, образуемого от основы длительного вида: д=ахл=ай "продавая". В связи с этим в современном языке прослеживается тенденция к унификации основ и очень часто, в особенности в говорах, причастие настоящего времени длительного вида использует эту основу в качестве краткой: бахлай=(=сса) вместо бахлахи =(сса).

Основа причастия будущего времени совпадает с формой инфинитива: б=аххан "продать"; б=аххан=сса "то, что должны продать".

Обращает на себя внимание факт совпадения форматива причастий и деепричастий настоящего времени =(а)й с формативом одного из локативных падежей - аффикса суперассива =й. Это совпадение не случайное и свидетельствует об использовании одних и тех же формантов в локативных падежах и в причастиях и деепричастиях. Возможно, исходной была функция локативного падежа, а вторичной в отглагольных именах.

Причастие прошедшего времени образуется от корня глагола - атрибутивный суффикс присоединен к корню непосредственно или иногда между ними появляется гласный у: лавг=сса "ушедший"; но кьувкь=у=сса "отрезанный". Причастия прошедшего времени отличаются от причастий настоя-

щего и будущего времени некоторыми особенностями. В первую очередь, в отличие от причастий настоящего и будущего времени, которые образуются от всех глаголов-инфинитивов, перфектное причастие образуется не от всех глагольных основ. Примерно из 210 первичных глагольных основ - инфинитивов оно образуется у около 180 корневых глаголов (269, 22). Причастие прошедшего времени не образуют около 30 неклассных корневых глаголов. Сюда относятся глаголы длительного вида, как односложные (т1ун "говорить", зун "работать"), так и многосложные, в основе которых имеется показатель длительного вида л или и (кванан "есть; кушать"; цулун "косить").

Самым существенным отличием причастий прошедшего времени от остальных является то, что в них (в основах перфектных причастий) категория классов находит большее выражение, чем в других основах. У всех причастий прошедшего времени (за исключением причастий от глаголов хьун "стать", щун "столкнуться"), образованных как от классных, так и неклассных корневых глаголов, появляется инфиксальный классный показатель. Единственное исключение из этого правила - глагол б=агьан "упасть; случиться", который в кумух. и вицх. диалектах в перфектном причастии не принимает инфиксального классного показателя: б=агьсса "упавший". Однако в аштикулин., шадн. диалектах этот глагол образует причастие прошедшего времени по общему правилу и принимает инфиксальный классный показатель: б=ав=гьсса "упавший" (268, 183).

Глагол б=улун "отдать" также не имеет в перфектной основе инфиксального классного показателя: уллу=сса (б=уллу=сса, д=уллу= сса) "отданный". Однако в этой основе вместо инфиксальных классных показателей =в= и =р= перед корневым согласным (=л=) представлен =л=, появление которого объясняется фонетическими особенностями и преодолением нехарактерных для лакского языка комплексов согласных в инлауте: *д=у=р=лу= > дулу=, (*у=в=лу= > уллу=, *б=у=в=лу= > буллу=), т.е. =рл= > =лл=, а комплекс =вл= также замещен =лл= (в силу тенденции в унификации перфект-

ной основы и нехарактерностью =вл= в инлауте - все основы с подобным сочетанием иноязычные по происхождению). Наличие =лл= в этом случае - примета перфектной основы, а первый =л= - рефлекс былого инфиксального классного показателя.

В перфектном причастии от глагола ан (бан, дан) "сделать" второй классный показатель выступает перед атрибутивным суффиксом: у=в=сса (б=у=в=сса, д=у=р=сса "сделанный".

При образовании основ причастий прошедшего времени двусложные (resp. многосложные) неклассные глаголы (образующие перфектное причастие) становятся как бы классными и принимают инфиксальные классные показатели: кьакьан "высохнуть": кьа=в=кь=сса (кьа=р=кь=сса) "высохши".

У некоторых неклассных глаголов, имеющих в своём составе предшествующий инфинитивным формантам =ан, =ин, =ун корневой й (лийан "испортиться", ххийин "разбегаться" и др.), в перфектных причастиях инфиксальный классный показатель становится суффиксальным и выступает непосредственно перед атрибутивными окончаниями: ли=в=сса (ли=р=сса) "испорченный". Появление такого суффиксального классного показателя, который в кратких формах подобных причастий оказывается ауслаутным (ли=в, ли=р "испорченный") объясняется фонетическим процессом выпадения конечного корневого й после инфиксального классного показателя, появляющегося в основах перфектных причастий: лийан "испортиться"; *ли=в=й=сса > ли=в=сса "испорченный".

Как было отмечено, односложные неклассные корневые глаголы не имеют причастных форм прошедшего времени. Исключение составляют глаголы хьун "стать" и щун "тронуть"; "попасть в цель". При образовании перфектных причастий они остаются неклассными; хьу= сса, щу=сса. Однако в отрицательных формах этих же причастий перед ними после отрицания къа= появляются инфиксальные классные показатели в и р: къа=в=хьусса "не смогший", къа=в=щусса (къа=р=щусса) "нетронутый". Возможно это объяс-

няется тем, что эти основы в данном случае воспринимались как исходные и как в последних появлялся инфиксальный классный показатель при образовании причастий: къащун – къа=в=щусса, ср. бищун – би=в=щусса.

Особый интерес вызывает появление инфикса - второго классного показателя у классных глаголов и появление такого же показателя у неклассных глаголов. Чем это объяснить? Каковы функции этого показателя - ведь он указывает на тот же класс, что и префиксальный классный показатель, содержащийся и в исходной основе.

У инфиксального классного показателя в основе перфектного причастия, кроме выражения классного согласования (как и у префиксального показателя), имеется несомненно и другая функция - он должен был выражать какую-то морфологическую категорию. Выражать же второй раз только класс необходимости не было, так как такой показатель в виде префикса имелся у большинства лакских глаголов, образовывавших перфектное причастие.

Следует отметить, что такой же классный показатель представлен и в основах перфектных личных форм и перфектного деепричастия, которые совпадают с основой причастия (б=у=в=к1=(сса) "пришедший; б=у=в=к1=(ун) "придя", б=у=в=к1=(ру) "пришли"; б=у=в=к1=(ра) "пришла"; т.е. инфиксальный классный показатель представлен в перфектных основах.

В специальной литературе высказано предположение, что инфиксальный классный показатель в перфектных основах лакского языка использован в качестве форматива глагольного аспекта (вида) (268, I90; 269; 22; 112, 24), временные же формы глагола возникли впоследствии из этих форм.

Нетрудно заметить, что исходным для этого предположения служит известное из литературы мнение об отсутствии первоначально во многих языках, например, в индо-европейских, глагольных форм времени. "Обычно предполагается, что индоевропейские языки первоначально не имели глагольных форм времени, а выражали различные виды - совершенный, несо-

вершенный, мгновенный, длительный; начинательный и другие - и что на основе этих видовых различий постепенно возникали системы временных форм, которые мы находим в древнейших индоевропейских языках и которое послужили базой для современных систем" (122, 334; см.также: 189, 86; 33, 300).

В категории аспекта (вида) в первую очередь выделяются действия "точечное" (совершенное, мгновенное, моментное, перфективное) и "длительное" ("дюративное", несовершенное, протяжённое, имперфективное). В истории спряжения грузинского глагола выделяются два начальных аспекта, которые различались по характеристике протекания самого действия (в длительном его протекании или без последующего движения, как действия законченного), и легли в основу образования временных форм: дюративиый (пермансив) и моментный (аорист) (286, 91-97).

Говоря о временных формах удинского языка, Б.К.Гигинейшвили указывает, что изначально удинский глагол различал только виды, без какого-либо указания на время, наклонение или залог. Было два вида: длительный и моментный. Эти два вида в современном удинском языке соответственно сохранены в формах аориста и прошедшего совершенного (76, 383; 109, 96). Как видно, перфектные формы в удинском языке базируются на "моментном" аспекте.

Возникновение временных форм из аспектных прослеживается и в других иберийско-кавказских языках, например, в агульском и бацбийском (174, 157; 59, 266).

В литературе имеется положение о связях инфиксального классного показателя в перфектных основах лакских глаголов с категорией аспекта и о возникновении на его базе категории времени (110, 94; 112,11-12). До возникновения категории времени существовало деление по аспектам: дюративный, выражающий незаконченное, продолжающееся действие и моментный, выражающий законченное, прерванное действие, для выражения мо-

ментного аспекта и различения его от дюративного, был использован классный показатель между префиксом и корневым согласным. Для глаголов с префиксальными классными показателями этот инфиксальный классный показатель становится вторым, но он использован для образования аспекта (б=а=в=ттун "избив" - моментный аспект; б=ат=л=ай "избивая" - дюративный аспект). Синтаксические же функции префиксального и инфиксального классного показателя совпадают - оба выражают грамматический класс.

Впоследствии, когда на базе категории аспекта образовалась категория времени, для образования форм прошедшего времени (перфектных форм) была использована основа моментного аспекта. Кстати, и Л.И. Жирков также отмечал, что эти глагольные основы в лакском языке "выражают прошедшее время с характером однократного, недлительного, законченного действия" (128, 82). В связи же с тем, что действующей функцией классного показателя в составе глагольной основы является синтаксическая, то классные глаголы в одной функции - для выражения субъектно-объектных отношений стали принимать два классных показателя.

Появляющиеся в перфектных основах инфиксальные классные показатели С.М.Хайдаков квалифицирует как морфемы, факультативно являющиеся аффиксами перфектного причастия или в качестве показателей форм, выражающих законченное действие, т.е. признают в них показателей и других грамматических категорий (269,22-24).

Хотя в синтаксическом отношении инфиксальные классные показатели в перфектных основах равнозначны префиксальным классным показателям, в морфологическом отношении они являются специальными морфемами важнейшей глагольной категории - категории аспекта (вида) точнее моментного аспекта, на базе которого образовалась перфектная группа глагольных основ.

Использование классных экспонентов для выражения категории глагольного аспекта не представляется необычным. Общеизвестно, что катего-

рия классов универсальная грамматическая категория, проявляющаяся в различных основах и связанная с выражением различных морфологических и синтаксических понятий. И для выражения важной глагольной категории - категории моментного аспекта и форм, выражающих законченность действия - лакский язык использовал категорию классов и ее экспоненты. Но выполняя эти функции, классные экспоненты как-бы противопоставлены обычным префиксальным классным показателям и отличаются от первых своим местом в составе основы - выступают в инлауте слова, в виде инфиксальных классных показателей.

При классных причастиях от непереходных глаголов классные показатели и атрибутивный суффикс относятся к одному лицу: у=в-к1=сса адимина (д=у=р=к1=сса щарсса) " пришедший мужчина" ("пришедшая женщина"; ср. также: у=в=к1=ма адимина (д=у=р=к1=мур щарсса) "пришедший мужчина" ("пришедшая женщина"). Здесь имеем одностороннюю префиксально-суффиксальную координацию (номинативно-субъектную). Однако непереходное причастие может иметь и другое согласование (двустороннюю координацию): адимина у=в=к1=сса ч1ун (щарсса д=у=р=кl=сса ч1ун), ср. адимина у=в=к1=мур ч1ун (щарсса д=у=р=к1=мур ч1ун) "время, в которое пришел мужчина (женщина)".

Причастия от классных переходных глаголов имеют двоякое согласование.

1) В причастии и классные показатели, и атрибутивный суффикс относятся к номинативно-объектному существительному, а субъект не имеет никакого согласования (односторонняя координация):

Адиминал д=у=р=хъу=сса хъу "Мужчиною вспаханное поле". Адиминал д=у=р=хъу=мур хъу "Мужчиной вспаханное поле".

2) В причастии классные показатели относятся к номинатино-эбъектному существительному, а атрибутивный суффикс к номинативно-субъектному существительному (двусторонняя координация).

Хъу д=у=р=хъу=сса адимина "Мужчина, вспахавший поле". Хъу д=у=р=хъу=ма адимина "Мужчина, вспахавший поле".

Приведенный последний пример подтверждает слова А.С.Чикобавы том, что "в причастиях переходных глаголов префиксом обозначается класс объекта, суффиксом - класс субъекта" (284, 71).

Говоря о залоговой дифференциации приведенных выше причастных форм, можно отметить, что причастие само по себе не имеет залоговой дифференциации, т.к. не находит специального морфологического выражения и морфологически индиферентно, нейтрально, хотя и выражает значение и действительного и страдательного залогов. Причастие д=у=р=хъу=сса в изолированном виде может передавать и действительное и страдательное значение: "вспахавший и "вспаханный". П.К. Услар отмечал, что в лакском языке "причастия могут иметь действительное и страдательное значение, что определяется различием конструкции" (256, 149; см.также: 313,43).

З.Г.Абдуллаев придерживается мнения, что в дагестанских языках "нет действительных и страдательных причастий самих по себе, а есть причастные словосочетания, выражающие противопоставляемые значения действительного и страдательного залогов". Залоговая же дифференциация определяется не морфологическим, а синтаксическим путём - характером синтаксической связи причастий с субъектно-объектными именами: наличие двусторонней координации - признак действительного значения причастия, а наличие односторонней координации - признак страдательного значения причастия (4, 170, 184, 176).

Хотя одна и та же форма причастия может передавать значение обоих залогов, в морфологическом отношении данная основа нейтральна. Вообще сам переходный глагол в своей основе в залоговом отношении является нейтральным, но использованием различных аффиксов дает возможность выразить содержание и действительного и страдательного залогов (284, 69; 292, 15-16; 298, I68).

Нейтральный характер основы лакских причастий особенно проявляется тогда, когда они выступают в краткой форме - без атрибутивных суффиксов и частично теряют свою координацию с относящимися к ним именами и, стало быть, не могут выражать полностью значения действительного и страдательного залогов при помощи содержащихся в основе формантов:

Хъу д=у=р=хъу адимина "Человек, вспахавший поле".

Адимивал д=у=р=хъу хъу "Поле, вспаханное человеком".

Ср.: Хъу д=у=р=хъу=ма адимина "Человек, вспахавший поле".

Адиминал д=у=р=хъу=мур хъу "Поле, вспаханное человеком".

Для определения залоговой дифференциации кратких форм причастий особенности координации не могут иметь роли, т.к. краткая форма д=у=р=хъу в действительном и страдательном значении одинакова, в отличие от полных форм дурхъума (действит.залог) и дурхъмур (страдат.залог).

ДЕЕПРИЧАСТИЕ

Лакский язык, как и другие дагестанские языки, очень богат различными глагольными формами адвербиального значения. В литеретуре по лакскому языку вое эти формы считаются деепричастиями (абсолютивами). Следуя сложившейся традиции все эти формы рассматриваются вместе с деепричастиями, однако необходимо разграничивать собственно деепричастия (абсолютивы) и обстоятельственные формы глагола (135, 224),

Для лакского языка характерны деепричастия настоящего, прошедшего и будущего времён (117, 297).

Деепричастия настоящего времени образуются от основы глагола длительного вида при посредстве аффиксов =(а)й, =(и)й, =(у)й (ср. и формант причастия настоящего времени =(а)й, присоединяемый к основе недлительного вида); видимо, собственно показателем в данном случае является =й, а предшествующие звуки - тематические гласные: б=аххан "продать", б=ахлан "продавать": б=ахл=ай "продавая".

Деепричастие прошедшего времени образуется от краткой формы перфектного причастия при посредстве суффикса =ун (=уну): бавхху=ну "продав". Как и все перфектные причастия, деепричастия прошедшего времени содержат инфиксальный классный показатель, являющийся специальным аффиксом совершенного вида (законченности действия).

Деепричастия будущего времени образуются от формы инфинитива при посредстве аффикса =ну: б=уцин "взять, привезти": б=уцин=ну "так, чтобы было можно взять, привезти".

В деепричастиях прошедшего и будущего времён общим аффиксом выступает =ну и этим они отличаются от деепричастий настоящего времени, не имеющего такого аффикса (у них аффикс =(а)й совпадает с формативом кратких причастии =(а)й). Однако данные балхарского диалекта и "длительные" формы деепричастий указывают и на использование общего адвербиального аффикса и в формах деепричастий настоящего времени. В балхар. диалекте деепричастия настоящего времени имеют, помимо аффикса =(а)й, и =н, наращиваемый к последнему: чичл=ай=н (вместо литерат. =ай) "записывая" (269, 33).

В "длительных" формах деепричастий настоящего времени (во всех диалектах) также присутствует общий адвербиальный элемент =н=: чичл=ай "записывая", ср. чичлай=н=а < *чичлай=н=ва (чичлай=н=ма < чичлай=н=ба, чичлай=н=на < чичлай=н=да) "всё время записывая; продолжая писать". В этих формах, за вычетом классных аффиксов =а (=на, =ма), показывающих постоянство, длительность действия или состояния, имеем основу чичл=ай=н, являющуюся обычной формой деепричастия настоящего времени в балхар.диалекте. В свете сказанного, вполне правдоподобным является предположение, высказанное С.М.Хайдаковым, о том, что деепричастия настоящего времени в балхарском диалекте сохранили исходное состояние, а в других диалектах аффикс =н в настоящем времени был утерян, т.к. он оказался избыточным - значение деепричастия передавала и форма, образован-

ная от длительного вида при посредстве аффикса =(а)й, хотя последний образовывал и причастные формы, но от основ недлительного вида. Образованные в прошлом в лакском языке деепричастия всех времен при посредстве одного аффикса (=н=) подтверждают и данные даргинского языка, в котором общим аффиксом деепричастий всех времён служит один аффикс (=ли).

По морфологическим особенностям и использованием тех или иных глагольных основ для образования деепричастий лакский язык близок к даргинскому: оба языка для абсолютивов будущего времени используют формы инфинитива. С другой стороны общий адвербиальный аффикс лакского языка =н(у) проявляет материальную и функциональную близость к авар. =(у)н, являющемуся аффиксом деепричастия прошедшего времени. Этот аффикс один из древних в грамматическом строе этих языков, причём он представлен и в ряде других дагестанских языков – табасаранском, цахурском, дидойском. Этот аффикс, который может быть возведён к эпохе дагестанского языкового единства, унаследован многими языками и сохранился почти без изменений.

Обстоятельственные формы глагола выражают обстоятельственные отношения места, времени, цели, причины, образа действия. Для этих форм характерны различные аффиксы, в большинстве случаев сложные - состоящие из двух и более простых суффиксов. По происхождению аффиксы обстоятельственных форм связаны с падежными, в первую очередь с аффиксами местных падежей. Производящими основами служат краткие причастия настоящего и прошедшего времён, инфинитив; значение обстоятельственных форм приобрели некоторые падежные формы отглагольных имён – масдара.

Обстоятельственные формы места имеют особую серию местных падежей, образуемую при посредстве суф. =ний (он же образует и падеж "покоя"). Данный аффикс состоит из элемента косвенной основы атрибутивных имён =ни= и формативa суперэссива =й. Формы падежей "движения" обра-

зуются как и в других местных падежах: ласай=ний "там, где берут"; ласай=ни=н "туда, где берут"; ласай=ни=й=а (ту) "оттуда, где берут". Аффикс =ний служит и для образования локативных форм не только в глаголах, но в ряде именных основ - от кратких прилагательных (лахъ=ний "там, где высоко"), от форм дательного падежа многих местоимений (зун=ний) " (в доме) у вас") и собирательных имён с суф. =хъул (бута=хъан=ний " (в доме) у отца"). Использование аффикса =ний в именных основах носит менее регулярный характер и является инновацией, вызванной аналогией, в частности, краткие прилагательные, аналогично кратким причастиям, начали образовывать с помощью аффикса обстоятельственных форм места глагола локативные формы. Кроме того, здесь могла проявиться тенденция к обобщению (генерализации) грамматического значения и формообразовательных возможностей аффикса =ний.

Наиболее распространены и богаты в количественном отношении обстоятельственные формы времени. Для их образования используются следующие аффиксы:

=ни: от основ кратких причастий обоих видов настоящего времени образует формы, выражающие одновременность действия: чичай=ни (чичлачи=ни) "тогда, когда писал (пишет)";

=нин: от основы инфинитива образует формы, передающие значение "до того, как; до; пока": уч1ан=нин "до того, как придет";

=кун: от основ кратких причастий прошедшего времени образует формы, передающие значение действия, совершившегося до начала другого: увк1укун "когда пришёл...; после того, как пришёл". В аффиксе выделяется корневой к (< учин < укин) "сказать" и адвербиальный аффикс =(у)н.

=хтту (в аштикулин. д. =х): от основы краткого причастия настоящего времени образует формы со значением "как только": уч1ай=хтту (в аштикул. д. уч1ай=х) "как только пришёл". Афф. =хъту (//=хту) - сложный и состоит из =х (ср.афф. постэссива и транслатива =х) и адвербиального афф. =тту (ср.

лур=тту "внизу", ял=тту "сверху"). Первоначально, видимо, возникла форма с афф. =х, к которой присоединился адвербиальный афф. =тту.

Обстоятельственные формы цели образуются от инфинитива при посредстве аффиксов =шиврул (род.п. от =шиву) и устаревш. =шиврухлуну (состоит из постэссива =шивру=х + адверб. афф. =лу и =ну): уч1ан=шиврул "для того, чтобы придти", уч1ан=шиврулхлуну "за то, чтобы придти". Для старописьменных памятников характерны формы именно этого типа. В современной речи в значении обстоятельства цели более употребительной становится сама форма инфинитива.

Обстоятельственные формы причины образуются при посредстве грамматикализованного деепричастия настоящего времени т1ий (< т1ун "говорить") и афф. =кун. Первый из них присоединяется к деепричастиям прошедшего времени: лавсун=т1ий "из-за того, что взяли". Афф. =кун присоединяется к форме краткого причастия прошедшего времени: лавсу=кун "из-за того, что было взято".

Аффиксами обстоятельственных форм образа действия служат =кун и =вай (=вайк). От основы краткого причастия настоящего времени афф. =кун образует формы со значением "так, как должно быть (следует)": ик1ай=кун "так, как должно быть". Аффикс =вай (=вайк) от глаголов многократного вида образует формы со значением близости завершения действия: уч1=а=вай(к)ур "вот-вот придет".

Особенностью аффиксов обстоятельственных форм глагола является то, что один и тот же аффикс употребляется в нескольких значениях - времени, пространства, образа действия, цели и т.д. Нередко эти аффиксы наслаиваются один на другой, образуя "цепочки" аффиксов, впоследствии могущих стать и самостоятельными (хотя и сложными по происхождению) аффиксами.

Обстоятельственные формы лакского глагола, их значение и роль в образовании синтаксических связей в предложениях аналогичны соответст-

вующим формам в других дагестанских языках, в частности в даргинском, и показывают их однотипность и типологическую близость, одинаковые пути их возникновения.

СПРЯЖЕНИЕ ГЛАГОЛА

Глагольный строй дагестанских языков, при их большой близости меж собою, обусловленной генетическим родством и общностью происхождения, проявляет весьма существенные различия. Эти различия проявляются и в различных типах спряжения: глаголу аварского языка присуще изменение только по классам (классное спряжение), а для глагола лакского, даргинского и табасаранского языков характерно изменение как по классам, так и по лицам (классно=личное спряжение.

Категория лица в иберийско-кавказских языках возникла на основе такой системы глагола, для которой было характерно только изменение по классам. Л.И.Жирков отмечает, что "единство системы согласования по классам во всех дагестанских языках, - безразлично, имеются ли в них личные окончания глагола или нет, - заставляет признать, что выражение глагольных лиц в этих языках создавалось на основе такой системы глагола, которая знала лишь согласование по классам" (130, 84). Что касается личных суффиксов, то они либо местоименного, либо глагольного происхождения.

Зарождение личного спряжения (в зачаточном состоянии) наблюдается и в настоящее время в чарском диалекте аварского языка (306, 235), в северном наречии ахвахского языка (161, 79-83), в арчинском языке (138, 221). Зарождение ддет обычно путём противопоставления одной из форм двум остальным - 1 лица 2 и 3 лицам (как в чарском диалекте аварского языка и в северном диалекте ахвахского языка) или же 3 лица 1 и 2 лицам (как в арчинском языке). Зарождение личных форм происходит путём реинтерпретации классных экспонентов, например, в арчинском языке.

При классно-личном спряжении в глаголе представлены как категория класса, так и категория лица. Система согласования по классам и при класс-

но-личном спряжения та же, что и при классном спряжении. При классно-личном спряжении, например, в даргинском языке, глагол обычно согласуется с тем именем, которое стоит в именительном падеже (объектом при переходном и субъектом при непереходном глаголе) (20, 145). Личные окончания при непереходном глаголе указывают на лицо субъекта, а при переходном глаголе, как правило, на объект.

В лакском языке категория лица, как и в других языках с классно-личным и личным спряжением, образовалось в глаголе позднее, чем категория грамматических классов (296, 125; специально см.: 58, 138-144). В лакском глаголе лица обозначаются суффиксами, а грамматические классы - префиксами и инфиксами.

Во всех временных формах непереходного глагола показатель класса (префикс и инфикс) указывает на класс субъекта, а личное окончание (суффикс) на лицо субъекта.

б=изан "встать"; б=и=в=зун "встав" (дееприч. прош.вр.).

Прошедшее время

единственное число.

1л. на ивз=ра (дирз=ра, бивз=ра) "я встал; встала";

2л. ина ивзун=на (дирзун=на, бивзун=на) "ты встал; встала";

3л. та ивзун=ни (дирзун=ни, бивзун=ни) "он встал; она встала".

Множественное число,

1л. жу бивз=ру (I, II, Ш кл.) жу дирз=ру (IV кл.) "мы встали";

2л. жу бивзун=ну зу дирзун=ну "вы встали";

3л. тай бивзун=ни тай дирзун=ни "они встали".

В приведенных выше формах непереходного глагола и классные показатели и личные окончания относятся к одному лицу - субъекту, т.е. непереходный глагол носит моноперсональный характер.

Личные окончания в лакских глаголах исследователи возводятк вспомогательным глаголам и считают спрягаемыми формами вспомогательного

глагола "быть", "наличествовать", "существовать", имеющего только формы настоящего и прошедшего времён; эти формы в результате слияния с различными основами стали выполнять функции личных аффиксов, т.е. последние в лакском языке не местоименного, а глагольного происхождения (206, 18; 169, 318; 250, 381); ср. однако мнение С.М.Хайдакова об их местоименном происхождении (27, 154).

Настоящее время

1л. на (б=, д=)ура "я есмь"; жу (д=)б=уру "мы есмь";

2л. ина (б=, д=)ура "ты еси"; зу (д=)б=уру "вы есте";

3л. ва (б=, д=)ур(и) "он есть"; вай (д=)б=ур(и) "они суть".

Прошедшее время

1л. на (б=, д=)ияв "я был"; жу (д=)б=ияв "мы были";

2л. ина (б=, д=)ияв "ты был"; зу (д=)б=ияв "вы были";

3л. ва (б=, д=)ия "он был"; вай (д=)б=ия "они были".

(В прошедшем времени в этом вспомогательном глаголе гласный первого слога у перешёл в и: у=йа > и=йа, ср. вицх. у=йа).

Все личные аффиксы лакского глагола восходят к этим формам вспомогательного глагола, точнее - к окончаниям =ра, =ри, =ру - в большинстве временных форм, =а, =в - в некоторых формах. Например, в форме (ина) ивзун=на "ты встал" выделяются: ивзун - деепричастие прошедшего времени и личное окончание =на, возводимое к вспомогательному глаголу (у)ра, т.е. ивзун + (у)ра > ивзун=ра > ивзун=да > ивзун=на.

Видимо, до возникновения личных глагольных форм возникли приведенные выше формы вспомогательного глагола (вначале - настоящего, а впоследствии и прошедшего времени). В них выделяются глагольная основа - причастие настоящего времени - у (б=у, д=у) "сущий" и личные окончания =ра, =ри, =ду - в настоящем времени и =(й)а а, =в - в прошедшем времени. Н.С.Джидалаев высказал предположение, что согласные в этих аффиксах р и в восходят к классным показателям, т.е. лакский язык при возникновении

категории лица использовал имеющиеся у него морфологические средства - экспоненты грамматических классов (111,70-71).

По нашему мнению, приведенные выше формы вспомогательного глагола возникли в результате слияния глагольной основы у (бу, ду) с утвердительной частицей, служившей для выражения предикативности - да (I и 2 л. ед.ч.), ди (3 л. ед. и мн.ч.), ду (I и 2 л. мн.ч.), которая употребительна и в современном языке (ср. та студент ди // та студентри "он студент"). Видимо, первоначально эта частица не различалась по лицам (*ди?), а затем стала согласовываться с личными местоимениями I и 2 лиц и гласные в этой частице изменились в процессе приспособления их к формам личных местоимений под влиянием гласных окончаний последних, ср. на, ина - да; жу, зу - ду (313, 42). Первоначально же в лакском языке лица стали различаться лексически - с помощью предикативных частиц. В результате слияния глагольной основы у (бу, ду) с ними возникли формы вспомогательного глагола, использованные впоследствии для образования личных форм в различных временных формах лакского языка, т.е. предикативные словосочетания превратились в вспомогательные (служебные) глаголы и стали подвергаться грамматизации. Нет основании предполагать, что частицы - лексемы - получены из морфем - личных аффиксов. После слияния глагольной основы у (бу, ду) с отмеченными частицами интервокальный д закономерно перешёл в р: *у=да > у=ра.

В прошедшем времени использовалась, видимо, частица *а*, перед которой развился й окончание =в возникло, по-видимому, относительно недавно в процессе развития личного спряжения.

Следует отметить, что вопрос о категории лица и его генезисе в лакском языке является объектом специального исследования (см.: 58) и мы ограничиваемся указанием тех мнений, которые существуют по этому вопросу в специальной литературе.

Особого внимания заслуживают факты, говорящие о наличии в аракульском диалекте глагольных временных форм без личных аффиксов, т.е. классного спряжения.

В этом диалекте формы перфектного деепричастия, выступающие в других диалектах в качестве основ личных форм, выступают без личных аффиксов как обычные спрягаемые формы (111, 63; 112, 22). Глагол во всех лицах обоих чисел остаётся неизменным; лица выражены личными местоимениями, выступающими в роли субъекта и объекта:

1л. на дарххун дик1 "я продал мясо";

2л. ина дарххун дик1 "ты продал мясо";

3л. анал дарххун дик1 "он продал мясо".

С.М. Хайдаков отмечает, что глагольная форма без личного аффикса в аракульском диалекте характерна для 3 лица, а приведённый выше факт использования немаркированной личными аффиксами формы деепричастия в качестве спрягаемых форм I и 2 лиц, по его предположению, возможно характерно для речи старшего поколения (268, 24-25).

Указанная особенность перфектного деепричастия аракульского диалекта может быть объяснена двояко: 1) либо она является архаичным и исходным состоянием для современного лакского классно-личного спряжения классным спряжением, а в этом случае можно предположить, что временные формы перфекта в лакском языке - эти деепричастия прошедшего времени, в качестве показателя аспекта - совершенного вида использовались инфиксальные классные показатели; 2) либо глагольные формы аракульского диалекта получены в результате утери конечных личных показателей и по происхождению их следует считать новейшими. Вопрос, несомненно, заслуживает большого внимания и нуждается в специальном изучении.

В "описательных" временных формах непереходного глагола классные показатели причастия (или деепричастия) основного и вспомогательного глаголов относятся к субъекту; к нему же относятся и личные окончания.

Настоящее время

оьрч1 излай ур (I кл.) "мальчик встает"

щарсса д=излай д=ур (II кл.) "женщина встаёт"

ярч б=излай б=ур (III кл.) "телёнок встаёт".

Принцип согласования по грамматическим классам и лицам у непереходного глагола во всех временных формах остается общим.

При переходном глаголе во всех временных формах показатели грамматических классов указывают всегда на объект, а личные окончания - в одних случаях на субъект, в других же случаях на объект. Таким образом, в лакском переходном глаголе может быть представлено два лица, т.е. переходный глагол носит полиперсональный характер.

На (ø)=атта=ра адимина (I кл.) "Я бью мужчину".

На д=атта=ра щарсса (П кл.) "Я бью женщину".

На б=атта=ра бярч (Ш кл.) "Я бью телёнка".

В настоящем "общем" времени переходного глагола личные окончания указывают: 1) на лицо субъекта, если объектом выступают 1, 2 и 3 лица; 2) на лицо объекта, если субъектом является 3 лицо.

1. На б=угь=ра ина (та) "я держу тебя (его)".

2. Танал б=угьа=ра на (ина) "Он держит меня (тебя)".

В настоящем "текущем" времени переходного глагола, которое образуется из сочетания деепричастия и вспомогательного глагола "быть", форма деепричастия согласуется с объектом в классе и числе, а вспомогательный глагол указывает на класс, число и лицо субъекта. На (I кл.) б=угьлай (ø) у=ра та (ина) "я держу (сейчас) его (тебя).1. На (П кл.) (ø)=угьлай д=у=ра та (ина) "я держу его (тебя).

В настоящем "текущем" времени субъект 3 лица может стоять как в именительном (подобно I и 2 лицам), так и в родительном падежах. В первом случае вспомогательный глагол полностью согласуется с субъектом, а деепричастная форма в классе и числе с объектом. Во втором же случае, если

объектом выступает 1 и 2 лица, а деепричастная форма и вспомогательный глагол согласуются с объектом, субъект не находит в глаголе никакого отражения.

Та ина (на) б=угьлай (ø)=ур "Он держит тебя (меня) ". Но:

Танал (род.п.) ина (на) б=угьлай б=у=ра "он держит тебя (меня) ".

В прошедшем несовершенном времени переходного глагола субъект согласуется с вспомогательным глаголом в классе, числе, лице, а объект с деепричастной формой в классе и числе.

На б=угьлай усси=яв та "Я задержал его".

В прошедшем времени переходного глагола личные окончания 1 лица указывают на субъект, а во 2 и 3 лицах личные окончания, показатели класса (и числа) указывают на объект.

1л. На бугь=ав та "Я задержал его (её)".

2л. Ива б=у=в=гьун=ни та "Ты задержал его (её)".

2л. Ина б=у=в=гьун=на на "Ты задержал меня".

3л. Танал б=у=в=гьун=ни та "Он задержал его (её)".

3л. Танал б=у=в=гьун=на на "Он задержал меня".

3 л. Танал б=у=в=гьун=на ина "Он задержал тебя".

В будущем времени переходного глагола субъект 1 лица согласуется с глаголом в лице, а объект согласуется с глаголом в классе и числе; во 2 и 3 лицах все аффиксы в глагольной форме указывают на класс, число и лицо объекта.

1л. На б=угьан=на та "Я задержу его (её)".

2л. Ина б=угьан=ссар та "Ты задержишь его (ее)".

3л. Танал б=угьан=ссар та "Он задержит его (её).

Особенности классного и личного согласования лакского глагола находят своё соответствующее отражение в синтаксических конструкциях, которые представлены в лакском языке.

В научной литературе в лакском языке выделяется три конструкции: номинативная, генетивная (=эргативная) и дативная (242, 10-11; 243, 27-28).

Номинативная конструкция характерна для непереходных глаголов. При этих глаголах подлежащее (реальный субъект) стоит в именительном падеже и морфологически выражено в глаголе-сказуемом в лице, числе и грамматическом классе.

На у =в=к1=ра (б=у=в=к1=ра, д=у=в=к1=ра) "Я пришёл".

Жу б=у=в=к1=ру "Мы пришли".

Дативная конструкция характерна для глаголов "чувственного восприятия", т.е. непереходных глаголов (хочется, нравится и др.). При таких глаголах подлежащее (реальный субъект) стоит в длительном падеже, но не находит морфологического выражения в глаголе-сказуемом; реальный объект (грамматический субъект), стоящий в именительном падеже, согласуется с глаголом-сказуемым в лице, числе и грамматическом классе (244, 5). Говоря иначе, глаголы "чувственного восприятия" (непереходные глаголы) в лакском языке при дативной конструкции приравнены к переходным глаголам - согласуются лишь с реальным объектом.

Сложнее обстоит в лакском языке вопрос о третьей синтаксической конструкции - эргативной, известной во всех иберийско-кавказских языках. Этой конструкции в лакском языке соответствует генетивная конструкция (243, 28; 193, 195; 194, 113-117). Она, как и эргативная конструкция, встречается только у переходных глаголов. При таких глаголах подлежащее 1 и 2 лица ставится в именительном падеже и находит морфологическое выражение в ряде временных форм (1 и 2 лицо настоящего времени, 1 лицо прошедшею совершенного и будущего времён). В данном случае именительный падеж 1 и 2 лиц действующего субъекта выполняет функцию эргативного падежа (267, 334; 280, 255; 3, 195). Следовательно, в лакском языке в одном предложении могут оказаться два именительных падежа - один действующего субъекта, другой - объекта действия. Первый из них имеет личное суф-

фиксальное согласование, второй же - классное префиксальное (и инфиксальное) согласование. Что же касается подлежащего 3 лица, то оно при переходных глаголах стоит в родительном (генетивном, родительно-эргативном) падеже, а в редких случаях (в форме настоящего времени) в именительном падеже (параллельно, наряду с родительным падежом). Подлежащее (реальный субъект), стоящее в родительном падеже, как правило, не выражено ни в грамматическом классе, ни в лице, ни в числе, а реальный объект (прямое дополнение), стоящий в именительном падеже, согласуется с глаголом-сказуемым в классе, числе и лице. В редких же случаях возможно (в формах настоящего времени) согласование личных аффиксов с субъектом действия в родительном падеже, а префиксов с субъектом действия (Танал чагьар буклай ур. "Он письмо читает").

Первоначально "переходный глагол спрягался лишь по объекту, вовсе не обозначая субъекта" (298, 168). Субъект начинает обозначаться в переходном глаголе лишь впоследствии, когда зарождаются личные формы. Эргативная конструкция формировалась в условиях спряжения глагола по классам, при классном спряжении (298, 168).

Исходя из сказанного, становится ясно, что совпадение в лакском языке эргатива с именительным падежом в именах 1 и 2 лиц - архаическое явление и в этих именах эргативный падеж никогда не различался от именительного падежа (280, 256), а совпадение с родительным падежом в именах 3 л. - вторичное явление (291, 95).

Касаясь истории синтаксических конструкций в лакском языке, В.Т.Топуриа также отмечал, что неравномерность синтаксической силы грамматического субъекта объясняется тенденцией перехода классного спряжения к личному. На первой ступени развития лакского языка должно было существовать такое же взаимоотношение между переходным глаголом-сказуемым и прямым дополнением, какое имеется между непереходным глаголом-сказуемым и подлежащим. Таким образом, генетивная (=эргативная)

конструкция в лакском языке с исторической точки зрения является номинативной (243, 28).

Г л а в а VI .

НАРЕЧИЕ

В семантическом отношении наречия распределяются по следующим разрядам: качественные (образа и способа действия), количественные (меры, степени и количества), места, времени, причины и цели.

По своей морфологической структуре наречия подразделяются на непроизводные и производные. Кроме того, выделяются и наречия, заимствованные из других языков (185, 91-99).

В большинстве своем наречия лакского языка являются производными. Основными способами образования наречий служат: суффиксация, основосложение, адвербиализация словоформ и словосочетаний. К тому же, процесс появления новых наречий, обособление тех или иных словоформ - действующий.

Качественные наречия

В числе непроизводных качественных наречий встречается несколько в этимологическом отношении неясной структуры основ: гьуртту "совместно", xlypxla "медленно", б-ахьтта (ахьтта, дахьтта) "пешком", бурттий "верхом".

Говоря о непроизводных наречиях, следует отметить и такие основы, (resp. "краткие" прилагательные), которые без оформления аффиксальными элементами адвербиального значения могут выступать в качестве наречий, хотя факультативно выступают и в оформленном виде: зунххи - зунххи-ну "косо, наискосок", цач1у – цач1у-ну "сообща, вместе", гьуртту - гьуртту-ну "сообща, совместно".

В прошлом неоформленные наречия (или "краткие" прилагательные, которые являются общими качественными именными основами) в лакском языке, вероятно, выступали в качестве наречия (как в современном аварском языке, ср. лъик1 "хорошо", но лъик1= - краткое прилагательное, т.е. общая идейной основа с качественным значением "хорош="). Это свидетельствует о

том, что формальное выражение качественных наречий (при посредстве суф. =ну) возникло относительно поздно. Аналогичное явление известно и из истории других языков. В древнегрузинском языке основа прилагательного регулярно использовалась (как и в современном аварском языке) в роли наречия образа действия, но в новогрузинском языке эта основа уже оформлена аффиксом трансформативного падежа (302, 53).

Производные качественные наречия образованы при посредстве различных морфемных элементов, которые могут быть признаны специальными адвербиальными суффиксами. Наиболее распространенным из них является суф. =ну. При его посредстве от общих качественных именных основ ("кратких прилагательных") образуются и качественные наречия: бюхттул=ну "высоко", тяхъа=ну "весело", к1ири=ну "жарко" и др.

Суф. =ну - форматив деепричастия и использование данной морфемы в качестве адвербиального - явление вторичное, обусловленное тенденцией к формальному выражению обстоятельственных значений. И здесь проявляется известный процесс превращения формообразовательных аффиксов в словообразовательные. Связь аффиксов качественных наречий с аффиксами деепричастия прослеживается в различных языках: в даргинском (суф. =ли), в арчинском (суф. =ши), в бацбийском (суф. =ш), в адыгских (суф. =эу, =у) (20, 194; 119, 92; 102, 486; 153, 239).

Деепричастный суф. *=на использовался и в пралезгинском, как и в ряде современных языков, для образования различных разрядов наречий (28, 106).

Афф. =ну, первоначально форматив абсолютива, стал образовывать формы с обстоятельственным значением и от кратких прилагательных лахъ=ну "высоко, громко"…), а затем и от существительных, числительных, местоимений и самих наречий других разрядов.

Среди производных качественных наречий широко представлены такие основы, которые возникли в результате обособления и адвербиализации

тех или иных форм различных слов. К примеру, адвербиальное значение приобрели формы суперэссива ряда имен: гуж=рай "насильно", санти=рай "умело" и др. О тенденции к превращению суффикса суперэссива =й (с предшествующим афф. косв. осн.) в специальный адвербиальный элемент свидетельствуют случаи оформления им и несклоняемых имён (основ): гьайт-лий "с энтузиазмом", бигь=лий "легко, привольно", мукьра-лий "галопом" и др.

Ряд наречий - суть формы дательного падежа: ххара-лун "напоказ", чири-лун "внаймы" и др. Иногда в подобных образованиях в роли адвербиального признака используется аффикс косвенной основы =дара=: багьан-дара-н "для повода" (багьана "повод", ср.род.п. багьана-лул), ххишал-дара-н "впридачу".

Многие обособившиеся формы имен существительных содержат аффиксальные элементы, которые могут быть признаны адвербиальными. Такие элементы первоначально содержались в тех или иных именах, которые обособились при обстоятельственном употреблении в качестве наречий, но затем могли быть использованы при образовании тех или иных наречий:

=ни: кьюлт1=ни "тайком" (кьюлт1=ссс "тайный");

=ра: мак1-ра "во сне" (мак1 "сон", "сновидение");

=рай (=ирай, =най): аьраб-рай "по-арабски", турк-ирай "по-турецки", лакку-най "по-лакски";

=лих: х1ал-лих "медленно";

=ц1ух (<ц1-ух): х1ал=ли=ц1ух "медленно", кьюлт1-ни-ц1ух "тайком";

=ц1акул (*<ц1=а=кул): хlурх1а-ц1акул* "медленно", (ср.*хlурхlа* "медленно";

=лий (<=ли=+=й: *бигь-лий* "легко", "привольно" (*бигьа*= "легкий");

=дарай (< =дара=+й): *анавархъин-дарай* "впопыхах, торопливо" (анавар= "быстрый", *хъин*= "хороший");

=к: къийалий=к // къийалий "с трудом".

В ряде качественных наречий выделяются классные аффиксы =ва, =ра, =ба (или их фонетические варианты), выполняющие функции адвербиальных аффиксов: *ук=ва (ук=ра*), в диалектах *гьук=ва (гьук-ра*) "даром, бесплатно"; оьн=а (оьн=ма, оьн=на) "праздно", "без дела".

Многие из приведенных выше морфем являются сложными (=даран, дарай, =рай и др.) и состоят из аффиксов косвенных основ и локативных падежей; иногда же они осложнены и сугубо адвербиальным афф. =кул (ср. =ц1а=кул). В наречиях они выделяются как специальные и самостоятельные морфемы.

Отместоименные качественные наречия со значением "так, подобно" образованы от вопросительных и указательных местоимений при посредстве афф. =кун: цу=кун "как?" (цу "кто? "), му=кун (< му "тот, у 2 л.") "так", у=кун (< ва < *гьва "этот") (в диал. гьу=кун) "так, как это", и др. Афф.=кун является формативом обстоятельственных форм глагола (ср. увк1у=кун "тогда, когда пришел"), но стал употребляться и с другими - местоименными - основами. По происхождению афф. =кун увязывается со словом (у)чин < (у)кин "сказать", выполняющим часто функции служебного слова (или морфемного элемента).

Количественные наречия

Для выражения меры, степени признака или действия употребляются различные по форме и происхождению лексические единицы: хъин=ну "очень" (< хъин= "хороший", "добрый"), ч1ув=ну "сильно, крепко" (< ч1уйин "б. сжатым"), хъунмурч1ин "большею частью" (< хъунмур "большой" + =ч1ин) и др.

Для образования количественных наречий, выражающих признак действия, выраженный в числах, используются специальные адвербиальные аффиксы, присоединяемые к различным формам числительных.

Порядковые наречия образованы при посредстве морфемного элемента =чин (< учин "сказать"): ца=л=чин "во-первых", к1и-л-чин "во-вторых" и др.

Специальным адвербиальным аффиксом количественных наречий служит сложный по происхождению суф. =лийну (<=ли=й=ну): к1и-лийну "в два раза"; "в двойном размере" (183, 106).

Наречия места

В большинстве своем наречия места являются производными, а те, которые в современном состоянии воспринимаются как не членимые на значимые элементы, исторически также оказываются производными и имеют в своем составе формативы тех или иных местных падежей.

К непроизводным относятся следующие наречия места: вив (в балх. д. и=б=ту) "внутри", хьхьич1 "спереди", махъ "сзади", йалув//йалу "наверху", лув//лу "внизу", хъирив "позади", ч1арав (в балх.д. ч1а=б=ту) "рядом", лагма "вокруг", чув//чу "где?". В ряде из них конечные согласные - суть форманты локативов: =в (ви=в, хъири=в, ч1ара=в, *лу-в >лу, *йалу=в >- йалу, чу=в), =ч1 (хьхьи=ч1), =хъ (ма=хъ).

Многие из отмеченных наречий представляют собою локативные частицы, снабженные падежными формантами. Начальные согласные этих частиц соотносимы с локативными суффиксами, ср.: йалув. "сверху" - =й (суф. суперэссива), ч1арав "рядом" - =ч1а (суф. адессива), лув "внизу" - =лу (суф. субэссива), хъирив "позади" - *=хъ (суф.постэссива), (?) хьхьич1 "впереди" - =хь < =хьхь (суф. адессива П), (?) ви=в "внутри" - =в(у) (суф. инессива) (I32, 49; 240, 332). Такая связь не прослеживается у ма=хъ "позади" (ср. авар. нахъе) и лагма "вокруг" (ср. арч. лагамат < лак.?); кстати, лагма, в отличие от остальных, не имеет в себе локативных формантов и не изменяется по местным падежам.

Основы ч1арав и хъирив представляются осложненными - в них, помимо конечных и начальных элементов, соотносимых с локативными суффиксами, выявляются элементы =ра= и =ри= (вероятно, аффиксы косвен. основ): ч1а=ра=в (ср. балх. ч1а=б=ту) "рядом", хъи=ри=в (может соотноситься с авар. ха=ду=б) "после; позади".

В балхарских форлах и=б=ту (I, III кл.), и=р=ту (II, IV кл.) "внутри", (ср.лит. ви=в), ч1а=б=ту (I, III кл.), ч1а=р=ту (II, IV кл.), "рядом" (ср.лит. ч1а=ра=в), лу=б=ту (I,III кл.), лу=р=ту (II, IV кл.) "внизу" (ср.лит. лу=в) наречия содержат, помимо классных показателей - формативов инессива, и адвербиальный суф. =ту // =тту, выполняющий функции большей конкретизации и формализации этих грамматических значений и форм.

Значительное место среди локативных наречий занимают обособившиеся формы местных падежей "покоя" некоторых имен существительных ("имена=наречия"), в первую очередь с пространственным значением, но нередко их исходные, прямые основы в языке не употребительны: *чулух* "сбоку" (чул "бок"); дянив "между; в середине" (дя "середина"); кьат1ув "снаружи" (кьат1 уст. "улица, двор, сельская община"); мукьах "позади" (*мукь= "спина", ср. и мукьав "на спине"); зумув "во рту" (зума уст. "рот"); иттав "в глазах" (йа "глаз"); ххалав "на сенокосе" (ххулув "сено"); щяв "на земле", х1ав "в лесу" и др.

"Имена-наречия" занимают как бы промежуточное положение между существительными и наречиями, они обособляются "на глазах" и переходят в разряд наречий. Некоторые прямые основы, от которых образовались такие наречия, не сохранились, их следы выявляются лишь в наречиях. Появление "имён-наречий", их обособление от имен существительных и адвербиализация показывают пути возникновения наречий места.

Регулярностью образования отличаются отместоименные наречия места. Они образуются от указательных местоимений при посредстве аффиксов местных падежей и соответственно этим местоимениям показывают локализацию с учетом горизонтальной и вертикальной плоскости (выше – ниже, близость – удаленность, на одном уровне), ср.:

та "тот" (напротив говорящего)	ва "этот" (у I л.)
т-и-в "там" (внутри)	ш-и-в "здесь" (внутри)
т-и-й "там" (сверху)	ш-и-й "здесь" (наверху)

т-и-лу "там" (снизу) ш-и-лу "здесь" (внизу)

т-и-х "там" (за) ш-и-х "здесь" (сзади)

т-и-кку "там" (напротив) ш-и-кку "здесь" и др.

Все эти используемые в местоименных наречиях аффиксы, за исключением суф. =кку, употребляются и в местных падежах имен существительных. А суф. =кку является сугубо адвербиальным, т.к. в других частях речи не используется.

Во всех отместоименных наречиях сохраняется начальный элемент указательных местоимений: та - т-и-кку, к1а - к1-и-кку, га -г-и-кку, му - м-и-кку, но ва - ш-и-кку (в вихл., шадн.д. гь-и-кку "здесь"). Начальный элемент указательного местоимения в-а "этот" (у 1 л.) исторически оказывается сильно подверженным фонетическим изменениям и в различных производных формах (и с учетом диалектных вариантов) выступает в виде ø (нуль звука), ср. у-кун "так"; гь= (в диал.), ср. гь-у-кун "так"; ш=, ср. ш-и-кку "здесь"; в-, ср. местоимение ва "этот". Форма ш-и= (ши=ву, ши=лу» ши=кку...) идет от *хьи= (в силу известного процесса палатализации хь= перед =и. Но в лакском языке выявляются случаи, когда хь= выступает факультативно в виде гь=, т.е. хь= и гь= были вариабельными. Существование гь= и в данном случае подтверждают формы с этим же согласным: гь=и=ику, гь=укун, гьук=ра. Исторически исходным был *гьв=, который в одних случаях дал хь= (> ш=), в других в= (как след былой лабиализации) или ø (нуль звука).

Появление в системе отместоименных наречии форм, помимо форм с адвербиальным суф. =кку, аналогичных локативным сериям имен, объясняется тенденцией в унификации грамматических форм с локативным значением и "экспансией локативных аффиксов имен и в сферу отместоименных адвербиальных образований. Явление это вторичное, относительно новое.

Большинство наречий места изменяются по местным падежам. Наречия, выступающие в форме падежа покоя к.-л. локативной серии, в том числе

и "имена-наречия" имеют лишь падежные формы этой серии и отличий от имен, склоняющихся по этой серии, не проявляют. Однако, местоименные наречия места имеют при склонении ряд отличий. Ср.:

Мест.п.	ти-ку "там"	ч1ира-й "на стене"
Напр.п.	ти-кку-н	ч1ира-й-н
Напр.п.П	ти=кку-н-май	ч1ира-й-н-май
Исх.п.	ти-чч-а < ти-кк-а	ч1ира-й-а(ту)
Сквоз.п.	ти-чч-а-ч1ин	ч1ира-й-х(ч1ин)

В отличие от имен, в местоименных наречиях сквозной падеж образуется от стяженной формы исходного падежа при посредстве афф. =ч1ин (=ч1ил), а не от падежей покоя при посредстве афф. =х (или =х=ч1ин): к1и=х=а=ч1ил " сзади", тий=а=ч1ил "с той стороны", чва=ч1ин // чва=ту=ч1ин "через какое место?", но ср. ч1ира=в=х=ч1ин "сквозь стену" и др.

Падежные формы местоименных наречий места и "имен-наречий" подвержены процессам взаимовлияния, в результате чего и возникли параллельные формы махъ-у-х-ч1ин «сзади» и махъ-а-ч1ин (ср. ти-х-а-ч1ин), ви-х-ч1ин и вив-а(ту)-ч1ин «изнутри».

С учетом особенностей образования специфических форм отместоименных наречий удается выяснить и происхождение самостоятельных классных наречий места со значением направления: яла-вай (ила-рай) «вниз», ла-вай (ла-рай) «вверх». В этих наречиях корневые морфемы йала- и ла- являются стяженными формами исходных падежей от наречий йалув «над» (йала < *йалу-в-а < йалу-в-ату, ср. и йалā утан «сбросить»; отказаться от к.-л.) и лув «вниз» (ла- < *лув-а < лув-ату): в этих формах звукокомплекс -ува- перешел в –а- (ср. и кьат1у-в-ālу > кьат-ālу «двор»; «то, что вне дома», «чужбина»).

Специфическими являются формы сквозного падежа лур-тту «снизу» и йал-тту «через верх». Суфф. –тту/-ту встречается в обстоятельственных фор-

мах глагола (ср. уч1а-й-х-тту «Тогда, когда пришел») и выявляется в ряде наречий: гьур-тту «сообща; совместно», аьл-тту «воочию», ч1а-б-тту (балх.) «рядом», и-б-тту (балх.) «внутри», уттинин / уттинин-тту «до сих пор».

Суфф. –ч1ин присоединяется и к наречиям лур-тту-ч1ин «снизу; тайно», йалтту-ч1ин «сверху»; ср. также йала-ч1ин «потом», цакьни-ч1ин «в прошлый раз», хъунмур-ч1ин «большею частью», лув-ч1ин «погреб», ух-ч1ин «подол», бух-ч1ин-сса «поясница», йалун-ч1ил // < йалун-ч1ин «в будущем году», тулун-ч1ил // < тулун-ч1ин «через год».

От некоторых падежных форм местоименных наречий места образуются новые формы со значением падежей покоя (своего рода новые подсерии):

1. От форм исходных падежей при посредстве афф. –вай (-рай, -бай): ги-х-а-вай (ги-х-а-рай) «где-то там (внизу сзади), к1и-х-а-вай (к1и-х-а-рай) «где-то там (сзади, на возвышенности».

2. От форм исходных падежей, обычно от инессивной серии (ши-в-а, ти-в-а…) при посредстве суфф. –х: ши-в-а-х «где-то здесь», ти-в-а-х «где-то там» и др.

Как и в других дагестанских языках наречия в лакском языке выступают и в функции послелогов и квалифицируются как «наречия-послелоги»: вив «внутри, в», лув «под, внизу», йалув «над, сверху», ч1арав «у, около», хьхьич1 «перед», лагма «вокруг», чулух «сбоку», хъирив «вслед, после» и др. Они употребляются в качестве самостоятельных слов – наречий и в качестве служебных слов - послелогов. Употребляясь с теми или иными глаголами, они приобретают значение прилагательных приставок (превербов) и начинают передавать новые семантические оттенки. В этом отношении интересны образования с приставочным (превербным) элементом ви- (< вив «внутри»): ви-лахъан «вздуться» (о животном», ви-лаган «полоскать», ви-б-уц1ин «быть насыщенным изнутри», ви-д-уцан «надорваться (изнутри)» и др. Такие формы в языке становятся продуктивными и имеется целый ряд слов с пре-

вербом ви-: ви-лах1ан «вогнуться», ви-б-агьан «обвалиться» (вовнутрь), ви-ц1алан «просачиваться вовнутрь» и др. (18, 98).

Наречия времени

К непроизводным относятся следующие темпоральные наречия: та «когда?», ц1анā «сейчас», тти (утти) «теперь», дук1у «в прошлом году», нук1у «давеча», лахьхьу «вчера», дяхтта «днем», йала «потом», нухъран «постоянно», гьунттий «завтра», кьунну «вчера», сарану «послезавтра», кьийану «на третий день», цархьхьу «позавчера», цакьни «в прошлый раз» и др.

В некоторых наречиях времени выявляются имеющие соответствия в других дагестанских языках общекорневые элементы, которые могут быть возведены к прадагестанскому уровню, ср. лак. к1урсса-ну, авар. кьерци-(са) «в прошлом году), лак. сара-(ну) < *сада-(ну), авар. сези < *седи, анд. сийо, ахвах. шиди, арч. о-сут, таб. сер-(ри), дарг. цар-(х1ел) «послезавтра» (183, 119), лак. нук1у, авар. нек1о, дарг. нек1(об) «раньше».

Большинство наречий времени представляет собою производные основы, образованные при посредстве целого ряда морфемных элементов, которые могут быть признаны специальными аффиксами темпоральных наречий (184, 91-97).

Выявляются следующие аффиксы, образующие наречия времени:

-л: гъентт-у-л «летом» (гъе(нт) «лето»), хотя этот адвербиальный аффикс материально совпадает с аффиксом род. п. –л, формы наречия и падежа противопоставлены (ср. к1юрх «утро», род. п. к1юрх-ни-л, но ср. к1юрхх-и-л «утром»). Видимо, падежный аффикс –л приобрел значение адвербиального;

-ай (-рай, -бай) (с фонетическими вариантами): ахттайн-ай (ахттайн-май, ахттайн-най) « в полдень», хьхьу-вай (хьхьу-рай) «ночью», вицх. кьундийал-бай, кьундийал-дай) «вечером» (в кумух. диал. последние выступают в обобщенной форме кьуннийалай//кьуннийал). По происхождению афф. –ай

(-бай, -рай/-дай) – форматив классного аллатива (направительного II), используемый в качестве адвербиального суффикса с временным значением;

-ва (-ра): хьхьич1-ва (хьхьич1-ра) «прежде»; хьхьич1а-ва (хьхьич1а-ра) «в прошлом» (хьхьич1 «впереди, спереди»). Эти формы образованы при посредстве классных афф. –ва (-ра, -ба), которые обычно используются для усиления значения и присоединяются к различным именным и глагольным формам;

-ни: та-ни «тогда» (та «тот», ччя-ни «рано» (ччя- «ранний»). В диалектах отмечена форма ччяв-ни, которая является исходной для ччя-ни (с возместительной долготой). Основа соотносима с дарг. жяв-ли, в которой выявляется общекорневая морфема –яв- (в лакском перешло в ччяв- > ччя). Исходящая, общекорневая морфема была снабжена в лакском языке суфф. –ни, в дарг. – суфф. –ли;

-ну: ч1ал-ну «поздно» (ч1ал- «поздний»); суфф. –ну оформлен и ряд темпоральных наречий, производящие основы которых являются в этимологическом плане «темными»: Сара-ну «послезавтра», к1урсса-ну «в позапрошлом году», кьун-ну «вчера», кьийа-ну «на третий день»;

-ний: ку-ний «иногда» (ну «одни, другие), жагьил-ний «в молодости» (жагьил «молодой»), к1илчин-ний «на второй раз» (к1илчин- «второй»). Афф. –ний состоит из афф. косв. осн. –ни- и афф. суперэссива –й, но сложный по происхождению афф. –ний обычно образует наречия места от кратких прилагательных (ср. лагь-ний «там, где низко») или обстоятельственные формы глагола с локативным значением (ср. лавг-ний «там, куда ушел». В ряде случаев афф. –ний приобрел темпоральное значение;

-ч1ил (-ч1ин): йалун-ч1ил // < йалун-ч1ин «в будущем году» (йалун «наверх, вдобавок»), ср. аналогичное наречие в аварском языке: т1адейалъул «в будущем году» (т1аде «наверх»), тулун-ч1ил «через год» (та «тот», ту-кун «так»; видимо, ту-лун- возникло по аналогии с йа-лун). По происхождению суфф. –ч1ил (< -ч1ин) – форматив транслатива II (ср. ч1ира-й-х-ч1ин «через

стену»);

-ц1а: ц1уни-ц1а (ср. и ц1у-ни –л) «снова» Афф. –ц1а состоит из локативного форматива –ц1 и афф. аблатива –а. Ср. авар. ц1и-да-сай «снова» (в форме исходн. п., ц1и «новый»);

-кул: ц1ана-кул «сейчас», ц1униц1а-кул «снова». Афф. –кул присоединяется к нескольким темпоральным наречиям и вносит оттенок уточнения, усиления значения. По происхождению – один из формативов обстоятельственных форм глагола (ср. увк1у-кун «тогда, когда пришел»);

-ха-вай (-ха-рай): гьунтти-ха-вай (гьунтти-ха-рай) «на следующий день, назавтра». Аффикс используется с некоторыми наречиями, указывающими на дни, и вносит оттенок продолжения (во времени) к.-л. действия, ср. гьунтий «завтра», но гьунттий-ха-вай «»а на второй день». Аффикс сложный, в нем выделяются локативный аффикс –х «за», аффикс аблатива –а и аффикс классного аллатива –вай;

-хун-ай (-хун-май, -хун-най): ссутти-хун-ай (ссутти-хун-май, ссутти-хун-най) «к осени, к холодам» (ср. ссуттил «осенью». Используется с наречиями, указывающими на времена года; состоит из локативного афф. –х «за», аффикса адитива –(у)н и аффикса классного аллатива –б-ай (или его фонетических вариантов).

Специфическими для наречий времени являются формы, указывающие на пределы времени действия («до…», «после…», «с…»).

Афф. –нин, образующий формы со значением «до такого-то времени» (ср. к1юрххил-нин «до утра», к1юрххил «утром», та-нин «до каких пор?», дук1у-нин «до прошлого года» и др.), является формативом обстоятельственных форм глагола (ср. уч1ан-нин «до прихода; до того, как придти»).

Афф. –йац1а указывает на начало времени действия: дук1у-йац1а «с прошлого года» (дук1 «в прошлом году»). Афф. –йац1а сложный: состоит из двух формативов отложительного падежа различных серий: -йа (< -й-а) и ц1а (< -ц1-а).

Широко представены производные сложные наречия, образованные аналитическим способом – при посредстве служебных слов, выступающих в роли наречиеобразующих послелогов (в сочетании с определительными словами). В качестве таких послелогов использованы некоторые имена существительные со значением времени; при этом они приобретают специфические (наречные) формы, ср. ч1ун «время», ч1ум-у-л – род. п., но ч1ум-а-л «во … время».

К подобным служебным словам относятся: ч1умал «во … время» (ч1ун «время»), хьхьу-ну «вечером, … вечер» (хьхьу «ночь»), шинал «в … году» (шин «год»), базилухъ, ххуллухь «в … раз» (бази «очередь», ххуллу «дорога»); использование слова «дорога в таком значении встречается и в других языках, ср. авар. нухаль, груз. гзис «раз» и др.

Ряд темпоральных наречий возник в результате лексикализации словосочетаний: гьашину «в этом году» (*гьа «этот», шин «год»), х1акьину // гьякьину (< *гьакьину «сегодня», *гьа «этот», кьини «день»), гьархьхьуну «сегодня вечером» (*гьа-р «этот», хьхьу «ночь»). В этих наречиях выделяется указательно-местоименный элемент гьа- (игьа-р – с кл. показ. –р), в котором начальный элемент в различных формах (основах) реализован поразному, ср. в-а «этот», ш-и-кку < *кь-и-кку (в вихл. диал. гь-и-кку) «здесь», Ø-кун «так». Аналогичное по образование наречие имеем и в даргинском языке: иш-барх1и «день».

Наречие бархан // < кьини бархан «весь день, в течение всего дня» возникло в результате лексикализации и последующего упрощения словосочетания кьини баргъ гьан(нин) «(весь) день до заката солнца», с утра до вечера»: кьини баргъ гьан(нин) > кьини бархан(нин) > бархан (-гъ-гь > -хгь > х). Аналогичное адвербиальное словосочетание имеется и в аварском языке: къо бакъ инег1ан букв. «(весь) день до заката солнца», т.е. «целый день, с утра до вечера».

Лексиализовавшееся словосочетание ттигъанну состоит из тти «сейчас» и гъанну «близко», ср. и авар. гьанже г1агар «недавно»(гьанже «сейчас», г1агар «близко»).

Наречия причиыны и цели

В количественном отношении эта группа наречий немногочисленна. Объхясняется это тем, что причинные и целевые отношения нередко выражаются морфологически – некоторыми именными и глагольными формами.

Часто значения наречий причины и цели совмещены со значением образа действия.

Вопросительное местоимение цан // циван «почему?», «зачем?», «отчего?» передает как причинные, так и целевые значения. По происхождению оно связано с вопросительным местоимением ци «что?». Форма цан (в вицх. диал цан) представляется вторичной, стяженной от циван (> цан), а исходная форма первоначально выступала в виде свободного сочетания ци б-ан (ци д-ан) «что сделать?». Кстати, эти формы до сих пор употребительны в диалектах. Форма циван, возникшая в результате лексикализации словосочетания и нейтрализации в классном отношении характерна для кумухского диалекта (и литературного языка). Аналогичного же образования и соответствующее вопросительное наречие в аварском языке: ши-б-изе (ши-б «что?» + -и-зе – окончание инфинитива).

Причинные и целевые значения выражаются при посредстве послелогов ц1аний (< ц1а «имя») и йалув (букв. «над») «из-за», ссал цаний // ссал йалув «из-за чего?».

Для передачи причинных значений используется и форма родительного падежа некоторых масдаров и абстрактных существительных (с суфф. –шиву), ср. авлияшиврул, ах1макьшиврул «сдуру», ссибизаврил «из-за гнева». Целевые значения передаются и целевой формой глагола, которая при этом обычно осложняется суффиксом абстрактных имен –шиврул (в род. п.):

аьлахъан // аьлахъан-шиврул «для того, чтобы развлечься», итаншиврул «для того, чтобы оставили».

Словообразовательно-морфологическая структура наречий

В отличие от других частей речи, в структурно-морфологическом отношении наречия представляют собою очень сложную и трудно систематизируемую часть речи (лексико-грамматический разряд). Поэтому некоторые исследователи (Л.И. Жирков, А.Н. Генко и др.) считают, что наречия должны найти свое полное отражение в словарях, а в грамматических изысканиях могут быть отражены самые общие особенности.

Непроизводные (простые, корневые, первообразные, первичные) наречия не имеют в своей основе действующих морфемных элементов и представляют не членимую в современном состоянии на составные части основу. Хотя в историко-этимологическом отношении многие из таких наречий оказываются производными и связанными с различными частями речи, их исторически производный характер выявляется лишь в результате словообразовательно-этимологического анализа и они могут быть охарактеризованы как условно-непроизводные. Подобные наречия встречаются во всех семантических разрядах, но относительно чаще среди темпоральных: дук1у «в прошлом году», ц1анā «сейчас», йāла «потом», лагма «вокруг», бахьтта «пешком», дяхтта «днем», гьунттий «завтра» и др.

В большинстве своем наречия лакского языка являются производными. Основными средствами образования наречий служат: суффиксальная, основосложение, адвербиализация словоформ и словосочетаний.

Суффиксальные наречия образуются от различных именных и (реже) глагольных основ при посредстве специальных адвербиальных суффиксов и суффиксальных элементв (182, 54).

В качестве производящих основ используются: прилагательные (бюхттул-ну «высоко»), существительные (к1юрхх-и-л Утром», мак1-ра «во сне»,

аьраб-рай «по-арабски»), местоимения (ти-кку «там», ту-кун «таким образом»), числительные (ац1ий-л-ва «десять раз», к1и-лийну «вдвойне», к1ийл-чин «во-вторых»), наречия (нажагь-лий «иногда», в случае чего», ср. и нажагь «иногда», цукун-ч1ав «никак»), глаголы (ччи-ний «везде», бюхъай-кун «по возможности», булун-ну «взаимообразно».

Не все суффиксы, образующие наречия, являются продуктивными и частотными, некоторые из них выявляются лишь в ограниченном числе наречных слов. К тому же, многие из таких суффиксов встречаются и в других частях речи (в качестве формообразовательных), но в структуре наречий они уже являются словообразовательными, причем обособление их в качестве адвербиальных относительно позднее явление. В связи с этим морфемный инвентарь наречий выглядит очень разнородным и пестрым – в качестве адвербиальных выступают морфемы именного, глагольного, местоименного характера, а также частицы.

Словообразовательными суффиксаминаречий выступают: -ну (анаварну «быстро», ттилик1-ну «спиною»; к1илий-ну «вдвойне», канихь-ну «(имея) в руках», сара-ну «послезавтра», мунихлу-ну «поэтому» и др.); -ни (кьюлт1-ни «тайком»); -ра (мак1-ра «во сне»); -рай (-ирай, -най) (гуж-рай «насильно», лаку-най «по-лакски»); -лий (абад-лий «навечно», бигь-лий «припеваючи»); -даран (ххишал-дарай «вдобавок»); -кун (му-кун «так, таким образом»); -ний (лахъ-ний «там, где высоко», ку-ний «иногда»); -л-ва // -ла (к1и-л-ва // > к1и-ла «дважды»); -лийну (к1и-лийну «вдвойне»); -л (к1юрхх-и-л «утром», ссутт-и-л «осенью»); -вай (-рай) (хьхьц-вай / хьхьу-рай «ночью»); -хун-м-ай (ссутти-хун-м-ай «к осени, осенью»); -ц1ун (к1юрххи-ц1ун «рано утром»); -кку (ти-кку «там»); -ч1ав // к1уй (та-ч1ав «никогда»; -ц1акул (мархлу-ц1акул «до основания»); -ай (-май, -най) (ахттакьун-м-ай «после полудня»); -ва (-ра): ук-ва(УК-ра) «даром».

Посредствомсловосложения образованы сложные (сложно-составные) наречия. Сложение основ – распространенный и продуктивный способ обра-

зования наречий в лакском языке. В этой группе объединяются производные наречия, образованные различными способами сочетания (сложения) лексических единиц: редуплицированные, парные и образованные сочетанием основ различных частей речи; сюда же относятся наречия, образуемые аналитическим способом – при посредстве послелогов (послелогов-слов) и употребляемых в их значении ряда имен существительных. В качестве компонентов сложных наречий могут выступать основы различных частей речи (существительные, местоимения, числительные…), а сами компоненты выступают в различных видах: в виде частей основы, в усеченном виде, с различными морфемными элементами (сложно-аффиксальные образования) и т.д.

Редуплицированные наречия образуются удвоением основ. Удвоение может быть простым (х1урх1а-х1урх1а «медленно», цал-цал «изредка») или же с некоторыми фонетическими изменениями в первом или втором компоненте (нажа-мажагъ «иногда», ср. нажагъ «иногда», х1алли-х1аллих «немедленно», ср. х1аллих «медленно»). Часто редуплицированные наречия снабжены адвербиальным суффиксом: ана-анавар-ну «быстро», ца-ца-них «поодному», ч1ун-ч1ум-уй «регулярно». Редупликация используется и как средство словообразования, и как средство передачи ослабленного или разделительного значения.

По особенностям своего образования к редуплицированным близки парные наречия, состоящие из сочетаний разных – синонимичных или антонимичных – наречий. В парных наречиях перекрещиваются особенности редупликации и словосложения, а сами эти наречия могут быть также снабжены и морфемными элементами: х1акьину-гьунттий «сегодня-завтра, в ближайшее время, вот-вот», х1урх1а-х1аллих «медленно», ялун-тулун «в будущем», микку-тикку «там и сям», уку-тукун «так и сяк» и др.

Во многих наречных словосочетаниях вторые компоненты выступают в виде слежубных слов – наречиеобразующих послелогов. Первый компонент в этих сочетаниях является определительным (в широком понимании).

Выступающие в роли вторых компонентов – служебных слов имена существительные приобретают специфические формы (ср. ч1ун «время», ч1умул – род. п., но ч1умал «(во) время». При образовании таких наречных сочетаний употребляются: ч1умал «во время» (ч1ун «время»), шинал «в году» (шин «год»), зумуну «на манер, по…», ппурттуву «во … время». Ср.: му ч1умал «тогда, в то время», муппурттуву «в этот момент», та шинал «в том году», цала зумуну «на свой манер» и др.

В роли служебного слова в темпоральном и локативном значениях препозитивно к некоторым наречиям или именам в локативных падежах используется слово дя «середина», причем такое употребление имеет тенденцию к его грамматизации (и перехода его в префиксоид): дя-дяхтта «в полдень», дя-къурув «в середине пашен», дя-шяраву «в середине, центре села», дя-ссурулу «посреди неба», дя-ххуллий «в середине дороги» и др.

Распространена адвербиализация различных именных и глагольных словоформ, а также целого ряла словосочетаний и фразеологических единиц. Ряд имен существительных в различных падежах (обычно, в дательном и местных) в результате употребления в качестве обстоятельственного слова при глаголе обособляются и превращаются в отдельные слова-наречия: ххаралун «напоказ», х1азран «простой так», аьпалун «в память» и др. Имеется целый ряд т. н. «наречий-имен», которые являются адвербиализованными формами тех или иных локативных падежей: иттав «в глазу», кьат1ув «вне, снаружи», ссурулу «в небесах», аьрай «на волне», ларзулу «на балконе» и др.

Адвербиализации подверглись и некоторые глагольные формы, которые при этом теряют аспектное (видовое) значение. Адвербиализованы, к примеру, формы деепричастия некоторых глаголов: бюхханну «выразительно», бувч1инну «ясно, понятно».

Нередки устойчивые сочетания слов и фразеологизмов, употребляющихся в адвербиальном значении: ца уссувун к1ивагу бувк1ун (букв. «втис-

нув обе ноги в один сапог») «непременно» (вынужден будет сделать), лякьа п1якь учиннин «до отвала», янил ляц1 учиннин «в один миг» и др.

Процесс обособления тех или иных именных и глагольных словосочетаний, появление наречиеобразных образований и тенденция к их полной адвербиализации в современном лакском языке действующий и лексический состав наречий в нем постоянно пополняется.

Г л а в а VII

СЛУЖЕБНЫЕ И «БЕСФОРМЕННЫЕ» СЛОВА

П о с л е л о г и

Послелоги передают различные пространственные, временные, причинные, целевые и другие отношения, которые не могут быть выражены падежными формами. Хотя подобные отношения нередко выражаются и при посредстве тех или иных локативных падежей, послелоги позволяют выразить их более полно, точнее, конкретнее и определеннее (256, 190; 128, 80). Послелоги первоначально использовались для передачи пространственных значений, из которых в ряде случаев естественно возникают и временные значения. В процессе развития языка послелоги начинают использоваться не только для выражения пространственных (и отчасти временных) значений, но и для передачи субъектно-объектных отношений, более того, развитие языка и необходимость выражения более абстрактных отношений вызывает и возникновение новых послелогов – некоторые лексические единицы, в особенности существительные, имеющие локальное значение, начинают использоваться в функции послелогов и постепенно переходят в разряд последних.

В специальной литературе по лакскому языку отмечается бедность лакского языка послелогами и приводится небольшая группа «наречий-послелогов» (128, 129-130; 209, 247-248), используемых в двоякой функции: в качестве самостоятельных слов – наречий, а в сочетании с именем, стоящим в родительном падеже, в качестве служебных слов – послелогов.

В семантическом отношении послелоги делятся на местные и неместные.

Местные послелоги, к которым в первую очередь относятся т.н. «наречия-послелоги», обозначают пространство (верх, низ, середина, нутро, бок и т.д.) и, как правило, снабжены формантами тех или иных серий локативныцх

падежей: ялув «наверху, над»; дув «внизу, под»; вив «внутри, в»; хьхьич1 «впереди, перед»; махъ «сзади, за»; чулух «сбоку»; хъирив «позади»; лагма «вокруг»; дянив «в середине»; ч1арав «рядом» и др. Местные послелоги имеют парадигму склонения (за исключением лагма «вокруг», не имеющего в своей основе форманта локатива) и выступают в формах, выражающих покой и движение: махъ «сзади»; махъ-ул «назад»; махъ-а «сзади», махъ-ух «мимо сзади»; махъун-ай (махъун-най, махъун-май) «по направлению назад».

Ряд местных послелогов употребляется и для выражения временных значений: махъ 1. «сзади»; 2. «после (чего-либо)»; хьхьич1 1. «впереди»; 2. «прежде»; «до (чего-либо)». Исходными являются пространственные значения, от которых легко возникают и временные.

Особенностью местных послелогов является и то, что они ограничены в своем количественном росте; в современном языке не наблюдаются случаи возникновения новых местных послелогов. Для них характерно качественное развитие – некоторые из них могут передавать не только пространственные, но и другие, в том числе и абстрактные значения.

Неместные послелоги находят широкое применение при выражении целевых, причинных, сопроводительных, сопоставительных, определительно-ограничительных и других абстрактных значений. В отличие от местных послелогов, которые употребляются и как самостоятельные, и как служебные слова, неместные послелоги используются, как правило, только в одной функции – в качестве слежубных слов. По своим грамматическим особенностям и выполняемым функциям они тяготеют к аффиксальным элементам, нежели к лексическим единицам.

В группе неместных послелогов представлены различные именные (обычно в суперэссиве) и глагольные (деепричастие) формы, сохраняющие и свои нарицательные значения. Однако в функции послелогов эти формы являются застывшими и морфологически неизмененными элементами (если не

считать изменение некоторых из них, восходящих к классным глаголам, по грамматическим классам): ц1аний «ради, из-за»; ххуллий «ради, из-за» (ср. уст. аллагьнал ххуллий «ради бога»); к1анай (к1анттай) «вместо»; ялу «ради, из-за»; х1акъираву «относительно, о»; арх1ал «вместе»; лажиндарай «на протяжении» (ср.шинал лажиндарай «на протяжении года»); б-урувгун «по сравнению»; б-увну «судя по, согласно» (ср. баян буллалимунин бувну «по сообщению»); акъā (б-акъā, д-акъā) «без»; акъа (б-акъа, д-акъа) «кроме» (ср. та акъа, цама акъая «кроме него, никого не было»); ххишала «кроме» (ср. вияр ххишала «кроме тебя»); бак1рай «вначале» (ср. шинал бак1рай «в начале года»); зумуну «как, по» (ср. цала зумуну «по-своему»); сававну // сававрай «из-за»; х1исаврай «в качестве, как»; лавхьхьуну «сообразно» и др.

По своим грамматическим особенностям и послелогам может быть отнесено и изменяемое по классам слово-суффикс кун-а < кун-ва (I кл.), кун-на < кун-да (II, IV кл.), кун-ма (//кума) < кун-ба (III кл.).

К последнему послелогу примыкают и аффиксальные элементы, выражающие также сравнительно-сопоставительные отношения, -исса и –нийар (-йар). Первая из ни х выражает понятие «как…» сопоставление по размеру, величине, в количественном смысле (например, барц1уксса ккваччи «собака величиной с волка»), а –нияр (-йар) выражает сравнение, соответствующее русскому союзу «чем» (барц1нияр бурц1ияр, хъунмасса ккваччи «собака, которая больше, чем волк»). Такие формы П.К. Услар считал падежными - равняющего и уступающего (256, 30). Указанные элементы являются аффиксальными послелогами – слитными постпозиционными элементами, выполняющими функции послелогов. Таким же элементом является и аффикс –щал, выражающий совместность, соучастие, сопроводительность (арснащал // арснащал арх1ал «вместе с сыном»). Форма с аффиксом –щал в лакских грамматиках квалифицируется как форма совместного (союзного, сопроводительного) падежа.

Неместные послелоги употребляются для выражения самых различных грамматических значений, а сам процесс образования таких служебных слов, обособление тех или иных именных и глагольных форм и их использование в различных морфолого-синтаксических функциях – процесс действующий и живой.

Исторически лакские послелоги восходят к другим частям речи, т.е. по образованию являются вторичными. Пути возникновения послелогов в лакском языке сходны с путями образования послелогов в других языках – родственных и неродственных.

По происхождении ю лакские послелоги делятся на наречные, именные и глагольные.

К наречиям восходят послелоги: вив «внутри»; ялу «над, ради»; лу «под»; хьхьич1 «впереди»; лагма «вокруг»; махъ «сзади, за»; ч1арав «рядом»; арх1ал «вместе, с»; дянив (< дя «середина») «в середине»; чулух (< чул «бок») «сбоку, рядом»; мукьах (< *мукь «спина») «после»; кьат1ув (< кьат1 «двор») «вне, снаружи»); луртту «снизу»; ялтту «сверху»; чану «без».

По происхождению наречными является и послелог кунā (куннā, кунмā). Его полная неусеченная и исходная форма содержит в анлауте у: укуна (укунна, укунма). Она восходит к местоименному наречию уку «так», состоящему из местоименного элемента **у** и наречного аффикса –кун (< куну «сказав») (319, 55). К; тому наречию присоединен возвратный классный аффикс –ва (> а), -ра (> да > ва), -ба (> ма), который использовался для передачи дополнительных смысловых нюансов, а иногда и для образования атрибутивных и адвербиальных основ.

Отыменные послелоги по происхождению являются грамматикализовавшимися падежными формами различных нарицательных имен. К послелогам именного происхождения относятся: ц1аний «ради» < ц1а «имя», ср. русск. «во имя»; ххуллий «ради» < ххуллу «дорога»; данный послелог в со-

временном языке является устаревшим, встречается в устойчивом сочетании аллагьнал хуллий «ради бога»;

к1анай // к1анттай «вместо» < к1ану «место»; ср. дарг. мерла «вместо» < мер «место», адыг. ы-ч1ип1э-к1э «вместо (его)» ч1ып1э «место» (219, 95);

лежиндарай «в течение, на протяжении» < лажин «лицо»;

сававрай // сававну «из-за, по причине» < савав «причина» (< араб. сабаб), ср. дарг. сабабли, авар. сабаблъун;

чулух «сбоку, у, около» < чул «бок»; ср. лезг. къвалав «у, около» < къвал «бок», табас. гъсалак «сбоку» < гъсал «бок»;

бак1рай «вначале» < бак1 «голова»;

х1акъираву «о, относительно, по поводу». Источником данного послелога является араб. хакк 1. «право»; 2. «истина, правота»; 3. «долг, обязанность»; бихаккихи «о, относительно, по поводу». Послелог х1акъираву – форма инессива, в которой выделяются аффикс инессива –ву, «вставка» косвенной основы –ра- и корневая морфема х1акъи. Такой же послелог, образованный при посредстве форманта местного падежа, существует и в других дагестанских языках: авар. х1акъалъулъ, дарг. х1акьлизиб, лезгин. гьакъиндай, табас. гьякьинаан.

Послелоги глагольного происхождения получены от деепричастных форм некоторых глаголов:

б-урувгун «судя по; по сравнению» < б-уруган «смотреть»; ср. и лезг. килигна «судя по; ввиду того, что; согласно» (< килигун «смотреть»);

б-увну «по, сообразно» (ср. х1укмулийн бувну «по приказу, сообразно приказу»); восходит к деепричастию от б-ан «сделать», ср. и дарг. баррили «согласно» (букв. «сделав»);

лавхьхьуну «сообразно» < лащан < лахьхьан «быть похожим»;

акъā (б-акъā, д-акъā) «без»; по происхождению – отрицательное деепричастие от глагола «быть» (ср. б-акъа-р «нет»).

Союзы

Лакский язык, как и другие дагестанские языки, союзами не богат. Это объясняется тем, что их отсутствие компенсируется деепричастными и причастными оборотами, которые в большинстве случаев осуществляют подчинительную, а иногда и сочинительную связь между предложениями и членами предложения.

В качестве союзов в лакском языке, как и в других дагестанских языках, выступают как служебные слова, так и энклитические аффиксальные элементы, которые могут быть охарактеризованы как союзные суффиксы. Ряд союзов употребляется и постпозиционно.

В морфологическом отношении союзы бывают простые (ва «и», амма «но», -гу «и» и др.) и сложные (ягу «или же», цанчирча «потому, что» и др.). Союзы по употреблению встречаются одиночные (ва «и», амма «но») и повторяющиеся (я…я «или…или», жагь…жагь «то…то»).

Соединительные союзы: -гу «и», ва «и», мукуна (мукунна, мукунма) «также», гьамгу «и также», яни «то есть», ай «то есть».

Разделительные союзы: я…я «или…или», я, ягу «или»; жагь…жагь «то…то»; ччарча…ччарча (гу) «как…так и, или…или»; хьуннав…хьуннав «как…так и; (будь) то…(будь) то»; гьам…гьам «то…то»; юхсса, юхссагу «или же».

Противительные союзы: амма «но», «однако», анжагъ «однако, но»; так «только; да только»: т1урча(н) «а, же, что касается»; ухьурча(н) «а, же», ххал арча(н) «а, же». Последние три союза являются формами условного наклонения от глаголов т1ун «говорить», ик1ан «быть», ххал ан «посмотреть», но они в речи используются и в значении выделительно-противительных союзов. В таком же значении употребляются и аффикс ы атрибутивных имен –ма (I кл.), -мур (II, III, IV кл.), -мий (мн.ч.), Таким же является и энклитический союз –рив (-нив, -лив, -див), который может присоединяться и к ук4азанным отглагольным союзам и атрибутивным аффиксам.

Противопоставление отрицательного значения положительному передается при помощи энклитики –ча: та къуллугччи акъарча, зузалари «он не служащий, а рабочий».

В дагестанских языках, в том числе и в лакском, не получили широкого развития и распространения сложноподчиненные предложения. В большинстве случаев предложения, соответствующие придаточным предложениям сложноподчиненных предложений русского и других языков, в дагестанских языках передаются с помощью деепричастных, причастных, масдарных и др. оборотов (или развернутых членов предложения) в составе осложненного предложения (275, 102).

В связи с отмеченными особенностями синтаксического строя, в дагестанских языках подчинение с помощью союзов развито слабо, а самих подчинительных союзов мало. Для примера отметим, что в лакских письменных памятниках XVII-XIX вв. сложноподчиненные предложения не встречаются.

К подчинительным союзам в лакском языке относятся следующие: агар (агана, агарда) «если», нажагь «если», цанчирча «потому что», цан бакъарча «поэтому», -нугу (б-унугу) «хотя», -чагу «хотя», балики «а если» (выступает и как модальное слово «может быть»), хьурчагу (б-ухьурчагу) «хотя и», мунияту (мунихлуну) «поэтому». К этим же союзам можно отнести и цувгу, состоящий из возвратного местоимения цув «сам» и соединительного союза –гу. Он передает значение, соответствующее русскому союзному слову «который». Этот союз изменяется по падежам (вернее первая часть цув «сам, сама, само», а вторая часть –гу остается неизменной: им.п. цувгу, род.п. цвалгу (цвилгу) и т.п.

По происхождению союзы в лакском языке подразделяются на заимствованные и исконные, среди последних преобладают союзные слова, словосочетания. Отметим также, что заимствованные лакским языком союзы, как правило, встречаются и в других дагестанских языках. Эти союзы проникли

из восточных языков – арабского, персидского и тюркских (азербайджанского и кумыкского);

ва «и» (< араб. уа «я»); амма «но, однако» (< араб. амма «что касается, но»); я «или» (< перс. йа «или»); обычно встречается в повторном виде: я…я «или…или»; жагь…жагь «то…то» (< перс. гаh «временами»); ср. и лезг. гагь (гагь…гагь); гьам (гьам…гьам) «то…то» (< перс. hам…hам «и…и»); ср. лезг. и табас. гьам (гьам…гьам); нажагь «если» (, перс. нагаh «вдруг, неожиданно»; ср. дарг. нагагь (нагагьла), авар., лезг., табас. нагагь; агар (агана, агарда) «если» (< перс. агар «если»); ср. дарг., лезг., табас., агар; так «только» (< перс. так «одиночный, единица»); в других дагестанских языках как союз не наблюдается, ср. лезг. так «единица, только один», но так СА «только, лишь»; балики «а если» (< перс. балка 1. «но, а, напротив» 2. «может быть, авось» < араб. бал «но» + перс. ка «что»; яни (яъни) «то есть» (< араб. йани «то есть»); ср. лезг. яни, яьни (яна); анжагь «однако, но, только» (< тюрк., ср. азерб. анджаг «но, однако, лишь»); ср. лезг. анжах, табас. анжагь «только, лишь»; юхсса (юхссагу) «или же» (< тюрк., ср. азерб. йохса, кумык. ёгьесса «или, а то, в противном случае, иначе»).

Некоторые из заимствованных союзов могут употребляться и в сочетании с собственно лакским союзом –гу «и»: ягу «или» (ср. и дарг. яра < я + ра), гьамгу «и также», юхссагу «или же».

Исконными являются следующие союзы:

-гу «и»; по происхождению – усилительная частица. В ряде дагестанских и других иберийско-кавказских языков наблюдаются частицы (или морфемы), функционально и материально соответствующие лак. –гу и, видимо, имеющие с нею общее происхождение: авар. –ги, абхаз. –ги, адыг. –гы (-к1ы) и др. (251, 273). В даргинском и табасаранском языках лак. –гу, авар. –ги … соответствует союз –ра, имеющий иное происхождение;

мукуна «также» (< му «тот» + куна «как»);

т1урча(н) «и, же, что касается»; по происхождению форма условного наклонения от глагола т1ун «говорить»; ср. табас. к1уруш (букв. «если говорить»);

хьуннав…хьуннав «будь) то… (будь) то»; восходит к форме пожелания от глагола хьун «стать» (букв. «пусть будет»); ср. дарг. биаб (букв. «будь») «как… так и» (20, 208);

ччарча(н) (ччарчагу, ччарча… ччарча) «или; хоть… хоть»; восходит к глаголу ччан «хотеть»;

цанчирча(н) «потому что» (букв. «если почему сказать»). Ср. аналогичные по образованию союзы в других языках: дарг. сенадли, авар. щай абуни, табас. гьаз гьапиш, лезг. вучив лагьайт1а, адыг. сыда п1ома (букв. «почему, если просишь»);

цан бакъарча «потому что» (букв. «почему, если нет…»), по значению близок к союзу цанчирча(н); ср. и дарг. сенах1енну, авар. щай гурелъул «потому что»;

-нугу «хотя и»; данный союзный суффикс состоит из деепричастного форманта –ну и усилительной частицы (соедини тельного союза) –гу. Встречается и в форме у-нугу (б-унугу, д-унугу), состоящей из основы у (б-у, д-у) «наличный» и союзного суффикса –нугу;

-ча (чан) «если». Союз –ча (чан) является формантом условного наклонения глагола: уч1арча (уч1арчан) «если придет». Исходной для него является форма –ка (кан), отмечаемая в лакских письменных памятниках XVII-XVIII вв. Он увязывается с глаголом учин < укин «сказать» (128, 131; 209, 252);

-чагу (чангу) «хотя и». Состоит из форманта условного наклонения –ча (чан) и усилительной частицы –гу.

мунияту (мунихлуну, мунихтуну) «поэтому, вследствие этого»; восходят к формам послеложных падежей от указательного местоимения му

«этот». В этом же значении употребляется и словосочетание мунийн бувну (< му «этот», бувну «сделав») «вследствие этого»;

цувгу «который»; состоит из возвратного местоимения цу «сам» и частицы (союза) –гу «и»; ср. дарг. сайра (сабира, сарира).

Частицы

В семантическом отношении частицы в лакском языке делятся на следующие группы:

1) указательные: вана «вот» (по отношению к близкому предмету), тана «вон» (по отношению к отдаленному предмету), к1ана «вон» (наверху), гвана «вон» (внизу), муна «вон» (у 2 л.);

2) определительные: гьаманки «именно», сайки «почти», дурус «как раз»;

3) усилительные: -гума (-гумали) «даже», х1атта «даже», -ххa «ведь», гьа «же», -ва(-ра) «же», -ния (-нияча) «ведь», гьич (усиливает отрицание) «никак», -ча «ведь», -кьай «же»;

4) ограничительно-выделительные: так «лишь», анжагъ «только», -вагу (-рагу) «хоть; хотя бы», -чагу «хотя и»;

5) побудительные: -ла «-ка», -кьай «ну», -лар (ларч) «ну, ка», гьу «ну!», хула (хуйла) «ну», -ча «пусть», гьала «ну»;

6) вопросительные: -в, -вав (вавли) «ли», -кьай «ли», ххурав «разве, неужели», туну «так что же», вар (варч) «разве», яр (ярч) «разве», гъар «ли».

7) отрицательные: бакъар «нет», къа- «не», ма- «не», юх «нет», -ч1ав (// -к1уй, -к1ив) «ни», авай «нет, нет же»;

8) утвердительные: ди «да», гьай-гьай «конечно», хъинни «ладно», гьалбатта «конечно», бащустта (устар.) «слушаюсь!».

В качестве частиц выступают аффиксы, употребляющиеся с глагольными формами и выражающие модальные отношения: -ккар (в прош. вр.

–ккива) – выражает предположение, -нав (выражает пожелание), -вуй (пожелание).

Некоторые частицы являются как бы универсальными и используются в самых различных функциях и значениях. В этом отношении можно отметить выступающие и в качестве частиц т.н. возвратные классные аффиксы –ва (I, III кл.), -ра (II, IV кл.) и их фонетические варианты. Они могут присоединяться почти ко всем частям речи и обычно относятся к тому слову, который хотят выделить в предложении логически. По выполняемым функциям эти аффиксы напоминают определенные артикли европейских и арабского языков. В сочетании с союзом –гу «и» названные аффиксы выражают усиление высказывания или допущение, например, значение «хотя бы, хотя бы даже», т.е. выполняют выделительно-ограничительные функции.

По происхождению многие частицы и модальные слова связаны с другими частями речи, нередко по звучанию совпадают с ними. В особенности, частицы связаны с наречиями, местоимениями, союзами. Ряд частиц является по происхождении ю сложными, состоящими из нескольких морфем. В лакском языке немало и заимствованных из других языков модальных слов.

К местоимениям восходят указательные частицы – они образованы от указательных местоимений при помощи аффикса –на: ва «этот» - ва-на «вот», та «тот» - та-на «вон» и др. От указательного местоимения та «тот» при посредстве адвербиального аффикса –ну образована частица туну «так что же».

С наречиями увязываются частицы (имена-частицы): так «только», анжагъ «только», сайки «почти».

Глагольными являются частицы ди «да», бакъар «нет». Частица ххурав (< ххуу-ра-в) «разве» связана с глаголом ххан «казаться». Глагольного происхождения и ча (чан) < на, увязываемая, как отмечалось, с глаголом учин (< укин) «сказать». Исходная форма –ка(н) сохранилась в письменных памят-

никах XVII-XVIII вв., ср. укирка (соврем. учирча) «если скажет», ухьурка (соврем. ухьурча) «если есть, если находится» и др.

С помощью соединительного союза –гу образованы частицы –вагу (< -ва-гу) (I, III кл.), -рагу (< -ра-гу) (II, IV кл.) «хотя бы»; -чагу (< -ча(н)-гу < *-ка(н)-гу «хотя и», -гума (< -гу-ма) «даже». Иногда –гу и –гума выступают в близких значениях, но присоединение –ма еще более усиливает значение, ср. та уч1арчангу «даже если он придет», но та уч1арчангума «и даже если он придет».

Сложными являются частицы: нийа (< ни + йа) «ведь», Лар (< ла-р) «ну», -рив (< ри-в), вавли (< вав-ли) «ли», нияча (< ни-йа-ча). Частицы –вар, -яр, -дар имеют варианты с –ч: -варч, -ярч, -ларч. В диалектах встречаются формы: вар-чу, яр-чу. Возможно, они состоят из частиц –вар, -яр, к которым присоединено существительное чу «человек, мужчина». Эти формы, видимо, упростились: вар-чу > вар-ч, яр-чу > яр-ч.

Некоторые частицы лакского языка проявляют функциональную и материальную близость к соответствующим частицам и частицам-аффиксам (что свидетельствует об общности их происхождения) в ряде дагестанских и других иберийско-кавказских языков: -ххa (ср. авар., ботл., багвал. –ха, андийск. реху (йеху), абхаз., адыг. –х …), -ла (ср. ахвах., ботлих., чамал. –ла, авар. (диалекты) –ло, абхаз. –ла), -ма (ср. чечен. –ма, абхаз. –ма …) и др. (45, 219-224). Частицу –ххa в лакском языке увязывали с глаголом ххан «казаться» (209, 252), т.е. ее происхождение объясняли на лакской же почве, однако наличие соотносимых с этой частицей единиц в других иберийско-кавказских языках показывает опорность такого объяснения.

Междометия

По способу образования междометия лакского языка делятся на первообразные (первичные) и производные (вторичные).

Первообразные междометия по происхождению не связаны со знаменательными частями речи и являются внутренне нерасчленными и неоформленными знаками эмоционального и волевого содержания (85, 673). Эти междометия обычно состоят из двух или трех звуков, односложны, реже двусложны, но часто употребляются в удвоенном виде или в сочетании с другими первичными междометиями: агь, вагь, вай; вай-вай, ваг-шав, ухь-вай и др.

Производные междометия восходят к другим частям речи - полнозначным словам (существительным, глаголам, частицам), которые подверглись «интеръективации»: ччуччу «браво!» (< ччуччин «сжечь»); авра «с приездом!» (< (к1ура) аийи «вернуться, возвратиться»); я аллагь «боже мой!» (аллагь «бог»); ивзрав «доброе утро!» (< изан «встать»); лажинни «пожалуйста!» (< лажин «лицо»).

К производным же междометиям относятся и устойчивые фразеологические сочетания, утратившие самостоятельное лексическое значение и функционирующие как междометия: агь вил къаттай «да что ты!?» (букв. «ах, твой дом!»); ва бабай, ва ттаттай «ой-ой-ой!» (букв. «о мать, о дедушка!»); ваппабай // ва бабай «ох» (букв. «о мать!»); ххуллу хъин «доброго пути!» (ххуллу «дорога», хъин-сса «хороший») и др.

Представлено и немало иноязычных по происхождению междометий (или словосочетаний междометного характера). В большинстве своем они восходят к арабскому языку и распространены и в в других дагестанских и восточных языках: х1айп «жаль!», барча (< барка) «поздравляю!», барчаллагь (< баркаллагь) «спасибо!»; салам «привет!»; машаллагь «как хорошо!».

Мимео-изобразительные слова

В лексическом составе лакского языка большое место занимают мимео-изобразительные слова, которые описывают предмет, процесс, движение, действие, шум, звучание, световые явления, жесты, эмоции и душевное

состояние человека звукоподражательно и образоподражательно, и очень конкретно, образно передают возникающие у человека слуховые и зрительные представления.

По своему лексическому составу они делятся на две подгруппы: звукоподражательные и образоподражательные (звукосимволические) слова.

Звукоподражательные слова передают звуки разнообразных явлений живой и неживой природы, словесно воспроизводят звуки, издаваемые одушевленными и неодушевленными предметами и слышимые в окружающей нас среде, выражают названия слуховых впечатлений: аьнч «чиханье» (аьнч учин «чихнуть», аьнча т1ун «чихать»), гъярж «хруст», гъургъу «ворчание», х1ап «лай», къявхъ (учин) «расплескать», жюржю, жюр-жюр «журчанье», зяр-зяр «звон» и др.

Образоподражательные слова передают различные зрительно-образные представления, зрительно-моторные восприятия и впечатления о различных движениях живых существ, о походке, внешнем виде, мимике, эмоциях, душевном состоянии человека, о конкретных световых явлениях и т.д., возникших у человека в процессе его общественной практики: пар (учин) «блеснуть», пар, пар-пар «блеск»; зурзу «дрожь»; парх «вспышка»; палц1а (т1ун) «швырять» и др.

К мимео-изобразительным словам примыкают, хотя и отличаются от них рядом существенных особенностей т.н. «детские», «лепетные» слова (типа лак. ппаппа «хлеб», ччиччи «мясо» и др.).

Мимео-изобразительные слова лакского языка характеризуются определенными грамматическими особенностями, прочно связаны с грамматической системой языка; «грамматичность» этих слов находит свое выражение в особенностях их сочетания с глаголами, в особенностях выражения недлительности (однократности) и длительности (повторяемости) обозначаемого явления, процесса, звучания и т.д., в широком использовании в словообразовании.

Для звуковой структуры мимео-изобразительных слов лакского языка наиболее характерны следующие фоносиллабические типы:

СГС: в ауслауе могут выступать как шумные, так и сонорные (за исключением л) и полугласные: пар (учин) «блеснуть», кьут1 (учин) «стукнуть» (кьут1 «стук»), ссун (учин) «потереть»;

СГСС: в ауслауте выступает какой-нибудь шумный согласный, а предшествующий согласный бывает непременно сонорным или полугласным (р, л, н, в): парх «вспышка», чавхь «всплеск», т1анк1 «прыжок», к1унт1 «капля»; палц1 (дан) «махнуть» и др.;

СГССГ: как правило, второй слог данной модели повторяет первых два звука первого слога: зурзу (т1ун) «дрожать», гьургьу (т1ун) «ворчать», ххюрххю (дан) «тянуть», ххурхху «грохот», кувку «озноб», шуншу «сопение» и др.;

СГСГ: предшествующий ауслаутному гласному согласный бывает шумным: хуку (дан) «распилить»; иногда в таком виде выступает редуплицированная основа, второй слог является повторением первого: жюр-жюр (т1ун) «журчать», гьар-гьар «хохот»; къяр-къюр «шум, гвалт». Хотя слова этого типа редуплицированы, но первый слог (СГС) не всегда употребляется самостоятельно;

ГСС: у этой модели анлаутный гласный является фарингализованным, инлаутный согласный сонорным, а конечный шумный: аьич «чиханье», оьнш (учин) «высморкаться».

Для мимео-изобразительных слов лакского языка не характерны основы типа Г, СГ, ГС и они встречаются очень редко: а (ахъан) «разинуть рот» и др. Такие основы носят явно междометный характер.

В морфологическом отношении типы СГС и СГСС являются корневыми и первичными, а СГССГ, СГССГС, СГСГ производными и вторичными, полученными от корневых при посредстве частичной или полной редупликации или присоединения гласных для передачи новых смысловых оттенков

(длительность, повторяемость, многократность выражаемого явления, действия, процесса и т.д.).

Большинство мимео-изобразительных основ корневого типа в лакском языке исторически являлись односложными комплексами, состоящими из слогов закрытого типа. Усложнение этих комплексов вызвано наращением гласных к таким основам или редупликацией – частичной или полной.

Мимео-изобразительные слова могут быть объединены в отдельные подгруппы и подтипы по начальным или конечным звукам, причем эти подгруппы слов могут проявлять меж собою определенную семантическую близость. Например мимео-основы с начальным тт- изображают обычно глухое падение, а основы с конечными –ри выражают различного вида ползание, ср. ххярк (учин) «ползать», ссури (учин) «подвинуться» (лежа), аьрк «хромота» и др. Указанная классификация мимео-изобразительных слов показывает, что такие же или очень близкие им звуки, звукокомплексы для передачи всевозможных действий и явлений одного порядка встречаются во многих языках различных семейств (62).

В современном языке многие мимео-изобразительные слова встречаются только в производном виде, а их первичные, исходные основы (корни) не употребительны: ххурхху «грохот», ххюнххю «храп», кувку «озноб», х1уркку (т1ун) «шататься» (о зубе), шуршу «шепот» и др. Однако фонетические и другие особенности, характерные для изобразительных слов, позволяют предположить существование простых основ в прошлом и последующую их утерю в языке.

В морфологическом отношении мимео-изобразительные основы нейтральны (268, 189), но многие из них перешли в разряд имен существительных, воспроизводя звуки и образы предметов и явлений, стали названиями самих предметов и явлений: пар (пар-пар) «блеск», т1анк1 «прыжок», кьац1 «рот», ц1ай «блеск», к1унт1 «капля», ххирххи «хрипота», ххюнххю «храп», к1анш «морганье», гъургъу «ворчанье» и др. Вообще можно отметить, что

мимео-основы тяготеют к именам существительным и могут иметь падежные формы.

Мимео-изобразительные основы в лакском языке широко использованы при словообразовании, в первую очередь при образовании составных глаголов. Имеется и ряд несоставных (корневых) глаголов, которые являются производными от изобразительных корней, ср. ккурун «крутиться», шурун «вертеться», кьючин «напереть».

Выявляется немало производных имен существительных, образованных от мимео-изобразительных основ, при этом ряд деривационных суффиксов характерен лишь для подражательных слов.

Многие лексические единицы лакского языка, относящиеся к различным тематическим группам, по своему происхождению связаны с мимео-изобразительными основами, в частности такими являются названия ряда птиц, наскомых, частей тела, инструментов (орудий), специфических действий и явлений и т.п., ср.: верч1ич1у «жаворонок»; оьнц1у «сопли»; п1ялц1у «слизь» (из глаз); оьнкьу «чад», смрад»; къиссу «пляска вприсядку», пурш «мех, меха» (ср. пурш лахъан «распухнуть», пурш ик1ан «дуться»); т1урк1 «игра» (ср. т1урк1-у т1ун «играть»); бялу «пучеглазый», гъюп1 «сойка» и др. Число таких лексических единиц можно было бы увеличить. Однако и приведенный выше материал ясно свидетельствует о том, что в образовании словарного состава лакского языка важное место занимали мимео-изобразительные основы и дальнейший углубленный историко-этимологический анализ лексики лакского языка, несомненно, выявит немало лексических единиц, обязанных своим происхождением звукосимволическим основам.

Мимео-изобразительные слова лакского языка имеют много ующего в фонетическом и семантическом отношениях с подобными же словами остальных дагестанских языков, имеется много фонетических параллелей и прямых совпадений (см.: 64, 131-132; 164, 27; 222; 223).

Заключение

1. По семантико-грамматическим признакам в лакском языке выделяются имя, глагол и служебные слова, но традиционно они разбиты на различные части речи (существительные, прилагательные, местоимения, глагол…). По своему морфологическому типу лакский язык агглюнативный (с элементами флективности, ср. аблаут при склонении). Основными морфологическими категориями являются категории класса, падежа, числа, времени, наклонения и лица.

2. Морфологический строй современного лакского языка представляет собою исторически сложившуюся систему, в которой выявляются явления и факты – как унаследованные от общедагестанского праязыкового уровня, так и возникшие в самом лакском языке в эпохк его обособленного развития.

Основные морфологические категории – класса, числа, падежа унаследованы от общедагестанского уровня и соответственно их формативы в большинстве случаев выявляют материальную общность с такими же морфемами в других дагестанских языках.

3. Четырехклассная система, характерная для лакского языка, восходит к двухклассной («человек» и «вещь»), в которой выделилась группа имен живых неразумных существ (III кл.), а затем и имена лиц женского пола (II кл.).

Исторически исходными для лакского языка являются классные показатели в, б, д(р), которые имеют и фонетические варианты: в > й, Ø; б > м, в; д(р) > н, л. В процессе фонетических изменений классные показатели подверглись нейтрализации, окаменению (или полуокаменению), утере (полной или частичной), т.е. проявлялась тенденция перехода «классных» основ и форм в «неклассные».

4. Выделяются, как и в других дагестанских языках, основные (именительный, родительный, дательный) и локативные (составляющие семь серий с пятью падежными формами в каждой) падежи.

Исторически в лакском языке выделяется два типа склонения: именное (имя субстантивное) и атрибутивное (местоименное) склонение. Сложный характер современного лакского склонения объясняется взаимодействием указанных двух типов, фонетическими процессами в основообразующих морфемах (аффиксах косвенных основ). Их большое число исторически сводится к четырем морфемам: -на-, -ни- (для атрибутивного склонения) и –рГ- и –дГ- (для именного склонения). Эти аффиксы признаются показателями былого эргативного падежа, исчезнувшего в лакском языке и функции которого стал выполнять родительный падеж.

В лакском языке в прошлом существовал, как и в ряде современных дагестанских языков, классный инессив («в, внутри»), который образовывался при посредстве классных показателей. Он сохранился в ряде имен в балхарском диалекте, а в других диалектах сохранились его следы.

Локативные форманты выявляются и в названиях населенных пунктов. Они были использованы в качестве топонимообразующих аффиксов, т.е. исторически для лакского языка характерны те же модели ойконимов, что и для остальных дагестанских языков.

5. Категория числа выражена при посредстве классных показателей и специальных суффиксов (в именах и личных формах глаголов).

Многочисленность аффиксов множественности в именах существительных объясняется фонетическими процессами, что вызвало появление вариантов, ср.: -ру > -ду, -лу, -ну, -тту; наличием в составе аффикса множественности элемента основы, ср. ц1а-р-ду < *ц1ар-ду «имена»; слиянием двух показателей, ср. –ру + -лит > -рулт. С учетом таких фактов большое количество аффиксов множественности сводится к нескольким исходным, в кото-

рых самостоятельно или в сочетании с другими элементами был использован –р-, предположительно увязываемый с показателем класса вещей –р-.

6. В структуре непроизводных имен существительных преобладают односложные и двухсложные основы СГ, СГС, СГСнС, СГСГ. Составными элементами основы выступают корневой согласный, суффикс-детерминант, префиксальный (окаменелый) классный показатель.

В словообразовательном инвентаре выявляется много непродуктивных (около восьмидесяти) и продуктивных и малопродуктивных деривационных элементов. В большинстве своем эти элементы собственно лакского происхождения, лишь некоторые проявляют материальную и семантическую близость к соответствующим элементам в других дагестанских языках, ср. –шиву < хьибу < хь-ун «стать» и авар. –лъи, дарг. –деш < -дехь, лезг. –вал < *хьвал. Ряд суффиксов по происхождению слова-суффиксы, или суффиксоиды: -чу «мужчина», -щар «женщина», -т1и < -т1-и < т1-ун «говорить».

7. В прилагательных выделяются неоформленные (краткие) и оформленные (полные) основы.

Основы кратких прилагательных по происхождению производные – в них выявляются основообразующие элементы -на-, -лу-, -ли-, -у-. Многие основы представляют собою форму род. п. Имени, ср. ккаши-л- «голодный», ят1у-л красный» и т.д. Имя прилагательное, как морфологическая категория, вторичного происхождения; аффиксы прилагательных восходят к местоимениям, в частности афф. -ма, -мур, -ми увязываются с местоимением му «тот», а афф. –сса восходит к –сса (косв. осн. от ци «что?»).

8. В числительных «стержневыми» являются количественные числительные – названия первого десятка, «20», «30», «100». Корневым в этих основах выступает один согласный; выявляются и окаменелые классные показатели, ср. мукь- < *б-укь- «четыре», но ср. анд. б-окъо-. Система счета десятичная – названия десятков образуются при посредстве суфф. –ц1ал (ср. ац1- «десять»).

От «стержневых» образованы другие разряды – порядковые, разделительные, кратные.

В историко-сравнительном плане в системе числительных лакского и других дагестанских языков проявляется общность корнеслова (корневых морфем) и различия в морфемном инвентаре, используемом для словообразования и словоизменения в числительных. Морфемный инвентарь в числительных в лакском и других дагестанских языках носит инновативный характер и возник в каждом из этих языков в эпоху их обособленного развития.

Близость системы числительных лакского и других дагестанских языков проявляется в однотипности, одинаковости образования различных разрядов числительных и в этом проявляются, возможно, особенности реализации праязыковых тенденций (использование частицы «же» в словообразовании количественных числительных, причастных форм от глагола «сказать» в порядковых числительных).

9. К первичным относятся личные, указательные, вопросительные местоимения, возвратное местоимение 3 л., а к производным – определительные, отрицательные, неопределенные.

Исходные формы личных местоимений 1 л. (на) и 2 л. (ина) сохранились в косвенных основах: тту- < *ду-, ви-. Исходные основы вопросительных местоимений цу «кто?» и ци «что» также выявляются в косвенных основах: ши- < хъхъи-, сса-.

Основы указательных местоимений и возвратного местоимения 3 л. в прошлом содержали в ауслауте классные показатели, которые впоследствии были утеряны, например, цу-в (цу-р, цу-б) > цу «сам».

Отрицательные местоимения образованы от вопросительных при помощи частицы -ч1ав (-к1ив, -к1уй).

Неопределенное местоимение цаппара «некоторые» состоит из ца «один» и перс. бере (> ппара) «кусок», «часть».

Обобщительные местоимения щала «весь», буцири «все» восходят к глагольным корням.

10. В лакском языке имеется около 280 корневых глаголов, выступающих в виде однократного или длительного вида. В качестве корневого согласного выделяется один звук, т.е. известный и другим иберийско-кавказским языкам принцип моноконсонантизма глагольного корня подтверждает и лакский язык. Однако, имеются и исключения из этого правила, в частности встречаются глаголы с инфиксальными морфемами -ру-, -лу-, -ри-, которые могут быть признаны морфемами, показывающими учащательность действия. Кроме них имеются и глаголы, образованные от именных и символических основ, а также сросшиеся основы. Все такие глаголы, как правило, вторичного образования.

Выделяются неклассные и классные глаголы. В большинстве случаев неклассные восходят к классным. В целом ряде глаголов классные показатели окаменелые (д > тт, д > р > л) или утеряны.

Наиболее характерными (в особенности в историческом плане) являются префиксальные классные показатели. В ряде форм появляется и второй классный показатель – инфикс; такой же классный показатель появляется и в большинстве неклассных глаголов. Основная функция этого классного показателя – образование глагольных форм, показывающих завершенность действия, выражение моментного аспекта, т.е. классный показатель использован и в качестве форманта аспекта (совершенного вида).

Спряжение в лакском языке (как в даргинском и табасаранском языках) классно-личное. Категория лица – вторичного происхождения. Личные аффиксы в каждом из иберийско-кавказских языков (в которых имеются личные аффиксы) возникли самостоятельно. Эти аффиксы обычно местоименного или глагольного происхождения. В лакском языке личные аффиксы не местоименного происхождения (Н. Трубецкой). Возможно, они восходят к утвердительной частице предикативного характера; гласный же эле-

мент в этих окончаниях возник под влиянием гласных личных местоимений 1 и 2 лиц ед. и мн. числа.

При классно-личном спряжении во всех формах непереходного глагола классный показатель указывает на грамматический класс субъекта, а личное окончание на лицо субъекта, т.е. глагол моноперсонален; в формах переходного глагола классные показатели указывают на класс объекта, а личное окончание – на лицо субъекта, а иногда и на лицо Объекта, т.е. глагол, как правило, полиперсонален. Полиперсональность в лакском глаголе явление вторичное.

Для лакского глагола характерны различные виды отглагольных имен, причастий и деепричастий. Для их образования использованы аффиксы как собственно лакского происхождения, так и проявляющие родство с соответствующими аффиксами других дагестанских языков (ср. аффикс деепричастий –ун в лак. и авар. яз.).

11. Наречия по своему происхождению являются производными, возникшими в результате обособления тех или иных именных форм, в частности форм родительного и локативного падежей. Кроме того, выявляются морфемы, образующие лексемы адвербиального значения: классные аффиксы, форматив деепричастий. Класс наречий пополнился за счет адвербиализации некоторых словосочетаний и заимствований из других языков.

12. Большинство служебных слов возникло из знаменательных частей речи, их количество росло и за счет заимствований из других языков. Послелоги восходят к наречиям и падежным формам некоторых имен. Союзы возникли (и возникают) в результате обособления тех или иных именных и глагольных форм; немало и заимствованных союзов. Многие частицы по происхождению связаны с наречиями, местоимениями, союзами.

Среди междометий выделяются первичные (первообразные) и производные (вторичные). Первичные не связаны по происхождению с частями речи, а производные получены от форм различных частей речи в результате

утери ими лексического значения и превращения в простые выразители чувств, волеизъявления (интеръективация).

Выявляется большое число слов, относящихся по употреблению (или по происхождению) к мимео-изобразительным – звукоподражательным и образоподражательным – основам. Они имеют характерные для них основы и словообразующие морфемы.

13. В морфологическом строе лакского языка, занимающего центрально-промежуточное положение среди дагестанских языков (между северо-западными и юго-восточными), выявляются черты, сближающие его с аваро-андийскими и, в особенности с даргинским. Определяя сепаратные изоглоссы лакского языка с другими дагестанскими, нельзя не отметить их количественное преобладание в даргинском языке, в особенности целый ряд общих в материальном и функциональном отношениях морфемных элементов, характерных лишь для этих двух языков. Здесь, несомненно, сказывается географический фактор – наиболее проятженной у лакского языка является граница именно с даргинским языком. В хронологическом отношении черты, сближающие лакский язык с аваро-андийскими, являются более древними и архаичными, а черты, сближающие с даргинским (система глагола, личное спряжение, морфемный инвентарь) относительно новыми, возникшими в процесе изменений в исходной системе, исторически общей для всех (или большинства) дагестанских языков.

Список использованной литературы

1. Абаев В.И. Об иранских названиях стали // Иранский сборник. М., 1963.

2. Абдуллаев З.Г. Категория падежа в даргинском языке. Махачкала: ИИЯЛ Даг. ФАН СССР, 1961.

3. Абдуллаев З.Г. Эргативная конструкция предложения в горских письменных языках Дагестана // Эргативная конструкция предложения в языках различныхз типов. Л., 1967.

4. Абдуллаев З.Г. Субъектно-объектные и предикативные категории в даргинском языке. Махачкала: Дагучпедгиз, 1969.

5. Абдуллаев З.Г. Очерки по синтаксиу даргинского языка. М.: Наука, 1971.

6. Абдуллаев З.Г. К генезису формантов датива в даргинском языке // ВЯ. 1982. № 1.

7. Абдуллаев И.Х. Лакский вариант рукописи «Дербент-намэ» // VI научная сессия филологического факультета Тбил. ун-та: Тез. докл. Тбилиси, 1960.

8. Абдуллаев И.Х. Категория грамматических классов в лакском языке (в сравнении с аварским и даргинским языками): Автореф. дис. … канд. филол. наук. Махачкала, 1963.

9. Абдуллаев И.Х. К истории основы возвратного местоимения в лакском языке // Учен. зап. ИИЯЛ Даг. ФАН СССР. Сер. Филол. 1964. Т. XIII.

10. Абдуллаев И.Х. Об одной группе лакских аульных названий // Тр. Тбил. ун-та. Гуманит. науки, 1972. В 3 /142/.

11. Абдуллаев И.Х. Опыт анализа лакской этнонимии // Сборник статей по вопросам дагестанского и вейнахского языкознания. Махачкала: ИИЯЛ Даг. ФАН СССР. 1972.

12. Абдуллаев И.Х. К истории названий пророка в дагестанских языках // Этимология, 1970. М.: Наука, 1972.

13. Абдуллаев И.Х. Категория грамматических классов и вопросы исторической морфологии лакского языка. Махачкала: ИИЯЛ Даг. ФАН СССР, 1974.

14. Абдуллаев И.Х. К истории взаимоотношений категории грамматических классов и склонения имен существительных в лакском языке // VII региональная научная сессия по историко-сравнительному изучению иберийско-кавказских языков: Тез. докл. Сухуми, 1977.

15. Абдуллаев И.Х. Мимео-изобразительные слова в лакском языке // ЕИКЯ. 1979. Т. VI.

16. Абдуллаев И.Х. Об использовании письменных памятников для изучения истории дагестанских языков // Совещание по общим вопросам диалектологии и истории языка (Душанбе, 12-15 ноября 1979 г.): Тез. докл. М., 1979.

17. Абдуллаев И.Х. К генезису суффиксову отвлеченных имен существительных в лакском языке // Очерки морфологии иберийско-кавказских языков. Тбилиси, 1980.

18. Абдуллаев И.Х. Некоторые вопросы глагольного словообразования в лакском языке // Глагол в языках Дагестана. Махачкала, 1980.

19. Абдуллаев И.Х. О метатезе и комплексах согласных в лакском языке // Фонетическая система дагестанских языков. Махачкала, 1981.

20. Абдуллаев С.Н. Грамматика даргинского языка (фонетика и морфология). Махачкала, 1954.

21. Акиев А.Ш. Образование форм номинатива множественного числа имен существительных в лакском языке // Тезисы докладов I конференции молодых ученых Дагестана. Махачкала, 1963.

22. Акиев А.Ш. Анализ элементов родительного падежа множественного числа в лакском яз0ыке // Сборник работ аспирантов кафедр гуманитарных наук (ДГУ им. В.И. Ленина). Махачкала, 1964.

23. Акиев А.Ш. Способы выражения множественного числа имен в формах родительного падежа лакского языка // Сборник студенческих работ (ДГУ им. В.И. Ленина). Махачкала, 1964. Вып. II.

24. Акиев А.Ш. Способы образования форм множественного числа имен в лакском языке: Автореф. дис. … канд. филол. наук. Махачкала, 1964.

25. Акиев А.Ш. Историко-сравнительная фонетика даргинского и лакского языков (Система консонантизма). Махачкала: Дагучпедгиз, 1977.

26. Акиев А.Ш. Сравнительный анализ гласных лакского и даргинского языков. Махачкала: Дагучпедгиз, 1982.

27. Акиев А.Ш. Историкор-сравнительная фонетика лакского и даргинского языков: Автореф. дис. … докт. филол. наук. Тбилиси, 1987.

28. Алексеев М.Е. Вопросы сравнительно-исторической грамматики лезгинских языков: Морфология. Синтаксис. М.: Наука, 1985.

29. Алексеев М.Е. Сравнительно-историческая морфология аварo-андийских языков. М.: Наука, 1988.

30. Алипулатов М.Б. Имя числительное в языках лезгинской группы: Автореф. дис. … канд. филол. наук. Махачкала, 1965.

31. Андгуладзе Н.Д. Категория грамматических классов в иберийско-кавказских языках: Автореф. дис. … канд. филол. наук. Тбилиси, 1954.

32. Андгуладзе Н.Д. Некоторые вопросы истории классного и личного спряжения иберийско-кавказских языках. Тбилиси: Мениэреба, 1968. На груз. яз.

33. Блумфилд Л. Язык. М.: Прогресс, 1968.

34. Бокарев А.А. Материал по диалектологии андо-цезских языков // Памяти акад. Н.Я. Марра. М.; Л., Изд-во АН СССР, 1938.

35. Бокарев А.А. О классных показателях в аварско-андо-цезских языках // Язык и мышление. М.; Л., 1940. Т. I.

36. Бокарев А.А. Синтаксис аварского языка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949.

37. Бокарев Е.А. Локативные и нелокативные значения местных падежей в дагестанских языках // Язык и мышление. М.; Л., 1948. Т. XI.

38. Бокарев Е.А. Краткие сведения о языках Дагестана. Махачкала: ИИЯЛ Даг. ФАН СССР, 1949.

39. Бокарев Е.А. Цезские (дидойские) языки Дагестана. М.: Изд-во АН СССР, 1959.

40. Бокарев Е.А. К реконструкции падежной системы пралезгинского языка // Вопросы грамматики. М.; Л., 1960.

41. Бокарев Е.А. Введение в сравнительно-историческое изучение дагестанских языков. Махачкала: Изд-во Даг. ун-та, 1961.

42. Бокарев Е.А. Сравнительно-историческая фонетика восточно-кавказских языков. М.: Наука, 1981.

43. Бурчуладзе Г.Т. Некоторые вопросы склонения имен в лакском языке // Мацне. Тбилиси, 1968. № 6. На груз. яз.

44. Бурчуладзе Г.Т. Склонение имен в лакском языке: Автореф. дис. … канд. филол. наук. Тбилиси, 1970.

45. Бурчуладзе Г.Т. О некоторых модальных частицах в лакском языке и их параллелях в других иберийско-кавказских языках // ЕИКЯ, 1977. Т. IV.

46. Бурчуладзе Г.Т. Долгие гласные в лакском языке // Мацне. Тбилиси, 1976. № 2. На груз. яз.

47. Бурчуладзе Г.Т. Становление личного спряжения в лакском языке: Автореф. дис. … докт. филол. наук. Тбилиси, 1980.

48. Бурчуладзе Г.Т. Редупликация и грамматические классы в лакском языке // ВЯ. 1982. № 5.

49. Бурчуладзе Г.Т. К различению определенности-неопределенности в атрибутивных именах лакского языка // ЕИКЯ. 1982. Т. IX.

50. Бурчуладзе Г.Т. О вопросительном местоимении «что?» в лакском языке // Сообщ. АН Груз. ССР. 1982. Т. 106. № 1.

51. Бурчуладзе Г.Т. Структура основ имен существительных в лакском языке // ЕИКЯ, 1983. Т. X.

52. Бурчуладзе Г.Т. К происхождению суффикса масдара в лакском языке // X научная сессия Института языкознания АН Груз. ССР. Тез. докл. Тбилиси, 1983.

53. Бурчуладзе Г.Т. Об аблауте гласных в именах существительных лакского языка // ЕИКЯ. 1984. Т. XI.

54. Бурчуладзе Г.Т. К истории конечных гласных имен существительных в лакском языке // ЕИКЯ. 1985. Т. XII.

55. Бурчуладзе Г.Т. Основы указательных местоимений в лакском языке // ИКЯ. 1985. Т. XXIII. На груз. яз.

56. Бурчуладзе Г.Т. Основные вопросы падежного состава и процессов склонения имен существительных в лакском языке. Тбилиси: Мецниэреба, 1986. На груз. яз.

57. Бурчуладзе Г.Т. О распространителях основ ряда –нГ- в лакском языке // Падежный состав и система склонения в кавказских языках. Махачкала, 1987.

58. Бурчуладзе Г.Т. Лакский глагол: Система времен и наклонений. Тбилиси: Мецниэреба, 1987. На груз. яз.

59. Гагуга Р.Р. Виды бацбийского глагола и выражение множественного числа // ИКЯ. 1962. Т. XIII. На груз. яз.

60. Гаджиев М.М. Синтаксис лезгинского языка. I. Простое предложение. Махачкала: ИИЯЛ Даг. ФАН СССР, 1964.

61. Гаджиев М.М. Следы грамматических классов в лезгинском языке // Учен. зап. ИИЯЛ Даг. ФАН СССР. 1958. Т. V.

62. Газов-Гинзберг А.М. Был ли язык изобразителен в своих истоках? М.: Наука, 1965.

63. Гайдаров Р.И. О названиях лезгинских аулов: (К вопросу о топонимике лезгин) // Учен. зап. ДГУ им. В.И. Ленина. Махачала, 1963. Т. XIII.

64. Гайдаров Р.И. Лексика лезгинского языка. Махачкала: Дагучпедгиз, 1966.

65. Гайдарова Ф.А. Падежи и их функции в лакском языке: Автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 1971.

66. Гамкрелидзе Т.В. Лингвистическая типология и праязыковая реконструкция // Сравнительно-историческое изучение языков разных семей: Теория лингвистической реконструкции. М., 1988.

67. Гаприндашвили Ш.Г. К генезису формы нишша «вы» в хайдакском диалекте даргинского языка // ИКЯ. 1953. Т. IV. На груз. яз.

68. Гаприндашвили Ш.Г. К образованию форм множественного числа в даргинском и лакском языках // ИКЯ. 1953. Т. V. На груз. яз.

69. Гаприндашвили Ш.Г. О лакско-даргинских звукосоответствиях // ИКЯ. 1954. Т. VI. На груз. яз.

70. Гаприндашвили Ш.Г. Образование и функции основных падежей в диалектах даргинского языка // Тр. Сталинирского государственного педагогического института. Сталинири, 1956. Т. III.

71. Гаприндашвили Ш.Г. Образование и функции направительных и местных падежей в диалектах даргинского языка // Тр. Сталинирского государственного педагогического института. Сталинири, 1957. Т. IV.

72. Гаприндашвили Ш.Г. Вокализм даргинского и лакского языка // ИКЯ. 1964. Т. XIV.

73. Гасанова С.М. Очерки даргинской диалектологии. Махачкала: ИИЯЛ Даг. ФАН СССР, 1971.

74. Гвинджилиа Л.С. Образование множественного числа имен существиельных в даргинском и лакском языках. Тбилиси: Мецниэреба, 1978. На груз. яз.

75. Гвинджилиа Л.С. Образование множественного числа имен существительных в даргинском и лакском языках: Кавтореф. Дис. … канд. филол. наук. Тбилиси, 1979.

76. Гигинейшвили Б.К. О категории аспекта в удинском языке // ИКЯ, 1959. Т. XI. На груз. яз.

77. Гигинейшвили Б.К. Консонантизм лакского языка: Автореф. дис. … канд. филол. наук. Тбилиси, 1963.

78. Гигинейшвили Б.К. Вопросы консонантизма лакского языка // Тр. Тбил. ун-та. 1963. Т. 96. На груз. яз.

79. Гигинейшвили Б.К. Предисловие редактора (К книге: Микаилов К.Ш. Арчинский язык).

80. Гигинейшвили Б.К. Звонкие аффрикаты общедагестанского языка-основы // Мецне. Тбилиси, 1967. № 1.

81. Гигинейшвили Б.К. Общедагестанская система взрывных согласных // Мецне. Тбилиси, 1970. № 4.

82. Гигинейшвили Б.К. Падежная система общедагестанского языка в свете общей теории эргативности // ВЯ. 1976. № 1.

83. Гигинейшвили Б.К. Сравнительная фонетика дагестанских языков. Тбилиси: Изд-во Тбил. ун-та. 1977.

84. Гониашвили Т.Б. Словарные схождения чеченского и картвельских языков // Изв. ИЯИМК. 1941. Т. V-VI. На груз. яз.

85. Грамматика русского языка. М.: Изд-во АН СССР, 1960. Т. I.

86. Гудава Т.Е. Об одном варианте показателя третьего грамматического класса в аварско-андийско-дидойских языках // ИКЯ. 1953. Т. IV. На груз. яз.

87. Гудава Т.Е. К строению показателя грамматических классов в аварском языке // Языки Дагестана. Махачкала, 1954. Вып. II.

88. Гудава Т.Е. К истории грамматических классов в тиндийском языке // ИКЯ, 1954. Т. VI. На груз. яз.

89. Гудава Т.Е. О некоторых фонетических изменениях показателей грамматических классов в аварском и андийских языках // ИКЯ. 1955. Т. VII. На груз. яз.

90. Гудава Т.Е. К изменениям лабиализованных согласных в аварском и андийских языках // ИКЯ. 1956. Т. VIII.

91. Гудава Т.Е. Сравнительный анализ глагольных основ в аварском и андийских языках. Махачкала: ИИЯЛ Даг. ФАН СССР, 1959.

92. Гудава Т.Е. О дательном падеже в аварском языке // ИКЯ. 1960. Т. XII. На груз. яз.

93. Гудава Т.Е. К историческому взаимоотношению двух типов склонения в аварско-андийских языках // ИКЯ. 1962. Т. XIII. На груз. яз.

94. Гудава Т.Е. Ботлихский язык. Тбилиси: Мецниэреба, 1964. На груз. яз.

95. Гудава Т.Е. Консонантизм андийских языков. Тбилиси: Мецниэреба, 1964.

96. Гудава Т.Е. Багвалинский язык. Тбилиси: Мецниэреба, 1971. На груз. яз.

97. Гудава Т.Е. Сравнительно-исторический анализ консонантизма дидойских языков. Тбилиси: Мецниэреба, 1979.

98. Гудава Т.Е. Количественные числительные в аварско-андийско-дидойских языках // ЕИКЯ. 1980. Т. VII.

99. Гулыга О.А. Инклюзив и эксклюзив в дагестанских языках: Автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 1979.

100. Дешериев Ю.Д. Система грамматических классов в байбийском языке // Докл. И сообщ. Института языкознания АН СССР. 1955. Т. VII.

101. Дешериев Ю.Д. Грамматика хиналугского языка. М.: Изд-во АН СССР, 1959.

102. Дешериев Ю.Д. Сравнительно-историческая грамматика нахских языков и проблемы происхождения и исторического развития горских кавказских народов. Грозный: Чеч.-Инг. Кн. Изд-во, 1963.

103. Дешериев Ю.Д. Нахские языки // Языки Азии и Африки. М., 1979. Т. III.

104. Джавахишвили И.А. Первоначальный строй и родство грузинского и кавказских языков. Тбилиси: Изд-во Груз. фил. АН СССР. 1937. На груз. яз.

105. Джанашиа Р.С. Имена числительные в абхазско-адыгских языках // ЕИКЯ. 1976. Т. III.

106. Джанашиа Р.С. Труды. Тбилиси: Мецниэреба. 1968. Т. IV.

107. Джейранишвили Е.Ф. Грамматические классы в цахурском и рутульском языках // ИКЯ. 1953. Т.V. На груз. яз.

108. Джейранишвили Е.Ф. Окаменелые элементы грамматических классов в глагольных основах и отглагольных именах удинского языка // ИКЯ. 1956. Т. VIII. На груз. яз.

109. Джейранишвили Е.Ф. Удинский язык. Тбилиси: Изд-во Тбил. ун-та, 1971. На груз. яз.

110. Джидалаев Н.С. Структура классного экспонента и его место в лакском глаголе // Тезисы докладов I конференции молодых ученых Дагестана. Махачкала, 1963.

111. Джидалаев Н.С. Некоторые вопросы личного спряжения в лакском языке // Ученю зап. ИИЯЛ Даг. ФАН СССР. Сер. филол. 1964. Т. XII.

112. Джидалаев Н.С. Категория грамматического класса и лица в лакском глаголе: Автореф. дис. … канд. филол. наук. Баку, 1965.

113. Джидалаев Н.С. О некоторых лакских синтаксических конструкциях, образованных по тюркским моделям // Четвертая региональная науч-

ная сессия по историко-сравнительному изучению иберийско-кавказских языков: Вопросы синтаксического строя иберийско-кавказских языков. Тез. докл. Нальчик, 1971.

114. Джидалаев Н.С. К диахронии тюркско-лакских языковых контактов // Советская тюркология. 1971. № 3.

115. Джидалаев Н.С. К характеристике тюркско-дагестанских языковых контактов: Автореф. дис. … докт. филол. наук. Баку, 1972.

116. Дирр А. Краткий грамматический очерк андийского языка. Тифлис, 1906.

117. Дирр А. Агульский язык. Тифлис, 1907.

118. Дирр А. О классах (родах) в кавказских язиах // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1907.

119. Дирр А. Арчинский язык. Тифлис, 1908.

120. Дирр А. Цахурский язык. Тифлис, 1913.

121. Дьяконов И.М., Старостин С.А. Хурритско-урартские и восточнокавказские языки // Древний Восток: Этнокультурные связи. М., 1988.

122. Есперсен О. Философия грамматики. М.: Изд-во иностр. лит., 1958.

123. Жирков Л.И. Грамматика аварского языка. М., 1924.

124. Жирков Л.И. Грамматика даргинского языка. М., 1926.

125. Жирков Л.И. О строе глагола в яфетических языках Дагестана // Доклады АН СССР. В. Л., 1930. № 5.

126. Жирков Л.И. Аварско-русский словарь. М., 1936.

127. Жирков Л.И. Грамматика лезгинского языка. Махачкала: Даггосиздат, 1941.

128. Жирков Л.И. Табасаранский язык. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948.

129. Жирков Л.И. Лакский язык. М.: Изд-во АН СССР, 1955.

130. Жирков Л.И. Спряжение глагола в лакском и даргинском языках // Докл. И сообщ. Института языкознания АН СССР. 1955. Т. VII.

131. Жирмунский В.М. История немецкого языка. М.: Высшая школа, 1965.

132. Загурский Л.П. Заметки о кюринском языке (в связи с исследованными восточно-кавказскими языками) // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1875. Вып. VIII.

133. Зекох У.С. Система склонения в адыгском языке. Майкоп, 1969.

134. Имнайшвили Д.С. Отрицательные местоимения и наречия в иберийско-кавказских языках // ИКЯ. 1953. Т. IV. На груз. яз.

135. Имнайшвили Д.С. Дидойский язык в сравнении с гинухским и хваршийскими языками. Тбилиси: Изд-во АН Груз. ССР, 1963.

136. Каландаров М.И. Балхарский диалект лакского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 1985.

137. Кахадзе О.И. Еще раз о суффиксах эргатива в арчибском языке // ИКЯ. 1968. Т. XVI. На груз. яз.

138. Кахадзе О.И. Арчибский язык и его место среди родственных дагестанских языков. Тбилиси: Мецниэреба, 1979. На груз. яз.

139. Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. Л.: Наука, 1972.

140. Кибрик А.Е., Кодзасов С.В., Оловянникова И.П. Фрагменты грамматики хиналугского языка. М.: Изд-во МГУ, 1972.

141. Кибрик А.Е., Кодзасов С.В., Оловянникова И.П., Самедов Д.С. Опыт структурного описания арчинского языка. М.: Изд-во МГУ, 1977. Т. I-III.

142. Киквидзе В.В. Имя прилагательное в иберийско-кавказских языках // Тр. Тбил. ун-та. Тбилиси, 1958. Т. 71. На груз. яз.

143. Киквидзе В.В. Суффикс – в лакском языке // Сообщ. АН Груз. ССР. 1958. Т. XXI. № 6.

144. Киквидзе В.В. Имя прилагательное в иберийско-кавказских языках: Автореф. дис. … канд. филол. наук. Тбилиси, 1959.

145. Киквидзе В.В. Склонение по «принципу двух основ» в аварском языке // ИКЯ. 1960. Т. XII. На груз. яз.

146. Климов Г.А. Этимологический словарь картвельских языков. М.: Наука, 1964.

147. Климов Г.А. Наследие классиков марксизма и принципы историзма // ВЯ. 1983. № 3.

148. Климов Г.А. Введение в кавказское языкознание. М.: Наука, 1986.

149. Климов Г.А., Алексеев М.Е. Типология кавказских языков. М.: Наука, 1980.

150. Климов Г.А., Талибов Б.Б. К вопросу о сравнительно-историческом изучении лезгинских языков // Учен. зап. ИИЯЛ Даг. ФАН СССР. Сер. Филол. 1964. Т. XIII.

151. Кодзасов С.В. Фонетика арчинского языка: Автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 1977.

152. Косериу Э. Синхрония, диахрония и история // Новое в лингвистике. М., 1963. Вып III.

153. Кумахов М.А. Морфология адыгских языков. I. Нальчик: Каб.-Балкар. Кн. Изд-во, 1964.

154. Кумахов М.А. Словоизменение адыгских языков. М.: Наука, 1971.

155. Куркиев А.С. Местоимения в нахских языках: Автореф. дис. … канд. филол. наук. Тбилиси, 1966.

156. Лавров Л.И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа. М.: Наука, 1966. Ч.I.

157. Ломтадзе Э.А. Категория грамматического класса и числа в хваршийском языке // ИКЯ. 1960. Т. XII. На груз. яз.

158. Ломтадзе Э.А. Гинухский диалект дидойского языка. Тбилиси: Изд-во АН Груз. ССР, 1963.

159. Ломтатидзе К.В. Некоторые вопросы иберийско-кавказского языкознания // ВЯ. 1955. № 4.

160. Магомедбекова Э.М. О двух суффиксах словообразования в каратинском и аварском языках // ИКЯ. 1959. Т. XI.

161. Магомедбекова Э.М. Ахвахский язык. Тбилиси: Мецниэреба, 1967.

162. Магомедбекова Э.М. Каратинский язык. Тбилиси: Маецниэреба, 1972.

163. Магомедов А.Г. Категория грамматических классов и категория лица в глаголе нахских языков: Автореф. дис. … канд. филол. наук. Махачкала, 1966.

164. Магомедов А.Г. Словообразование в даргинском языке. Махачкала: Дагучпедгиз, 1972.

165. Магометов А.А. Звук р̲ в кубачинском диалекте даргинского языка // Сообщ. АН Груз. ССР. 1950. Т. XI. № 7.

166. Магометов А.А. О категории грамматических классов в табасаранском языке // Сообщ. АН Груз. ССР. 1959. Т. XXII. № 6.

167. Магометов А.А. О строе глагола в табасаранском языке // Вопросы изучения иберийско-кавказских языков. М.: Изд-во АН СССР, 1961.

168. Магометов А.А. Реликты грамматических классов в агульском языке // Мацне. Тбилиси, 1962. № 3.

169. Магометов А.А. Личное спряжение в даргинском языке // ИКЯ. 1962. Т. XIII.

170. Магометов А.А. Кубачинский язык. Тбилиси: Изд-во АН Груз. ССР, 1963.

171. Магометов А.А. Личные местоимения лезгинских языков // Мацне. Тбилиси, 1963. № 4.

172. Магометов А.А. Лакская речь аула Шадни // ИКЯ. 1964. Т. XIV.

173. Магометов А.А. Табасаранский язык. Тбилиси: Мацниэреба, 1965.

174. Магометов А.А. Агульский язык. Тбилиси: Мацниэреба, 1970.

175. Магометов А.А. Оформление эргативного падежа личых местоимений в диалектах даргинского языка. // Тр. Тбил. ун-та. Гуманит. науки. 1972. В 3 /142/.

176. Магометов А.А. Мегебский диалект даргинского языка. Тбилиси: Мацниэреба, 1982.

177. Магометов А.А., Церцвадзе И.И. О взаимоотношении причастия и абсолютива в лакском и даргинском языках // ИКЯ. 1985. Т. XXIII. На груз. яз.

178. Майтинская К.Е. Местоимения в языках разных систем. М.: Наука, 1969.

179. Майтинская К.Е. Местоимения в универсалии // Универсалии и типологические исследования. М., 1974.

180. Майтинская К.Е. Историко-сопоставительная морфология финно-угорских языков. М.: Наука, 1979.

181. Мальсагова Л.Д. Качественные имена прилагательные в чеченском и ингушском языках: Автореф. дис. … канд. филол. наук. Грозный, 1972.

182. Маммаева Н.Ц. Об адвербиальных аффиксах лакского языка // I конференция молодых ученых Даг. ФАН СССР. Тез. докл. Махачкала, 1978.

183. Маммаева Н.Ц. Количественные наречия в лакском языке // Молодежь и общественный прогресс: Материалы III республиканской научно-практической конференции молодых ученых Дагестана. Ч. I. Тез. докл. Махачкала, 1978.

184. Маммаева Н.Ц. Морфолоическая структура производных наречий времени в лакском языке // Морфологическая структура дагестанских языков. Махачкала, 1981.

185. Маммаева Н.Ц. Наречия-тюркизмы в лакском языке // Тюркско-дагестанские языковые контакты. Махачкала, 1982.

186. Маммаева Н.Ц. Об одном способе образования наречий места в лакском языке // Научная конференция аспирантов и молодых аучных работников (Посвящается 200-летию Георгиевского трактата). Тез. докл. Тбилиси, 1983.

187. Маммаева Н.Ц. Образование отрицательных наречий в лакском языке // Вопросы словообразования в дагестанских языках. Махачкала, 1986.

188. Марр Н.Я. Непочатый источник истории кавказского мира // ИАН. VI серия. Петроград, 1917. № 5.

189. Мейе А. Сравнительный метод в историческом языкознании. М.: Изд-во ин. лит., 1954.

190. Мейланова У.А. Морфологическая и синтаксическая характеристика падежей лезгинского языка. Махачкала: ИИЯЛ Даг. ФАН СССР, 1960.

191. Мейланова У.А. О категории грамматическоо класса в лезгинском языке // Учен. зап. ИИЯЛ Даг. ФАН СССР, 1962. Т. X.

192. Мейланова У.А. Об отражении категории класса в именах существительных дагестанских языков // Учен. зап. ИИЯЛ Даг. ФАН СССР. Сер. Филол. 1964. Т. XIII.

193. Мещанинов И.И. Общее языкознание. Л.: Учпедгиз, 1940.

194. Мещанинов И.И. Эргативная конструкция в языках различных типов. Л.: Наука, 1967.

195. Микаилов Ш.И. Функция локативных падежей в аварском языке // Тр. I научной сессии Дагестанской научно-исследовательской базы АН СССР. Махачкала, 1948.

196. Микаилов Ш.И. Сравнительно-историческая фонетика аварских диалектов. Махачкала: ИИЯЛ Даг. ФАН СССР, 1958.

197. Микаилов Ш.И. Очерки аварской диалектологии. М.: Изд-во АН СССР, 1959.

198. Микаилов Ш.И. Сравнительно-историческая морфология аварских диалектов. Махачкала: ИИЯЛ Даг. ФАН СССР, 1964.

199. Микаилов К.Ш. Об одном словообразовательном суффиксе аварского языка // Учен. зап. ИИЯЛ Даг. ФАН СССР. Сер. Филол. 1955. Т. XV.

200. Микаилов Ш.И. Арчинский язык. Махачкала: ИИЯЛ Даг. ФАН СССР, 1967.

201. Микаилов Ш.И. К вопросу о морфологической структуре количественных имен числительных в горских дагестанских языках // Материалы I сессии по сравнительно-историческому изучению иберийско-кавказских языков. Махачкала, 1969.

202. Муркелинский Г.Б. К истории образования глагола в лакском языке // Языки Дагестана. Махачкала, 1948. Вып. I.

203. Муркелинский Г.Б. Показатели множественности в лакском языке // Тр. I научной сессии Дагестанской научно-исследовательской базы АН СССР. Махачкала, 1948.

204. Муркелинский Г.Б. Краткие сведения о вихлинском диалекте лакского языка // Памяти Северного Кавказа и Дагестана. М., 1949. Вып. II.

205. Муркелинский Г.Б. Классы и классные показатели в лакском языке // Тр. II научной сессии Дагестанской научно-исследовательской базы АН СССР. Махачкала, 1949.

206. Муркелинский Г.Б. Очерк грамматики лакского языка: Автореф. дис. … канд. филол. наук. Махачкала, 1951.

207. Муркелинский Г.Б. Словообразование в лакском языке // Учен. зап. ИИЯЛ Даг. ФАН СССР. 1957. Т. III.

208. Муркелинский Г.Б. Говоры аштикулинского диалекта лакского языка // Учен. зап. ИИЯЛ Даг. ФАН СССР. Сер. Филол., 1962. Т. XI.

209. Муркелинский Г.Б. Грамматика лакского языка. Махачкала: Дагучпедгиз, 1971.

210. Мусаев М.-С.М. Чирагский диалект даргинского языка // Вопросы русского и дагестанского языкознания. Махачкала, 1975.

211. Мусаев М.-С.М. Лексика даргинского языка. Махачкала, 1978.

212. Мусаев М.-С.М. Система глагольного словоизменения даргинского языка. Махачкала, 1980.

213. Мусаев М.-С.М. Падежный состав даргинского языка (история падежей). Махачкала: Дагучпедгиз, 1984.

214. Мусаев М.-С.М. Словоизменительные категории даргинского языка (категория грамматических классов, абстрактные падежи). Махачкала, 1987. Ч. II.

215. Назаров В.П. Разыскания в области исторической морфологии восточнокавказских языков. Махачкала: Дагучпедгиз, 1974.

216. Немировский М.Я. Род и класс. К вопросу о генезисе номинальных классификаций // Изв. Ингушского научно-исследовательского института. Орджоникидзе; Грозный, 1934-1935. Т. IV. Вып. II.

217. Прокош Э. Сравнительная грамматика германских языков. М.: Изд-во иностр. лит. 1954.

218. Рогава Г.В. К вопросу о структуре именных основ и категории грамматических классов в адыгских (черкесских) языках. Тбилиси: Изд-во АН Груз. ССР, 1956.

219. Рогава Г.В., Керашева З.И. Грамматика адыгейского языка. Краснодар-Майкоп: Краснодар. книжн. Изд-во, 1966.

220. Саидов М.С. Аварско-русски словарь. М.: Советская энциклопедия, 1967.

221. Саидов М.С. Из истории возникновения письменности у народов Дагестана // Языки Дагестана. Махачкала, 1976. Вып. III.

222. Самедов Дж.С. Фонологические особенности образных слов в некоторых дагестанских языках // Вестник Московского университета. Филология. М., 1975. № 5.

223. Самедов Дж.С. Некоторые вопросы лексики арчинского языка: Автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 1975.

224. Серебренников Б.А. Историческая морфология мордовских языков. М.: Наука, 1967.

225. Серебренников Б.А. Вероятностные обоснования в компаративистике. М.: Наука, 1974.

226. Серебренников Б.А., Гаджиева Н.З. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Баку: Маариф, 1979.

227. Соссюр Ф. Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977.

228. Сравнительная грамматика германских языков. М.: Изд-во АН СССР, 1962. Т. II.

229. Сравнительно-историческая лексика дагестанских языков. М.: Наука, 1971.

230. Сравнительно-историческое изучение языков разных семей. Современное состояние и проблемы. М.: Наука, 1981.

231. Степанов Н.С. Методы и принципы современной лингвистики. М.: Наука, 1975.

232. Структурные общности кавказских языков. М.: Наука, 1978.

233. Сулейманов Я.Г. Некоторые вопросы андийского языка (По данным селения Риквани) // Учен. зап. ИИЯЛ Даг. ФАН СССР, 1959. Т. VI.

234. Талибов Б.Б. Место хиналугского языка в системе языков лезгинской группы // Учен. зап. ИИЯЛ Даг. ФАН СССР, 1960. Т. VII.

235. Талибов Б.Б. О некоторых окаменелых и полуокаменелых элементах в структуре лезгинского языка // Вопросы грамматики. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960.

236. Талибов Б.Б. Система грамматических классов в цахурском языке // Вопросы иберийско-кавказских языков. М., 1961.

237. Талибов Б.Б. К вопросу о структуре именных и глагольных основ в лезгинских языках // Материалы I сессии по сравнительно-историческому изучению иберийско-кавказских языков. Махачкала, 1969.

238. Талибов Б.Б. Сравнительная фонетика лезгинских языков. М.: Наука, 1980.

239. Талибов Б.Б., Гаджиев М.М. Лезгинско-русский словарь. М.: Советская энциклопедия, 1966.

240. Топуриа В.Т. О системе склонения в лакском языке // Сообщ. Государственного музея Груии. 1940. Т. X-B. На груз. яз.

241. Топуриа В.Т. Грамматические классы и их экспоненты в лакском языке // Изв. ИЯИМК. 1942. Т. XII. На груз. яз.

242. Топуриа В.Т. Синтаксическая конструкция в лакском языке в сравнении с картвельскими языками // VI научная сессия филологического факультета Тбил. ун-та. Тез. докл. Тбилиси, 1960.

243. Топуриа В.Т. Синтаксическая конструкция в лакском языке // Эргативная конструкция предложения в языках различных типов: Тез. докл. Л., 1964.

244. Топуриа В.Т. Спорные вопросы грамматики грузинского языка // Грузинский язык и литература в школе. 1967. № 3. На груз. яз.

245. Топуриа Г.В. Морфологические категории глагола лезгинского языка. Тбилиси: Изд-во АН Груз. ССР, 1959. На груз. яз.

246. Топуриа Г.В. Строение имен числительных в лезгинском и крызском языках // Сообщ. АН Груз. ССР, 1959. Т. XXIII. № 5.

247. Топуриа Г.В. К вопросу о генезисе родительного падежа в лакском языке // ИКЯ. 1974. Т. XIX. На груз. яз.

248. Топуриа Г.В. Морфология склонения в дагестанских языках: Автореф. дис. … докт. филол. наук. Тбилиси, 1987.

249. Трубецкой Н.С. Латеральные согласные в северокавказских языках // Трубецкой Н.С. Избр. тр. По филологии. М.: Прогресс, 1987.

250. Трубецкой Н.С. Заметки о глагольных показателях в чеченолезгинских (восточнокавказских) языках // Трубецкой Н.С. Избр. тр. по филологии. М.: Прогресс, 1987.

251. Трубецкой Н.С. Северокавказские словарные сопоставления // Трубецкой Н.С. Избр. тр. по филологии. М.: Прогресс, 1987.

252. Туманян Э.Г. Древнеармянский язык. М.: Наука, 1971.

253. Услар П.К. Этнография Кавказа. Языкознание. I. Абхазский язык. Тифлис, 1887.

254. Услар П.К. Этнография Кавказа. Языкознание. II. Чеченский язык. Тифлис, 1888.

255. Услар П.К. Этнография Кавказа. Языкознание. III. Аварский язык. Тифлис, 1889.

256. Услар П.К. Этнография Кавказа. Языкознание. IV. Лакский язык. Тифлис, 1890.

257. Услар П.К. Этнография Кавказа. Языкознание. V. Хюркилинский язык. Тифлис, 1892.

258. Услар П.К. Этнография Кавказа. Языкознание. VI. Кюринский язык. Тифлис, 1896.

259. Хайдаков С.М. Значение временных форм лакского глагола: Автореф. дис. … канд. филол. наук, М., 1953.

260. Хайдаков С.М. Балхарский диалект лакского языка // Тр. Института языкознания АН СССР. М., 1954. Т. III.

261. Хайдаков С.М. Следы классификации названий предметов по их внешним признакам в лакском языке // Вопросы грамматики. М.; Л., 1960.

262. Хайдаков С.М. Очерки по лексике лакского языка. М.: Изд-во АН СССР, 1961.

263. Хайдаков С.М. Структурные типы лакских слов (Фонемная структура) // Вопросы изучения иберийско-кавказских языков. М.: Изд-во АН СССР, 1961.

264. Хайдаков С.М. Лакско-русский словарь. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей. 1962.

265. Хайдаков С.М. Принципы распределения имен существительных по грнамматическим классам в лакском языке // …….. 1963. Т. I.

266. Хайдаков С.М. Старокумухский диалект // ИКЯ. 1964. Т. XIV.

267. Хайдаков С.М. Своеобразие эргативной конструкции в лакском языке // ИКЯ. 1964. Т. XIV.

268. Хайдаков С.М. Очерки по лакской диалектологии. М.: Наука, 1966.

269. Хайдаков С.М. Основные вопросы лексики и грамматического строя лакского языка: Автореф. дис. …докт. филол. наук. Тбилиси, 1970.

270. Хайдаков С.М. Сравнительно-сопоставительный словарь дагестанских языков. М.: Наука, 1973.

271. Хайдаков С.М. Система глагола в дагестанских языках. М.: Наука, 1975.

272. Хайдаков С.М. К особенности функционирования классной системы в дагестанских языках и языке фула // ВЯ. 1977. № 6.

273. Хайдаков С.М. Принципы именной классификации в дагестанских языках. М.: Наука, 1980.

274. Ханмагомедов Б.Г.-К. Система местных падежей в табасаранском языке. Махачкала: Дагучпедгиз, 1958.

275. Ханмагомедов Б.Г.-К. Очерки по синтаксису табасаранского языка. Махачкала: Дагучпедгиз, 1970.

276. Церцвадзе И.И. Дательный падеж с классными показателями в анцухском диалекте аварского языка // Тр. Тбил. ун-та. Тбилиси, 1946. Т. XXVII В. На груз яз.

277. Церцвадзе И.И. Основы вопросительных местоимений в аварском языке // ИКЯ. 1953. Т.IV. На груз. яз.

278. Церцвадзе И.И. О лакских соответствиях аварским латеральным согласным // ИКЯ, 1960. Т. XII. На груз. яз.

279. Церцвадзе И.И. Андийский язык. Тбилиси: Мецниэреба, 1965. На груз. яз.

280. Церцвадзе И.И. К вопросу об эргативном падеже в лакском языке // ИКЯ. 1968. Т.XVI. На груз. яз.

281. Церцвадзе И.И. Глаголы с классным показателем и без классного показателя в аварском языке / ИКЯ. 1970. Т. XVII.

282. Чапанов М.И. Эргативная конструкция предложения в нахских языках // Изв. Чеч.-Инг. НИИ ИЯЛ. Т. IV. Вып. 2. Языкознание. Грозный, 1962.

283. Чикобава А.С. К истории грамматических классов в аварском языке // Изв. ИЯИМК. Тбилиси, 1937. Т. I. На груз. яз.

284. Чикобава А.С. К вопросу о «полиперсонализме» в аварском языке в связи с проблемой эргативной конструкции // Изв. ИЯИМК. Тбилиси, 1941. Т. X. На груз. яз.

285. Чикобава А.С. К генезису второго грамматического класса в горских кавказских языках // Сообщ. АН Груз. ССР. 1942. Т.III. № 4.

286. Чикобава А.С. Пермансив и место, занимаемое им в истории спряжения грузинского глагола // Сообщ. АН Груз. ССР. 1943. Т.IV. № 1. На груз. яз.

287. Чикобава А.С. Древнейшая структура именных основ в картвельских языках. Тбилиси: Изд-во АН Груз. ССР, 1942. На груз. яз.

288. Чикобава А.С. Категория грамматических классов и генезис падежных окончаний в грузинском языке // Сообщ. АН Груз. ССР. 1946 Т.VII. № 1-2.

289. Чикобава А.С. Картвельские языки, их исторический состав и древни1 лингвистический облик // ИКЯ. 1948. Т. II.

290. Чикобава А.С. К склонению местоимений в аварском языке // Изв. ИЯИМК. Тбилиси, 1942. Т. XII. На груз. яз.

291. Чикобава А.С. К истории образования эргатива в аварском языке // ИКЯ. 1948. Т. II. На груз. яз.

292. Чикобава А.С. Несколько замечаний об эргативной конструкции (К постановке проблемы) // Эргативная конструкция предложения. М.: Изд-во иностр. лит., 1950.

293. Чикобава А.С. К этимологии древнегрузинских терминов…… и ….. «юг» // ИКЯ. 1953. Т. V. На груз. яз.

294. Чикобава А.С. Введение в языкознание. М.: Учпедгиз, 1953.

295. Чикобава А.С. К генезису суффиксов множественности в грузинском языке // ИКЯ. 1954. Т. VI. На груз. яз.

296. Чикобава А.С. Иберийско-кавказское языкознание, его общелингвистические установки и основные достижения // Изв. АН СССР. ОЛЯ. 1958. Т. XVII. Вып. 2.

297. Чикобава А.С. Проблема языка как предмета языкознания. М.: Учпедгиз, 1959.

298. Чикобава А.С. Проблема эргативной конструкции в иберийско-кавказских языках. II. Теория сущности эргативной конструкции. Тбилиси: Изд-во АН Груз. ССР. 1961. На груз. яз.

299. Чикобава А.С. Предисловие редактора (к книге: Гудава Т.Е. Консонантизм андийских языков).

300. Чикобава А.С. История изучения иберийско-кавказских языков. Тбилиси: Ганатлеба, 1965. На груз. яз.

301. Чикобава А.С. О некоторых процессах трансформации аналитических образований в синтетические (по данным иберийско-кавказских языков) // Аналитические конструкции в языках различных типов. М.; Л., 1967.

302. Чикобава А.С. Грузинский зык // Языки народов СССР. Т. IV. Иберийско-кавказские языки. М., 1967.

303. Чикобава А.С. Историзм в лингвистике // ВЯ. 1980. № 6.

304. Чикобава А.С. О текстовых записях И. Гюльденштедта от 1771-73 годов по ряду бесписьменных языков Кавказа // ЕИКЯ. 1982. Т. IX.

305. Чикобава А.С. Проблема эргативной конструкции в иберийско-кавказских языках // Эргативная конструкция предложения в языках различных типов. Л., 1967.

306. Чикобава А.С., Церцвадзе И.И. Аварский язык. Тбилиси: Изд-во Тбил. ун-та, 1962. На груз. яз.

307. Чокаев К. О грамматическом способе образования топонимических названий в чеченском языке // Изв. Чеч.-Инг. НИИ ИЯЛ. Т.III. Вып. 2. Языкознание. Грозный, 1962.

308. Чокаев К.З. Морфология чеченского языка. Словообразование частей речи. Iiозный: Чече.-Мнг. Кн. Изд-во, 1970.

309. Шагиров А.К. Этимологический словарь адыгских языков. II. М.: Наука, 1977.

310. Шанидзе А.Г. Основы грамматики грузинского языка. I. Морфология. Тбилиси: Изд-во Тбил. ун-та, 1973. На груз. яз.

311. Шаумян Р.М. Следы грамматических классов (родов) в агульском языке // Язык и мышление. М.; Л., 1936. Т. VI-VII.

312. Шахшаева М.М. Роль русского языка в развитии и обогащении лексики лакского языка. Автореф. дис. … канд. филол. наук. Махачкала, 1983.

313. Шухард Г. О пассивном характере переходного глагола в кавказских языках // Эргативная конструкция предложения. М.: Изд-во иностр. лит., 1950.

314. Якобсон Р. Типологические исследования и их вклад в сравнительно-историческое языкознание. // Новое в лингвистике. М., 1963. Вып. III.

315. Яковлев Н.Ф., Ашхамаф Д. Грамматика адыгейского литературного языка. М.; Л.: Из-д-во АН СССР, 1941.

316. Яковлев Н.Ф. Морфология чеченского языка // Тр. Чеч.-Инг. НИИ ИЯЛ. Т. Iозный, 1960.

316[a]. Ярцева В.И. Историческая морфология английского языка.: Изд-во АН СССР, 1960.

317. Айтберов Т. Мах1аммад Убринал чагъар («Письмо Магомеда Убринского») // Дусшиву. 1976. № 3.

318. Муркелинский Г.Б. Лакку мазрайсса «Дербент-намэ» («Дербент-намэ» на лакском языке») // Дусшиву. 1971. № 1.

319.

320.

321.

322.

323.

324.

325.

326.

327.

328.

Сокращения и условные обозначения

Языки и диалекты

авар.	-	аварский
агул.	-	агульский
азерб.	-	азербайджанский
акуш.	-	акушинский
анд.	-	андийский
араб.	-	арабский
арак.	-	аракульский
арч.	-	арчинский
ахв.	-	ахвахский
багвал.	-	багвалинский
балх.	-	балхарский
бацб.	-	бацбийский
бежт.	-	бежтинский
ботл.	-	ботлихский
вихл.	-	вихлинский
вицх.	-	вицхинский
гинух.	-	гинухский
годоб.	-	годоберинский
груз.	-	грузинский
дарг.	-	даргинский
дид.	-	дидойский
инг.	-	ингушский
крыз.	-	крызский
кубач.	-	кубачинский
кумух.	-	кумухский
кумык.	-	кумыкский
лак.		

лезг.	-	лезгинский
мегеб.	-	мегебский
осет.	-	осетинский
перс.	-	персидский
русск.	-	русский
рут.	-	рутульский
таб.	-	табасаранский
тур.	-	турецкий
удин.	-	удинский
урах.	-	урахинский
хварш.	-	хваршинский
хиналуг.	-	хиналугский
цах.	-	цахурский
цез.	-	цезский
чеч.	-	чеченский

Грамматические термины

грам. кл. // гр. кл.	-	грамматически йкласс
д.	-	диалект
ед.ч.	-	единственное число
мн.ч.	-	множественное число
Им.п. (// им.п.)	-	именительный падеж
Эрг.п. (// эрг.п.)	-	эргативный падеж
Род.п. (// род.п.)	-	родительный падеж
Дат.п. (// дат.п.)	-	дательный падеж
М.п. (// м.п.)	-	местный падеж
Н.п. (// н.п.)	-	направительный падеж
прич.	-	причастие
деепр.	-	деепричастие

наст. вр.	-	настоящее время
буд. вр.	-	будущее время
прош. вр.	-	прошедшее время
л.	-	лицо
вр.	-	время
яз.	-	язык

Обозначения

*	-	гипотетическая форма
=	-	равняется; полностью соответствует значению
	-	развилось из…; возникло из…; означает производность предшествующей формы от последующей
	-	превратилось в…; перешло в…; означает производность последующей формы от предшествующей
//	-	параллельность форм.

Слова, приводимые в качестве примеров, транскрибированы в работе практическим лакским алфавитом (на русской основе). В аварских, андийских, цезских и арчинских слова кь выражает абруптивную латеральную лъ – латеральный глухой спирант, лълъ – усиленный вариант последнего.

ЕИКЯ - Ежегодник иберийско-кавказского языкознания.

ИКЯ - Иберийско-кавказское языкознание.

ИИЯЛ Даг. ФАН СССР - Институт истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР.

ИЯИМК - Институт языка, истории и материальной культуры (АН Груз. ССР).

Мацне - Известия АН Груз. ССР. Серия языка и литературы.

Приложение

Словарь морфем и морфемных элементов лакского языка

Предлежащий словарь морфем представляет собою перечень расположенных в алфавитном порядке всех выявленных аффиксальных морфем лакского языка (продуктивных и непродуктивных, а также выделяемых в результате исторического анализа). Словарь имеет целью выявление всего морфологического инвентраря, определяющего грамматический строй лакского языка – словообразовательные, основообразовательные, формообразовательные и словоизменительные форманты. Такой полный индекс морфем представляет интерес и как свод всех аффиксальных элементов языка, и как материал, способствующий дальнейшим углубленным исследованиям синхронного и диахронного порядка в области лакской морфологии и ее связей с другими дагестанскими языками. Для морфологического строя лакского, как и для остальных дагестанских языков, а в типологическом плане – для аглютинативных языков характерной и определяющей морфологическую структуру языка является аффиксация, главным образом – суффиксация (префиксация в лакском языке ограничена классными показателями и зарождающимися превербами). Поэтому он может служить важным подспорьем для изучения истории лакского языка. Этим целям служит и исторический подход к приводимым в словаре морфемам: по мере возможности, указываются фонетические процессы, происшедшие во многих морфемах, что вызвало появление новых вариантов, иногда ставших уже самостоятельными и пополняющими класс лакских морфем, дается генезис ряда аффиксов, выявляются случаи обособления сочетания двух и более морфем и превращения их в результате переразложения в самостоятельные сложные морфемы.

Словарь состоит из грамматических статей, заглавными формами которых взяты словообразовательные, основообразовательные, формообразо-

вательные и словоизменительные аффиксальные морфемы. В большинстве случаев грамматические статьи содержат толкование граммаических значений. Как правило, статьи не имеют грамматических толкований в том случае, когда данный аффикс является вариантом другого; в этих статьях делается отсылка на статью, содержащую в себе исходную («основную») форму аффикса. Заглавная форма статьи с грамматическим толкованием сопровождается, как правило, заключенным в скобки перечнем всех вариантов данной морфемы. В скобках же даются с соответствующим обозначением и исходные варианты тех или иных морфем. Грамматическое толкование морфем приводится в самом сжатом виде с использованием общепринятых в лингвистической литературе сокращений и обозначений; после грамматических толкований приводится иллюстративный материал с переводом на русский язык. Затем в некоторых случаях сообщаются сведения историко-этимологического порядка. Такой подход, реализованный с учетом фонетических, диалектных вариантов, сложноо характера целого ряда морфемных элементов, «заимствованность» некоторых морфем и др., позволяет дать общую характеристику морфемного инвентаря лакского языка в историческом плане. Многие морфемные элементы возникли в самом лакском языке. В эпоху его обособленного развития после распада прадагестанского языка-основы. Возводимых к такому уровню морфемных элементов в лакском языке мало (ряд классных, падежных и глагольных морфем). Все варианты классных показателей в лакском языке сводятся к нескольким основным (исходным): в-, б-, д-, р-, а аффиксы косвенной основы и множественного числа имен существительных также сводятся к ограниченному числу; словообразовательные же элементы проявляют связь с формообразовательными и словоизменительными; выявляется взаимосвязь именной и глагольной морфемики (ср. –й – форматив суперэссива и деепричастия: ч1ира-й «на стене» и дулла-й «делая»).

А

-а — афф., образующ., им. лиц от подражат. основ: *ттап-а* “неуклюжий человек” *(ттап-ттап* “топот”);

-а — непродукт, словообраз. афф. им. сущ.: *кунцI-а* “болото”; *бурс-а* “иней”;

-а — афф., образующ., ласк., форму от им. лиц: *усс-а* “братец” *(уссу* “брат”);

-а — афф. гипокорист. ф. от ряда антропонимов: *Х1ай-дар-а* “Гайдар”, ср. и *багьадур-а* “герой”, *щан-ххал-а* “шамхал”.

-а- — соединит, гласный (и афф. косвен, основы) в ряде им. сущ.: *ниц-а-л* (род. п. от *ниц* “бык”).

-а- — вокалич. афф. косв. осн. в им. сущ. мн. ч.: *усс-а-л* (род. п. от *усру* “обувь”); *жип-а-л* (род. п. от *жипру* "карманы").

-а — афф. исходн., п.: *чIира-й-а* “со стены”; по происхождению — усечен., вариант афф. *-ату: ч1ира-й-ату >// чIира-й-а.* См. *-ату.*

-а — афф., образующ., основу кратк. прилагат.: *аьрчч-а- -(сса)* < *аьрк(к)-а~сса* “хромой”; ср. *аьрк* “ящур” (“хромота”).

-а (<-ва) — фонет. вариант возвратн., афф. I кл. *-ва;* появляется после согласн.: *мукь-а* < *мукь-ва* (ср. *мукь-ра, мукь- -ва* < *мукь-ба]* “четыре”. В ряде форм стал обобщен, морфолог, показателем вместо классн. афф. *-ва, -ба, -да, -ра: ттул-а* (< *ттул-ва, ттул-да, ттул-ба)* “мой же”;

-а — афф., указыв. на учащат., многократн. в подражат. основах: *пIякь (учин)* “взорваться”, но *пIякь-а (т1ун)* “взрываться”;

-а- — тематич. (соединит.) глас, в инфинит. ф.: *учI-а-н* “придти”;

-а — афф., образующ. основу им. части сложн., глагола: *гьухъ-а итан* “вспотеть” *(гьухъ* “пот”);

142

-а — афф. повелит, накл. ед. ч. перех. глаг.: *чич-а* “пиши!”.

-аб(а)- — глаг. афф., вицх. д., см. *-ав(а)-*

-абайк — алломоф. афф. дееприч. *-абай,* вицх. д., см. *-авайк.*

-абу(<-аб-у) — вицх., балх., аштикул. вариант афф. масдара, см. *-аву.*

-ав —словообр. афф. им. сущ.: *ганз-ав* “толстяк” '(< *ганз-*

-сса “толстый”)', *аццал-ав* “пугало” *(аццал* — род. п. от *аццив* “тряпьё”).

-ав — афф. 1 л. ед. ч. прош. вр.: *лас-ав* “я взял”.

-ав — афф. запретит, ф. глаг. 2 л. ед. ч. в вицх., аштикулин. д.: *ма-б-ав* “не делай!”.

-(а)в — афф. вопрос, ф. глаг. 2 л. ед. ч.: *увкIр-(а)в* “пришел?” См. *-в.*

-ав(а)- (< аб(а), ср. вицх. -аб(а)-) — афф. повторн., вида глаг.: *кьукьин* “отрезать”, *кьукь-ава-н* “иногда, временами резать”.

-авай (< -абай, ср. вицх. -абай) — афф. дееприч. указывающ. на близость завершения действ, или состоян.: *учI-авай ур* “вот-вот придет”. Сложи, афф., состоящий из афф. повторн., вида *-ава-* и афф. прич. и дееприч. *-й* (ср. и афф. суперэссива *-й).*

-авайк (<-абайк, ср. вицх. -абайк) — аллюморф. афф. дееприч. *-авай.* Состоит из афф. *-авай-* и афф. адверб. значен, *-к* (< *кун-(а)* “подобно”; *учI-авай (//уч1- -авай-к) ур* “вот-вот придёт”.

-аву (< -абу, ср. вицх. **-абу**) — афф. масдара: *кьукь-аву* “резание”. В афф. выделяется *-ав-* (ср. афф. повторн., в. *-ав(а)-* и *-у* (ср. афф. ряда отглаг. имен. *-у).*

-ай — “омертвел.” словообраз. еуф. им. сущ.: *гьалмагъ-ай* “жених” (ср. *гьалмах-чу* “товарищ”).

-ай (< *в-ай) — афф. классн. аллатива (I кл.): *ч1ирачIан-ай* “в сторону к стенке”. См. *-вай.*

-ай (< *-в-ай) — кл. афф. с адверб. (врем.) знач.: *ахттайн-ай* “в полдень”.

-(а)и — афф., образующ. от основы глаг. недлит. в. кратк. ф. прич. наст. вр.: *хIачI-ай-(сса)* “пьющий”. Ср. афф. деепр. *-ай* и суперэссива *-й.*

-(а)й — афф. образующ. от основы глаг. длит. в. дееприч. наст. вр.: *изл-ай* “вставая”. Ср. афф. прич. *-(а)й* и суперэссива *-й.*

-(а)й — афф. 3 л. ед. и мн. ч. глаг. наст. общ. вр.: *учI-ай* “приходит”, *бучI-ай* “приходят”.

-ай — афф., указыв. на учащат., многократн. в подражат. основах: *хъюлч (учин)* “качнуться”, *хъюлч-ай (тIун)* (качаться”.

-ай (б-ай, д-ай) — преверб: *ай-ишин* “начинать”,

-акъу (б-акъу, д-акъу) — афф. образующ., им. сущ. со значением “отсутствия ч.-л.”: *ка-дакъу* “безрукий”. В афф. выявляются отриц. *къ(а)* и суф. им. лиц. *-у.*

-(а)л — афф собират. (мн. ч.) в этнич. назв., в некоторых именах лиц: *кур-(а)л* “кюринцы”; *ссурахъ-(а)л* “двоюродные братья”.

-ала — афф. отглаг. им. лиц: *зуз-ала* “рабочий” *(<зун* “работать”);

-ала — афф. отглаг. сущ. с опредмеч. значен.: *уч-ала* “поговорка” (< *учин* “сказать”).

-али — афф. словооб. им. сущ.: *дуссух-али* “угощение на посиделках” *(дуссух-ун гьан* “пойти на посиделки”).

-алу — афф. отглаг. им. сущ. с опредмеч. знач.: *кIучI-алу* “отруби” (< *кIучIин* “просеять”).

-алу — афф., образующ. от локатив, основ имена места: *ламу-х-алу* “замостье”. Ср. аналогич. афф. в дарг. яз. [1] *-ла (щулли-у-ла* “подскалье”).

-алу — афф. выделит.-огранич. знач. в личн. и возврати. мест.: *на-в-алу* “я только сам” (на “я”), *цу-в-алу* “только сам один”, “один-одинешенек” *(цу* “сам”); . ср. дарг. *-ал: ду-ал* (кубач. д.) “я сам один”;

-алуш (<-алу + -щ) — афф., образующ. имен. часть сложн. гл. от личн. и возвратн., мест.: *цал-алу-ш б-ан* “сделать достоянием лишь самого” *(цал* — род. п. от *цу* “сам”); *вил-алу-ш бан* “сделать достоянием лишь тебя самого” *(вил-* род. п. от *ина* “ты”).

-ан — афф., образующ. имена лиц (с ирон. оттенк.) от назв. ряда аулов: *бурш-ан* “буршинец”. Афф. проник из даргин. яз.

-(а)н — афф. инфинитива: *учI-(а)н* “придти”. См. -н.

-ана — непродукт. словообраз. суф. им. сущ. *закк-ана* “кулак” (ср. диал. *закк-у).*

-(а)нда — вицх. соответ. словообраз. афф. *-анна.*

-анду —вицх. соответ. словообраз. афф. *-анну.*

-ани — афф. словообр. им. сущ. от подражат. основ: *жю-руж-ани* “водопад” *(жюр-жюр* “журчание”).

-(а)нна (< -(а)нда) — афф., образующ. сущ. с опредмеч. знач.: *хъал-(а)нна* “соломен. сечка” (< *хъала-(сса)* “грубо смолотый”).

-анну (< -анду, ср. вицх. **-анду)** —афф., образующ. от подражат. и глагол, основ им. сущ. с опредмеч. значен.: *пар-анну* “молния” (< *пар* “блик”), *дугъ-анну* “косметика” < *дугъан* “мазать”);

-(а)рду — афф. 1 л. мн. ч. прош. вр.: *лас-(а)рду* “мы взяли”.

-ари — словообраз. афф. им. сущ.: *кьакь-ари* “горло” (ср. дарг. *кьа-кьа* “горло”), *мам-ари* “ежевика”.

-ари — афф. основ кратк. прилаг.: *щатI-ари-(сса)* “волнистый” (< *щатIи* “волна”). Ср. афф. *-ар* с таким же знач. в дарг. яз. *(нудб-ар* “бровастый”).

-ари — афф., выражающ. в ряде глаг. основ повторяющ. действие: *кьукь-ари (дан)* “разрезать кусками, частями” (< *кьукьин* “резать”). Ср. авар. глаг. афф. *-ари-: кьот1-ари-зе* (учащ. ф. от *кьотIизе* “резать”).

-(а)рт — афф. мн. ч. в слове *лагъ-арт* “рабы”. По происхождению — фонетич. вар. афф. мн. ч. *-тал* > **тл* > **лт* > *-рт.*

-ату — афф. исходн., п.: *чIира-в-ату* “из стены”. Встречается и в усечен. виде *-а* < *-ату.* Ср. афф. исходн., п. в дарг. яз. *-ад.*

-(а)ч — афф., образующ. имена лиц с уничижит. оттенком: *оьтт-(а)ч* “грязнуля” (< *оьт* “экскременты”),

Б

б- — префикс, кл. показ. III кл. ед. ч. и I, II и III кл. мн. ч.: *б-учIан* “придти”.

-б — афф. кл. инессива (I, III кл.) в балх. д.: *ппал-а-б* “в хлеве”.

-б- — инфикс, кл. пок. I и III кл. в балх. д.: *у-б-к1унни (бу-б-к1унни)* “пришел, пришла”.

-ба — вицх. соответствие афф. потенциальной формы *-ва (учIа-ба* “может приду”).

-ба — вицх., аштикул. соответствие суф. *-ва (ссу-ба* “сестренка”).

-ба —“возвратн.” кл. афф. III кл. в вицх., балх., аштикул. д. См. *-ва:*

-ба — вицх. соответствие союзн. энклит. частице “и”. См. *-ва.*

-бав — афф. глаг. ф. в вицх. д. См. *-вав.*

-баз — сегментир. морф. элемент в ряде им. сущ.: *хIилла- -баз* “хитрец” *(хIилла* “хитрость”).

-бай — афф. классн. аллатива (III кл. ед. ч., I, II, III кл. мн. ч.) в вицх., балх., аштикул. д. См. *-дай.*

б-ай — См. *ай-*. -бала — суффиксоид, образующ. им. сущ.: *оь-бала* “вред” (< *оь-(сса)* “злой”). Афф. образ. от глаг. *б-ан* “сделать” с помощью суф. *-ала.*

-баркI — вицх. соответствие афф. мн. ч. *-варкI.*

-батIи (> // -матIи) — слово образ, афф. сущ. См. *-матIи.*

-бу — афф. иыессива в вицх., балх., аштикул. д.: *чIира-бу* “в стене”. Ср. *-в(у).*

В

-в — афф. инессива в ряде имен: *ппал-ав* “в хлеву”.

-в — афф. мн. ч. сущ. с ауслаутн. *-и: ккаччи-в* “собаки”.

-в- — инсрикс. кл. показ. (I и III кл. ед. ч., I, II, III кл. мн. ч.): *у-в-к1унни (бу-в-к1унни)* “пришел; пришли”.

-в — афф. вопрос. ф. глаг.: *лас-а-в* “взял?”, *дур-и-в* “имеется ли?”, *бувкIру-в* “пришли?”, *уссийа-в* “был ли?”.

-ва — афф. ласкат. ф. в слове *ссу-ва* “сестренка” *(ссу* “сестра”).

-ва- — афф. косвен, основы им. сущ. ед. ч.: *у-ва-л* (род. п. от *у* “голозерный ячмень”);

-ва —“возвратн.” кл. афф. I кл.: *на-ва* “я сам”. В основах с конечн. согл. перешел в *-а: ттул-а* < *ттул-ва* “мой”.

-ва (< -ба, ср. вицх. -ба) — “возвратн.” кл. афф. III кл.: *на-ва* (< *на-ба,* ср. вицх. *на-ба)* “я сама” (III кл.). Афф. выступает в качестве специальной морфемы при образовании следующих форм:

а) колич. числит.: *мукь-а* (< *мукь-ва), мукь-ра, мукь- -ва* < (< *мукь-ба)* “четыре”;

б) кратн. числит.: *к/ийл-а* < **кIийл-ва (кIийл-ла* < < *к1ийл-да, к/ийл-ва* < *кIийл-ба)* “дважды”. Все эти формы дают *к1ийл-а* и *кIийл-ла* с тенденцией к обобщению некласс. формы *кIийл-а* “дважды”;

в) качеств, наречий: *ук-ва (ук-ра)* “даром”;

г) наречий времени: *хьхьич1-ва (хьхьич1-ра)* “раньше”;

д) основ, кратк. прилаг.: *букь-ва-сса (дукь-ра-сса)* “густой”;

е) постоянства признака, качества и др.: *тяхъан-а* < **тяхъан-ва (тяхъан-ма* < *тяхъан-ба, тяхъан-на* < < *тяхъан-да)* “постоянно весело”;

ж) усилит, частицы: *ц1ана-ва (ц1ана-ра)* “сейчас же”.

-ва (< -ба, ср. вицх. -ба) — союзн. энклитич. частица “и”: *уссува ссу* “брат и сестра” (“брат с сестрой”).

-ва (< -ба, ср. вицх. -ба) — афф. 1 и 2 л. ед. ч. потенциальн. ф.: *уч1ава* “приду (быть может)”.

-вав (< -бав. ср. в > ицх. -бав) — вопросит, частица (с оттенком сомнения, неуверенности): *учIай-вав* “придет ли?”.

-вавли (< **-вав + ли**) — алломорф. афф. *-вав: уч1ай-вав // учIай-вавли* “придет ли?”.

-вагу (< >кл. афф. I, III кл. **-ва** и соедин. союз **-гу**) — ограничит.-выделит., частица (I, III кл.) “хоть”, “хотя бы”; *кьяпа-вагу* “хотя бы шапку”.

-вай — афф. кл. аллатива I кл.: *кьатIу-вай* “во двор”.

-вай (< -бай, ср. вицх. -бай) — кл. афф. (III кл.) с адвербиальн. значением (времени): *хьхьу-вай* (< *хьхьу-бай)* “вечером”, “ночью”; *ахттайн-бай* (> *ахттайн-май)* “в полдень”.

-вай — кл. афф. собират. (I, II и III кл.) мн. ч. в колич. числит, *ца* “один”: *ца-вай* “одни”, “некоторые”. Ср. дарг. *-б-яхI (ца-б-яхI* “одни”, “некоторые”).

-вайва (< **-вай + -ва**) — кл. афф. (I, III кл.) <собират. числит.: *кIивай-ва* “две пары”.

-вар — вопросит. част.: *ласав-вар* “взял ли?”.

-варкI (< -баркI, ср. вицх. -баркI) — -афф. мн. ч. в лексеме *чу* “мужчина” — *чи-варкI* “представители муж. пола”.

-варч — вопросит. част., алломорф *-вар.* Возможно, сочетание частицы *-вар* и слова *чу* “мужчина”; ср. в диалектах *-вар-чу,* которое могло перейти в *-вар-ч.*

-ватIи (< -батIи) — афф. им. сущ.: *оьр-ватIи* “лягушка”.

-ви — преверб со знач. “внутри”, “вовнутрь”: *ви-лахIин* “вогнуть”.

-ви (< **-би**, ср. внцх. **-би**) — афф. 3 л. ед., мн. ч. потенциальн. ф. глагола: *бухьу-ви* “существуют (может быть)”.

-в(у) — афф. инессива: *чIира-в(у)* “в стене”. Ср. *-бу.*
-ву (< **-бу**, ср. вицх. **-бу**) — афф. 1, 2 л. мн. -ч. потенциальн. ф. глагола: *бучIа-ву* “придем (может быть)”.

Г
-гу — соединит, союз (и частица) “и”: *нис-гу, ччатI-гу* “и хлеб и сыр”; ср. авар. *-ги.*
-гума — усилит. частица “даже”: *та-гума* “даже и он”. Состоит из соединит, союза *-гу* “и” *-ма* (<?).
-гумали (< -гума - + -ли) — алломорф частицы *-гума: та-гума-ли // та-гума* “даже он”.
=гуман - кулин. соответ. усилит. част. **-гумали.**

ГЪ
-гь — афф. с локат. знач. в ойкониме *Шура-гь* “в Темир-хан-Шуре”.
-гьа — усилит, частица “же”, “ну и”: *кIулша-гьа* “Ну и знай же!”. Проникло из тюрк, яз., вероятно, из азерб.
-гьу — суффиксоид, образующ. имена лиц: *бурттu-гьу* “всадник”. Возник от глаг. *гь-(ан)* “пойти” при посредстве афф. *-у.*

Д
д- — префикс. кл. пок. II, IV кл. ед. ч. и IV кл. мн. ч.: *д-учIан* “придти”.
-да — афф. гипокорист. ф. антропонимов: *Ц1ахху-да* (< *Ц1ахху́й* с. м. и. *Цахай).*
-да — афф. имен лиц с отрицат. качеств.: *хъар-да* “сумасброд” *(хъар духхан* “буйствовать”);
-да- —“возвратн.” кл. афф. II, IV кл. ед. ч., IV кл. мн. ч. Выступает после *р.* Грам. толкование см. при грам. статье о “возвратн..” кл. афф. *-ва* (<-ба).
-да- — афф. косвен. основы им. сущ. мн. ч.: *мурхь-ир-да-л* (род. п. от *мурхь-ру* “деревья”).
-да- — афф. косвен. основы в собират. им. — микроэтнонимах: *щар-да-л* (род. п. от *щвар* “шаринцы”).

-да- — вицх. соответ. афф. косвен, осн. им. сущ. *-ла-, -на-: ччан-да-л* (род. п. от *ччан* “нога”), *кIул-да-л* (род. п. мн. ч. от *кIулли* “ключи”).
-да — вицх. соответ. афф. 1 л. ед. ч. буд. вр. *-на: учIан-да* “приду”.
-дав — вицх. соответ. афф. желат. форм. *-нав.*
-д-ай- — См. *ай-.*
-дакIи (> -ракIи) — суффиксоид, образующ. им. сущ.: *хъурссул- -дакIи* “синица”. Восходит к глаг. *б-ик1ан* “быть”; “находиться”.
-дали- — афф. косв. осн. им. сущ. в балхар. д.: *чагъар-дали-л* (род. п. от *чагъар* “бумага”).
-далу- — афф. косвен. основы им. сущ. с конечн. *-н: ттучан- -далу-л* (род. п. от *ттучан* “магазин”).
-дану- — афф. косвен. основы им. сущ. с конечн. *-р: чахир- -дану-л* (род. п. от *чахир* “вино”).
-дара- — афф. косвен. основы им. сущ. с конечн. *-н* и *-л: ла-жин-дара-л* (род. п. от *лажин* “лицо”), *вихшал-да-ра-л* (род. п. от *в их шала* “доверие”).
-дарав (< -да-ра-в): афф., образующ. специф. локатив от некоторых местн. географ. терминов: *ар-дарав* “на полях” *(ар* “равнина”); *сун-дарав* “в местности солнечных склонов” *(сун* “солнечный склон”). Афф. состоит из афф. мн. ч. *-ду,* афф. косв. осн. *-ра-* и афф. инессива *-в.* Имеет фонетич. варианты *-нарав (гьан-нарав* “в местности теневых склонов”), *-ларав **(х1ал-ларав*** **“в местности лесов).**
-дарай — сложн. афф. адверб. знач.: *анавархъин-дарай* “впопыхах”. Афф. состоит из форматива косвен, осн. *-дара-* и форманта суперэссива *-и.*
-даран — сложн. афф. адверб. знач.: *ххишал-даран* “вдобавок” (< *ххишала-сса* “лишний”). Морфема состоит из афф. косвен. основы *-дара-* и афф. дат. п. *-н.*
-ди —афф., образующ. названия аульных кварталов: *Ц1у-ва-ди.*
-ди — вицх. соотв. афф. мн. ч. *-ли: кIул-ди* “ключи”;
-ди — афф. гипокорист. форм антропонимов: *Якью-ди (< Якьюб);*
-ди- — вицх. соотв. афф. косв. осн. им. сущ. *-ли: цIал-ди-л* (род. п. от *цIал* “тиф”);
-див — вицх. соответ. афф. мн. ч. *-лив: ттурул-див* “облака”;

-дри —афф. мн. ч. им. сущ.: *жин-дри* “бесы” *(жин* “бес”);
-ду — афф. мн. ч. им, сущ. с конечн. *-р: бяр-ду* “озёра”. В вицх. д. и после *-л, -н: оьл-ду* “коровы”; *ччан-ду* “ноги”. Афф. *-ду* — алломорф, афф. *-ру.*
-ду — вицх. соответ. афф. мн. ч. *-лу* и *-ну: оьл-ду* “коровы”; *ччан-ду* “ноги”;
-ду- — афф. косвен, основы им. сущ, с конечн. *-р; к1ункIур -ду-л* (род. п. от *к1ункIур* “кастрюля”); в вицх. д. и с конечн. *-н; -л: тIан-ду-л* (род. п. от *тIама* “дерево”), *ттал-ду-л* (род. п. от *ттала* “бревно”);
-дулт — афф. мн. ч. в сущ. *бара: бар-дулт* “свидетели” (сложн. афф. состоящий из афф. мн. ч. *-лт* и элемента *-ду-*, выступающего в роли основообразов. афф.).

Ж

-жари — словообраз. афф. им. сущ.: *тIюван-жари* “путы”; *па-па-жари* “мальва”.

З

-зай — афф. словообр. им. сущ. в хосрех. гов.: *ччала-зай* “станок веретена” *(ччала* “копье”).
-зала — суффиксоид, образующ. им. лиц; *хъу-зала* “крестьянин”. Возник от глаг. *з-ун* при посредстве афф. отглаг. им. лиц *-ала.*
-зан — непродукт. словообраз. афф. им. сущ.: *махъру-зан* “красно-бай” *(махъру* “слова”).
-зан — афф. словообр. им. места: *ликка-зан* “стоянка”. Афф., видимо, отглаг. Происхожд. (от *зун* “работать” или *б-изан* “ставить”).
-зани (< **-зан** -+ **-и**) — алломорф. афф. *-зан: цIуртта-зани* “стоянка коз” (микротопоним, с. Бурши).
-занну (< -зан + ну) — алломорф. афф. *-зан: пара-занну* “навозохранилище”.
-зану (<-зан-$_{т}$-у) —алломорф, афф. *-зан: ликка-зану* “стоянка”.
-зара — фонет. вариант словообраз. афф. *-зала: лякьа-за-ра* < *лякьа-зала* “обжора” (< *лякьа* “живот”).

-зу — суффиксоид, образующ. им. лиц: *къурай-зу* “сторож полей” *(<къур* “пашня”). Морфема возникла от глагола *з-ун* “работать” при посредстве афф. *гу.*

И

-и — афф. словообр. им. сущ.: ххартI-и “скребница” *(ххартI (дан)* “соскоблить”). В некоторых диалектн. словах синонимичен суф. *-лу,* ср. *зунчIи < зункI-и* “каменная плита”, но в литерат. яз. *зункI-лу.*

-и — афф. собират. им. в оттопонимич. назв.: *чIухъ-и* “чохцы” *(Ч1ухъ* “в Чохе”), *кум-и* “куминцы” *(Кумав* “в Кума”).

-и- —соединит. Глас. (и афф. косвен. основы) им. сущ.: *оьл-и-л* (род. п. от *оьл* “корова”).

-и- — афф., оформл. производящ. основу для имен лиц с суф. *-чу, -щар* от ряда этнонимов и ойконимов: *курал-и-чу* “кюринец”, *ккул-и-чу* “кулинец”;

-и — афф. повелит. накл. ед. *ч.* .перех. и мн. ч. неперех. глаг.: *атт-и* “бей!”; *биз-и* “вставайте!”.

-и — афф. причаст. наст. вр. длит. в.: *чичлач-и-(сса)* “пишущий *(чи-чин* “писать”).

-ибу — вицх. соответствие афф. отглаг. им. сущ. *-иву.*

-иву (< -ибу, ср. **вицх. -ибу)** — афф. субстантив. оптатива: *аыпа б-иву* “тот, которому да простят (ся) грехи”.

-ивуй — сложн. афф. желат. формы глагола: *исул лас-ивуй* “ты, которого да взяла бы сова”. Морфема возникла из афф. субстантив. оптатива *-иву* и афф. зват. п. *-и.*

-ий — афф., образующ. основу кратк. прилаг.: *дин-ий-(сса)* “религиозный” (< *дин* “религия”). Афф. заимствован из араб. яз. с некоторыми основами, но иногда используется как продуктивный.

-(и)й —афф. дееприч. и прич. наст, вр.: *зий* “работая”; *зий-сса* “работающий”. См. *-и.*

-илу — афф. образующ. им. сущ. от “символич.” основ: *кьютI-илу* “молот” (< *кьутI, кьютI* “стук”).

-ийа — словообр. афф. отглаг. им. сущ.: *дук-ийа* “еда” (< *дукан* “есть”).

-ин — словообр. афф. отглаг. им. сущ.: *заназ-ин* “ходьба” (< *занан* “ходить”); *дисс-ин* “пойло” (< *диссун* “мыть”).

-(и)н — афф. инфинитива: *уч-(и)н* “сказать”. См. -н.

-ира- — афф. косвен, основы односложн. им. сущ.: *мурхь-ира-л* (род. п. от *мурхь* “дерево”). В вицх. д. и в двусложн. словах: *хъазам-ира-л* (род. п. от *хъазам* “грудь”), является вариантом “вставки” *-ра-;* появление *-и-* перед *-ра-* следует объяснить фонетически.

-ирай — сложи. афф. адверб знач.: *парс-ирай* “по-персидски”. Морфема состоит из афф. косвен, основы *-ира-* и афф. суперэссива *-и.* Вариант афф. *-рай.*

-(и)хъ —словообр. афф. им. сущ. с уничижит, знач.: *нацI-(и)хъ* “вшивец” (< *нац1* “вошь”).

Й

й — афф. суперэссива: *чIира-й* “на стене”. Этот же элемент наличен и в афф. дееприч. и прич. наст. вр. *-(а)и.* С учетом дарг.-лак. звукосоотв. *х1: и* м. б. ср. с дарг. локат. афф. *-хI-*.

-й — афф. зват. п.: *Муса-й* “Муса!”.

-й — афф. мн. ч. в указ. мест.: *та-й* “те” (та “тот”).

-й- — афф. косв. осн. в диалектах: *ссу-й-л* (род. п. от *ссу* “сестра”), в литерат. яз. *ссил.*

-й- — фонет. вар. кл. пок. I кл. *-в-* в интервок. позиции в некоторых колич. числит.: *кIи-й-а* < **кIи-в-а* (ср. *кIи-р-а, кIи-в-а* < *кIи-б-а)* “два”.

-йа —сегментир. элем. в слове *дюъ-ли-йа* “умник” (ирон.); возник по аналогии к финалу слова *авлийа* “дурак” в основе *дюъли-л-(сса)* “умный”.

-йа- —афф. косвен. основы собират. им. сущ.: *щархъи-йа-л* (род. п. от *щархъи* “селяне”).

-йа — афф. 3 л. ед. и мн. ч. прош. вр.: *и-йа (би-йа)* “был” (“были”).

-йав — афф. 1 и 2 л. ед. и мн. ч. прош. вр.: *и-йав* < *у-йав* “был”, *би-йав* < *бу-йав* “были”.

-йав (< -йа-в) — - афф. неопред. мест. и нареч.: *цу-йав* “некто”, *чу-йав* “где-то”.

-йар — побудит. частица: *ласи-йар* “ну возьми!”.
-йар — вариант вопросит. частицы *-вар: укIрив-вар//ук1-рив-йар* “пришел ли?”.
-йарч (< -йар + ч < чу(?) — вариант вопросит. частицы *-йар.*
-йац1а —сложн. афф. с временным значением: *цакьни-йац1а* “с давних пор”. Морфема состоит из афф. исходн. п. двух серий *-й-а* и *-цI-а.*

К

-к — афф. с адверб. знач.: *къиялий-к* “с трудом”: афф. усечен. форма адверб. афф. *-кун-*.
-к(>-ч) —афф. с локат. знач. в ойкониме *Гъуму-к* “в Куму-хе”, *Гъуму-к-и > Гъуму-ч-и* “Кумух”; “кумухцы”.
-кар — афф., образующ. от заимствов. основ, им. лиц: *ссят-кар* “часовщик” *(ссят* “часы”). Афф. — по происхождению персидский, проник вместе со словами с этим суфф. из перс., азерб. яз.
-кин — словообраз. афф. им. сущ.: *гъила-кин* “летнее пастбище”, *кIина-кин* “зимнее пастбище”. Афф. по происхождению увязывается с глаг. *ду-к-ан (к-анан)* “есть”; “кушать”.
-ксса (<к-сса) — афф., передающ. Уподобит. знач.: *къатта-ксса* “величиной с дом” . Афф. состоит из адверб. афф. *-к* и афф. атрибут. им. *-сса.*
-ксса — афф. образующ. вопросит. слова от вопросит. мест.: *цу-ксса* “какого размера?”; *ци-ксса* “сколько”, “в каком количестве?”.
-ку — диалектн. вариант суф. им. сущ. *-хьу: сси-ку (сси-хьу)* “кукла” *(ссу* “сестра”).
-ку — афф. порядк. числит. *ххюл-ку* “пятый”. Восходит к усечен. форме прич. прош. вр. глаг. *учин < укин* “сказать” — *(ув)-ку-сса* “сказанный”.
-кул — афф. с адверб. знач.: *цIана* “сейчас” // *цIана-кул* “сейчас”, *танин-цIа-кул* “до каких пор”. Афф. состоит из корнев. *-к-* (ср. *-кун* “подобно”) и *-(у)л* — афф. род. п., выполняющ. и функции адверб. знач.; или является фонетич. вар. афф. *-кун.*

-кун — афф. дееприч., указывающ. на обстоят. время или сопоставление (образ действия): *лавгу-кун* “когда “пойдет”, *багьай-кун* “как следует”. Афф. по проис-хожд. - усечен, ф. дееприч. прошед. вр. глаг. *(у)чин* < *(у)кин* “сказать” — *(ув)куну* > *-кун*. В сочетании с классн. афф. *-ва (-ра, -ба)* афф. *-кун*-стал послелогом сравнения: *кун-а* < **кун-ва (кун-на* < *кун-да, кун-ма* < *кун-ба).*

КК

-ккар (< -кка-р) — афф. глаг. ф. наст. вр. со знач. предложения: *увкIну-ккар* “кажется, пришел”.

-ккива (< кки-ва) — афф. глаг. ф. прошед. > вр. со знач. предположения: *увк1ну-ккива* “кажется приходил”.

-кку — афф. местоимен. нареч. места: *ти-кку* “там” *(та* “тот”).

КЪ

къа- — отрицат. частица-префикс в глаг.: *къа-увк/унни* “не пришел”; факультатив." м. б. и инфиксом: *чи-къа-вчуна* “не написал”.

-къи — словообраз. афф. им. сущ.: *вяра-къи* “кувшин”; *навтли-къи* “сосуд для керосина” (в хосрех. гов.).

-къу — словообраз. афф. им. сущ.: *ччсшт/а-къу* “шест для подачи снопов” (< *ччант1у* “копна”).

КЬ

-кьай — побудит. частица: *ласи-кьай* “ну возьми”.

-кьен — афф., образующ. ряд осложнен. глаг.: *шану-кьен* “б. сонливым” *(шану* “сон”, *шанан* “спать”).

-кьяй — афф. гипокорист. ф. личн. им.: *Мямма-кьяй* (от с. м. и. *Мах/аммад-Кьасин), Х1ажи-кьяй* (от с. м. и. *Х1ажи-Мах/аммад).*

К1

-кIай — словообраз. афф. им. сущ.: *цIуру-кIай* “факел” (< *ц/у* “огонь”). Афф. связан с глаг. *кIийин* “разжечь”.

-кIан — словообраз. афф. в слове *лур-кIан* “засада” *(лур* “внизу”). М. б. увязан со словом *кIану* “место”.

-кIи — словообраз. афф. им. сущ.: *т1анну-кIи* “древоточец” *(тIанну-* — косв. основа от *тIама* “дерево”). Афф. увязывается с корнем глагола *ттирикIин (кI)* “сверлить”.

-кIив — афф. отриц. местоим., алломорф, афф. *-чIав: цу-кIив // цу-чIав* “никто”. См. *-чIав.*

-кIу — афф. гипокорист. ф. личн. им.: *Х1амма-к1у* (от м. л. и. *Мах1аммад).*

-кIуй — вариант афф. отриц. местоим. *-кIив (-чIав): цу-кIуй // иу-кIив // цу-чIав* “никто”. См. *-чIав.*

-кIул — суффиксоид, образующ. им. лиц: *чIяву-кIул* “хитрец” *(ч1яву* “много”); *-кIул < кIул-(сса)* “знающий”.

-кIура — вариант суффиксоида *-к/ул: маз-к/ура* (< *маз-к1ул-а)* “болтун” *(маз* “язык”).

Л

-л — афф. род. п.: *чIира-л* “стены”. Ср. авар, *-л,* дарг. *-ла.* Используется при образовании различных форм:

а) знаменат. части сложн. глаг. от корней глаг. *(ххи-нил ан — ххийин* “шарахнуться”), кратк. прилаг. *(ххари-л ивч1ан* “обрадоваться”), им. сущ. *(янил дан* “сглазить” — *я* “глаз”);

б) основ кратк. прилаг.: *нач-ли-л-(сса)* “стыдливый” *(нач* “стыд”); *ккаши-л-(сса)* “голодный” *(ккаши* “голод”);

в) основ кратн. и порядк. числит.: *мукьи-л-(ва)* “четыре раза”, *мукьи-л-(чин)* “четвертый”;

г) кратно-вопросит. формы: *цими-л* “сколько раз” *(цими* “сколько”).

-л — афф. собират. в именах лиц: *ссурахъ-а-л* “двоюродные братья” *(ссурахъу* “двоюродн. брат”).

-л — адверб. афф. с времен, знач.: *кIюрхх-и-л* “утром” *(кIюрх* “утром”).

-л- — фонетич. вариант кл. показ, *-д-: арул-ла < арул-да* (ср. вицх. *арул-да)* “семь”.

л- — окамен. вариант классн. пок. *д > р* (*> л)* в ряде глаг.: *ласун < р-а-сун* “взять”, ср. авар, *б-осизе.*

-л- — афф. длит. в глаг.: *из-л-ан* “вставать”, ср. *изан* “встать”.

-ла — афф., образующ. им. лиц, прозвища: *пIяв-ла* “лупоглазый”.

-ла — афф. гипокорист ф. личн. им.: *Пат1и-ла* (от ж. с. п. *Пат1имат).*

-ла — словообраз. афф. им. сущ.: *цIух-ла* “обыск” (< *цIу-ххин* “спросить”). Афф., возможно, вариант *-ра.*

-ла- — афф., образующ. основу в именах лиц, прозвищах: *чIанк1-ла-(хъул)* “Чанклаевы” *(ч1анкIу* “чанка”), *Къаж-ла-(хъул)* “Кажлаевы” *(къажу* “каджар”, “шиит”). Основы такие часто становятся прямыми.

-ла- — афф. косвен, основы в собират. им.: *курал-ла-л* (род. п. от *курал* “кюринцы”).

-ла — обобщ. неклассн. форма афф. кратн. числит. *-л-ва (л-да, -л-ба): кIий-ла* “дважды” (вместо исходных *кIпйл-а, кIийл-ла, к1ийл-ва).*

ла- — преверб: *ла-икIан* “спрятаться”; *ла-итан* “спрятать”.

-ла (< -ра) — фонет. вариант афф. 1 л.: наст. вр. *танал-ла* “(я) его”.

- ла — побудит. частица: *ласи-ла* “возьми-ка”.

-лав — афф., образующ. прозвищн. имена от антропонимов со знач. “сын того лица, которое названо мотиви-рующ. словом”: *Мусалав* “сын Мусы”; “Мусалав”; *Ат1а-лав* “сын Аты”; “Аталав”. Афф. проник из авар, яз.; состоит из афф. род. п. *-л* и афф. атрибут. им. I кл. *-ав.*

-лар (<-ла -+- р) — побудит. частица: *лахъу-лар* “ну поднимись”.

-ларав (< -дарав) — См. *-дарав.*

-ларч (< -ла-р-ч) — вариант побудит. част. *-лар.*

-ли — афф. гипокорист. ф. личн. им.: *Аьнду-ли* (от с. м. и. *Аьбдул-лагь).*

-ли (< -ди, ср. вицх. -ди) — афф. мн. ч. *им.* сущ.: *кIул-ли* “ключи” *(кIула* “ключ”).

-ли (< **-ди**, ср. вицх. **-ди)** — афф., образующ. основу кратк. прилаг. *щюл-ли-(сса)* “зеленый”.

-ли- — афф. косвен, осн. им. сущ.: *нагь-ли-л* (род. п. от *нагь* “масло”).

-ли (< -ри) — фонет. вариант афф. 3 л.: *танал-ли* “его” (что-то).

-лив (< **-див**, ср. ,вицх. **-див**) — афф. мн. ч. им. сущ.: *ттурул-лив* “облака”. Афф. восходит к *-ду>//-див.* В кумух. д. *-ду* > *-лу* > *-лив* (или *-ду>-див>-лив).*

-лий — афф. с адверб. знач.: *бигь-лий* “привольно” (< *би-гьа-(сса)* “легкий”). Афф. состоит из “вставки” *-ли-* < *-лу-* и афф. суперэссива *-и.*

-лийла (< -лий-л-а) — афф. кратности: *цаппара-лийла* “несколько раз”.

-лийну (< -лий +-ну) — афф. кратности: *ацI-лийну* “в десятикратном размере”.

-личу (< ли-чу) — афф. им. лиц. от этнич. и топоним. назв.: *къадар-личу* “кадарец”.

-ллаву (< -лла-ву) — афф., образующ. специфич. локатив. ф. от слова *гьава* “воздух” — *гьава-ллаву* “в воздухе”. Состоит из афф. косв. осн. *-лла (< -л-ла?)* и афф. инессива *-ву.*

-ллу- — афф. косв. осн. у слова *бала* “беда”: *бала-ллу-л* (род. п.).

-лт — афф. мн. ч. им. сущ.: *чичу-лт* “писатели”.

-лтти- (< -рттй) — афф. (косвен. осн. им. сущ.: *аьрава-лтти-л.*

-лттив (<рттив< -ртту < -рду) — афф. мн. ч. им. сущ.: *гур-гулттив* “хлебцы”.

-лу — афф. им. сущ. с уменьшит. знач.: *кIулу-лу* “мышонок”, *Аьйша-лу* “Айшатка”.

-лу — словообраз. суф. им. сущ.: *кIурчI-лу* “сито” *(кIу-ч/ин* “просеять”); *чунтI-лу* “бородавка”; *зункI-лу* (в диал. *зунчI-и* < *зункI-и)* “каменная плита”.

-лу- — афф. косвен. осн. им. сущ.: *хъа-лу-л* (род. п. от *хъа* “ячмень”).

-лу- (< **-ду-**, ср. вицх. **-ду**) — афф. косвен. осн. им. сущ. с конечн. *-л: чIил-лу-л* (род. п. от *чIила* “нож”).

-лу — афф., образующ. осн. кратк. прилаг.: *кук-лу-(сса)* “легкий”.

-лу- (< **-ду**, ср. 'вицх. **-ду**) — афф. мн. ч.: *оьл-лу* “коровы”.

-лу — афф., образующ. от постэссива формы со знач. “за”: *муних-лу* “за это”.

-лу — афф. субэссива: *ч1ира-лу* “под стеной”. Афф. имеет закономерн. соответ. в других дагест. яз. и унаследован от общедагест. языка состояния. Восходит к латеральн. **кь.*

-лу- — глаг. афф. с учащат знач.: *у-лу-хьхьу* “захаживай”.

-лув — словообраз. афф. им. лиц: *давлат-лув* “богач”. Афф. проник из тюрк. яз.

-лугъ — словообраз. афф. отвлечен. им. сущ.: *багьа-лугъ* “дороговизна”. Афф. проник из тюрк. яз., вероятно из азерб. яз.

-луну (< -лу + -ну) — сложн. афф. со знач. “за”; факультативн. вариант афф. *-лу: муних-луну* // *муних-лу* “за это”. К форме с афф. *-лу* присоединен адверб. афф. *-ну.*

-лура- (< -лу- -}- -ра-) — афф. косв. осн. мн. ч. в славе *хъамал- -лура-л* (род. п. от *хъамал* “гости”); в афф. выделяется *-лу (< -ду)* — афф. мн. ч. (ср. *хъамал-лу* “группы гостей”) и *-ра-* — афф. косв. осн. у собирательных имен, ср. *ч1ахху-ра-л* (род. п. от *чIахху-л* “соседи”).

-лухун (< лу-х-ун) — афф., образующ. им. часть сложн. глаг.: *кьякь-лухун ишин* “поиздеваться”, “осмеять”.

М

-м- — фонетич. вар. показ. III кл. *-б-: , шан-ма < шан-ба* “три”.

-ма (< -на) — афф., образующ. основу им. сущ.: *чIуж-ма* (< **чIуж-на; -(ж)н- > (ж)м)* “женоподобный мужчина” (< авар, *ч1ужу* “женщина”).

-ма — фонет. вар. “возвратн.” кл. афф. III кл. *-ба: шан-ма < шан-ба* “три”.

-ма — афф. указат.-выделит. прилагат. I гр. кл.: *ххуй-ма* “тот, который хорош”.

-ма- — запретит. глаг. частица: *ма-кьукьара* “не режь”. Иногда выступает инфиксально: *кьу-ма-кьара* “не режь”.

-май — словообраз. афф. им. сущ. *арчи-май* “альчик”.

-май (< -бай) — кл. афф. с адверб., врем, знач.: *ахттайн-май* “в полдень”.

-май (< **-бай**, ср. вицх. **-бай**) — фонетич. вариант афф. кл. аллатива III кл. *-бай: ч1ирачIан-май < чIирач1ан-бай* “к стене”.

-мала (< -бала) — фонет. вар. афф. *-бала: хъин-мала < хъин-бала* “добро” *(<хъин-(сса)* “добрый”. См. *-бала.*

-ман — афф. элемент, выявляемый в слове *кьюрт1и-ман* “проклинаемая вещь” *(кьюртIи* “похороны”).

-матIи (< -батIи) — словообр. афф. им. сущ.: *щунщу-матIи.*

-ми —афф. собират. в микроэтнонимах (от ойконимич. назван.) : *гъуни-ми* “гунибцы”. По происхождению — афф. мн. ч. прилаг. *-май.*

-мий — афф. мн. ч. им. прилаг.: *ххуй-мий* “те, которые хороши”. Восходит к форме множ. ч. указат. Местоимен. *му “тот”; *му-й > ми-й.*

-му — омертвел. словообраз. афф. им. сущ.: *квийа-му* “ручка, рукоять” *(ква* “рука”).

-мур — афф. указат.-выделит. прилаг. II—IV кл.: *ххуй-мур* “то, которое хорошо”. Увязывается с указат. местоим. *му* (< **му-в, му-р, му-б)* “тот”.

Н

-н — афф. дат. п.: *чIира-н* “стене”. Ср. афф. инфинит. *-н.*

-н — афф. напр, п.: *ч1ирачIа-н* “к стене”. Ср. афф. дат. п. и инфинит. *-н.*

-н — афф. инфинит.; выступает с предшествующ. гласн.: *учI-(а)н* “придти”, *тIитI-(и)н* “открыть”, *лас-у(н)* “взять”. По происхожд. афф. дат. п.

-н- — фонет. вар. показ. II и IV кл. *-д-: шан-н-а < шан-д-а* “три”.

-н (-ан, -ин) — афф. образующ. знаменат. часть сложн. глаг. от ряда им. сущ. и подражат. основ, при помощи вспомогат. глаг. *б-изан* “встать”; *вирин бизан* “молодиться”, *гъурин бизан* “буйствовать”; вероятно, соотносится с афф. дат. п. *-н.*

-на — афф. с предикат. знач., образующ. слова междометн. типа: *хъва-на* “клянусь” *(хъва* “клятва”); см. *-ра-шав, -нашав.*

-на — фонет. вар. “возврати.” кл. афф. II, IV кл.: *ттун-на < ттун-да* “мне же”.

-на — непродукт. словообраз. суф. им. сущ.: *буркI-на* “надмогильная плита”.

-на — афф., образующ. основу им. сущ. (антропонима): *Хан-на* (< *хан* “хан”) и. с. Ханна.

-на- — афф. косвен, осн. имен I кл., склоняющихся по атрибутивному типу: *арс-на-л* (род., п. от *арс* “сын”), *та-на-л* (род. п. от *та* “тот”).

-на- (<**-да-**, ср. вицх. **-да-**) — афф. косвен. основ в им. сущ. с конечным *-н: ччан-на-л* (род. п. от *ччан* “нога”).

-на — афф., образующ. осн. кратк. прилаг.: *хух-на-(сса)* “ломкий” ср. *хуху (багьан)* “б. ломким”.

-на (< -да < -ра) — афф. 1 л. буд. ,вр.: *учIан-на* “приду”.

-на — афф., образующ. от указат. местоим. указат. частицы ед. ч.: *ва-на (та-на, к1а-на)* “вот”.

-на — обобщ. некл. форма афф., выражающего постоянство качества, признака: *ккашил-на* “постоянно голодно”. Возник как стяжен. афф. из *-ну* и классн. возвр. афф. *-ва (-ра, -ба): -ну-ва > -на.*

-нав (< **-дав**, ср. вицх. **-дав**) — афф. желат. формы глаг.: *цIуллу хьун-нав* “да здравствует”.

-най (< -дай) — кл. афф. с адверб., врем, знач.: *ахттайн-най* “в полдень”.

-най (< **-дай**, ср. вицх. **-дай**) — фонетич. вариант .афф. классн. аллатива II, IV кл. *-дай: ч1ирачIан-най < чIира-ч1ан-дай* “к стене”.

-най — вариант афф. с адверб. знач. *-рай (-ирай)* “по-...”, *лакку-най* “по-лакски”. Восходит к **-рай* < *-ра-* + *-и.* См. *-ирай, -рай.*

-най — сложн. аллат. афф., присоединяемый к ряду кратк. прилаг. I кл. *лахъи-най* “в длину”. Афф. состоит из афф. напр. п. *-н* и классн. напр. афф. *-ай* < **в-ай* (I кл.). См. *-нмай, -ннай.*

-нарав (< -дарав) — См. *-дарав.*

-нашав — см. *-рашав.*

-нда- — вицх. соотв. афф. косвен, осн. *-нна-*.

-нду- — вицх. соответ. афф. косвен, осн. *-нну-*.

-ни — словообраз. афф. им. сущ.: *лархI-ни* “полка под потолком”, *тIахI-ни* “гончарная посуда”.

-ни — адверб. афф.: *кьюлт1-ни* “тайком” *(кьюлтI-(сса)* “тайный”). Восходит к “вставке” косвен. основ. атрибут. им. *-ни-*.

-ни — адверб. афф. с времен, знач.: *ччя-ни* “рано” *(ччя-(сса)* “ранний”).

-ни — афф. косвен, основы 'имен. II—IV кл., склоняющ. по атрибут, типу: *та-ни-л* (род. п. от *та* (II—IV кл.) “та”); *дакI-ни-л* (род. п. от *дакI* “сердце”).

-ни (< -ди < -ри) — афф. 3 л. прош. вр.: *лавгун-ни* “ушёл”.

-ни — афф. дееприч. с врем. знач.: *учIай-ни* “тогда, когда приходит”.

-нив (< -рив) — см. *-рив.*

-ний — афф., образующ. формы от глаг. и ряда атрибут.основ со знач. места и времени: *лавг-ний* “там, куда ушел”; *лахъ-ний* “там, где высоко”; *оьрчI-ний* “ в , детстве”. Морфема состоит из афф. косвен. осн. *-ни-* и афф. суперэссива *-и.*

-нин — афф. дееприч. и наречий с времен. Значен. “прежде”, “до”, “до того как”: *учIан-нин* “прежде чем придти”, *интту-нин* “до весны”. Морфема состоит из афф. *-ни-* и афф. дат., напр. п. *-н.*

-ницIух —сложн. афф. адверб. знач.: *дикIу-ницIух* “на голое тело”. Афф. состоит из “вставки” *-ни-* и афф. транслатива адессива *-цIух* < *цI-ух.*

-нийа — афф. глаг. форм., выражающ. условность и желательность: *ивкIсса-нийа* “если бы был”, *увкI-нийа* “пришел бы”.

-нийа — усилит. частица “ведь”: *та-нийа* “ведь он”. Имеет и факультатив. вариант *-нийача.* Частица *-нийа* состоит из *-ни-* и глаг. оконч. *-йа.*

-нийача — вариант усилит. частицы *-нийа: та-нийа* // *та-нийача.* Состоит из *-нийа-*+ - *ча.*

-ничалт (< ни-чалт) — афф., образующ. основу *кIи-н-ничалт* “близнецы”.

-нмай — сложн. аллат. афф., присоединяемый к ряду кратк. прилаг. III кл.: *лахъи-нмай* “в длину”. Состоит из афф. напр. п. *-н* и классн. аллат. афф. *май* < *-бай.*

-нна- (< **-нда**, ср. вицх. **-нда-**) — афф. косв., осн. атрибут. им. (лиц) мн. ч.: *тай-нна-л* (род. п. от *тай* “те”); *ххуй-ми-нна-л* (род. п. от *ххуйми* “хорошие”). Этот же афф. используется и в прилаг. ед. и мн. ч. с афф. *-сса: хъинсса-нна-л* (род. п. от *хъинсса* “добрый”).

-нна — афф., образующ. от указат. местоим. указат. част. мн. ч.: *вай-нна* “вот они”.

-ннай — сложн. аллат. афф., присоединяемый к ряду кратк. прилаг.: *лахъи-ннай* “в длину”. Морфема состоит из афф. напр. п. *-н* и афф. классн. аллат. *-най* < *-дай.*

-нни- (< -нди, ср. вицх. **-нди)** — афф. .косвен, осн. им. сущ. мн. ч.: *яру-нни-л* (род. п. от *яру* “глаза”).

-нни (< **-нди**, ср. вицх. **-нди)** — афф. мн. ч. им. сущ.: *ку-нни* “бараны” (< *ку* “баран”).

-нну- (< **-нду**, ср. .вицх. **-нду**) — афф. косвен осн. атрибут. им. (нелиц) и прилаг. с суф. *-сса* ед. и мн. ч.: *ххуйми-нну-л* (род. п. от *ххуйми* “хорошие”); *хъинсса-нну-л* (род. п. от *хъинсса* “добрый”).

-нт — афф., образующ. назван. времен года: *кIи-нт* “зима”, *гъе-нт* “лето”, *и-нт* “весна”.

-нт (< -лт) — афф. мн. ч. им. сущ.: *цурки-нт* “воры”.

-нтни- (< -нт-ни) — афф. косв. осн. у сущ. *кIи* “зима”, *гъе* “лето”; *к1и-нт-ни-л* (род. п.). Состоит из элемента основы *-нт* (ср. *к1и-нт//кIи)* и афф. косв. осн. *-ни-*.

-нтту (< *-нду) — афф. мн. ч. им. сущ.: *т1улу-нтту* “кормушки”.

- ну — непродуктив. словообразов. афф. им. сущ.: *къахъ-ну* “куропатка”.

-ну (< **-ду**, ср. вицх. **-ду**) — афф. мн. ч. им. сущ. с конечн. *-н: ччан-ну* “ноги”.

-ну —афф. дееприч. б уд. вр.: *дулун-ну* “взаймы” (“так, чтобы дать”).

-ну — адверб. афф. с качеств. и времен. знач.: *ххуй-ну* “хорошо”; *кьун-ну* “вчера”, *сара-ну* “послезавтра”.

-нугу — сложн. ограничит.-выделит. частица: *увкI-нугу* “хотя и пришел”. Состоит из афф. дееприч. *-ну* и соедин. союза *-гу.*

ПП

-пп- — показ. III гр. кл.: *цу-пп-а* (< *цу-б-ба)* “сама”. Восходит к сочетанию двух кл. показ, *б* -+- *б* > **бб* > *пп;* первый из них относится к основе, а второй к кл. афф. *-ба.*

-ппа — словообраз. афф. им. сущ.: *ххурхху-ппа* “клетка”, “силки”.

-ппара — афф. элемент. Выявляем. в основе *ца-ппара* “некоторые” *(ца* “один”). Восходит к перс. *бере* “часть”, “миг”, ср. арч. *ос-пара* “некоторые”.

П1

-пIай — словообраз. афф. им. сущ.: *ххуру-пIай* “волчок”.

Р

р- (< *д-) — полуокамен. классн. пок. в анлауте ряда глаголов: *р-шцун* “ударить” (ср. *ищун, б-ищун* “удариться”, “стукнуть”).

-р- — инфикс. кл. показ. II и IV кл.: *ду-р-кIунни* (ср. *бу-в--кIунни)* “пришла”.

-р (-ар, -ир, -ур) — афф. собират. в микроэтнонимах: *Хъан.-а-р* “ханарцы”; *Лахъ-и-р* “лахирцы”; *Ув-у-р* “убринцы”.

-р — афф. кл. инессива (II, IV кл.) в балх. д.: *ппал-а-р* “в хлеве”.

-ра — словообраз. афф. отглаг. им. сущ.: *дук-ра* “еда” *(дукан* “есть”).

-ра- — афф. косвен. основы им. сущ. ед. и мн. ч.: *бакI-ра-л* (род. п. от *бакI* “голова”); *зузалт-ра-л* (род. п. от *зузалт* “рабочие”).

-ра — афф. с адверб. знач.: *макI-ра* “во сне”.

-ра — афф. 1 и 2 л. ед. ч. глаг.: *у-ра* “я есмь”. Выступает в виде: *-на, -да, -ла.*

-ра- — “возвратн.” кл. афф. II, IV кл. Вариант афф. *-да.*

-рагу — ограничит.-выделит. частица II, IV кл.: *хIажак-рагу*ˑ “хотя бы брюки”. Состоит из возвратн. афф. *-ра* и соединит. союза *-гу.*

-рай — афф. с адверб. знач.: *оьраб-рай* “по-арабски”. Возник из сочетания афф. косв. осн. *-ра-* и афф. су-перэссива *-и.* См. *-ирай, -най.*

-рай — афф. классн. аллатива II, IV кл., алломорф. *-дай: ла-рай* “вверх”.

-рай —классн. адверб. афф. с времен. знач.: *хьхьу-рай* (II, IV кл.) “вечером”, “ночью”. По происхождению афф. классн. аллатива.

-райра (< -рай -+ -ра) — кл. афф. (IV кл.) собират. числит.: *к1и-рай-ра* “две пары”.

-ракIи - словообраз. афф. им. сущ.: *чартта-ракIи* “рогатка”. Увязывается со словом *б-ик1ан* “быть”, “находиться”.

-ратIи — словообраз. афф. им; сущ.: *гъангъа-ратIи* “жук”. Афф. увязывается с глаг. *р-ат1ин* “собирать”.

-рах (< -ра-х) — афф. локативн. п. .от названий ряда аульн. кварталов: *Лурттущи-рах* “в квартале Луртуши”. Состоит из афф. косв. осн. *-ра-* и афф. постэссива *-х.*

-рашав//-нашав (< -ра-шав // -на-шав) — афф. с предикат. знач. в словах междометн. типа: *хъва-ра-шав* “клянусь”; *цIуллу-рашав* “с выздоровлением”.

-рбал — вицх. соответ. афф. мн. ч. *-рвал.*

-рвал (< -рбал, ср. вицх. **-рбал)** — афф. мн. ч. в им. лиц: *уссу-рвал* “братья”.

-рд- — сложн. классн. показ. II и IV кл., возник из сочетания кл. показ. основы *-р* и показат. кл. афф. *-ра: -р + р(а)>-рд(а).*

-рду- — афф. косвен. осн. им. сущ.: *ппу-рду-л* (род. п. от *ппа* “шило”).

-рду- — афф. мн. ч. им. сущ.: *цIа-рду* “имена”. В морфеме собствен. афф. мн. ч. исторически является *-ду (-ру),* а *-р-* — элемент основы.

-ри- — афф. косвен. осн. им. сущ.: *дав-ри-л* (род. п. от *даву* “работа”),

-ри- — афф., присоедин. к этнич. назван, при образовании им. лиц: *гуржи-ри-чу* “грузин” *(гуржи* “грузины”).

-ри- — афф. мн. ч. им. сущ.: *ттук-ри* “ослы”. Исторически - алломорф. афф. *-ру.*

-ри- — афф. повторяемости (?) в глаг. *ттти-ри-зин* “распороть”.

-рив (> -нив, -лив) — энклитич. союз с выделит.-противит. значен. “а что касается”: *та-рив* “а он, а что касается его, то он”. Состоит из глаг. оконч. *-ри* и вопросит. частицы *-в.*

-рив (< -ри-в) — афф. неопред. мест. и нареч.: *цу-рив* “кто-то”, *тарив* “когда-то”

-рттара — афф. косв. осн. им. сущ. >: *хъи-рттара-л* (род. п. от *хъи* “рог”).

-ртти — афф. мн. ч. им. сущ.: *цIу-ртти* “звезды” *(цIу-ку* “звезда”).

-рттив (< -ртту) — афф. мн. ч. им. сущ.: *даву-рттив (// < да-ву-ртту)* “работы”.

-ртту (< -рду) — афф. мн. ч. им. сущ.: *хъи-ртту* “рога”.

-ру — афф. отглаг. им. сущ.: *чич-ру* “письмо”, “писанина” (< *чичин* “написать”).

-ру — афф. косвен. осн. им. сущ.: *дусшив-ру-л* (род. п. от *дусшиву* “дружба”).

-ру — афф. мн. ч.: *бакI-ру* “головы”.

-ру — афф. учащат. повторяем. в глаг.: *бу-ру-син* “раскрошить”.

-ру — афф. 1 и 2 л. мн. ч. глаг.: *бувкI-ру* “пришли”.

-рулт — сложн., афф. мн. ч. им. сущ.: *хьхьи-рулт* “голуби”. Возник из сочетания двух афф. мн. ч. *-ру* и *-лт: хьхьи-ру // хьхьи-ру-лт* “голуби”.

С

-с (< -сса) — балхар. соответств. афф. атрибут, им. *-сса: к1я-ла-с* (ср. в др. диал. *кIяла-сса)* “белый”.

-су — афф. элемент в основе *мугьи-су* “сват”; “сваха” *(мугьи* “претендент на руку девушки”).

СС

-сса — афф. им. прилаг.: *хъин-сса* “добрый”. По происхождению увязывается с вопросит. местоим. *ци* “что” (косв. осн. *сса-).*

-сса — афф. собират. им.: *яру-сса* “аварцы” *(яру-чу* “аварец”, *яру маз* “аварский язык”).

-сси — словообраз. афф. им. сущ.: *тIанну-сси* “тесло” (< *тIанну-* косвен. основа от *тIама* “дерево”). Афф., возможно, идет от корня глаг. *ссуссин (сс)* “стереться”.

-сси — афф., выявляем. в ойкониме *Гьарк1а-сси* “Гаркас”; “гаркасцы”. Состоит из осмысляем. в качестве локативн. афф. *-сс* > *с* (ср. *Гьарк1а-с* “в Гаркасе”) и афф. собират. *-и.*

-сси- (< -сса) — вариант афф. атрибут. им. *-сса,* отмечаем. в кумух. д. перед *-и* следующего слога, при этом *-а-* > *-и-: у-сси-йа* < *у-сса-йа* “был”; в диал. *у-сса-йа.*

Т

-т (-(в)т?) — словообраз. афф., выявляем. в названии *ссув-т* “осень” (ср. *к1и-н-т* “зима”, *гъе-н-т* “лето”).

-т — афф. мн. ч. им. сущ. с конечн. *-н, -л: щяйтIан-т* “дьяволы”, *зузал-т* “рабочие”.

-та — афф. образующ. основу кратк. прилаг.: *щин-та-(сса)* “водянистый” *(щин* “вода”).

-тал — афф. мн. ч. им. лиц: *инсан-тал* “люди”. См. *-тул.*

-таллу (< -тал + -лу) — сложн. афф. мн. ч. в унчукатл. гов. (отмечено у писателя И.-Х. Курбан-Алиева): *вакил-тал-лу* “представители”; состоит из сочетания двух афф. мн. ч. *-тал* и *-лу.* Афф. *-лу* дополнительно присоединен к форме мн. ч. *вакил-тал* “представители” *(ва-кил-тал-лу),* в результате чего появляется сложный показатель мн. ч. *-таллу (< -тал + -лу).*

-тан — словообраз. афф. им. сущ.: *лур-тан* “запас” *(лур* “внизу”).

-тари (< -та + -ри) — афф. дееприч. с времен. знач.: *увкI-тари* “тогда, когда приходил”.

-ти — словообраз. афф. им. сущ.: *къуркъу-ти* “пень”, “колода” *(къуркъи* “комок”; *къуркъа-(сса)* “тупой (нож)”.

-три — афф. мн. ч. у сущ. *щира: щир-три* “глисты”.

-тру —сложн. афф. мн. ч.: *пюрун-тру* “стекла”. Морфема состоит из двух афф. мн. ч. *-т* и *-ру,* ср.: *пюрун-т// пюрун-т-ру* “стекла”.

-тул — вариант афф. мн. ч. *-тал;* отмечается в письм. памяти, и в шадн. д.: *арам-тул* “мужчины”.

-туну — вариант афф. *-луну: муних-луну // муних-туну* “за это”. См. *-луну.*

ТТ

тт- — окамен. вар. кл. пок. *д* (> *тт)* в ряде глаг.: ***тт-ихъин** < ***д-ихъин* “сосать”, ср. дарг. *д-ирхъес.*

-тта- (<*-да-) — афф. косв. осн. им. сущ. ед. и мн. ч.: *гьа-тта-л* (род. п. от *гьав* “могила”); *нигь-ир-тта-л* (род. п. от *нигьру* “колеса”).

-тта — афф. адверб. знач.: *ахь-тта* “пешком”; *аьл-тта* “явно”; *дях-тта* “днем”.

-ттакки — словообраз. афф. (?) им. сущ.: *мухIул-ттакки* “очкур” (< *мухIлу* “пояс”),

-ттал (< -тал) — афф. мн. ч. в слове *вир-ттал* “герои” *(вири-чу* “герой”).

-ттара- (<*-дара- < -да- + -ра-) — сложн., состоящ. из двух афф. косв. осн. им. сущ.: *кьур-ттара-л* (род. п. от *кьуру* “рог”; “мозоль”).

-тти- (< *-ди-) — афф. косв. осн. им. сущ.: *хIан-тти-л* (род. п. от *х1ан* “(хмельной) напиток”; **-тти(<*-ди)** — афф. мн. ч. им. сущ. *кюр-тти* “гнезда”.

-тти - — афф. адверб. знач.: *бур-тти (икIан)* “сесть верхом”.

-ттив -(<//-тту < *-ду) — афф. мн. ч. им. суш,: *мухIул-ттив* “пояса”, “ремни” *(мух1лу* “пояс”).

-ттира-(< *-дира <-ди- + -ра-) — сложн. афф. косв. осн.: *ша-ттира-л* (род. п. от *ша* “шаг”).

-ттирду (<*-ттир- + -ду) — сложн., афф. мн. ч.: *хъа-ттирду* “крылья”.

-тту- (< *-ду-) — афф. косвен. осн. им. сущ.: *ажар-тту-л* (род. п. от *ажари* “петух”).

-тту (< *-ду) — афф. мн. ч. им. сущ.: *ч1ир-тту* “стены”.

-тту — адверб. афф.: *ял-тту* “сверху” *(ялу* “наверху”).

-ттура (< *-дура < -ду- + -ра-) — сложн. афф. косв. осн.: *жир-тту-ра-л* (род. п. *от жира* “ляжка”).

Т1

-тIа — словообраз. афф. им. суш, с уменьш-ласк. знач.: *чIиви-т1а* “малышка” *(ч1иви-(сса)* “маленький”).

-тIа — афф. гипокорист. ф. личн. им.: *Х1асу-т1а* (от с. м. и. *Х1асан).*

-тIа — словообраз. афф. им. сущ.: *хъун-тIа* “яма”, *ква-тIа* “перчатка” (< *ква* “рука”).

-тIай — словообраз. афф. им. сущ.: *ккюнну-тIай* “круг” (ср. диал. *ккюрни* “круг”).

-тIай — афф., выявл. в личн. им.: *Х1ажи-т1ай* (вероятно по образованию гипокорист. форма).

-тIала — суффиксоид, образующ. назван. лиц и назван. инструментов: *чIа-т1ала* “проситель” (< *ч1а учин (тIун)* “просить”; *ч1архь-тIала* “насос” (< *чIархь учин (тIун)* “пускать струю”). Морфема образована от корня глагола *тI-ун* “говорить” с помощью афф. им. лиц *-ала.*

-тIали — словообраз. афф. им. сущ.: *щина-тIали* “селезень”. Афф. видимо, глаг. происхождения.

-тIан — словообраз. афф. им. сущ.: *чулух-тIан* “водоотводный канал на мельнице” (< *чулух* “сбоку”).

-тIи —словообраз. афф. им. сущ.: *гюнгу-тIи* “звонок” “ *гюнгу* “дзинь-дзинь”). Афф. возник из корневого согласн. г/ глаг. *тIун* “говорить при посредстве суф. *-и.*

-тIи — афф. гипокорист. ф. личн. им.: *Мама-т1и* (от с. м. и. *Мах1аммад).*

-тIу — вариант уменьш.-ласк. афф. -т1а: *ч1иви-тIу* // *чIиви--тIа* “малышка” (< *чIиви-(сса)* “маленький”). Образует и гипокорист. ф. личн. им.: *Кан-т1у* (от с. м.и. *Камил).*

У

-у — афф., образующ. им. лиц от глаг., прилаг. и (реже) сущ.: *чич-у* “писатель” *(чичин* “писать”); *мурчI-у* “слепой” *(мурчIи-(сса)* “слепой”), *цурк-у* “вор” (< *цурк* “воровство”). Первонач. афф. отглаг. им., затем стал образовывать и от некот. прилагат. и сущ. В генет. отнош. м. б. соотнесен с авар. суф. *-и,* образующим масдар.

-у- — соединит. глас. (и афф. косвен, осн.) им. сущ.: *дикI-у-л* (род. п. от *дикI* “мясо”).

-у — афф. образующ. осн. кратк. прилаг.: *нацI-у-(сса)* “сладкий (< *ницI* “мёд”).

-у — афф., образующ. осн. кратк. прич. прош. вр. у части глаг.: *чивч-у-(сса)* “написанный” *(чичин* “написать”).

-у — афф. учащ., многократн. в подражат. осн.: *хъюлч-у тIун (бан)* “шататься”; “шатать”. Ср. *хъюлч (учин)* “шелохнуться”.

-у — афф., образующ. знаменат. часть сложн. глаг. от сущ. *хъамал* “гости”: *хъамал-у б-ан* “угостить”.

-у — афф. повелит. накл. 2 л. ед. ч. неперех. глаг.: *из-у* “встань!”

-у (< -ул?) — адверб. афф. в слове *интт-у* “весною” *(инт* “весна”).

-(у)й — афф. дееприч. наст, вр.: *цул-(у)й* “кося” *(цулун* “косить”). См. *-и.*

(у)к — афф., образующ. им. лиц с уничижит. знач.: *оьнцI-ук* “сопляк” (< *оьнцIу* “сопли”).

-ун — афф., образующ. им. лиц с уничижит. знач.: *хъюрт-ун* “неряха” (< *хъюрт* “груша”).

-(у)н —афф. инфинит.: *дул-(у)н* “отдать”. См. *-н.*

-(у)н — афф. дееприч. прош. вр.: *увкI-(у)н* “придя”. Алломорф. афф. *-(у)ну.*

-унда- — вицх. соответ. афф. *-унна-.*

-унди- — вицх. соответ. афф. *-унни-.*

-уни —словообраз. афф., выявляемый в ряде им. сущ.: *лах1-уни* “оползень” (? *лахIан* “искривиться”); *лахъ-уни* “упрек”.

-(у)нна — афф., образ. им. сущ.: *някI-(у)нна* “черёмуха” (< *някI(сса)* “синий”).

-унна- (-унда-, ср. вицх**. -унда-)** — афф. косв. осн. им. сущ. мн. ч. и собират. им.: *лагъарт-унна-л* (род. п. от *лагъарт* “рабы”); *халкь-унна-л* (род. п. от *халкь* “народ”).

-(у)нна- (<-(у)нда-, ср. вицх. **-(у)нда-)** — афф. косвен. осн. колич. числит. I кл.: *мукь-(у)нна-л* (род. п. от *мукь-а* (I кл.) “четыре”).

-(у)нни- (< -(у)нди-, ср. вицх. **-(у)нди)** — афф. косвен. осн. колич. числит. II—IV кл.: *мукь-(у)нни-л* (род. п. от *мукь-ра, мукь-ва* “четыре”).

-унни- (< -унди-) — афф. косвен. осн. им. сущ. ,в видх. и др. диал. (соответ. *-дану-): ажал-унни-л* // < *ажал-унди-л* (род. п. от *ажал* “смерть”).

-(у)ну — афф. дееприч. прош. вр.: *увц-уну* “взяв”. См. *-(у)н.*

-ур — словообраз. афф. им. лиц с отрицат. качест.: *лянпI-ур* “обжора”; “дармоед”.

-уш — словообраз. афф. им. лиц: *mIант1-уш* “веснушчатый” *(< m1антIа* “веснушка”),

Х

-х — афф. постэссива: *ч1ира-х* “за стеной”. Вероятно, восходит к **-хъ,* перешедш. в *-х* и совпавш. с афф. транслатива; ср. *гьара-хъ* “на мельнице”; *ма-хъ* “позади”, *хъ-и-(рив)* “после”.

-х — афф. транслатива: *ч1ира-й-х* “через стену” (“через верх стены”).

-х —алломорф. афф. дееприч. формы с врем. знач. *-хту (//-хтту);* характерен для аштикул. д.: *ккаккай-х* “как только увидел” (ср. лит. *ккаккай-хту). См.-хту.*

-хабай — вицх. вариант афф. *-хавай* (III кл.).

-хавай — сложи, классн. адверб. афф. с врем, знач.: *сарану-хавай* (I, III кл.) “а на послезавтра” (< *сарану* “послезавтра”). Морфема состоит из афф. исход. п. *-х-а* и афф. классн. аллат. *-вай.* См. *-харай.*

-хана — словообраз. афф. назв. места, выделяемый в некоторых заимствовав. сущ.: *тав-хана* “гостиная”. Афф. по происхож. перс. и проник из перс., азерб. яз. вместе с образован. им лексемами.

-харай — классн. адверб. афф. (II, IV кл.). См. *-хавай.*

-хи (< -х-и) — афф., выявляем. в ойконимии: *Т1ювани-хи* “Туваних”. Состоит из афф. постэссива *-х* и афф. соби-рат. *-и.*

-хлу — См. *-лу.*

-хлуну — См. *-луну.*

-хра(в) — аштикул. соответ. вопрос. част. *-ххура(в).*

-хтуну —см. *-туну.*

-хту (-хтту) — афф. дееприч. с времен. знач.: *уч1ай-хту (уч1ай-хтту)* “как только пришёл”. Афф. состоит из *-х* (афф. постэссива) и адверб. афф. *-ттту (-ту)* См. *-х.*

-хунай (< *-хун-вай) — адверб. классн. афф. I кл. с времен. знач.: *ссутти-хунай* (1 кл.) “к осени”, “к холодам”. См. *хунмай.*

-хунмай (< **-хунбай**, ср. вицх. **-хунбай**) — адверб. классн. афф. (III кл.) с времен. знач.: *ссутти-хунмай “к* осени”. Афф. по происхожд. является формой классн. аллат. постэссива: *-х-ун-бай.*

-хуннай (< **-хундай**, ср. вицх. **-хундай**) — форма II, IV кл. афф.*-хун-бай.*

ХХ

-ххa — словообраз. афф. им. сущ.: *ква-ххa* “рукав” (< *ква* “рука”).

-ххва — усилит. част. “ведь”; *лавгунни-ххa* “ведь уехал”. Ср. авар. *-ха.*

-ххан — суффиксоид, образующ. сложн. глаг.: *к1яла~ххан* “белеть” (< *к1яла-(сса)* “белый”). Афф. увязывается с глаг. *-ххан* “казаться”; “показаться”.

-ххи — словообраз. афф. им. сущ.: *щютI-у-ххи* “свисток” (< *щютI* “свист”).

-ххура(в) — вопросит. частица: *уч1ан-ххурав* “придет ли”. Восходит к глаг. *ххан* “казаться”. В морфеме выделяются: *ххy-, -ра* — афф. лица, *-в* — вопросит. частица.

- ХЪ

-хъ — “мертвый” локатив. афф., выделяемый в некоторых названиях: *Ч1ат1лу-хъ* “в Катрухе”, *ма-хъ* “позади”.

-хъай — афф., образующ. (в речи с. Чукна, вицх. д.) именования женщин прозвищного типа от личн. им. мужа: *Аьли-хъай* “Алихай” “(жена) Али”. В типологич. плане соответствует русск. *-иха* (Степан-иха, Иван-иха), груз. (диал.) *-пхэ (-хэ).*

-хъайсса — афф. собират. числит.: *кьуния-хъайсса* “двадцать с лишним”. Афф. состоит из формы суперэссива афф. *хъул: -хъай* + афф. атрибут. им. *-сса.*

-хъен — афф. элем. в слове *иттар-хъен* “веко” *(иттав* “в глазу”) .
-хъи — сложн. афф. собират. им.: *аьндар-хъи* “андаляльцы” (< авар. *гIандал-ал* (*id*), *щар-хъи* “сельчане” (< *щар* “село”). Афф. восходит в сочетан. формативов локат. *-хъ* и собират. *-и.* Возник в результате переразложения и обособления сочетания двух афф.: *хъ-+-и* > *-хъи,* ср. в ойкониме *Ч1ат1лу-хъ-и* “Кат-рух”; “катрухцы”.
-хълу — вариант афф. мн. ч. *-хъул (> -хълу): ппу-хълу* (< **ппу-хъул)* “отцы”.
-хъру — фонет. вариант афф. *-хълу (// > -хъру): ппу-хълу* > > // *ппу-хъру* “отцы”.
-хъу — афф. мн. ч. им. сущ. *щар* “село” — *щар-хъу* “сёла”. Афф. восходит к *-хъи* и возник с заменой конечн. *-и* глас. *-у* для передачи нового оттенка: *щар-хъи* “селяне”, но *щар-хъ-у* “сёла”. См. *-хъи.*
-хъул — афф. мн. ч. (“репрезентативн.” мн. ч.) им. лиц: *Му-са-хъул* “Мусаевы”. Используется и как обычн. афф. мн. ч.: *колхозница-хъул* “колхозницы”. Ср. аналогичн. афф. в дарг. *-хъали,* в чеч. *-гъар.*

ХЬ

-хь (< -хьхь < *-лъ) — афф. адессива III: *нитти-хь* “у матери”. Афф. имеет соответ. в других дагест. яз. (ср. авар. *-лъ)* и возводится к эпохе общедагест. Языков. единства.
-хьу — словообраз. афф. в слове *сси-хьу* “кукла” *(ссу* “сестра”), в диал. *-ку (сси-ку).*

Ц

-цану (<-зану?) — афф. элемент. в слове *хьхьу-цану* “берлога” *(хьхьу* “ночь”). Возможно, вариант суф. места *-зану.*
-цири (//-цирив) — афф., образующ. от основ с атрибу., значением, собират. имена: *лавг-цири* “все ушедшие”, *къатлув-цири* “все находящиеся в доме”. Состоит из вопросит, мест, *ци* “что?” и глаг. афф. 3 л. *-ри.* Ср. и *бу-цири* “все” (< *бу-* “сущий”, “находящийся” + *цири).*
-цу — афф. со значением “разовости” в ряде им. сущ.: *к1ил-цу* “двухразовое взятие шашек” (в шашечной игре) *(к1и-л-* “дважды”).

Ц1

-цI —афф. адессива II: *бакIра-ц1* “у изголовья”. Ср. и в ойкониме: *К1улуша-цI* “в с. Кулушац”.

-цIа — адверб. афф. с времен. знач. “от”, “до”: *ччянийа-цIа* “с давних пор”; *танин-цIа* “до каких пор?” Афф.— формант исходн. п. адессива II: *-цI- + -а (> -цIа).* Возник в результате переразложения и обособления с последующим переосмыслением и изменен. в значении.

-цIакул — сложн. адверб. афф. В одном случае — алломорф. *-ц1а: таниц1а // танин-ц1акул* “до каких пор”. В другом случае — самостоят. афф.; *хIурх1а-ц1акул* “медленно”, “тихонько”. Состоит из *-цIа* и адверб. афф. *-кул.*

-цIал — афф., образующ. названия десятков от 40 до 90: *мукь-ц/ал-(а)* “сорок”. Увязывается со словом *ацI* “десять”.

-цIа-(сса) — афф. прилаг. *к1юла-цIа-(сса)* “худощавый” *(<кIю-ла-(сса)* “тонкий”).

-цIани — афф. элем, в слове *итта-ц1ани* “бровь” *(иттав* “в глазу”).

-цIи (ц1- + -и) — афф., выявляем. в ойконимии: *К1улуша-ц/и* “Кулушац”; “кулушаццы”. Состоит из афф. локат. *-цI* и афф. собират. *-и.*

-цIун —сложн. адверб. афф. с врем. знач.: *к1юрххи-ц1ун* “рано утром”. Морфема по происхожд. — афф. напр. п. адессива II: *-цI-ун;* возникла в результате обособления и переразложения,

-цIунай (-ц1ункай < -цIунбай, -цIуннай < -цIундай) — классн. алломорф. афф. *-цIун: к1юрххиц1ун // к1юрххи-цIун-май* (III кл.) “рано утром”. Морфема состоит из афф. *цIун* и афф. классн. аллат. *-ай (-най, -май).*

-цIух —сложн. адверб. афф.: *хIалли-цIух* “медленно”. Морфема по происхожд. — формант транслатива адессива II: *цI-(у)х > -цIух.*

Ч

-ча (< -ка) — словообраз. афф. им. сущ.: *кьун-ча* “годовалый телёнок”; *кьан-ча* “прическа”.

-ча — афф. повелит. форм. 3 л. ед. и мн. ч. и 1 л. мн. ч.: *насу-ча* “пусть идет”; *наси-ча* “пусть идут”; *гьанну-ча* “пойдемте”.

-ча — афф., показыв. законченность действия и с оттенком предупреждения: *чичав-ча, ласи* “написал (уже), возьми”; *дур-ча* “ведь есть”.

-ча (< -ка) — афф. условн. форм, глаг.: *ласур-ча* “если возьмет”. Афф. имеет алломорф. *-чан (//-ча): ласур-ча // ла-сур-чан.*

-чагу (< -чан-гу) — огранич. частица “хотя и”; *ласур-чагу* “хотя и возьмет”. Имеет алломорф. *-чангу (ласур-чангу).*

-чай — словообраз. афф. им. сущ.: *ккуру-чай* “круглый камень” *(ккуру (гьан)* “покатиться”).

-чан (<*-кан) — алломор. афф. условн. формы глаг. *-ча: учIар-чан// учIар-ча* “если придет”. Исходн. является *-кан,* что подтвержд. и письмен, памятники. Связана с глаг. *(у)чин < (у)кин.*

-чангу — алломорф. огранич. частицы *-чагу: ласур-чагу // ласур-чангу* “если и возьмет”. Состоит из афф. условн. формы *-ча (-чан)* и соединит. союза *-гу* “и”.

-чани — афф., образующ. им. места; выявляется в ряде им. сущ.: *оьтта-чани* “место нечистот”; *мурзу-чани* “небольшое пологое место на склонах гор”.

-чи — афф., образующ. назв. предметов: *пу-чи* “плевательница” (< *пув* “плевок”). Афф. возник от глаг. *(у)чин* при посредстве суф. *-и.*

-чи — словообраз. афф. им. лиц: *бакI-чи* “главарь”. Афф. проник из тюрк. яз. и стал одним из продуктивн. словообр. суф. лак. яз.

-чи (< -ки) — афф. элемент в ойкониме *Гъуму-чи (< Гъуму-ки,* ср. *Гъуму-к* “в Кумухе”). Состоит из используемого в значен. локатива афф. *-к* и афф. собират. *-и.*

-чийа (< -ч-ийа) — афф., образующ. ряд им. сущ.: *ххув-чийа* “жидкая пища” *(ххув учин* “глотнуть”). Афф. образован от глаг. *(у) чин* “сказать” и афф. отглаг. имен *-ийа.*

-чил — фонет. вариант афф. *-чIил (-ч1ин, -чин).*

-чин — фонет. вариант афф. *-чIин (-ч1ил, -чин).*

-чин — афф. порядк., количеств. наречий: *цал-чин* “во-первых”. Восходит к глаг. *(у)чин* “сказать”.

-чинма (< -чин + -ма) — афф. порядк. числит. I кл.: *ххюл-чин-ма* “пятый”. Морфема состоит из афф. *-чин* и атрибут. окон. *-ма.*

-чинмий (< -чин + -мий) — афф. порядк, числит. < мн. ч.: *ххюл-чинмий* “пятые”. См. *-чин-ма.*

-чинмур (< -чин + -мур) — афф. порядк. числит. II—IV кл.: *ххюл-чинмур* “пятый”. См. *-чинма.*

-чу — суффиксоид, образующ. им. лиц муж. пола: *лакку-чу* “лакец”. Восходит к слову *чу (чув)* “мужчина”.

ЧЧ

-ччи (< -кки) — словообраз. афф. им. сущ. с опредмеч. знач.: Выявляется в некоторых им. сущ.: *лух-ччи* < *лух- -кки* (эта форма отмеч. в письм. памятн.) “земля”; *вих-ччи* “прямая кишка” (< *вих* “изнутри”); *пур-хху-ччи* (диалект., литер. *пурпу-ххи)* “мочевой пузырь”.

Ч1

-чIа (< -кIа) — словообраз. афф., выделяемый в некоторых названн, живых неразумн. существ: *цул-чIа* < *цул-кIа* (ср. *цул-кI-(лу-л)* — род. п.) “лисица”, ср. авар. *цер.*

-чIа (< -кIа?) — словообраз. афф. им. сущ.: *ккур-чIа* “годекан” (ср. авар. *год-(екIан),* дарг. *гум-(ай),* лезг., табас. *кким* “годекан”). Лак. *ккур-* < **гур-* < **гуд-*.

-чIа (< -кIа) — афф. адессива I “около”: *чIира-чIа* “у стены”. Предположит. м. б. соотнесен. с дарг. локат. афф. *-гI(и) < -г(и).*

-ч1ав (< *-кIав) — афф., образующ. из вопросит, отрицат. местоим.: *цу-чIав* “никто” *(цу* “кто?”. Имеет алломорфы: *-к1ив, -кIуй.* Исходн. является *-кIав* — форма наличествует в письмен. памяти.: *хьхьил-кIав* (вместо соврем. *щил-чIав)* “ничей; чужой”.

-чIали — словообраз. элем. в им. сущ.: *хьхьини-ч1али* “волдырь”.

-чIани —словообраз. элем, в им. сущ.: *ххара-чIани* “пила”.

-чIар — афф. отрицат. местоим., появляющийся в результате осмысления в афф. *-чIав* конечн. *-в* как классн. по-казат. (III кл.) и наращения *-р* в качестве классн. показ. IV кл.: *ци-ч1ав // > ци-чIар* (IV кл.) “ничто”.

-чIи —словообраз. афф. им. сущ.: *сситтy-чIи* “жёлчный пузырь” (< *сситтy-* — косвен. основа от *сси-* “жёлчь”).

-чIил — адверб. афф. с времен. знач.: *ялун-ч1ил* “в будущем году”. Является вариант. афф. *-чIин* (с пространств, и времен, знач.). Иногда выступает в качестве алломорфа *-чIин: хъув-х-чIил // < хъув-х-чIин* “через поле”.

-чIин - афф., образующ. ряд им. места.: *лув-чIин* “нижний этаж”; “кладовая”; “погреб”; *ялув-ч1ин* “верхний этаж”. Словообраз. афф. возник из формообраз. афф. *-чIин* в результате переосмысления значения.

-чIин — афф., дополняющ. значение транслатива *(-х)* и присоединяющ к этим формам: *хъув-х-чIин* “через поле”; *щяраву-х-чIин* “через село”. После *-х* может выступать в виде *-чин* и *-чил: хъув-х-чин // хъув-х-чил // < хъув-х-чIин // > хъув-х-чIил* “через поле”. В отместоим. нареч. присоедин. к исходи, п.: *ти-х-а* “оттуда”, но *ти-ха-чIин* “через то место”.

-чIу — афф. адверб. знач.: *ца-чIу* “вместе”; “рядом” *(ца* “один”).

Ш

-ш — афф., образующ. от косв. п. выделит.-огранич. форм личн. и возвратн. мест. знаменат. часть сложн. глаг. со значен. обладания, присвоения: *ина* “ты”, *ина-в-алу* “ты сам один-одинешенек”, *вил-алу* “только твой”, “только тебя одного”; *вилалу-ш бан* “сделать лишь (только) своим (твоим)”, “сделать лишь своим достоянием”. Вероятно, элемент *-ш* увязывается с *хь-ун* “стать” *(хь->-ш-);* ср. *-шав (< хь-ав).*

-ша (< -хьа) — словообраз. афф., выявляем. в слове *цу-ша (< цу-хьа,* ср. *цухь-лу-л* — род. п.) “медведь”. Ср. авар. *ци* “медведь”.

-шабу — вицх., аштикул., балх. соответ. афф. *-шаву.*

-шав — афф. глаг. форм со значен. пожелания, допущения: *увкIссара-шав* “(ну и) пусть пришел”. Увязывается с глаг. *хь-ун* “стать” *(хь- > ш + -ав).*

-шаву (< **-шабу**, ср. вицх. **-шабу**) — афф. абстрактн., им. сущ. со значен. “становления”: *хъин-шаву* “выздоровление” (букв. “улучшение”, “подобрение”). По происхожд. масдарн. форма от глаг.

хьун “стать”: *хь-абу* > *ш-а-бу* > *-шабу* > *-шаву.* Форма *-хьабу* отмечается в письменных памятниках.

-шала — суффиксоид, образующ. им. лиц: *къашай-шала* “больной”. Восходит к глаголу *хь-ун* “стать”, от корня которого образован при посредстве суфф. *-ала.*

-шали — словообраз. элемент в слове *михьли-шали* “хна” *(михь* “ноготь”). Увязывается с глаг. *дишин* “положить”.

-шан — словообраз. афф. им. сущ.: *кьуму-шан* “углубление для жёлоба мельницы” *(кьуму* “жёлоб”).

-ши — словообраз. афф. им. сущ.: *кIартта-ши* “глин. кувшин с широким горлом” (< *к1ара* “большой глиняный сосуд”).

-ши — афф., выявляем. в ряде ойконимов: *Кара-ши, Ини-ши.*

-шибу — вицх., аштикулинск., балх. соответст. афф. *-шиву.*

-шиву (< **-шибу**, ср. вицх. **-шибу < -хьибу**) — афф. абстрактн. им. сущ. со значен, “состояния”: *хъин-шиву* “доброта”. Афф. восходит к глаг. *хьун* “стать” и образован при посредстве суф. *-иву (< аву < абу?).* Ср. авар. *-лъи,* дарг. *-деш* < *-дехь.*

-шиврул (< -шив-ру-л) — афф. с союзн. Значен. цели (афф.-союз), присоединяется к инфинитиву: *лахьхьин-шив-рул* “для того, чтобы изучить”. Сложн. морфема, состоящ. из афф. абстрактн. им. *-шиву,* афф. косвен, осн. *-ру-* и формативa род. п. *-л.*

-шиврухлу (< -шив-ру-х-лу) — сложн. афф. со значен. цели: *учIан-шиврухлу* ч“за то, чтобы он пришёл”. Афф. образован от формативa постэссива *-шив-ру-х* + афф. с адверб. значен. *-лу.*

-шиврухлуну (уст.) — алломорф. афф. *-шиврул* и *-шиврухлу.* Отмечается в письмен. памятниках. В соврем. яз. вместо него почти всегда используется *-шиврул.* Ср. *ябан-шиврул* // (уст.) *ябан-шиврухлуну* “для защиты”. Сложн. морфема, возникшая из *-шив-ру-х* + сложн. адверб. афф. *-луну (< -лу + -ну).*

-шийа — афф. отвлечен. им. сущ.: *щюлли-шийа* “зелень” (< *щюлли-(сса)* “зеленый”). Афф. образован. от корня глаг. *хьун* “стать” *хь-* при посредстве суф. отглаг. им. *-ийа: *хь-ийа* > *ш-ийа* > *-шийа.*

-шин (< -хьин) — афф. отвлечён. им. сущ.: *х1адур-шин* “подготовка” (< *хIадур-(сса)* “готовый”); ср. *хIадур-шиву* “готовность”. Афф.

образован из корня глагола *хьун* “стать” *хь-* при посредстве афф. отглаг. им. *-ин: хь-ин > -хьин > -шин.* Афф. *-хьин* (*> -шин)* отмечается и в письмен. памятниках.

-шинна (< -шин + на < -да) — факультатив. форма афф. *-шин: х1адур-шин // хIадур-шинна* “подготовка”.

Щ

-щал (< -хьхьал < -хьхьа-л) — афф. союзн. (совместн.) п.: *оьр-чIа-щал* “(вместе) с мальчиком”. Афф. возник от формат. исходи, п. локат. серии на *-хь-хь-а > хьхь-а > -ща* + афф. род. п. *-л.* Ср. такое же образ, совместн. п. в табас. и дарг. яз. Форма *-хьхьал* (*> -щал)* отмечается в письмен. памятниках.

-щар — суффиксоид, образующ. им. лиц жен. пола: *чIахху-щар* “соседка”. Возник из слова *щар* “женщина”, “жена”.

-щи (< -хьхь-и) — афф., выявляем, в ойконимах: *Хъусра-щи* < *Хъусра-хьхьи* (ср. *Хъусра-хь* “в Хосрехе”). Используется в качестве афф. собйрат. имён (и названий сельск. кварталов): *ух-щи* “жители нижнего аула” (“нижние”). Возник из сочетания афф. адессива III *-хьхь > щ* и собйрат. *-и: -хьхь-и > -щи* в результате обособления и переразложения: *Хъусра-хь* “в Хосрехе”, *Хъусра-хьхь-и > Хъусра-щи* 1. “хосрехцы”, 2. с. Хосрех.